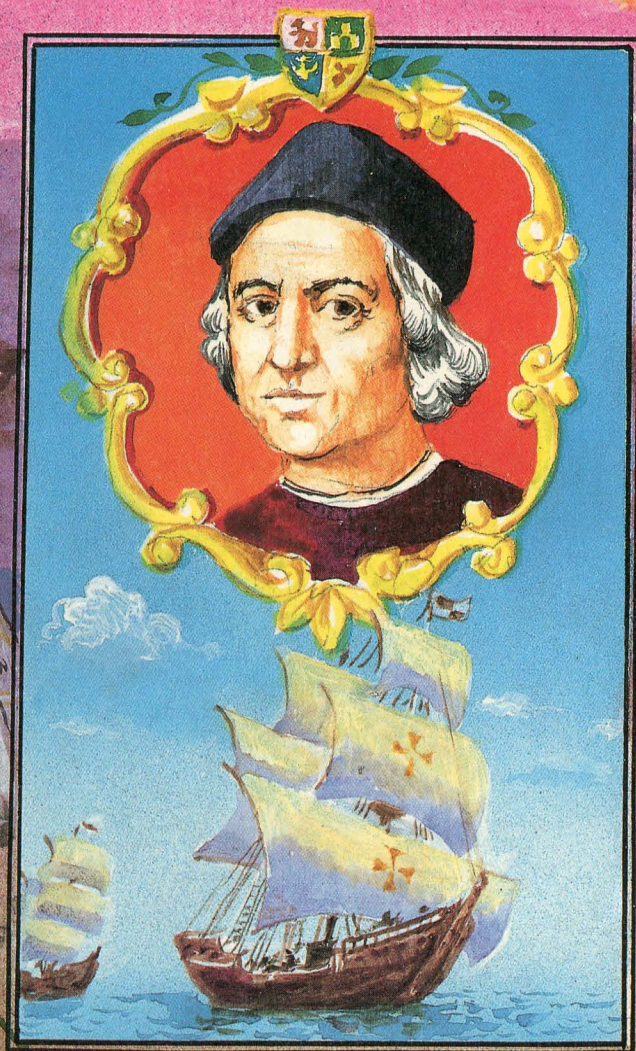

Луи Буссенар

Луи Буссенар

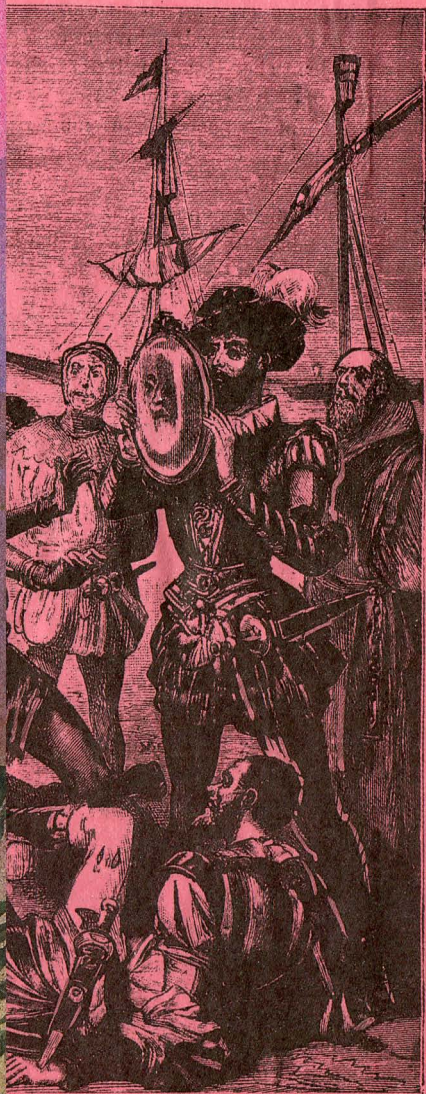
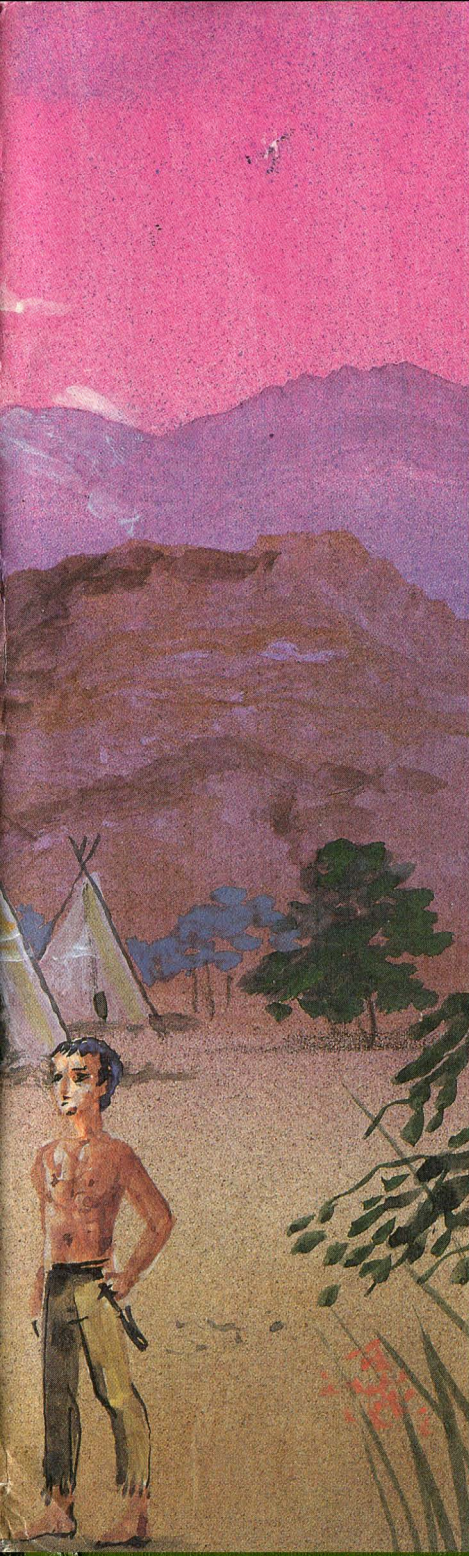

Луи Буссенар

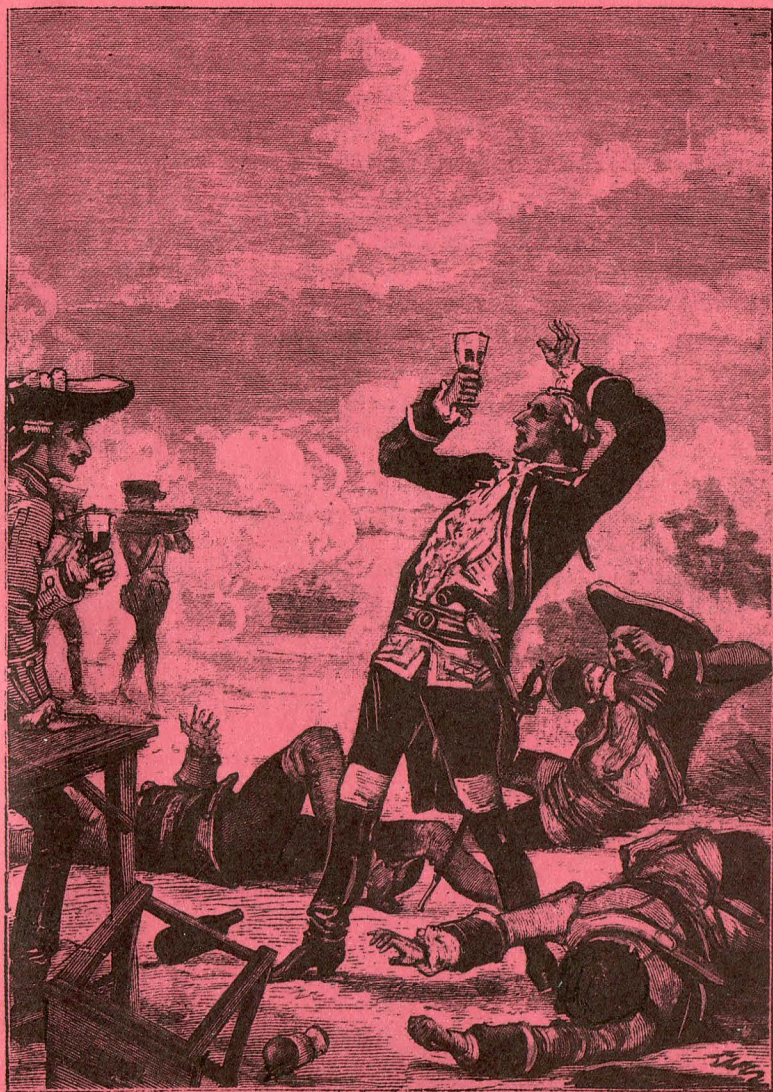

Луи Буссенар

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES
LOUIS
BOUSSENARD

Aventures,
Perils & Deconvertes
des voyageurs
A Travers le Monde
Amerique

MOSCOU

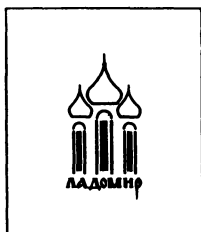
Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Приключения знаменитых первопроходцев

Америка

Перевод с французского

МОСКВА

Перевод
С. Ф. Хазановой

Примечания
А. Г. Москвина

Художник
А. С. Махов

© С. Ф. Хазанова.
Перевод, 1998.

© А. Г. Москвин.
Примечания, 1998.

© НИЦ «Ладомир». Оформление,
состав, литературная правка
текстов, 1998.

ISBN 5-86218-334-5 (т.26 кн.3)
ISBN 5-86218-022-8

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания
любым способом без договора с издательством запрещается.*

Америка

ГЛАВА 1

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

У историков нет единого мнения ни о годе, ни о месте рождения Христофоро Колумбо¹. Одни утверждают, что он родился в окрестностях Генуи в 1436 году, другие настаивают, что действительно около Генуи, но в 1446 году, и, наконец, третьи, что в самой Генуе в 1456 году². Впрочем, для нас не столь важно, где появился на свет этот великий человек. Такие люди — граждане Мира!

Отец знаменитого путешественника, Доменико Колумбо, как и все его предки, был простым чесальщиком шерсти и кроме Христофоро, старшего ребенка в семье, имел еще двух сыновей, Бартоломео и Джакомо, и двух дочерей³.

С ранних лет ребенок проявил живой интерес к морскому делу, который семья, несмотря на свои скромные средства, всячески поддерживала. Мальчик оказался очень способным, и его послали в Павию изучать в местном университете геометрию, географию, астрономию и навигацию⁴. Но Доменико Колумбо не имел доста-

На русском языке публикуется впервые

¹ Христофоро Колумбо — исходное итальянское имя и фамилия великого мореплавателя.

² Споры о дате рождения Христофора Колумба еще не закончились, но наиболее обоснованной, чаще всего признаваемой за истинную считается 1451 год.

³ У Доменико и Сусанны Колумбо было пятеро детей: вслед за старшим, Христофоро, с интервалом в один год родились Джованни (ум. в 1470 г.), Бартоломео, а в 1466 году — Джакомо; кроме того, была еще дочка, имени которой архивы не сохранили.

⁴ По более точным данным, Христофоро посещал только школу своего квартала, где монахи обучали детей письму, счету и началам

точно средств, чтобы оплачивать учебу сына, и совсем юный Кристофоро должен был вернуться в родительский дом и с утра до вечера работать в отцовской мастерской. Впрочем, он недолго занимался этим ремеслом и в четырнадцать лет отправился в свое первое плавание¹.

Позже, когда Колумб стал знаменит, льстецам показалось неприличным простое происхождение их кумира, и они составили для него генеалогическое древо с корнями, уходившими в знатную плезанскую² семью. Кристофоро, единственным пороком которого была гордыня, не протестовал против вздорных вымыслов изобретательных поклонников. Ему нравилось произносить на латинский манер собственное имя по моде той эпохи, и Колумбо становится Колумбусом. В Испании его назовут Кристобалем Колоном.

Известно, что он, страстно любя географию, всю раннюю юность провел в плаваниях, осваивая с неизменным пылом все трудности профессии, и стал одним из лучших моряков своего времени.

В Португалию тогда стекались все, кого привлекали опасности больших плаваний, и в 1476 году Христофор Колумб, которому, по утверждению заслуживающего абсолютного доверия Вивьена де Сэн-Мартена, было около тридцати лет, обосновался в Лиссабоне³, что позволяет считать 1446 год истинной датой рождения знаменитого мореплавателя. Отсюда он отправился, неизвестно в каком качестве и с какой целью, в экспедицию по северным морям. Однако море не было его единственной страстью, и в перерывах между плаваниями будущий знаменитый путешественник изучал космографию. Постоянная бедность не позволяла ему полностью отдавать все свободное время любимой науке и вынуждала рисовать для моряков карты и глобусы, что тогда, кстати, требовало незауряд-

географии; на десятом году жизни мальчик начинает помогать отцу: он чешет шерсть и тклет сукна.

¹ В юности Колумб не раз нанимался на торговые суда, плававшие по Средиземному морю, но это были краткосрочные рейсы, перемежавшиеся с работой в отцовской мастерской.

² П л е з а н с к и й — от Плезанс, как французы называют итальянский город Пьяченца.

³ Тем не менее Х. Колумб навсегда покидает родительский дом в 1474 году; в том же самом году он поселяется в Лиссабоне.

ных знаний и морского опыта. Таким образом Кристофоро зарабатывал немного денег, чтобы поддержать семью — к тому времени он был уже женат на дочери локмана Перестрелло¹ и имел сына.

Мрачное, почти без надежд существование не могло убить грандиозные мечты бедного моряка. Склоняясь над картами, он мысленно бороздил моря и рисовал в своем воображении неизвестные земли, населенные необычными людьми и страшными животными.

Мысль о дерзком путешествии, обессмертившем его имя, пришла к Колумбу скорее всего, когда он рисовал морские планисферы и запоем читал произведения философов (как тогда называли исследователей и ученых). К космографическим исканиям, из которых возник первый росток этой идеи, примешивались иногда мистические образы, порождаемые страстной набожностью. Но в конечном счете побудительным мотивом к решению, по его собственному выражению, «искать Восток через Запад», то есть открыть западную часть Азии, стал логический вывод о ее существовании, вытекающий из доктрины шарообразной формы Земли, к которому он пришел, изучая труд епископа д'Альи «Картина мира»², лишь повторившего теорию Аристотеля об антиподах обитаемой земли³.

Итак, все помыслы и действия Кристофоро уже давно направлены к единственной цели: путь к Восточным Индиям через Запад. Огромное влияние на его мышление оказывал проживавший тогда во Флоренции очень почитаемый всеми математик Тосканелли, к которому мореход обратился в 1480 году с письменной просьбой высказаться по этому поводу. Ученый не замедлил ответить, прислав к тому же нарисованную собственной рукой карту полусферы, лежащей напротив нашего Старого Света

¹ Жена Кристофоро донья Фелипа Муньи была родом из семьи генуэзских дворян Палластрелли, которые в Португалии стали называться Перестрелло. Ее дед Бартоломеу был с 1446 года губернатором небольшого клочка земли Порту-Санту (Азорские острова) возле Мадейры; губернаторская должность перешла по наследству к его сыну, отцу Фелипы, которого тоже звали Бартоломеу.

² Книга «Картина мира» («Imago Mundi») была написана в 1410 году.

³ Вивьен де Сен-Мартен. «История географии».

между Африкой и Азией¹. «В настоящем письме, — сообщает он, — предоставляю Вам сведения о пространстве между Западом и началом Индий. Я отметил расположенные по пути острова и местности, где можно пристать, если из-за встречных ветров или какой-либо другой случайности придется искать убежище. Не удивляйтесь слову “Запад” применительно к стране бакалейных лавок, называемой среди нас Левантом; те, кто продолжают плыть на запад, найдут там те же самые места, которые идущие по суше на восток, находят на востоке».

По этой карте и собственным расчетам, основанным на очень недостоверных данных о долготе и широте, Колумб определил, что расстояние между Канарскими островами и Восточной Азией по широте только 90°, и приравнял их по параллели Канарских островов к 1100 испанских лиг², то есть к пяти неделям непрерывного плавания.

Счастливая ошибка! Если бы он знал, что эти девяносто градусов обернутся двумястами, а расстояние будет не 1100 испанских лиг, а более 3000, то по меньшей мере сомнительно, чтобы ему хватило смелости даже подумать о подобной экспедиции.

В 1484 году эта дерзкая мечта окончательно завладела Кристофором, но для ее осуществления требовались средства. Сначала он обратился к правительству своей страны, и прослыл фантазером, потом к королю Португалии Жуану II, и нашел только недоверие и невыполненные обещания; написал королю Англии Генриху VII, королю Франции Карлу VIII и поручил брату отправить письма. Во Франции, как и в Англии, предложения даже не были рассмотрены.

Отчаявшись, почти без гроша в кармане, Колумб, чтобы избежать долговой тюрьмы, покидает Португалию, перебирается в Испанию, а оттуда отправляется во Францию вместе с юным сыном. Случай приводит его в не-

¹ Письмо Тосканелли состояло из краткой сопроводительки и копии послания к канонику португальского короля Фернанду Мартиншу, отправленного 25 июня 1474 года и содержащего приводимые далее сведения; канонику же первоначально была адресована и только что упомянутая карта.

² Лига — испанская морская лига составляет около 5,6 км (сухопутная лига всего лишь на 8 м длиннее морской).

большой приморский городок Палос в Андалузии. В полулиге от Палоса находится францисканский монастырь Санта-Мария-де-ла-Рабида. Бедняга останавливается здесь и просит немного хлеба и воды для ребенка. В это время мимо проходит местный настоятель дон Хуан Перес де Марчена, пораженный благородными манерами просящего милостыню, завязывает с ним разговор и приглашает войти. Незнакомец рассказывает о своих горестях, нужде, проектах. Монах, имевший хорошее образование, оказывается к тому же страстным географом, интересующимся вопросами навигации, и, покоренный энтузиазмом этого мечтателя, становится страстным приверженцем его идеи!¹

Так Христофор Колумб приобрел своего первого покровителя, который дал ему мула, проводника, подходящую одежду, деньги и рекомендательное письмо к духовнику королевы Изабеллы и отправил в Мадрид², куда скиталец прибыл полный надежд, с ощущением достигнутой цели, но не сомневаясь, что самые жестокие разочарования еще впереди. Ему довелось испытать грубость слуг, заносчивость придворных, насмешки со всех сторон и преодолеть барьер общего безразличия только для того, чтобы получить аудиенцию у королевской чаты. Наконец могущественное вмешательство архиепископа Толедо Педро Гонсалеса де Мендоса помогло будущему путешественнику предстать перед Фердинандом и Изабеллой.

Их поразили простые, исполненные достоинства манеры и одновременно искренняя и убедительная интонация этого иностранца, предложившего, если они соизволят доверить ему один-единственный корабль, открыть для Испании путь к Индиям, который в течение трех четвертей века тщетно искала Португалия.

¹ Упомянутая автором встреча произошла в ноябре 1491 года. Между тем Колумб пребывал в Испании с 1485 года, у него были высокие покровители даже при монаршем дворе, например, королевский казначей Алонсо де Кинтанилья; королевский совет не раз занимался планом предложенной Колумбом экспедиции.

² Еще одна неточность: королевская чета в это время находилась в Гренаде, в военном лагере Санта-Фе, готовясь к решающему штурму последнего оплота мусульман в Испании.

Фердинанд, покоренный сдерживаемым, хотя и неизменно прорывающимся энтузиазмом, одной из наиболее неотразимых черт характера Колумба, допускал практическую возможность предприятия, но монарху требовался совет. К кому обратиться? Ну конечно, к ареопагу, в который входили высшие церковные должностные лица, отстаивающие догматы веры, и ученые (математики, профессора, астрономы), принадлежащие по большей части к религиозным орденам и несведущие в науках, они-то и должны были проверить, не запятнаны ли ересью предложения Христофора, представшего перед ними в Саламанке, в монастыре Сан-Стефано, чтобы изложить, объяснить и защитить свои проекты.

Возможно, именно тогда, по словам Вивьена де Сен-Мартена, начались для него более тяжелые испытания, чем те, которые он уже преодолел. Все, что за двенадцать веков умственного и научного вырождения, схоластического и религиозного крючкотворства, узкого толкования текстов Писания накопили невежество, предрассудки, нетерпимый догматизм и ребяческое неприятие физических истин, уже подтвержденных предшествующей наукой, Колумб должен был выслушать и выдержать.

Ему надо было снова и снова приводить уже неоднократно представленные доказательства, плохо воспринимаемые закостенелым мышлением, сформированным монашеским воспитанием. О! как можно выразить словами страдания этого грандиозного ума в подобной борьбе!

Только двое или трое из всего ареопага увлеклись проектом и высказались в его защиту. И такими твердыми были доводы и железная логика моряка, что инертное и нетерпимое большинство, возможно чувствуя некое рациональное зерно, не осмелилось обойтись с ним, как с простым мечтателем, а прибегло к последнему средству властей, которым нечего было возразить: проходили месяцы тщетного ожидания, но ассамблея не сообщала о своем решении.

Впрочем, сложные обстоятельства, казалось, способствовали бесконечным отсрочкам. Мавры еще держались в Гренаде, и король Фердинанд, поддерживаемый удивительной энергией его супруги Изабеллы Кастильской, собирал силы для последнего удара. Колумб находился в лагере Санта-Фе с королевскими полками, нетерпеливо

ожидая окончания войны, надеясь на успех, который сделал бы монархов более доступными и расположенными выслушать его.

Наконец настало 2 января 1492 года; цвета Арагона и Кастильи развеваются над Альгамброй¹. Мавры побеждены навсегда. Колумб резонно считает, что наступил благоприятный момент, и просит аудиенции.

Но саламанкская хунта не дремала. Ее председателем был тот самый Фернандо де Талавера, который позже стал архиепископом Гренады и которому дон Хуан Перес, настоятель францисканского монастыря в Палосе, так горячо рекомендовал Колумба. Подозрительный, темный и завистливый, он был враждебно настроен против мореплавателя, не оценил его гениального замысла, посчитал простым интриганом и с радостью поспешил сообщить о решении хунты, сделавшей следующее заключение: «...Проект, подвергнутый нашему рассмотрению, бесполезный и невозможный, и не стоит великим государям ввязываться в подобное предприятие на таких слабых основаниях, как представленные инициатором идеи».

Это несправедливое и абсурдное суждение стало для Колумба крушением последних надежд. С разбитым сердцем он покидает лагерь и готовится распрощаться с Испанией. После его отъезда друзья обращаются за помощью к королеве, которая лучше, чем король, поняла значение этого человека и ценность проекта. Она колеблется и вот-вот уступит. На что решиться? С одной стороны, ее духовник Фернандо де Талавера протестует против такого жеста. С другой, наперсница, маркиза Мойя, поклонница Христофора, просит за своего кумира. Наконец решившись, Изабелла удовлетворяет ходатайство Колумба. Потом, с широтой, свойственной женщине, которая ничего не умеет делать наполовину, захваченная опьяняющей и уже ясной перспективой, добавляет: «Я беру на себя предприятие во славу моей собственной кастильской короны; я дам деньги, необходимые для экспедиции, даже если для этого придется заложить мои бриллианты».

¹ Альгамбра — крепость-дворец мавританских властителей в Испании, возле города Гранада; считается одним из лучших образцов мавританской архитектуры.

Тотчас к Колумбу, находящемуся в нескольких лигах от Гренады, был отправлен курьер. Христофор не решался возвратиться в город, вызывающий у него отвращение из-за стольких огорчений, изощренных, унижительных отказов и насмешек. Ему нужно формальное подтверждение, что сама королева требует его возвращения и намерена покровительствовать делу, которому он посвятил жизнь.

Получив его, путешественник возвращается в Гренаду, и после обсуждения некоторых формальностей стороны достигли соглашения на самых почетных для Колумба условиях, то есть пожизненное адмиральское звание для него и его наследников во всех открытых им землях с назначениями вице-королем и главным наместником. Это соглашение, которое будет иметь такие важные последствия, было заключено 19 апреля 1492 года. Через три недели в Палос был отправлен приказ оснастить в течение десяти дней две каравеллы и по возможности добавить к ним третью для адмирала¹.

Богатый моряк Мартин Алонсо Пинсон великодушно предложил свое участие в предприятии. Колумб с открытым сердцем принял эту помощь, которая выражалась в предоставлении корабля, денег, продовольствия и людей. Вскоре знаменитому мореплавателю, лично наблюдавшему за всеми приготовлениями, осталось только дать сигнал к отплытию.

Он уже не был молод, говорит историк Лас Касас, и всяческие заботы, тяжелая работа, одержимость изнурительной навязчивой идеей оставили на его лице странную печать серьезности, к которой примешивалось нечто вроде спокойного величия. В ту пору ему было пятьдесят шесть лет. Это был державшийся с достоинством человек высокого роста, хорошо сложенный, с лицом несколько вытянутым, ни полным, ни худым, слегка усеянным веснушками. Светло-серые глаза иногда оживлялись и, казалось, сверкали, внешность внушала уважение и заставляла повиноваться. В молодости он был блондином, в тридцать лет поседел от работы, страданий, бесконечных забот.

¹ Указом от 30 апреля 1492 года Изабелла «в наказание Палоса за провинности перед короной» приказала «немедленно реквизируют три лучших судна».

Одевался скромно и строго, как аскет, был красноречив и умел зажигать словами, идеями, обладая вспыльчивым характером, энергично обуздывал себя, подавляя приступы гнева, и проявлял чрезвычайную мягкость к малым, обездоленным, слабым.

Наконец Колумб одержал верх над людьми. Океан открылся перед ним: величайший эксперимент должен свершиться. Теперь необходимо победить природу и обуздать стихии. Никогда его вера не была так крепка, отвага так безгранична, хотя помощники сильно уступали во всем своему командору.

Сначала трудно шло комплектование команд для двух каравелл. Город Палос был приговорен за какой-то проступок к поставке короне двух судов, они-то и предназначались для экспедиции под командованием Колумба¹. Хотя матросам обещали большие выгоды, многих пришлось силой загонять на борт. Нанявшиеся добровольно были обмануты людьми, заинтересованными в задержке экспедиции. Кто-то дезертировал. А тех, кто остался, пугала отвага командора, пренебрегавшего всякими опасностями.

Корабли были слишком малотоннажные, чтобы на них без опасения отправиться в плавание по совершенно неизвестным морям. На одном уже настелили палубу, это была каравелла «Санта-Мария» водоизмещением 100 тонн, которой командовал сам Колумб. На втором, водоизмещением 80 тонн, носившем название «Пинта» и еще стоявшем без палубы, капитаном был назначен Мартин Алонсо Пинсон; наконец, третьим, «Нинья», водоизмещением 70 тонн, командовал Висенте Яньес Пинсон². Кроме того, на борту было три штурмана, чтобы вести каравел-

¹ В первой экспедиции Колумба приняли участие две каравеллы и одно судно более крупного класса — «наве» (корабль).

² Сведения о точных размерах кораблей не сохранились. В настоящее время наиболее вероятным считается, что флагманский корабль, трехмачтовая «Санта-Мария», имел грузоподъемность 200 — 280 тонн, длину корпуса около 25 м и осадку около 7 футов (2,1 м); «Санта-Мария» могла развить скорость до 10 узлов (то есть 18,5 км в час). Грузоподъемность трехмачтовой каравеллы «Пинта» составляла 140 тонн при длине корпуса около 15 м и скорости до 11 узлов (20,3 км в час), а «малышка» «Нинья» (около 100 тонн грузоподъемности) развивала ту же скорость, что и «Пинта».

лы в случае смерти капитана: Санчо Руис, Педро Алонсо Ниньо и Бартоломео Ролдан-Родриго; а также Санчес де Сегуар — генеральный инспектор флотилии и Родриго де Эскобар — королевский нотариус, официальный представитель короны, в его задачу входило записывать все происходящее. Еще был врач, один хирург, несколько слуг и девяносто матросов: всего сто двадцать человек.

Итак, плохо укомплектованные команды, принудительная вербовка большинства матросов, сожаление остальных, нанявшихся сначала добровольно, трусость всех, малое водоизмещение каравелл и их конструктивное несовершенство, все, казалось, было против Колумба. Наконец, все эти грубые, суеверные, плохо дисциплинированные, склонные к бунту люди, неспособные понять важность того, в чем они участвуют, едва подчинялись и горевали, убежденные с самого начала, что никогда не вернутся на родину.

В таком тревожном настроении 3 августа 1492 года флотилия выходила из Палоса на завоевание Нового Света.

Адмирал взял курс на юго-восток, на Канарские острова, откуда хотел отправиться прямо на запад, как задумал с давних пор. Начиная с момента отплытия он день за днем ведет подробный дневник путешествия и рисует на карте путь, пройденный экспедицией. 9 августа Колумб уже был в виду Канарских островов и бросил якорь у Гомеры, чтобы отремонтировать поврежденный руль одного из кораблей. Эта остановка продлилась не более четырех недель. 6 сентября флотилия покинула Гомеру и девятого числа прошла в виду Ферро, самого южного из Канарских островов. У матросов, покидающих последние мили Старого Света, чтобы вступить в сомнительный неизведанный мир, в этот торжественный час сжимались сердца, и слезы навертывались на глаза. Напрасно Колумб подбадривал их, говорил о долге, о Родине, во славу которой они трудились, тщетно пытался пробудить у них личный интерес, описывая красоты мест и ослепительные богатства, ждущие их. Темный страх висел над всеми этими людьми, убежденными, что командир ведет их к неизбежной гибели.

И тогда, начиная с этого дня, адмирал пускается на хитрость с благородной целью по возможности успокоить экипаж, скрывая от него подлинное расстояние, пройден-

ное за день. Для этого он составляет два вахтенных журнала, один, подлинный, для себя, с точными данными, другой, оставляемый на виду у матросов, с заниженными.

Впрочем, в двухстах лигах к западу от острова Ферро 13 сентября произошло событие, которое потрясло его самого. Магнитная стрелка компаса, вместо того чтобы показывать прямо на Полярную звезду, отклонилась на пять или шесть градусов к западу. За следующие три дня это отклонение еще увеличилось. Колумб никак не отреагировал на это явление, зная, как быстро команда впадала в панику; но подобное изменение не могло долго ускользать от внимания пораженных лоцманов. Если компас потеряет свое волшебное свойство, кто же их поведет через таинственные глубины океана!

Вдруг болид¹ пересек небо огненной чертой и упал в море с оглушительным треском. И вот с востока задули бесконечные пассаты, усложнившие и без того тяжелую работу матросов, теряющих надежду на возвращение, если ветры не изменят направление.

Столько поводов для страха и малодушия для этих отчаявшихся людей.

Невозмутимый адмирал находит безапелляционные ответы и с каждым делится своими знаниями: от штурманов до последнего конопатчика.

Затем экспедиция входит в Саргассово море. Огромные массы плавающей травы рыжевато-красного цвета напоминают бесконечные луга в середине океана. И это новое чудо, объяснения которому еще не найдено до сих пор, стало очередной причиной для беспокойства.

Девятнадцатого сентября появилось несколько морских птиц, и среди прочих два пеликана, усевшихся вдруг на рей². Это указывало на близость земли, и к людям вернулась надежда. Но дни текли за днями, а земля не появлялась. Снова плавающие луга, более густые, чем вначале, бесконечно стелились под форштевень кораблей, нагоняя

¹ Болид — очень крупный метеор, имеющий вид огненного шара; при прохождении подобных небесных объектов через земную атмосферу наблюдаются шумовые и световые явления.

² Реи (ед. число — рей) — рангоутные балки круглой формы, подвижно укрепленные средней частью к мачте при помощи тросов и служащие для привязывания и несения прямых парусов.

на моряков отчаянный страх. Начался ропот, затем последовали угрозы силой заставить адмирала повернуть назад и даже убить.

— Если откажется, — говорили самые дерзкие, — выбросим его за борт и скажем, что упал случайно.

Для Колумба эти разговоры и подстрекательства к бунту не были тайной. Но, не растрачивая энергии, он успокаивал одних добрыми словами, подбадривал других, обещая удачу, удерживал самых недисциплинированных угрозой примерного наказания.

Часто возникали ложные тревоги, когда морякам казалось, что наконец-то появилась такая желанная земля. Чтобы заставить людей набраться терпения, Христофор напоминал им об обещанной испанским правительством премии в тридцать крон¹ тому, кто первым увидит землю; огромная сумма по тем временам, что-то около нынешних 6000 франков.

Двадцать пятого сентября Алонсо Пинсон, капитан каравеллы «Пинта», закричал: «Земля!» и стал подавать адмиралу условные сигналы, потом упал на колени и воспел со своим экипажем «Gloria in excelsis»². Матросы с «Ниньи» карабкались на мачты. Каждый заверял, что видит землю. Пришла ночь. Легли в дрейф, но и на следующий день ничего не было видно. Низкая туча на горизонте стала причиной этой иллюзии.

Тем не менее они не переставали двигаться вперед. Счисления, которые Колумб держал перед глазами своих людей, показывали 584 лиги от Испании, но для тех, кто владел секретом, это расстояние составляло 707 лиг. А это не более чем в сорока лигах от острова Сипангу, описанного Марко Поло (Япония), там, где его указал на карте Тосканелли, то есть самая восточная земля Азии. Но адмирал, ничего не подозревая, стал жертвой явления, ко-

¹ Первому из мореплавателей, обнаружившему землю, от имени королевы была обещана рента (пожизненное содержание) в сумме 10 тыс. мараведи в год; мараведи — мелкая испанская монета, сравнимая по стоимости с советской копеечкой.

² «Слава в высших сферах» (лат.) — гимн назван по первым словам текста, прославляющим ангелов; хвалебный католический гимн, который поется или читается сразу же после начальной молитвы мессы «Кирие» («Господи, помилуй»).

торое значительно уменьшило расстояние, считавшееся пройденным; речь идет о течении, препятствующем ходу кораблей таким образом, что количество пройденных лиг в действительности приближалось скорее к тому, которое показывали матросам, чем к отмеченным в его записках.

Вечером 6 октября Алонсо Пинсон, потеряв надежды на западное направление, предложил спуститься чуть больше к югу. Колумб согласился тем более охотно, что признаки, указывающие на близость земли, начинали, несомненно, множиться. Появлялось все больше птицы, ловилась прибрежная рыба, плавающие травы становились зеленее, на волнах принесло даже ветку с листьями и палку, обработанную руками человека.

Еще раз возникла иллюзия, вызванная видом темного облака, принятого за землю, вид которого вызвал тем более жестокое разочарование, что ошибки становились слишком частыми и вызывали угрожающие вспышки гнева.

Впрочем, для всех было очевидно, что подобная ситуация больше продолжаться не могла. Вскоре неизбежно должна была наступить развязка. И это случилось 11 октября вечером. Экипажи, как это было заведено, пели «*Salve, Regina*»¹. Колумб после короткого мужского разговора с людьми устроился на полуките своего корабля, «Пинта», как всегда, шла во главе флотилии. Поскольку адмирал уверенно обещал, что на следующий день откроется земля, глаза всех были прикованы к западу. Около десяти часов Колумб сказал, что вдали по линии горизонта вроде бы пробежал проблеск. Находившиеся рядом тоже увидели или посчитали, что увидели, свет. Попутный бриз подгонял корабли, и вот в два часа после полуночи с борта «Пинты» раздался пушечный залп. В эту памятную ночь с 11 на 12 октября 1492 года на горизонте определенно показалась земля. Ее заметил один матрос с «Пинты», имя которого история сохранила: Педро Триана.

Это был плоский остров протяженностью в несколько лье, весь покрытый деревьями и походивший на обширный фруктовый сад, дающий свежую прохладу и роскошную зелень. Растительность разрослась с пышностью, не

¹ «Привет, Царица» (лат.) — начало католической молитвы, одного из самых знаменитых песнопений, обращенных к Божьей Матери.

обузданной человеком. Тем не менее остров был обитаем, поскольку моряки заметили, как тут и там из лесов осторожно выходили люди и устремлялись к отмели, с изумлением глядя на корабли.

По сигналу Колумба каравеллы бросили якоря, и матросы спустили на море шлюпки с вооруженными людьми. Адмирал вышел из шлюпки, окутанный роскошным ярко-красным плащом, с королевским штандартом Кастилии и Арагона в руках. Два его лейтенанта, братья Пинсон, шли следом в шлюпках, также неся флаги с вышитым зеленым крестом, на котором стояли и инициалы Фердинанда и Изабеллы, и двойные короны над ними...

Высадившись на берег, адмирал обнажил голову и упал на колени перед крестом, образованным эфесом его шпаги, поцеловал землю и возблагодарил Бога! Потом, поднявшись со шпагой в одной руке и королевским штандартом в другой, торжественно принял остров во владение от имени короля и королевы Испании и потребовал от остальных принести клятву повиноваться ему как адмиралу и вице-королю, представляющему их величества...

Туземцы, ободренные мирными намерениями пришельцев и восхищенные пестрой одеждой и сверкающим оружием, подошли и очень быстро освоились с гостями. Они называли свой остров Гуанакани, а Колумб, по обычаю того времени, переименовал его в Сан-Сальвадор. Это был остров из группы Багамских островов к северу от большого острова Куба.

Прошло ровно десять недель с тех пор, как флотилия покинула порт города Палос и тридцать три дня, как потеряла из виду Канарские острова.

Христофор, одержимый идеей, что Азия находится непосредственно напротив Европы и Африки, без промежуточного континента, обманутый достаточно точным совпадением расстояния, рассчитанного им от Канарских островов, с тем, на котором Тосканелли на своей карте отметил остров Сипангу, полагал, что находится в одном из архипелагов, которые прикрывают восточный берег Азии. Такая мысль не покинула исследователя даже после трех других путешествий, ибо к моменту его смерти, последовавшей в мае 1506 года, эта часть земли не была изучена настолько, чтобы опровергнуть заблуждение. Поскольку в Европе было принято называть индейцами

всех жителей крайней Азии, естественно, что так же окрестили и жителей вновь открытых стран.

В следующие дни на пути каравелл встречались небольшие острова, а 28 октября перед ними предстала Куба. Колумб, абсолютно уверенный, что находится на берегах Катая (Китая), решил отправить посольство к какому-то мелкому кубинскому вождю, наивно полагая, что имеет дело с вассалом Великого Хана! Послы более или менее владели китайским, совершенно очаровали своей речью островитян, очень высоко оценив после этого свои лингвистические способности¹.

Пятого декабря экспедиция открывает остров Гаити и называет его Эспаньола, то есть Маленькая Испания, которая впоследствии будет именоваться островом Санто-Доминго, а затем снова получит свое местное название. Все это время, чем дальше тем больше, Колумб не перестает считать, что находится недалеко от Китая. Поскольку коренные жители всегда говорили ему с нескрываемым ужасом о стране Каниба, то адмирал принял это место за вотчину Великого Хана, откуда тот берет для себя рабов.

По словам путешественника, островитяне были самыми мягкими, доверчивыми, гостеприимными людьми, которых ему доводилось когда-либо встречать. В своей реляции монаршей чете Кастилии и Арагона он пишет: «Эти аборигены такие дружелюбные, мягкие и миролюбивые, что я могу заверить Ваши величества — во Вселенной нет лучшего народа и лучшей страны».

Впрочем, жизнь была так прекрасна, так полна изобилия и солнца, что некоторые члены экспедиции умоляли своего командира позволить им остаться здесь². Адмирал не возражал и распорядился построить деревянную крепость, получившую название Форта Рождества, в том месте, где позже был построен город Кап-Аитъен. Но, поскольку остальные, а их было большинство, требовали

¹ Конечно, испанцы ни в коей мере не владели китайским языком. Даже взятый в качестве переводчика крещеный еврей Луис Торрес, знавший в той или иной степени пять или семь языков, не имел о китайском ни малейшего представления.

² На самом деле события развивались иначе. 24 декабря, в рождественскую ночь, «Санта-Мария» потерпела крушение, и адмирал был вынужден оставить часть людей на Эспаньоле.

возвращения в Испанию, Колумб передал свои полномочия Диего де Арена, Пьедро Гутьересу и Родриго Эскобедо, которые оставались в форту с достаточными силами, и отправился в Старый Свет, салютуя залпами первой испанской колонии, созданной в Новом Свете.

Четырнадцатого февраля 1493 года флотилия достигла юга Азорских островов; 4 марта стала на якорь в устье реки Тежу и, наконец, 15 марта прибыла в Палос, откуда она отправилась семь с половиной месяцев тому назад.

Христофор по возвращении бросился в объятия своего старого друга Хуана Переса, настоятеля францисканского монастыря Санта-Мария-де-ла-Рабида, и босым отправился в монастырскую церковь, чтобы отблагодарить его и Бога за спасение, славу и победу, одержанную во имя Испании.

Из Палоса адмирал, которого после высадки на родной берег повсюду встречала восторженная толпа, отправился в Барселону, где находился двор и где его ждал торжественный прием. Он проехал по городу верхом на лошади, сопровождаемый многочисленным кортежем, впереди которого шли шесть индейцев с Эспаньолы, раскрашенные в различные цвета по обычаю их страны, все в перьях и золотых украшениях, за ними несли живых попугаев, чучела птиц и животных и различные растения, что должно было показать великолепие Нового Света, завоеванного путешественником для его монархов.

Король и королева во всем блеске королевского величия, окруженные великолепием, свойственным испанской монархии, ожидали на троне в роскошно убранном зале, открытом всем взорам. Около них расположились сановники королевства вместе со знатью Кастилии, Каталонии и Арагона, как во время приема королевской особы!

Фердинанд и Изабелла встали, когда в зал вошел Колумб, который смиренно, согласно строгому этикету эпохи, преклонил колено перед ними, монархи подняли его и пригласили сесть в своем присутствии. Неслыханная честь в глазах придворных.

Если, как красноречиво говорит Вивьен де Сен-Мартен, вознаграждение измеряется ощущениями, охватывающими душу в час триумфа, то этот день полностью воздал Колумбу за прошлые страдания и за те, которые его еще ожидали, и стал первым шагом в бессмертие.

Это был действительно неповторимый, незабываемый, неслыханный праздник, торжество, на котором те, кто составлял благородство и величие страны, вместе с недавними гонителями бедного моряка, а теперь готовыми стать его верными слугами, вместе со всей нацией в иступленном восторге приветствовали одного человека. И когда он рассказывал в королевском кругу о приключениях во время путешествия, описывал увиденные им земли, богатство стран, где в изобилии росли роскошные плоды и проживало бесконечное количество человеческих существ, которым суждено вскоре узнать могущество королей Кастилии и истинную веру, можно было подумать, что это воин из античных эпопей, рассказывающий о своих подвигах королеве, почти богине, окруженной нимфами¹ и двором, жадно слушающей все слетающее с уст героя!..

Хотя земли, открытые Христофором Колумбом, считались принадлежащими к империи Великого Хана, их католические величества совершенно не задумывались о законности владения ими. Практика захвата нехристианских земель пришла в Европу вслед за крестовыми походами, как ответ князей христианской церкви на право завоевания, провозглашенное мусульманами во времена халифата². К тому же папская власть санкционировала эту особую доктрину, которой еще и теперь следуют наши современные сторонники аннексировать так называемые неосвоенные земли, населенные якобы дикими людьми.

Второго мая Папа Александр VI обнародовал буллу, дающую испанским монархам такие же права и привилегии на недавно открытые на западе территории, как португальским на их африканские владения, с тем же условием нести туда христианскую веру. Папа, будучи человеком осторожным, во избежание вполне возможных конфликтов, указал демаркационную линию, ставшую столь знаменитой как в истории открытий, так и в политической

¹ Н и м ф ы — богини рек, ручьев, источников, лесов, пещер, гор и т. п. (в античной мифологии).

² Х а л и ф а т — феодальное государство, созданное арабами на основе единого вероисповедания. Здесь имеется в виду Кордовский халифат, существовавший на Пиренейском полуострове в X — XI веках.

истории. Этой линией стал меридиан, прочерченный от одного полюса до другого в ста лигах, или примерно в шести градусах, западнее Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Все земли, встреченные испанскими мореплавателями к западу от этой линии, будут принадлежать испанской короне, а к востоку — короне португальской. Принимая такое странное решение, лишающее другие христианские нации привилегий открытий, Папа даже не подозревал, что испанцы и португальцы, продолжая свои исследования в предписанных направлениях, рано или поздно должны встретиться в другом полушарии и пользоваться на всем пространстве земного шара одинаковыми правами!

Но не это занимало умы в ту эпоху горячки, внезапно вызванной замечательной экспедицией Колумба. Воодушевление первых дней росло, если это только возможно, и превратилось в алчность, охватившую всех, от монархов до последнего авантюриста.

И как следствие, новая экспедиция, но уже в больших масштабах, чем первая. Ее организовал и подготовил архидиакон Севильи Фонсека, получивший впоследствии должность председателя Совета по делам Индий. Тщеславный духом, посредственного ума и завистливый, он был врагом великого открывателя, и тем более опасным, что скрывал свою враждебность. В состав экспедиции входили три больших корабля и четырнадцать каравелл, всего семнадцать судов, на которых отправилось полторы тысячи нещепетильных, собранных отовсюду людей, готовых на все, истинных авантюристов, навсегда опорочивших это первое вступление нации в свое владение, целью которого было продвижение цивилизации и проведение в жизнь религии любви и прощения.

Флотилия покинула Кадис 25 сентября 1493 года и пристала к большому острову 3 ноября в воскресенье, от которого он и получил свое название Доминика, сохранившееся до сих пор. Затем один за другим были открыты острова Гваделупа, Антигуа, Сент-Кристофер, целый рой островов под общим названием Наветренных. Вскоре экспедиция достигла бухты, где в Форту Рождества Колумб ранее оставил сорок своих спутников. Все они были истреблены индейцами, восставшими против поработителей, которые обременяли их тяжелой работой, оскорбляли и

обкрадывали. Колумб, хорошо зная моральные качества этих прохвостов, еще во время их первого путешествия замышлявших убить его самого, не удивился, услышав от касика¹ Гуаканагари рассказ об этом трагическом событии. Христофор, сожалея о случившемся, покинул это печальное место и основал на Эспаньоле город, которому дал название Изабелла, в честь своей королевы.

Затем путешественник отправился на запад, проследовал почти до южной оконечности Кубы, которую упорно принимал за Золотой Херсонес², и должен был вернуться на Эспаньолу, чтобы отремонтировать потерпевший аварию корабль. Еще через три дня он признал островную форму того, что считал полуостровом, проник в узкий пролив, отделяющий землю Антильских островов от Мексиканского залива, и, таким образом, несомненно нашел континент.

Вернувшись больным после пятимесячного отсутствия, Колумб нашел новую колонию на Эспаньоле в полном расстройстве. Касики, возмущенные грубостью, злонамеренностью, жадностью испанцев, взбунтовались; сами испанцы, работающие рудокопами, отказывались признавать власть адмирала и распространяли о нем бессовестную клевету, против которой восставала вся его долгая честная жизнь и верная служба. Некий Маргарит предпринял попытку мятежа и, овладев несколькими каравеллами, сбежал в Испанию. Один монах по имени Бойль, сообщник Маргарита, подтвердил клевету Святым Крестом и постарался очернить адмирала в глазах Фонсеки, прелата³ Индий, первого духовного лица Нового Света. И тот, давний его враг, посылает на Эспаньолу в качестве комиссара Хуана де Агуадо, давно ненавидевшего знаменитого путешественника.

Христофор понимал, какая угроза нависла над ним, и, чтобы защититься, решил вернуться как можно быстрее в

¹ Касик — предводитель индейского племени, своего рода индейский князь.

² Золотой Херсонес — место, где океан, омывающий Азию с востока, соединяется проливом с Индийским океаном, открывающим путь к Аравии и Египту.

³ Прелат — титул высокого должностного лица в иерархии католической церкви.

Испанию. Он назначил наместником своего брата Бартоломео, человека интеллигентного, мужественного, энергичного, деятельного, и отправился в путь.

Одиннадцатого июня 1496 года Колумб высадился в Кадисе и отправился в Бургос, где находился двор. Оказанный ему прием, хотя и без триумфальной пышности 1493 года, был, однако, успокаивающим. Подлые интриги, которые плелись в колонии, еще недостаточно распространились, чтобы заставить забыть о его славе и заслугах перед монархами, исконно не склонных к благодарности. К тому же королева Изабелла не перестала быть ему защитой и опорой, стойко не желая верить наветам, чего нельзя сказать о Фердинанде, менее постоянном в своих привязанностях и склонном выслушивать все, что говорили о генуэзце, как называли Колумба при дворе его завистники.

Несмотря на явную благосклонность королевы, ему потребовалось не менее двух лет, чтобы организовать третью экспедицию, во время подготовки к которой приходилось тратить последние силы на опровержение темных слухов, с неисчерпаемым вероломством и ловкостью распространяемых о нем.

Экспедиция отправилась 30 мая 1498 года из порта Санлукар-де-Баррамед, расположенного в устье Гвадалквивира. Ее флот состоял из шести небольших судов. Колумб решил пересечь Атлантику по линии очень близкой к экватору, которая должна была привести непосредственно в Амазонку, если штили экваториальной зоны не помешают подняться между 5-й и 7-й параллелями. Проплавав три недели под этой широтой, он взял курс на восток, и через четыре дня перед ним открылся холмистый остров большой протяженности. Поскольку первая открытая земля была обещана Святой Троице, то остров получил название Тринидад, оставшееся за ним до сих пор.

Этот остров, к северу которого заканчивалась цепочка Малых Антильских островов, частично обследованный во время предыдущего путешествия, расположен к северо-востоку от Южноамериканского материка, напротив северных рукавов дельты Ориноко, и отделяется от континента только глубокой впадиной, называемой заливом Пария, под 10° северной широты.

Колумб отправился к южной части острова и заметил между Тринидадом и соседней землей, которую также принял за остров, сильное течение, образуемое водоворотом Ориноко. Этот гибельный для кораблей такого малого водоизмещения проход получил название Бока-де-ла-Сьерпе (что значит «Змеиная пасть»), сохранный до настоящего времени.

Христофору, здоровье которого было подорвано не столько возрастом, сколько усталостью и заботами, был необходим отдых, и он с чрезвычайной тщательностью принялся за карты залива Пария и Жемчужного берега, а потом занялся Эспаньолой, хотя и не мог утверждать, что этот берег, как и залив Пария, принадлежат одному большому континенту. Тем не менее поток пресной воды предсказывал ему наличие большой реки, несущей в море воды с континента. К несчастью, состояние здоровья не позволило продолжить это исследование, которое, несомненно, привело бы к открытию Ориноко. Впоследствии этот район получил название Колумбия, хотя уже стало привычным слово Америка. Без первооткрывателя, носящего это имя, вовсе не было бы на карте обнаруженных им земель.

Это было единственное открытие, сделанное во время третьего путешествия. Колумб вернулся на Эспаньолу, которую нашел в еще большем беспорядке, чем когда-либо, и решил восстановить дисциплину, но эта затея полностью провалилась. Впрочем, управление недавно созданной колонией, возлагаемое на него как на обладателя титула вице-короля, который он имел слабость когда-то принять, принесло ему горькие плоды. Гений такого человека должен был вести его к великим делам и уберечь от мнимых ценностей и этой мании играть в монарха, от всего того, что принесло только неприятности и огорчения.

А между тем клеветники в Испании, продолжая свое подлое дело, в то время как этот бедный гигант тратил последние силы ума и тела, чтобы обогатить владения неблагодарных монархов, возложили именно на него вину за то плачевное состояние, в котором находилась Эспаньола.

Как все короли, склонные всегда подозревать худшее и преувеличивать его, Фердинанд поверил в конце концов в

недобросовестность Колумба и назначил комиссию, которой поручил отправиться на Эспаньолу и на месте проверить управление колонией. Естественно, председателем этой комиссии был назначен личный враг адмирала Франсиско Бобадилья. Это был один из тех людей, к несчастью существующих во все времена, которые, получив гнусное поручение, всегда тяжкое для порядочных людей, вносят в его исполнение всю низость и подлость своей грязной души.

Бобадилья, придворный вельможа его величества Фердинанда, короля Кастилии и Арагона, едва прибыв на Эспаньолу, приказал схватить вице-короля, заковать его в кандалы и отправить как преступника в Испанию. Разумеется, позволительно думать, что Бобадилья, действуя таким образом, постыдно превысил полученные полномочия, хотя потом никто не выразил ему своего неодобрения.

Вся Испания была охвачена негодованием, когда народ узнал о том, что с цепями на руках и ногах высажен в Кадисе тот, кто шестью годами раньше с триумфом высаживался в Палосе, кто стократно увеличил владения испанского дома! Королева Изабелла, его защитница, возможно не знавшая о таком подлом бесчинстве, возмутилась и запротестовала с высоты своего трона. Цепи пали, свобода тотчас была возвращена Колумбу и двум его братьям, добровольно сопровождавшим заключенного. Письмо Фердинанда предписывало властям оказывать адмиралу наивысшее почтение и благосклонно приглашало прибыть ко двору не для оправдания, а чтобы получить свидетельства уважения от монархов.

Все хорошо и красиво, но это были только пустые обещания. Колумб хотел единственного удовлетворения — немедленной замены Бобадильи, который, конечно, был замещен, но другим, первым попавшимся, Николасом Овандо!

Чувство собственного достоинства и страстная набожность помогли Христофору перенести новую несправедливость. Единственным знаком протеста стали его цепи, теперь всегда находившиеся перед его глазами. Фернан, сын и историк адмирала, написал по этому поводу: «Я всегда видел их висящими в кабинете отца, и он просил положить их вместе с ним в могилу».

Тем не менее Христофор Колумб задумал четвертое путешествие, и неотвязная мысль, во власти которой он так долго находился, надеясь на славу, делающую его не подвластным никаким гонениям, снова позвала в дорогу, ведущую, как он считал, к Индиям. Васко да Гама только что обогнул мыс Бурь, и это открытие морского пути в Индии стало для Колумба новым предметом соперничества. Тотчас его никогда не дремавший ум разработал план экспедиции, которая, как он считал, должна превзойти все другие. Речь шла вовсе не о том, чтобы искать и найти, а о том, чтобы отправиться в Индии более коротким путем, чем да Гама.

Поскольку адмирал находился здесь, чтобы защититься, монархи еще верили в него. К тому же нетрудно было заставить их проникнуться его идеями и разделить с ним надежды. Четвертая экспедиция была разрешена. Однако враги, не сложившие оружие, тайком готовили ему неприятности, разочарования, препятствия. Удалось снарядить только четыре каравеллы, и лишь 9 мая 1502 года экспедиция смогла покинуть Кадис.

Эта флотилия, такая жалкая с виду, предназначалась, по мнению Колумба, для кругосветного плавания. Два обследования с двух сторон моря у Антильских островов: с севера вдоль южного берега Кубы, которую он считал полуостровом Азиатского континента, и с юга вдоль участка берега материка — неполные как одно, так и другое, — привели его к мысли, что оба параллельных берега продолжают дальше на запад и заканчиваются в проливе, связанном с морем, омывающим Индии. Адмирал решил найти этот пролив и проникнуть через него в Индийский океан, куда да Гама попал африканским путем, посетить Острова пряностей, зайти в китайские и индийские порты, увидеть богатый город Каликут¹, бывший у всех на устах, и открыть для кастильского флага легкий доступ к богатому рынку, затем вернуться в Европу через Красное море и Иерусалим, или по португальским путям, обогнув в свою очередь оконечность Африки².

¹ К а л и к у т — приморский город на юго-западе Индии, на Малабарском берегу; в XV веке его порт был самым крупным на полуострове Индостан.

² Вивьен де Сен-Мартен. «История географии».

Таков был план Колумба, абсолютно невыполнимый, поскольку грешил прежде всего отсутствием какой-либо базы и покоился на недостоверных данных. Естественно, нельзя найти пролив, которого не было, проникнуть в море вокруг Индий, отделенное от исследователя огромным океаном, о существовании которого он даже не подозревал. Это четвертое путешествие тем не менее было самым значительным после совершенного в 1492 году и самым богатым по результатам. Все так, но вернемся немного назад.

Отправившись, как известно, 9 мая 1502 года из порта Кадис, Христофор Колумб достиг 15 июня Мартиники. Король и королева в письме дружески советовали не останавливаться на Эспаньоле, где его присутствие «могло вызвать волнения». Но поскольку выяснилось, что одна из его каравелл совершенно непригодна для плавания, он решил, что необходимость обзавестись другим судном оправдывает в высших сферах это маленькое пренебрежение «дружескими советами» монархов. Итак, курс лежит на Эспаньолу. Но испанские колониальные власти уже получили приказ, категорически запрещающий ему высаживаться на берег; ему! которому королевской милостью был присвоен титул вице-короля и главного правителя, как и его потомкам.

Между тем некоторые признаки, никогда не обманывающие опытных моряков, предупреждали адмирала о приближении шторма, но все только посмеялись над его прогнозом, и богатый караван, отправлявшийся в Испанию, построился в походный порядок, несмотря на благоразумное и бескорыстное предупреждение. Как и предвидел Колумб, ураган не заставил себя ждать и захватил флотилию в открытом море. Бобадилья, его старинный недруг, возвращавшийся в Испанию, погрузил на судно все богатства, добытые нечестным путем во время своего правления. Это судно погибло среди прочих со всем имуществом. По крайней мере, презренный негодяй не смог воспользоваться плодами своих вымогательств и вероломства. А небольшой корабль, укрытый опытным моряком на пустынном рейде, сохранился благодаря умной мере предосторожности.

Оставив Эспаньолу и другие острова Карибского моря, снова проплыв вдоль Кубы, Колумб направился на юг и

прошел вдоль бесконечного берега с запада на восток сначала Гондурас, потом в течение шестнадцати недель с 14 августа по 4 декабря шаг за шагом вдоль Антильских островов и мимо того места, где сейчас располагаются республики Гондурас, Никарагуа, Коста-Рика, Сальвадор и т. д. Итак, Колумб первый разведал на самом большом участке восточное побережье узкого перешейка, связывающего обе части Американского континента. С омертвевшей душой, всеми брошенный, не найдя пролива, с экипажем, потрепанным жестокими штормами, изнемогающим от усталости, и почти без провианта, он решил вернуться на Эспаньолу только тогда, когда его полурасшатанные корабли, лишенные части своего такелажа¹, с корпусами, изъеденными червями, уже не были пригодны для плавания.

На обратном пути один из жестоких тропических штормов выбросил его на берег Ямайки. Положение адмирала и его друзей осложнялось растущей день ото дня враждебностью туземцев. Два матроса рискнули собой и отправились в корабельной шлюпке искать помощи на Эспаньоле.

Николас Овандо, сменивший подлого Бобадилью, сначала не внял их мольбам, но потом, уступив наконец, послал маленькое судно. Вскоре потерпевшие крушение моряки, опьяневшие от надежды и радости, умирающие от голода, наконец-то увидели его. Корабль долго стоял на виду у отчаянно ждущих его людей — так близко, что можно было различить его цвета; потом вдруг без всякой видимой причины повернулся другим бортом и исчез. Была ли физическая причина, помешавшая капитану подойти к берегу, или с чисто испанской изощренной жестокостью Овандо захотел еще больше усилить страдания адмирала и его спутников, тяжело страдающих из-за недостатка самого необходимого? Но тут очень кстати произошло лунное затмение. Колумб объявил о нем за несколько дней до начала; туземцы, увидев, что начальник белых управляет по своему желанию звездами, согласились предоставить провизию матросам адмирала.

А тем временем Николас Овандо, поняв наконец гнусность своего поведения и подталкиваемый к тому же час-

¹ Такелаж — совокупность всех снастей судна.

тью колонистов Эспаньолы, не питающих к Колумбу этой глупой и подлой ненависти, послал помощь. Колумб, больной и без каких-либо средств, но, как всегда, гордый и не теряющий достоинства, был доставлен на Эспаньолу, а оттуда в Испанию, куда прибыл 7 ноября 1504 года.

Не прошло и трех недель, как умерла его покровительница, королева Изабелла, скончавшаяся 26 ноября 1504 года. Эта смерть стала одним из жесточайших ударов, настигших мореплавателя и без того в печальных для него обстоятельствах. Постаревший, больной, истощенный, едва ли не такой же бедный, как до завоевания им королевства для неблагодарного Фердинанда, он напрасно протестовал против несправедливости, лишившей его титулов и законно полученного состояния. Ему даже не ответили!

С этих пор Колумбу ничего не оставалось, как изнемогать под тяжестью растущих забот, огорчений, и, наконец прекратив борьбу, поддерживавшую его всю жизнь, он угас в Вальядолиде в конце мая 1506 года, через четырнадцать лет после открытия Нового Света.

Смерть этого человека, имя которого известно во всем мире, осталась настолько незаметной, что даже не была упомянута королевским историографом. Ее точная дата не известна. Не выяснено даже, умер ли он в Вальядолиде или в Севилье. Ничего точного по этому поводу нет, как и о месте его погребения.

Как бы то ни было, его труп, положенный в гроб вместе с цепями, был отправлен заботами его сына Диего на остров Санто-Доминго, где Колумб уже никому больше не мог внушать опасения. Наконец-то появилась надежда, что после такой бурной жизни он сможет насладиться полным покоем на этой земле, открытой им для Старого Света. Но судьба, преследовавшая Христофора при жизни, казалось, ополчилась и на его останки.

В 1795 году, когда остров Санто-Доминго станет французским, испанский адмирал, командовавший там в ту пору, решит перенести в Гавану прах Колумба, чтобы сохранить его для Испании. Но на острове после перенесения в Испанию останков Колумба случилось множество

¹ В настоящее время точная дата смерти Христофора Колумба установлена: 20 мая 1506 года.

инцидентов и происшествий. Никто точно не знает, где находится его погребение! По меньшей мере официально были эксгумированы из какой-то могилы анонимные и сомнительные останки и отосланы в Гавану, где сегодня, несомненно, никто не позволит заняться поисками точного места захоронения.

Что значит горстка праха, неизвестно кому принадлежащая! Потомки Колумба крепко отомстили его хулителям, прославили его имя, оплакали его несчастья, воздали должное его борьбе, окружили ореолом славы его память. Быть может, они постарались забыть его недостатки, чтобы видеть в нем только гонимого, но тем не менее славного гения?

Чем стали Фонсеки, Бобадиљи, Овандо и прочие, завидовавшие Колумбу или клеветавшие на него? Их имена, опозоренные мстительными потомками, не забыты только благодаря низости носивших их. Чем стали Изабелла и Фердинанд, эти монархи, о которых сегодня вспоминают только в связи с именем Христофора Колумба? Изабелла и Фердинанд для нас, людей XIX века, только государи человека, прославившего их, и без которого сегодня они не имеют основания принадлежать истории.

А Колумб! Он принадлежит бессмертию.

ГЛАВА 2

АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ

В том, что континент, открытый Христофором Колумбом, носит имя не его, а Америго Веспуччи, очевидно, нет непосредственной вины последнего, хотя у потомков бытует другое мнение. И напрасно книжники, ученые, географы, историки будут рыться в записях, рукописях, отчетах, комментировать события, сопоставлять даты, придираться к словам: дело сделано, название есть и таковым останется; и как Америка всегда будет называться Америкой, так навсегда останется легенда, справедливая или нет, о том, что Америго Веспуччи украл у истинного первооткрывателя право назвать своим именем открытую землю.

Ничто так не прочно, как легенда, в сознании общества, выносящего свой приговор, руководствуясь скорее

чувством, чем разумом. Но неудачи, постоянно преследующие Колумба даже после смерти, вызывают еще большее сочувствие к этой великой личности, а восхищение им возрастает по мере ущерба, который ему наносит несправедливость, совершенная от имени Америго Веспуччи.

Впрочем, этот флорентинец, родившийся 9 марта 1451 года¹ и умерший в 1512 году, через шесть лет после Христофора Колумба, не был случайным человеком. Выходец из знатной, но небогатой семьи, успешно учился в монастыре Святого Марка, где его дядя, Антонио Веспуччи, был монахом в то же время, что и знаменитый Савонарола².

Америго с интересом изучал космографию и математику, но вынужден был отказаться от своих научных привязанностей и заняться коммерцией. Это обстоятельство свело его с блистательным семейством Медичи, имевшим в Испании свои интересы, которые требовали присутствия доверенных людей. Назначенный представителем Лоренцо Пьеро Франческо Медичи³, сына и наследника Лоренцо Великолепного, он покинул родную Флоренцию⁴ и обосновался в Андалузии, где остался надолго, даже после того как в 1497 году, в возрасте сорока шести лет, совершил свое первое путешествие. Впрочем, эта дата не совсем достоверна. Некоторые довольно видные историки считают, что Америго отправился в путешествие двумя годами позже вместе с Охедой. Другие подтверждают,

¹ В XX веке найден документ о крещении Америго Веспуччи 18 марта 1454 года, следовательно, он родился незадолго до этой даты.

² Савонарола Джироламо (1452 — 1498) — итальянский монах-проповедник, обличавший роскошь богачей и пороки католической церкви, сторонник аскетического образа жизни, ревностный поклонник евангельских принципов бытия.

³ Лоренцо де Медичи (Пьеро ди Лоренцо де'Медичи; 1472 — 1503) — член правившей Флоренцией княжеской династии, главный управляющий банком Медичи, одним из крупнейших в тогдашней Европе; был сторонником чужеземной Арагонской династии, претендовавшей на владение Италией; был изгнан из Флоренции в 1494 году.

⁴ Веспуччи приехал в Севилью в 1492 году как агент торгового дома Хуаното Беральди, своего рода отделения флорентийского банка Медичи.

что это произошло в 1497 году, и начальником экспедиции был Яньес Пинсон, прежний лейтенант Колумба. Итак, его дебют окружен некоторой неясностью, впрочем, чисто хронологического порядка, поскольку путешествия действительно были. Во всяком случае, Америго не руководил экспедицией, увлекательный отчет о которой он написал. Отправившаяся из Кадиса флотилия прошла, говорит рассказчик, расстояние в тысячу лиг на восток-юго-восток, и находилась на исходе тридцать седьмого дня на 16° северной широты и 77° долготы к западу от Канарских островов.

Обогнув полуостров — без сомнения Юкатан, — она проследовала через Мексиканский залив и остановилась, очевидно, в прибрежном районе Веракрус¹, поскольку Америго Веспуччи утверждает, что корабли находились около тропика Рака² и над горизонтом была видна Полярная звезда. Он сообщает подтвержденные впоследствии любопытные подробности о нравах, обычаях, питании коренных жителей:

«Мы подошли к домам туземцев и увидели множество предназначенных для еды змей, у которых были связаны лапы, а вокруг шеи была намотана веревка, мешавшая открывать им пасть.

У животных был такой страшный вид, что никто из нас не осмеливался прикоснуться к ним. Они были размером с козленка; лапы длинные, с когтями; кожа твердая и разноцветная; шея и голова как у змей, и от морды вдоль спины и до кончика хвоста тянулось нечто вроде волосатого гребня!..»

Этими причудливого вида змеями с когтистыми лапами, очевидно, были безобидные игуаны, очень вкусным мясом которых лакомятся как дикари, так и цивилизованные люди XIX века.

Америго Веспуччи пишет также о другом туземном блюде, показавшемся ему восхитительным. Оно походило

¹ Автор приводит неверные данные: в «Четырех плаваниях», собственноручно написанных Веспуччи, не упоминается о посещении им Мексиканского залива. Сам Америго доказывал, что он побывал в Гондурасском заливе Карибского моря, а это на три градуса широты южнее Веракруса и на четыре градуса долготы восточнее.

² Т р о п и к Р а к а — другое название Северного тропика.

на хлеб, изготовленный из маленьких рыбок, замешанных в тесто и высушенных, который потом перед употреблением пекли на раскаленных углях. Такое рыбное кушанье готовят еще и сегодня в некоторых районах Мексиканского залива.

Как осторожные путешественники, спутники флорентийца не посягали на собственность местных жителей и старались задобрить их мелкими подарками. Еще он пишет:

«Видя, что туземцы не оправились от первого волнения, мы решили ничего не трогать, чтобы снискать их доверие, и к тому же оставили на виду множество наших вещей в таком месте, где они могли их видеть и взять себе в пользование.

На закате следующего дня на прибрежном песке нас ожидало множество людей, которые, хотя и с опаской, осмелились переговорить с нами и дали все, что у них просили. Наконец мы подружались, и туземцы показали свои поселки, где жили, когда приходили ловить рыбу; тут же всех пригласили в деревню, уверяя, что примут дружески, и выполнили обещание, хотя среди нас были двое заключенных из стана их врагов.

В ответ на настойчивые приглашения аборигенов¹ двадцать восемь человек последовали за ними, рискуя в случае чего погибнуть. Итак, мы пошли в глубь страны и на расстоянии трех лье от берега обнаружили деревню всего с девятью домами, но несметным количеством людей. Нас встретили такими варварскими церемониями, что не хватит перьев описать их. Эти люди танцевали, пели и плакали одновременно, угощали своими блюдами... Старейшины соседних деревень приглашали пойти с ними дальше в глубь страны, что было большой честью. Мы согласились, и трудно передать, каким вниманием нас окружили.

Это путешествие заняло девять дней, и друзья, оставшиеся на берегу, сильно волновались. В обратный путь к морю мы шли в сопровождении аборигенов. Когда кто-то из нас устал, его очень удобно несли в гамаке. Средства для переправы через реки были такие надежные, что исключалась всякая опасность. Многие провожавшие несли

¹ Аборигены — коренные жители тех или иных мест.

подаренные нам вещи, гамаки для сна, богатые украшения из перьев, множество луков и стрел, попугаев различных цветов...

Когда мы добрались до шляпок, все кто мог погрузились в них, остальные бросились вплавь. Было забавно смотреть, как они спешили взобраться на наши корабли, чтобы осмотреть их. Создалось довольно затруднительное положение, когда на борту оказались около тысячи совсем голых и безоружных людей. Тогда же произошел смешной случай. Команды решили произвести несколько выстрелов из пушек. Под их гром большинство дикарей бросились вплавь, как испуганные лягушки на краю болота. Оставшиеся на борту были так напуганы, что нами овладело раскаяние в содеянном. Проведя с туземцами целый день, мы спровадили их, сообщив, что хотим сегодня сняться с якоря, и они ушли, выразив нам свое дружеское расположение...»

Конец реляции об этом первом путешествии такой темный, что благоразумно сделать несколько оговорок, не столько по поводу его достоверности, сколько хронологии. У историка просто должен вызвать сомнение конец рассказа Америго Веспуччи, настолько он совпадает с отчетом о путешествии Охеды, совершенном двумя годами позже. Простой участник экспедиции, не имевший никакой значительной должности, охотно приписывает себе важную роль и большинство приключений и успехов, при этом очень неточен в датах и никогда не называет имени командора¹.

Далее Веспуччи рассказывает, что встречи с местными жителями не всегда носили столь сердечный характер. В прибрежных районах Ити — неизвестно точно, хотел ли он сказать о Гаити, — индейцы хотели силой помешать высадке испанцев. Около четырехсот человек, хорошо вооруженных палками и луками, выстроились на берегу моря и неустрашимо отразили нашествие европейцев, которые, погрузив на шляпки три пушки, открыли по туземцам огонь. Напуганные выстрелами аборигены, яростно преследуемые пришельцами, убежали в леса.

¹ По словам самого Веспуччи, его первое путешествие продолжалось с 10 мая 1497 года по 15 октября 1498 года. Достоверность этого плавания многие серьезные исследователи ставили под сомнение, о чем вскользь упоминает и Буссенар.

На следующий день борьба возобновилась в очень оживленных рукопашных схватках. Голые дикари храбро бросались на закованных в латы людей и ловко отражали удары их копий и шпага. Много было убитых и плененных. По утверждению Веспуччи, было захвачено двести двадцать два туземца, которых привезли в Кадис и продали в рабство.

В свое второе путешествие Америго Веспуччи отправился в мае 1499 года или, по другим источникам, в ноябре того же года. Одни утверждают, что экспедицией командовал Охеда, вторые — уже упоминавшийся Висенте Яньес Пинсон. Автор книги «Путешественники вокруг света» не встает ни на чью сторону и даже не пытается прояснить ситуацию, в которой путаются историки со времен путешествия Веспуччи и до наших дней. Вместе с читателем он приходит к выводу, что флорентийский мореплаватель для собственного блага запутывает события и оставляет их в этом состоянии, что, несомненно, раздражает нас, но позволяет итальянцам превозносить сверх всякой меры своего не всегда объективного соотечественника¹.

Экспедиция Охеды отправилась из Кадиса, а Пинсона из Палоса. Курс последней пролегал ближе к юго-западу, чем у всех предыдущих, и испанские корабли впервые пересекли линию экватора. Экспедиция спустилась еще примерно на восемь градусов к югу и натолкнулась на сушу там, где бразильское побережье образует вдали на Атлантическом океане самый восточный угол Американского континента. Земля здесь как бы затоплена водой; она появляется зеленеющая и поросшая большими деревьями. Тотчас распознаются низкие, покрытые мягкой тиной болота, из которых вырастают леса с воздушными корнями.

Это открытие бразильского берега, так как, несомненно, речь идет именно о провинции Рио-Гранде-дель-Норте,

¹ А. Веспуччи утверждает, что второе его плавание проходило с 16 мая 1499 года по 8 сентября 1500 года; оно совершалось по повелению королевы Кастилии. Командовал этой экспедицией Алонсо Охеда, участник второго плавания Христофора Колумба. Свидетельство об участии Веспуччи в этой экспедиции приводит знаменитый испанский историк епископ Бартоломе Лас Касас (1474 — 1566).

произошло на три месяца раньше того, как его случайно обнаружил португалец Алвариш Кабраал, обычно считающийся первооткрывателем Бразилии. Экспедиция спустилась на юг примерно на сорок лиг, потом, снесенная с курса течением, вновь взяла направление на северо-запад. Она преодолела вдоль побережья огромное расстояние, может быть 600 лиг, до залива Пария и Жемчужного берега, пристала у исполинов (?), в конце концов приблизилась к Эспаньоле и вернулась в Кадис в 1500 году.

Америго Веспуччи, который не был, как Колумб, безоговорочно верен испанскому королю, и, возможно, был прав, находился в Севилье, когда король Португалии Мануэл¹ пригласил его к себе на службу. Он тотчас согласился и принял участие в новой научной экспедиции, но, очевидно, как всегда, в положении рядового члена команды², поскольку его имя не обнаружено в документах эпохи или в архивах администрации, терпеливо изучаемых добросовестными исследователями³.

Экспедиция, посланная королем Мануэлом к землям, открытым Кабраалом, состояла из трех кораблей. Она покинула Лиссабон 13 мая 1501 года⁴, приблизилась к островам Зеленого Мыса и продолжала свой путь в течение семидесяти семи дней, после чего достигла земли, которую объявила собственностью короля Португалии. Это было 17 августа 1501 года. Аборигенов явилось множество, настроены они были враждебно. Три матроса, неосторожно опередившие остальных, были схвачены, умерщвлены, разрезаны на мелкие кусочки, сварены и съедены. Все это произошло так быстро, что никто не успел прийти им на помощь.

¹ Мануэл Первый Счастливый (1469 – 1521) – король Португалии с 1495 года.

² Современные исследователи признают, что Америго мог быть в экспедиции «космографом и математиком», то есть астрономом. Впрочем, ряд историков сомневается в реальности и этого плавания Веспуччи.

³ Это неудивительно, потому что даже имя начальника экспедиции раскрыть не удалось.

⁴ Сам Америго указывает, что его «третье плавание» продолжалось с 10 мая 1501 года по 15 октября 1502 года.

Подняли якорь, и флотилия, идя вдоль берега в направлении на юго-восток, подошла к мысу Святого Августина, получившему свое название по дню открытия — 28 августа. Она спустилась еще ниже и обследовала бухту, получившую имя Рио-де-Жанейро («Январская река»)¹, потом моряки отважились отправиться дальше на юг, очевидно до широкого эстуария² Рио-де-ла-Плата³, и вернулись в порт Лиссабон 7 сентября 1502 года после шестнадцатимесячного похода.

В 1503 году, также на средства короля Португалии, с целью достичь восточного, очень богатого, по слухам, острова, называемого Малакка, была снаряжена четвертая экспедиция Америго Веспуччи, а точнее экспедиция под руководством Гонсалу Куэлью, в которой, неизвестно в каком качестве, принимал участие Америго Веспуччи⁴.

Она покинула Лиссабон 10 июля 1503 года и была очень далека от выполнения поставленной перед ней задачи. Флотилия прошла через острова Зеленого Мыса, пересекла экватор и 10 августа, перейдя через 3° южной широты, оказалась в виду острова, расположенного недалеко от бразильского берега — очевидно Фернанду-ди-Норонья, расположенного за 4° к югу⁵.

Там из-за небрежности начальника экспедиции Куэлью самый большой корабль «Капитана», один из шести, составляющих флотилию, погиб на рифе. Два других сбились с пути, и под командованием Жуана Диаша ди Солиша и Жуана ди Лижбоа впервые посетили Рио-де-ла-Плата. Куэлью и Веспуччи с оставшимися кораблями прошли вдоль берега Бразилии до 18° южной широты, затем совершили экскурсию в глубь суши, собрали там

¹ Эта прекрасная бухта открылась мореплавателям 1 января 1502 года.

² Э с т у а р и й — широкое устье впадающей в море реки.

³ Это предположение неверно: сам Веспуччи указывает, что корабли, следуя вдоль Южноамериканского континента на юго-запад, дошли 15 февраля до 32° ю. ш., откуда взяли курс на юго-восток, в открытый океан; тем не менее на картах первого десятилетия XVI века самая южная из посещенных точек побережья располагалась на широте 25° к югу от экватора; северный берег Ла-Платы расположен под 35° ю. ш.

⁴ «Четвертое плавание», как сообщает Веспуччи, длилось с 10 мая 1503 года по 18 июня 1504 года.

⁵ По современным определениям, остров лежит под 3°50' ю. ш.

запас красящего дерева и закончили тем, что 28 июня 1504 года вернулись в Лиссабонский порт.

После этой экспедиции, в которой Америго, будучи второстепенным участником, не реализовал ни одной из вполне законных своих надежд, он, повинаясь настойчивому требованию испанской администрации или, возможно, как намекали, даже по приглашению самого короля, вернулся в Испанию. Правительство Мадрида собиралось снарядить экспедицию на поиски с южного направления знаменитого прохода, тщетно отыскиваемого в ту пору. Именно в связи с этим мореплаватель и был призван ко двору. Но обстоятельства политического характера помешали реализации этого проекта, осуществленного только спустя три года. Веспуччи никак не участвовал в нем. Он получил назначение на почетную и доходную должность главного лоцмана¹, в обязанности которого входило экзаменовать лоцманов на умение обращаться с астрольбией, проверять их теоретические и практические знания, обучать их, что требовало очень обширных знаний в области навигации².

Он занимался этим до самой своей смерти в 1512 году, когда ему был шестьдесят один год.

А теперь последнее слово о безусловно значительном человеке, которому судьбой было предназначено нести тяжелое бремя незаслуженной славы.

Америго был итальянцем, и на его родине, которая тогда была самым оживленным центром литературного Возрождения, наперегонки перепечатывали его записки о Новом Свете³, бывшие в ту пору единственным источником сведений об этих удивительных открытиях. Поскольку записки были написаны таким образом, что роль рассказчика выглядела в них более значительной, чем на то были основания, то Италия, гордящаяся своим флорентийским

¹ Официально эта должность именовалась так: главный пилот Торговой палаты.

² Возможно, как предполагают некоторые исследователи, Веспуччи еще дважды, в 1505 и 1507 годах, плавал в Карибском море.

³ Имеется в виду отпечатанное в виде трактата письмо Америго к Лоренцо Пьеро Франческо Медичи; трактат был издан по-латыни в 1503 году одновременно в нескольких городах и назывался «Mundus Novus» («Новый Свет»).

навигатором, очень скоро отождествила имя Америго Веспуччи с понятием Нового Света. При таком положении вещей в 1507 году, то есть за пять лет до его смерти и, следовательно, когда у него еще была возможность установить истину, в Виченце была отпечатана книга с чудовищной неправдой в заглавии «Новый Свет и страны, недавно открытые Альберико Веспутио флорентийцем»¹.

В том же 1507 году в Сен-Дье, в Лотарингии², издали книгу, которая должна была оказать особое влияние на распространение этой исторической несправедливости. Ее автор, ученый Мартин Вальдземюллер, переименовавший свое имя по обычаю того времени на греческий манер и называвший себя Хилакомилус³, преклонялся перед великими географическими открытиями, сделанными за последние пятнадцать лет в Атлантическом океане, прочитав записки Америго Веспуччи, отпечатанные в Италии, в которых последнему приписывалось большинство этих открытий, выразил свое удивление, что ни одной из новых земель не было присвоено имя ее первооткрывателя!..

Тогда, очень решительно, как человек, исправляющий большую несправедливость, он взял на себя инициативу и дал Новому Свету *orbis novus* — название Америка!⁴

¹ Эта книга объемом в 126 страниц включала в себя описания португальских экспедиций Кадамошту, Васко да Гамы, Кабрала, первых трех плаваний Колумба и «Мундус Новус».

² Лотарингия — историческая область на северо-востоке Франции, в то время — герцогство.

³ Математик и географ Мартин Вальдземюллер занимался рисованием и гравировкой карт; что же касается текста, то он состоял из переведенной на латинский язык «Космографии» великого античного географа Птолемея и перевода на тот же язык упомянутого письма Веспуччи («Мундус Новус»); этот последний был выполнен Жаном Базеном. Вальдземюллер написал предисловие, обращенное к германскому императору Максимилиану.

⁴ Это не совсем так: в 1507 году под «Америкой» понималось только северное побережье Бразилии. На весь Новый Свет название Америка распространили после того, как в 1515 году нюрнбергский географ Йоханнес Шёнер в брошюре, приложенной к созданному им глобусу, назвал вновь открытый континент «Четвертой частью света Америкой, или Америгой», а в 1538 году это имя появилось на карте мира Герарда Меркатора, охватив как Северную, так и Южную Америку.

Колумба уже год как не было на свете. Веспуччи прожил еще пять лет и не протестовал, хотя вряд ли стоит утверждать, что главный лоцман Испании мог ничего не знать о книге Хилакомилуса, даже принимая во внимание как трудно и каким малым тиражом распространялись первые печатные книги.

Эта идея ученого быстро пробила себе дорогу и нашла широкое распространение. На картах мира, одной, составленной в 1520 году знаменитым космографом Петрусом Аппианусом, и другой, опубликованной Лораном Фризием¹ в Страсбурге в 1522 году, нанесено название Америка на новых землях к югу от Карибского моря, но сохранено противоречивое пояснение: «*Naes terra, cum adjacentibus insulis inventa est per Columbum Jannensem, ex mandato regis Castellae*», что значит: «Эта земля с прилегающими островами была открыта Колумбом под покровительством короля Кастилии».

Позже имя Христофора Колумба исчезает с этих документов, на которых отныне стоит имя Америго Веспуччи...²

Sic vos non vobis... Так вы, но не вам...

ГЛАВА 3

МАГЕЛЛАН

Больше, чем когда-либо, идея прохода, ведущего к Ост-Индии, тревожила умы. Область, открытая ранее Колумбом, значительно расширилась. Начало было положено открытием новых земель на огромном пространстве, лежащем между Азией, с одной стороны, и Европой с Африкой — с другой. Следовательно, это не была Азия, как предполагал Колумб и его последовате-

¹ Фризий (Фриз) Лоренц (Лоран) — известный в те времена картограф.

² Ради исторической правды стоит сказать, что название Новый Свет не является находкой Америго Веспуччи. Первым мысль о том, что открытые Колумбом земли не принадлежат Азии, а образуют некий новый мир, высказал в одном из писем еще в 90-е годы XV века итальянский ученый Пьетро Мартире д'Ангьера (Пьер Мартир; 1459 — 1526), живший с 1487 года при испанском дворе.

ли. Но тогда длинную линию побережья должен разрывать пролив, какой-нибудь проход, чтобы можно было попасть в нее. Новый континент, как уже было очевидно, не должен был, просто не мог перегораживать океан от полюса до полюса.

Следовательно, надо было искать этот проход. Поскольку Америго Веспуччи удался от дел, то новая миссия была поручена в 1508 году Хуану Диасу де Солис, очень способному навигатору и космографу, принимавшему ранее участие в путешествии Куэлью. Де Солис высадился вместе с Висенте Яньесом Пинсоном на побережье хорошо известной земли Санта-Крус¹, будущей Бразилии, но не смог перешагнуть за 40° широты, чтобы подойти к устью Рио-Негро², хотя преодолел, сам того не зная, широкий залив Рио-де-ла-Плата, который ему будет суждено открыть только через семь лет, в 1515 году³, во время нового путешествия, ставшего последним в жизни мореплавателя. Обследуя могучую реку он, поверив в дружелюбие индейцев, неосторожно высадился на землю, был внезапно схвачен ими, убит, разрезан на куски и съеден на глазах потрясенного экипажа, который, не имея шлюпок, не мог прийти ему на помощь или отомстить за него.

Честь отыскать проход досталась Магеллану.

Фернанду Магальяйнш, или по-французски Магеллан, родился в 1470 году в португальском городе Порту в знатной семье⁴. Человек с железной волей, решительным характером, но умеющий при необходимости обуздывать себя, при этом неустрашимый, ни во что не ставящий собственную жизнь, он должен был сделать блестящую карьеру при благоприятных обстоятельствах, которые и сумел сам создать.

Двадцатилетний юноша сел на корабль и отправился в Индию, долго воевал в Кочине, в Зондском проливе и у

¹ В переводе с испанского: Земля Святого Креста.

² Рио-Негро — имеется в виду река в центральной части Аргентины, впадающая в Атлантический океан у 41° ю. ш.

³ Де Солис исследовал Ла-Плату в 1516 году.

⁴ В настоящее время в большинстве справочных изданий датой рождения Магеллана указывается 1480 год (часто также пишут, что мореплаватель родился «около 1480 г.»). Местом его рождения была гористая и бедная португальская область Транз-уш-Монтиш.

берегов Малайского полуострова, стал во время этих опасных со всех точек зрения битв умелым военным и не имеющим себе равных моряком. Кроме того, очень четкие понятия о восточных морях и их пышных архипелагах, вынесенные из Европы, внушили ему первые мысли о будущем дерзком предприятии. Магеллан вернулся в Португалию, эффективно посодействовав захвату Малакки¹, и затем отправился в африканские колонии, где был настолько тяжело ранен в стычке с дикарями, что на всю жизнь остался хромым.

Уже тогда его имя было покрыто славой и обещало верную службу тому, кто сумеет плодотворно ею воспользоваться. Он посвятил в свои проекты короля и просил у него субсидий на организацию экспедиции для поиска знаменитого прохода в Восточные Индии, но, как и прочие активные и мыслящие люди, натолкнулся на глухое противодействие королевского двора, занятого исключительно интригами и заискиванием перед владыкой. Независимая и гордая душа не позволила ему вступить в бесполезную и недостойную борьбу. Внезапно Магеллан покидает страну.

Оставив Португалию, он отправляется в Севилью, привлеченный туда энергичным и очень самобытным характером Карла V. Это было в 1517 году, то есть через два года после страшной смерти Хуана Диаса де Солиса на берегах Рио-де-ла-Плата. Путешественник предлагает возобновить попытку отыскать на юге проход, открывающий прямую дорогу к Молуккским островам. Его вера в успех, твердое слово и убежденность, подкрепленные отличным знанием навигаторского дела, очень подействовали на короля. Предложение было принято.

Иностранное происхождение Магеллана вызывало, как это было и с Колумбом, враждебность, выразившуюся кознями, клеветой, всякого рода препятствиями и ловушками. Но он на все это поглядывал свысока с видом человека, имеющего цель и не устаивающего вниманием подобные пустяки. Впрочем, этому способствовала поддержка монарха, человека совсем другого масштаба, чем

¹ Захват Малакки, города, который португальцы справедливо считали ключом к китайским портам, был осуществлен летом 1511 году знаменитым Афонсу д'Албукерки, бывшим в то время вице-королем Индии.

Фердинанд Арагонский, умеющего к тому же проявить свою волю, перед которой склонялось все.

Путешественнику предоставили пять кораблей, наперекор всему, даже покушениям на его жизнь, которые он предотвратил благодаря своей отваге. После двух долгих месяцев упорной работы приготовления были наконец закончены. В последний момент против Магеллана подняли мятеж с бестолковым участием черни, всегда покорно следующей за вожаками. Наконец двести шестьдесят пять отборных моряков погрузились на корабли; эскадра под звуки артиллерийского салюта распустила паруса в Санлукар-де-Баррамеда, порту Севильи, расположенном в устье Гвадалквивира. Было 20 сентября 1519 года.

Магеллан, сознавая свой долг и возложенную на него ответственность, претендовал на абсолютную власть и держал в руках всю экспедицию. Его корабль всегда шел первым, за ним следовали остальные. Ночью на каждом из судов, которые должны были сохранять строевой порядок, горели фонари. Другие фонари, зажигаемые по два, по три, по четыре, то больше, то меньше, в зависимости от того, как было условлено, служили сигналами для управления маневрами, подлежащими точному исполнению капитанами других судов...

На борту судна, управляемого Магелланом, в качестве волонтера находился уроженец итальянского города Виченцы, называвший себя Антонио Пигафетта, который прибыл к испанскому двору в свите папского посла Кьерикати. Ловкий моряк¹, отличный математик, страстный путешественник, итальянец быстро познакомился и подружился с Магелланом, который охотно взял его с собой и назначил историографом экспедиции². Все события, описанные им, отличаются большой достоверностью.

¹ Сам Антонио Пигафетта не говорит в своих записках ни об отличных познаниях в математике, ни о страсти к путешествиям, ни о любви к морской стихии. Весьма возможно, полагают современные исследователи, что кругосветка была его первым в жизни плаванием.

² Это достаточно смелое утверждение автора не подтверждается историческими документами. К тому же сам Магеллан, вплоть до дня своей гибели, вел подробные дневники плавания, которые впоследствии бесследно исчезли. Исследователи единодушно считают, что книга Пигафетты является всего лишь кратким конспектом этих дневников.

Его чрезвычайно увлекательный отчет заслуживает того, чтобы привести его здесь, настолько он прост, элегантен, искренен и непретенциозен¹.

«...Двадцатого сентября, — пишет он, — мы отправились из порта Санлукар, держа курс на юго-запад; 26 числа достигли одного из Канарских островов Тенерифе на 28° северной широты. Здесь мы остановились на три дня в месте, пригодном для того, чтобы запастись водой и дровами; затем провели два дня в гавани Монте-Россо², расположенной на том же острове. Нам рассказали о странном местном явлении: дело в том, что здесь никогда не идет дождь, нет ни источника, ни реки, но растет огромное дерево, листья которого непрерывно источают капли великолепной воды, собирающейся в яме у его подножия; отсюда берут воду островитяне, сюда приходят на водопой животные, как дикие, так и домашние. Дерево всегда окружено густым туманом, без сомнения снабжающим водой его листву³.

В понедельник 3 октября направили паруса непосредственно на юг, прошли между мысом Зеленым и примыкающими к нему островами, расположенными на 14°30' северной широты.

Проплыв несколько дней вдоль берега Гвинеи, подошли к горе, именуемой Сьерра-Леоне, расположенной на 8° северной широты. Здесь мы испытали на себе встречные ветры и мертвые штили с ливнем вплоть до линии экватора; период дождей длился шестьдесят дней, вопреки мнению древних⁴.

¹ Разумеется, автор приводит только выдержки из отчета Антонио Пигафетты. Сохранилось несколько рукописей этого дневника на французском языке, представляющем собой сокращенную версию реляции путешественника. Именно с французского текста был сделан первый перевод отчета на русский язык (1928); в 1950 г. Географгизом была выпущена полная версия дневника, переведенная с итальянского.

² Монте-Россо — это Пунта-Роха на южной оконечности океанического острова Тенерифе.

³ Приводимая автором записок легенда основана на рассказе древнеримского натуралиста Плиния Старшего (23 — 79). Легенду вызвали к жизни реальные наблюдения путешественников: растущие на Мадейре и Канарских островах вечнозеленые деревья (лавр и другие) собирают в листьях влагу из туманов в продолжение дня.

⁴ Древние географы полагали, что в жарком поясе дождей вообще не бывает.

На 14° северной широты нас застигли безжалостные шквалы, которые вместе с течениями не позволили двигаться вперед. При приближении шквалов мы в качестве меры предосторожности спустили все паруса и успели поставить суда поперек волн еще до того, как налетел ветер.

В ясные и спокойные дни огромные рыбы, называемые акулами, плавали около нашего корабля. У этих рыб страшные зубы в несколько рядов; и не приведи господь, если они встретят человека в море, — сожрут на месте. Мы поймали на крючки несколько штук; но крупные были совсем не пригодны для еды, да и мелкие не много стоили.

Во время грозы часто видели огонь святого Эльма¹. Очень темной ночью он появлялся в виде прекрасного факела на вершине большого дерева, где оставался в течение двух часов, и служил нам большим утешением среди бури, а в момент исчезновения вспыхивал ослепительным ярким огнем. Мы уже готовы были проститься с жизнью, но ветер внезапно прекратился.

Когда мы пересекли линию экватора и направились на юг, из виду исчезла Полярная звезда. Идя по курсу юго-юго-запад, мы добрались до суши, называемой Земля Верзин, лежащей за 20°30' южной широты и являющейся продолжением той, где находится мыс Святого Августина (берег Бразилии) на 8°30' той же широты, и сделали большой запас кур, пататов², какого-то фрукта, напоминающего еловую шишку, но очень сладкого и изысканного на вкус (без сомнения ананас), очень сладкого тростника (сахарный тростник), мяса «анта»³, напоминающего говядину. Сделка была очень удачной: за один

¹ Огни святого Эльма — светящиеся электрические разряды на острых концах предметов, возвышающихся над поверхностью земли (башни, корабельные мачты, отдельные высокие деревья, шпили). Огни наблюдаются при особенно большой напряженности атмосферного электрического поля, например, во время грозы. Свое название огни получили по церкви Святого Эльма в Италии, на башнях которой они особенно часто наблюдаются. У моряков считались хорошим предзнаменованием.

² Пататы — так испанцы называют картофель.

³ В судовом журнале отмечается, что это было мясо ламы, безгорбого южноамериканского верблюда.

рыболовный крючок или нож нам давали пять-шесть кур; двух гусей — за гребень; за маленькое зеркальце или пару ножниц получали столько рыбы, что ее хватило бы на десять человек; за один бубенчик или бант индейцы приносили нам корзину пататов, так они называли корни, формой похожие на репу, а вкусом — на каштаны. Так же хорошо нам заплатили за игральные карты; за короля — шесть кур, можно ли себе представить более выгодную сделку.

В гавань мы вошли в день святой Люсии, то есть 13 декабря. Был полдень, солнце стояло в зените, и жара была как на экваторе. Земля Бразилии, изобилующая съестными припасами и распростертая на площади, равной Испании, Франции и Италии, вместе взятым, теперь принадлежала королю Португалии. Бразильцы не христиане, но и не идолопоклонники, поскольку никому не поклоняются. Живут очень долго, и старики обычно доживают до ста двадцати пяти, а иногда и до ста сорока лет. Как женщины, так и мужчины ходят совершенно голыми. Их жилища представляют собой длинные хижины, “бойи”, в которых они спят на сетках из хлопка, называемых гамаками и привязываемых двумя концами к огромным балкам. Пищу готовят на земляных очагах. В одной хижине может иногда находиться до сотни человек, среди которых много женщин и детей, отсюда постоянный шум. Лодки, называемые “каноз”, сделаны из бревна, выдолбленного при помощи каменного инструмента; поскольку камни заменяют им железо, то их всегда не хватает. Деревья такие большие, что в одну лодку могут поместиться до тридцати и даже сорока человек, для управления используют весла, похожие на наши лопаты, которыми орудуют булочники.

...Мужчины и женщины хорошо сложены и почти не отличаются в этом от нас. Иногда они едят человеческое мясо, но только если оно принадлежало их врагам. Людоедство не связано с необходимостью или вкусом, это дань обычаю, который укоренился следующим образом. У старой женщины был только один сын, и его убили враги. Спустя некоторое время убийца ее сына был захвачен в плен и приведен к ней. Мать бросилась на него, как разъяренный зверь, и зубами разорвала ему плечо.

Этому человеку посчастливилось не только вырваться из рук старухи и убежать, но и вернуться к своим сопле-

менникам, которым он показал след от зубов на плече и заставил их поверить, а может быть, поверил в это и сам, что враги хотели сожрать его живьем. Чтобы не уступать другим в жестокости, его соплеменники тоже решили съедать врагов, захваченных в битвах, а те, в свою очередь, пришли к такому же решению. Однако пленников не съедали на месте живьем, а резали на куски и делили между победителями, которые уносили свою долю, сушили ее над дымом костра и каждый восьмой день жарили маленький кусочек и съедали. Об этом мне рассказал Жуан Карвалью, наш лоцман, проживший четыре года в Бразилии.

Бразильцы раскрашивают тела и особенно лица самым различным образом, женщины в такой же мере, как мужчины. Волосы, которые они тщательно общипывают, у них короткие и курчавые. Мужчины одеты в нечто похожее на куртку, сделанную из попугайчих перьев, сотканных вместе и расположенных таким образом, что длинные перья из крыльев и хвоста образуют кольцо вокруг поясицы. Такой наряд придает его владельцу причудливый и странный вид.

Почти у всех мужчин в губе проделаны три отверстия, с которых свисают круглые камушки длиной в палец. У женщин и детей нет такого неудобного украшения, как, впрочем, и никакой одежды. Их кожа имеет скорее оливковый, чем черный цвет. Правит ими король, которого называют "каси́ком".

Страна населена бесчисленным множеством попугаев; за одно зеркало нам их давали по восемь — десять штук. Там водятся очень красивые обезьянки желтого цвета, немного похожие на львов¹.

Аборигены едят нечто напоминающее по виду круглый белый хлеб, а по вкусу простоквашу, который нам не понравился. Готовят это кушанье из вещества, находящегося между корой и древесиной какого-то дерева². У них име-

¹ *Sebus* — сапажy, род цепкохвостых обезьян, типичный для бразильских лесов; обезьянки этого рода, поведением похожие на мартышек, очень часто вывозились в Европу.

² Речь идет о хлебе, изготовленном из корней кассавы, или маниока (род тропических южноамериканских растений семейства молочайных, из богатых крахмалом клубневидных корней которого получают крупу).

ются также свиньи, как нам показалось, с пупком на спине¹, и большие птицы с клювом, похожим на ложку, но совсем без языка².

Женщины выполняют самую тяжелую работу, их часто можно видеть спускающимися с горы с тяжелыми корзинами на голове; но они никогда не ходят одни; мужья всегда следуют за ними со стрелами в одной руке и луком, сделанным из бразильского дерева, или черной пальмы, в другой. Если у женщин есть маленькие дети, то они их носят в сплетенной из хлопкового волокна сетке, подвешенной к шее.

...Эти люди чрезвычайно доверчивы и добры. Их было бы легко обратить в христианство. Случай помог нам снискать у туземцев благоговение и уважение. Великая сушь царила в стране в течение двух месяцев, и, поскольку именно в момент нашего прибытия небо послало им дождь, они не преминули приписать нам это благодеяние. Когда мы высадились, чтобы на суше отслужить мессу, туземцы молча с сосредоточенным видом присутствовали на ней. Увидев, что мы спускаем на воду шлюпки, привязанные к бортам судна или следовавшие за ним на буксире, они вообразили себе, что это детеныши корабля и что он их кормит.

В этой гавани мы провели тринадцать дней, после чего продолжили наш путь и проследовали вдоль берега этой страны до 34°20' южной широты, где обнаружили большую реку с пресной водой.

Именно здесь жили каннибалы, или людоеды.

Один из них, громадного роста, с голосом, напоминавшим рев быка, приблизился к нашему кораблю, стараясь успокоить своих соплеменников, которые в страхе, что мы причиним им зло, убегали от берега и отступали вместе со своим имуществом в глубь страны. Сотня наших людей прыгнула на землю и бросилась вдогонку, чтобы поговорить с аборигенами и рассмотреть их поближе, но они

¹ Имеется в виду свинья вида *Dicotylus torquatus* с щетиной белесого цвета, напоминающей иглы дикобраза. Животное это бесхвостое, очень свирепое и не поддается приручению.

² Речь идет о розовой колпице (*Platalea ajaja*), типичной птице тропической и субтропической Америки, а также для некоторых южноамериканских областей с более суровым климатом.

делали такие огромные шаги, что даже бегом и прыжками догнать их было невозможно.

На этой реке было семь маленьких островов: на самом большом, называемом Санта-Мария, нашли драгоценные камни. Прежде считалось, что это не река, а протока, по которой можно попасть в "Южное море". Но вскоре убедились, что это все-таки впадающая в море река, устье которой имеет ширину семнадцать лиг. И именно здесь Хуан де Солис, пришедший, как и мы, чтобы открыть новые земли, был съеден каннибалами, которым он слишком доверился.

Продолжая плыть вдоль берега в направлении Южного полюса, мы остановились на двух островах, населенных только гусями и морскими волками¹.

Первые были в большом количестве и такие доверчивые, что в течение часа мы сделали большой запас провианта для экипажей наших пяти кораблей. Гуси были черные, сплошь покрытые мелкими перьями, длинные маховые перья на крыльях, необходимые для летания, у них полностью отсутствовали; они и в самом деле не умели летать. Птицы питались рыбой и были такие жирные, что мы вынуждены были снимать с них кожу, чтобы очистить от перьев. Их клюв походил на рог.

Морские волки были разного цвета и размером почти с теленка, на которого походили головой. Уши короткие и круглые, зубы очень длинные. У них почти не было ног, и лапы, посаженные прямо на тело, напоминали расплющенные кисти наших рук с маленькими ногтями, пальцы соединялись перепонкой, как на утиной лапе. Если бы эти животные могли бегать, их можно было бы испугаться, такой у них был свирепый вид. Они быстро плавали и кормились только рыбой.

...В середине этих островов мы пережили страшную грозу, во время которой огни святого Эльма, святого Николая и святой Клары² появлялись несколько раз на концах мачт, и в момент их исчезновения было заметно, как на мгновение стихала гроза.

¹ Морские волки — животные из семейства ушастых тюленей.

² Огни святого Николая, огни святой Клары — то же, что огни святого Эльма (см. выше).

Удаляясь от этих островов, чтобы продолжить путь, мы достигли 49°30' южной широты, где нашли хорошую гавань; и поскольку приближалась зима, следовало решить, где провести это плохое время года.

Прошло два месяца, а нам не встретился ни один обитатель этой страны. Но однажды совершенно неожиданно перед нами предстал человек гигантского роста. Почти голый, он пел и танцевал на берегу, посыпая себе голову песком.

Капитан послал на сушу одного из матросов и приказал жестами подавать знаки мира и дружбы. И гигант спокойно позволил проводить себя на маленький остров, куда высадился капитан. Я находился там среди прочих. Туземец очень удивился, увидев нас, и, подняв палец, показал, что думает будто бы мы спустились с неба.

Прекрасно сложенному незнакомцу мы едва доставали до пояса. На его широком лице, выкрашенном в красный цвет, глаза были обведены желтым, а на щеках красовались два пятна в форме сердца. Его негустые волосы казались выбеленными каким-то порошком, одежда, напоминавшая пальто, была из хорошо сшитых шкур животного, в изобилии водившегося в этой стране. Это животное, которое мы потом неоднократно встречали, имело голову и уши мула, тело верблюда, ноги оленя, а хвост и ржание, как у лошади¹. На ногах туземец носил нечто похожее на обувь, сделанную из той же шкуры. В его левой руке находился короткий массивный лук с тетивой, чуть толще струны лютни, из кишки того же животного; в правой — короткие тростниковые стрелы с перьями на одном конце и с кремневым белым и черным наконечником, вместо металлического, на другом. Из того же камня делают режущий инструмент для обработки дерева.

Начальник экспедиции накормил и напоил его и среди прочих безделиц подарил большое стальное зеркало. Гигант, не имевший ни малейшего представления об этом предмете и, без сомнения, впервые увидев свое лицо, испуганно отступил, опрокинув на землю четверых из наших людей, стоящих сзади. Ему подарили еще бубенчики, маленькое зеркало, гребень и несколько стеклянных бу-

¹ Речь идет о гуанако, одном из видов южноамериканских парнокопытных животных семейства верблюдовых.

син, а потом отправили на сушу в сопровождении четверых хорошо вооруженных людей.

Через шесть дней наши люди, занятые заготовкой дров для эскадры, увидели другого гиганта, одетого и вооруженного, как наш первый гость, но еще выше ростом, еще лучше сложенного и с более приятными манерами. Он провел с нами несколько дней. Мы научили его произносить имя Христа, “Патер ностер”¹ и т. п., что у него получалось не хуже, чем у нас, но очень громко, и окрестили, дав имя Хуан. Капитан-генерал подарил ему рубашку, куртку, суконные штаны, колпак, зеркало, гребень, бубенцы и другие безделушки. Наш гость вернулся к своим соплеменникам, казалось, очень довольный нами.

Эти люди, — продолжает рассказчик, — питались обычно сырым мясом и сладкими кореньями “капак”, мышей поедали, даже не сняв с них шкурку. Но при этом, находясь у нас в гостях, они не стеснялись съедать каждый по полной корзинке сухарей и выпивать на одном дыхании по полведра воды. Наш капитан назвал их патагонами (что значит по-испански “большие ноги”).

...Эскадра оставалась на этой якорной стоянке, получившей название бухта Святого Юлиана², около пяти месяцев. За это время здесь возник заговор с целью убийства Магеллана, преподавшего покушавшимся страшный урок. Один из руководителей заговора, Хуан де Картахена, был четвертован, другой, Луис де Мендоса, заколот кинжалом, третий, Гаспар де Кесада, был оставлен со священником, его сообщником, в стране патагонов. И другое событие — один из кораблей эскадры «Сантьяго» разбился о скалы. К счастью, экипаж и часть груза удалось спасти.

Двадцать первого октября 1520 года, когда эскадра, продолжая путь на юг, находилась, по мнению Магеллана, на 52° южной широты, а в действительности на 52°25', с борта заметили проход, вид которого наполнил радостью сердце командора. Но весь экипаж, говорит Пигафетта, был так уверен, что это бухта, а не пролив, что никто даже не подумал бы его исследовать, если бы не интуиция

¹ «Патер ностер» («Отче наш») — первые слова и название католической молитвы.

² Бухта Святого Юлиана — современный залив Сан-Хулиан.

и обширные знания Магеллана. И как потом оказалось, это действительно был пролив, имевший в длину 110 морских лиг, а в ширину в среднем половину лиги¹, и выходил в другое море, названное нами Тихим.

Магеллан, который ничего не хочет оставлять на волю случая, посылает вперед два корабля: «Сан-Антоньо» и «Консепсьон». А пока он ждет со стоящими на якорях «Тринидадом» и «Викторией», налетает ужасная буря, продлившаяся тридцать шесть часов; корабли дрейфуют на якорях и мотаются по воле ветра и волн. Проходят три дня тревог и смертельных опасностей. И когда командор уже почти теряет надежду снова увидеть корабли, посланные на разведку, они возвращаются на всех парусах, салютуя из пушек. Проход имеет продолжение. Эскадра устремляется в него и проходит примерно две трети его длины. Новая стоянка, осторожный Магеллан опять посылает на разведку «Сан-Антоньо» и «Консепсьон».

«Сан-Антоньо» поднимает паруса и отправляется, не дожидаясь «Консепсьон». Все аплодируют такому рвению, не подозревая, что за ним кроется предательство. Кормчий «Сан-Антоньо»² решил воспользоваться ночью, чтобы вернуться обратно в Испанию, что он успешно и сделал.

«Этим кормчим, — пишет Пигафетта, — был Гомиш, ненавидевший Магеллана за то, что, когда последний прибыл в Испанию и предложил императору экспедицию к Молуккским островам через запад, Гомиш уже почти получил каравеллы для своей экспедиции, но их отдали Магеллану, а ему пришлось довольствоваться местом

¹ В единицах метрической системы длина Магелланова пролива составляет около 550 км, а наименьшая ширина — около 3 км.

² Этим кормчим был опытный и честолюбивый португальский мореплаватель Иштебан Гомиш, между прочим — дальний родственник Магеллана. Его дезертирство произошло в первой половине ноября и было вызвано, видимо, тем, что руководитель экспедиции недостаточно почтительно (по мнению беглеца) обращался со своим кормчим. «Сан-Антоньо» вернулся в Севилью 6 мая 1521 года. После возвращения уцелевших участников кругосветного плавания Гомиш был даже на некоторое время посажен в тюрьму, но томился там недолго, так как уже в 1524 году затеял экспедицию с целью открытия Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Он прошел вдоль североамериканского побережья от Флориды до Кейп-Кода и вернулся в Испанию в 1525 году.

младшего лоцмана на корабле соперника; но больше всего испанца раздражало то, что он находился в подчинении у португальца.

За ночь Гомиш сговорился с другими испанцами из членов экипажа. Они ранили и заковали в кандалы капитана корабля Альваро де Мескита, двоюродного брата Магеллана, и доставили его таким образом в Испанию. Предатели рассчитывали также привести с собой одного из двух гигантов, захваченных нами, находящегося на их корабле. Но, вернувшись, мы узнали, что он умер на подходе к экватору, не перенеся страшной жары.

Корабль “Консепсьон”, который не мог сразу последовать за “Сан-Антоньо”, крейсировал в проходе, напрасно ожидая его возвращения.

А мы с двумя кораблями вошли в другой проход, который оставался у нас на юго-западе, и, продолжая путь, достигли реки и назвали ее Сардиновой из-за огромного количества увиденной там рыбы¹. Здесь мы стали на якорь, дожидаясь двух других кораблей, и простояли четыре дня; но, чтобы не терять даром время, Магеллан послал хорошо оснащенную шлюпку на разведку этого прохода, который, по его предположению, должен был иметь выход в другое море. Матросы вернулись на третий день и объявили, что видели мыс, где заканчивался пролив, и огромное море, то есть океан. Мы заплакали от радости.

Этот мыс был назван мысом Желания², поскольку в действительности мы уже давно желали его увидеть.

Вернувшись назад, чтобы воссоединиться с двумя нашими кораблями, мы нашли только “Консепсьон”. Расспросили у лоцмана Жуана Серрана³ о судьбе второго

¹ Устье Сардиновой реки — это гавань Галлант, что на полуострове Брансуик, напротив архипелага Карлос.

² Мореплаватели называли его по-испански: мыс Десеадо; позднее мыс получил другое название — Пилар.

³ Жуан Серран — брат близкого друга Магеллана Франсишку Серрана; опыт мореплавания у него был огромный: он служил еще под командованием Васко да Гамы, Алмейды и Албукерки. Жуан Серран вышел в плавание в качестве капитана и кормчего «Сантьяго», но после крушения этого корабля получил под свое начало «Консепсьон». Когда Магеллан погиб, Серран стал вместе с Дуарти Барбозой во главе флота, но вскоре был убит на острове Себу.

корабля. Он считал его потерявшимся, поскольку не видел с момента, когда тот отправился в пролив. Командор отдал приказ искать "Сан-Антоньо" повсюду, но главным образом в том проходе, куда он вошел. "Виктория" отправилась до начала пролива, и, не найдя его, моряки установили штандарт, а у подножия положили горшок с письмом, указывающим маршрут следования эскадры. Такой способ предупреждения на случай рассеяния кораблей был оговорен в момент нашего отправления. Таким же образом было установлено еще два сигнала на высоких местах в первой бухте и третий на маленьком островке, населенном огромным количеством морских волков и птиц. Командор вместе с "Консепсьон" дождался возвращения "Виктории" около реки Сардин и установил крест на маленьком острове у подножия двух покрытых снегом гор, откуда река брала свое начало.

На тот случай, если бы мы не открыли этот пролив, чтобы пройти из одного моря в другое, командор решил пройти до 75° южной широты, где летом совсем или почти совсем не было ночи, как не было дня зимой.

В то время, когда мы находились в проливе, был октябрь, и ночь длилась всего три часа.

Левый берег этого пролива, обращенный к юго-востоку, был низкий. Мы дали ему название Патагонского. Через каждые пол-лиги здесь можно было найти надежную бухту с хорошей водой, кедровые деревья, сардины и великое множество раковин. Вокруг источников росли тучные травы, среди которых были как горькие, так и вполне съедобные, например, трава, похожая на сладкий сельдерей, которой мы питались, за неимением иной пищи.

В конце концов, я решил, что в мире нет лучшего пролива, чем этот.

...В среду 28 ноября на выходе из пролива перед эскадрой внезапно открылся простор океана. Казалось, наконец-то мы достигли цели, не подозревая, какое расстояние нас от нее отделяет. Обманутый идеей Христофора Колумба, которая не оставляла того до конца дней, Магеллан решил, что найден разрыв между двумя континентами и понадобится самое большее две-три недели, чтобы оказаться посреди азиатских островов. Он не знал, что впереди, между окончательностью Америки и Молуккскими

островами, лежит простор океана, составляющий половину окружности глобуса! О, если бы ему повстречался хоть один из этих чудесных архипелагов, усеивающих меж-океаническое пространство! Но его путь, направленный сначала на север, потом на северо-запад и, наконец, на запад, всегда проходил в стороне от полинезийских островов. В течение девяноста девяти дней флотилия шла с попутным ветром, три каравеллы, оставшиеся после гибели “Сантьяго” и исчезновения “Сан-Антоньо”, бороздили молчаливые просторы безбрежного океана, не имея перед собой ничего, кроме горизонта, неба и воды!

К страданиям моральным, вызванным столь долгим однообразием, прибавились физические, а потом болезни и жесточайшие лишения.

Провизия, израсходованная или испорченная, уже давно подошла к концу; в пищу пошло все, кроме человеческого мяса».

Пигафетта нарисовал душераздирающую картину страданий экипажей.

«Сухари, которые мы ели, уже были не хлебом, а пылью, перемешанной с отвратительными червями и пропитанной крысиной мочой. Вода, которую мы вынуждены были пить, была гнилой и зловонной. Чтобы не умереть с голоду, мы были вынуждены есть куски воловьей шкуры, покрывавшей грот-рей, чтобы ванты¹ не перетирались. Эта шкура от постоянного воздействия ветра, воды и солнца была такой твердой, что ее приходилось вымачивать в морской воде в течение четырех-пяти дней, чтобы она стала немного мягче; затем мы клали ее на угли, пекли и ели. Часто мы доходили до того, что ели опилки и даже крыс; и даже крысы, такие отвратительные для человека, становились таким желанным блюдом, что за каждую платили по полдуката².

И это еще не все. Самым большим несчастьем было видеть, как на нас наваливается болезнь, при которой опухали десны так, что не было видно зубов как на ниж-

¹ В а н т ы — снасти, раскрепляющие мачту симметрично в обе стороны к бортам судна.

² Д у к а т — золотая монета, которую с 1284 года начали чеканить в Венеции; ее название к XVI веку в Европе стало синонимом всех золотых монет вообще.

ней, так и на верхней челюстях (цинга), и заболевший уже не мог принимать никакой пищи. Девятнадцать из нас умерли от нее, и среди них гигант патагонец и один бразилец, которых мы забрали с собой. Кроме мертвых, у нас было от двадцати пяти до тридцати матросов, страдавших от болей в руках, ногах и других частях тела, но они вылечились...»

Экипажи несли такие жестокие потери, что отчаяние уже начало охватывать самых мужественных. И тут 6 марта 1521 года появилась группа зеленых островов¹, покрытых пальмовыми деревьями. Это был архипелаг Марианских островов, названных Магелланом Воровскими². С этого момента страдания, лишения, потери — все было забыто. Десятью днями позже, 16 марта 1521 года, в памятный для испанской колониальной истории день, когда она получила одно из самых богатых своих владений, флотилия оказалась в виду большого и прекрасного архипелага, получившего через пятьдесят лет название Филиппинских островов³.

Следует отметить как выдающийся факт в истории навигации, что, подходя к Воровским островам, Магеллан, судя по его лоцманскому журналу, где ежедневно отмечалось расстояние и направление, пройденные флотилией, считал, что он находится в 176° к западу от меридиана Канарских островов, тогда как на самом деле, расстояние, отмеченное на наших современных планисферах⁴, составляет 198° . Эта ошибка в 22 градуса объясняется незамеченным влиянием течений, а также частично очень не-

¹ Первым из открывшихся островов был Гуам.

² Описывая жителей океанической островной группы, Пигафетта так отзывался о них: «Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти три острова были названы Островами воров (Разбойничьими)». Название Марианских острова получили в 1668 году.

³ К Филиппинам мореплаватели подошли в день, когда христианская церковь отмечает чудесное воскрешение Иисусом Христом праведника Лазаря (Лазарева суббота), поэтому архипелаг получил имя этого святого. Одно время острова назывались также Безопасной долиной. Филиппинским (в честь наследного принца и будущего испанского короля Филиппа II) архипелаг стал называться с 1542 года.

⁴ П л а н и с ф е р а — карта, на которой два земных (или небесных) полушария изображены на плоской поверхности.

точным в то время счислением земных градусов при путевых измерениях.

Прибывший на Острова Пряностей Магеллан решил проблему западной навигации; шарообразная форма Земли и реальность существования антиподов были доказаны не только научной теорией, но опытом и осязаемо. Имя великого мореплавателя обрело бессмертие; но ему не привелось вкусить плодов своей славы.

Благосклонно принятый властителем Субу (Себу)¹, обращенным в христианство и признавшим себя вассалом испанского короля, путешественник допустил ошибку, вмешавшись в межплеменную войну². Окруженный врагами и имея с собой лишь пятьдесят шесть человек, он, безуспешно отбиваясь, упал и был заколот копьем дикаря³. Сразу после его смерти Субу резко изменил свое отношение к испанцам и, пригласив их на большой праздник, приказал убить⁴. Избежавшие резни укрылись на кораблях. Но людей оставалось недостаточно, чтобы вести все три судна, и «Консепсьон» пришлось сжечь. Двум оставшимся были уготованы различные судьбы. «Тринидад» при попытке вернуться к берегам Америки был захвачен португальцами⁵. Единственным кораблем, возвратившимся в Европу, был адмиральский корабль «Виктория», который 6 сентября 1522 года прибыл в порт

¹ В гавань Субу Магеллан вошел 7 апреля 1521 года.

² Магеллан 26 апреля отправился на остров Матан, правитель которого, только что принявший христианство, просил у капитан-генерала помощи в борьбе со своим соперником, отказывавшимся подчиниться королю Испании. Всего в экспедицию на мятежный остров отбыли 60 испанцев.

³ Это случилось в субботу 27 апреля 1521 года. Вместе с Магелланом было убито еще семь его спутников.

⁴ В понедельник 1 мая на пиру у властителя Субу было перебито свыше сотни мореплавателей.

⁵ Буссенар не совсем точен. С Филиппин оба оставшихся корабля вышли вместе, но потом, уже в ноябре, на острове Тидор (Молуккский архипелаг), в корпусе «Тринидада» обнаружилась сильная течь. Решено было «Тринидад» отправить после починки в Панаму. 6 апреля 1522 года «Тринидад» покинул Тидор, но в океане сбился с курса, и команда решила вернуться на Молукки, где корабль и был захвачен португальцами. В плену большинство моряков погибло, и только троим удалось вернуться в 1527 году в Испанию.

Санлукар, имея на своем борту лишь восемнадцать человек под командой Себастьяна Эль Кано.

Это путешествие, ставшее первым кругосветным плаванием, длилось тридцать семь месяцев.

Антонио Пигафетта, автор интересного описания, многочисленные отрывки из которого приведены выше, был из числа выживших. Раненный в сражении на стороне короля Субу, в котором погиб Магеллан, он сумел добраться до своего корабля и сопровождал к Молуккским островам Себастьяна Эль Кано, ставшего адмиралом, и вернулся с ним на борту «Виктории», обогнувшей мыс Доброй Надежды, закончив, таким образом, самое изумительное путешествие, о котором когда-либо упоминала история мореплавания.

Хотя Пигафетта был итальянцем, он написал свое сообщение по-французски¹, и ученый, ученик школы Хартий, одобрил его в мемуарах, опубликованных в Бюллетене Географического общества.

Наконец, заслуживает восхищения наблюдательность историографа, сообщение которого так богато этнографическими подробностями. Пигафетта был первым из путешественников, кто собрал словари племен, у которых он гостил.

Принятый с почестями императором Карлом V, королем Франции², королем Португалии, князьями Италии, папой Климентом VII³, путешественник получил должность коменданта Новизы и провел остаток жизни в уединении, занимаясь наукой.

¹ В августе 1524 года Пигафетта возбудил ходатайство о разрешении на публикацию сообщения о путешествии. Разрешение было получено, но была ли отпечатана книга, установить не удалось. До наших дней дошли две версии дневника путешественника: одна на родном для него итальянском языке (она была издана в 1894 году), другая — на французском (причем сохранилось несколько рукописей). Французская версия является сокращенным изложением итальянского текста. Обе версии переведены на русский язык: французская — в 1928 году, оригинальная итальянская — в 1950 году.

² Королем Франции в то время был Франциск I, один из самых могущественных европейских монархов XVI века.

³ Климент VII (Джулио Медичи; 1478 — 1534) был папой римским в 1523 — 1534 годах.

ВАСКО НУНЬЕС ДЕ БАЛЬБОА

За героическим периодом открытий вдруг последовал период завоеваний. На смену мореплавателям, терпеливо открывавшим Старому Свету неизвестные земли, поспешили конкистадоры, захватывавшие их и эксплуатировавшие бог ведает как и с какой лютой жадностью!

Со всех сторон стали появляться дерзкие авантюристы, околдованные богатыми владениями, открытыми для Испании гением Колумба и Магеллана, вечные странники в поисках добычи, типа Дон-Кихота наизнанку, которые, вместо того чтобы любить и защищать слабых, обкрадывали, притесняли и драли с них три шкуры, подчиняясь только своим страстям, любя золото и сражения, совсем не думая о человеческой жизни, полные предрассудков и суеверий, настоящие бандиты, жестокие, алчные и лицемерные, впрочем, способные иногда возвыситься до героизма.

Три имени — Бальбоа, Кортес, Писарро — замечательно олицетворяли эпоху вооруженного завоевания, свирепая жестокость которых опозорила Испанию и навсегда оттолкнула от нее сердца ее новых подданных.

Первым в хронологическом порядке, а также наименее известным был Васко Нуньес де Бальбоа¹. Дворянин из знатного рода, хорошо сложенный, вещь немаловажная в стране, где вошло в поговорку «Страшный, как большой испанец», в развлечениях и бешеном мотовстве растерял все свое состояние и однажды утром остался без гроша. Полное разорение, рычащая свора кредиторов, нищета и долговая тюрьма преследовали по пятам веселого прожигателя жизни. Но его не так легко было смутить. У веселого кутилы оставалось имя. Если нет ничего другого, то это всегда кое-что. Там за океаном был Новый Свет с золотом касиков к услугам того, кто сможет или захочет его взять. Васко Нуньес договаривается со своими кредиторами, обещает удовлетворить их иски, добивается снятия ареста с имущества, потом отправляется с туманным напутствием монарха: «Иди туда и вернись богатым...» И он, юноша из

¹ Б а л ь б о а Васко Нуньес де — род. в 1475 г., ум. в 1517 г.

хорошей семьи, отправился в колонии, чтобы поправить свои дела, как говорили сорок лет тому назад.

Удача быстро нашла его. Бальбоа прибыл на Жемчужный берег¹, собрал золото в большом количестве и, роскошный как галион², вернулся в Испанию. Это было сказочно, но быстротечно, как костер из соломы, и Васко Нуньес в действительности не так уж много имел в руках, чтобы разбрасывать с беспорядочной щедростью легко добытое золото. Не стоит говорить, что опытный бонвиван³ даже не подумал удовлетворить, хотя бы частично, своих кредиторов. Последние, разгневанные тем, что их одурачили, разъярились и снова стали охотиться за этим фантастическим должником. Но Бальбоа, уже и не такое видевший в битвах с касиками в заливе Париа, ловко ускользнул от них, отправившись в Вест-Индию, погруженный за ночь, как тюк, на корабль.

Он приплыл, не имея ни гроша за душой, с единственным своим достоянием: хорошей испанской шпагой, энергией, силой и отсутствием предрассудков. В подобную эпоху и в такой стране этого было более чем достаточно. Главварь шайки, Энсисо, неопределенно именуемый наместником ее величества, принял испанца и осыпал благодарениями, что не помешало последнему быстро отделаться от благодетеля и самому стать главварем. Люди возроптали против такого грубого захвата власти незнакомцем, да к тому же прибывшим последним. Но Бальбоа умел внушить почтение своей неимоверной силой и отвагой. Он объединяет всех испанских негодяев, которые прозябали, живя грабежами в Санта-Мария-де-Дарьен, объявляет себя губернатором и вскоре командует многочисленной бандой крепких, хорошо обстрелянных людей, как и он, без предрассудков и не менее жадных.

¹ Жемчужный берег — часть карибского побережья Южной Америки: от Венесуэльского залива до острова Маргарита, то есть почти все побережье современной Венесуэлы.

² Г а л и о н — крупный парусный корабль с надстройкой на корме, служивший для перевозки в Испанию золота и серебра, добытого в мексиканских и перуанских рудниках, как правило — малоповоротливый и не отличавшийся высокой скоростью.

³ Б о н в и в а н — человек, любящий жить в свое удовольствие, богато и беспечно; кутила, весельчак.

Ему нужно было золото любой ценой, и он хорошо умел его находить. Это стало настоящей войной, объявленной несчастным жителям Дарьена, вскоре совершенно ограбленным, обложенным данью и замученным, а в конечном счете уничтоженным. Не было дня, чтобы он не учинил баталию, вымогательство, оргию. Туземцы отважно защищались. Конечно, их было много, но испанцы подчинялись дисциплине, имели наступательное и оборонительное оружие и страшных собак, натасканных на дикарей и пожиравших их мясо...

В испанской армии был лейтенант Писарро, имя которого должно было снискать в Перу сомнительную славу. Однажды в перестрелке Писарро оставил одного из своих людей в руках индейцев. Бальбоа узнал об этом и вскричал возмущенный:

— Возвращайтесь откуда пришли! Позор! Испанцы бежали от дикарей и оставили товарища в их руках!

«Идите и освободите этого человека, вы своей жизнью отвечаете за него».

Такая забота о судьбе своих людей, благородство, храбрость снискали Бальбоа любовь этой орды шалопаев.

Но при этом он вырезал часть жителей Дарьена и разогнал или поработил остальных. Богатые трофеи, посылаемые им в Испанию, возвысили его имя и заставили позабыть о прошлых проделках.

У него никто не знал пощады. Туземец, что бы он ни делал, был для него бесплатной рабочей и оброчной скотиной. Однажды один касик добровольно покорился ему, вызывая к великодушию. С беспощадной испанской жестокостью Бальбоа приказал сжечь его деревню, а семью повесить!

— За что же, — вскричал несчастный кариб, — ты так жестоко обошелся со мной? Разве я не кормил вас или плохо обращался с кем-нибудь из твоего народа, пришедшего в мою страну? Ты сомневаешься в моих добрых намерениях? Хорошо... посмотри на мою дочь! Я даю ее тебе в залог дружбы... Возьми ее в жены и будь уверен в верности ее семьи и народа!

В одном из своих набегов Бальбоа был гостеприимно встречен другим касиком, который осыпал его солдат подарками и, возможно, таким образом смог избежать участи, постигшей другого. Бальбоа как можно более беспристраст-

но распределил эти подношения. Два солдата позавидовали доле друг друга. Они заспорили и готовы были сцепиться.

— Почему вы спорите о такой малости? — спросил их туземный вождь. — Если любовь к этому металлу заставила вас потревожить покой нашей страны, я за шесть недель доведу вас до берега другого океана, который находится на западе, в страну, где золото, которое вы ищете с такой жадностью, служит для изготовления самой ничтожной домашней утвари.

Услышав об этом океане, с поисками которого было связано столько трудов и опасностей, жестокий главарь авантюристов, жадный конкистадор понял, какую великую миссию он должен выполнить и что судьба приготовила ему славу, которую напрасно искало столько других людей, а именно открыть океан, омывающий берега Восточных Индий!

Бальбоа поспешил вернуться в Дарьен, собрал многочисленный отряд, с которым ему предстояло преодолеть трудный путь к открытию. Но прежде, поскольку в нем конкистадор всегда соседствовал с мистиком, окрестил касика, дав ему имя Карлос. Если он не крестил туземцев, он их убивал.

Сразу по возвращении в Санта-Мария-де-Дарьен Бальбоа, пока собирался его экспедиционный корпус, отправился в небольшое путешествие. Вот он в устье реки Аtrato, населенном непокоренными туземцами, поселки которых располагались на гигантских деревьях, росших в этой местности. Пришельцы потребовали от хозяев спуститься на землю из своих воздушных крепостей. Зная, что если они повинуются, то их ничего хорошего не ждет, туземцы начали забрасывать камнями незваных гостей. Испанцы укрылись щитами, выполняя маневр «черепаха», как это делали античные воины, идя на штурм городов. Деревья затрещали под ударами топоров, а дикие воины, признавшие себя побежденными, были хладнокровно перерезаны.

В отместку аборигены вырезали одну шайку вместе с лейтенантом, оставленную без поддержки около Рио-Негро. После первого успеха туземцы осмелели и организовали заговор, чтобы истребить своих угнетателей, но одна из их женщин предала своих соплеменников, предупредив Бальбоа; заговор был потоплен в крови. Наконец-

то мир? Нет! Еще нет. Испанцы, не имея, по крайней мере в тот период, внешних врагов, стали плести заговоры друг против друга. С этими несговорчивыми пройдохами нужно бороться без передышки и пощады, говорили они, совершая обычную ошибку противников, сражающихся между собой. Дикая энергия Бальбоа дала себе волю в деле усмирения, которому он предался с обычным неистовством, хотя несколько смягченным ловкими дипломатическими маневрами. Конкистадор, понимая, что есть не только грубая сила и удары шпаги, становится более осторожным, дальновидным.

Однако ситуация становится угрожающей. Прежний, смещенный им наместник Энсисо сумел добраться до Испании. Будучи сам разбойником, он потребовал против другого разбойника помощи со стороны королевского правосудия. Тревожные слухи о том, что узурпатор будет вызван в Испанию для наказания за свои неблагоприятные дела, еще не носили официального характера, но их источник заслуживал доверия.

Но все это беспокоило Бальбоа не больше, чем крики его кредиторов. Наконец он собрал свою команду, состоявшую из семи-восьми сотен человек, настоящую армию негодяев, ждущую только, как бы поскорее отправиться в путь. Их ждало золото, бери сколько хочешь, но и сокрушительные удары, которые придется наносить... а может быть, и получать, не все ли равно!

Вперед! На завоевание неизвестного океана!.. Вперед, во славу Родины!.. и золота, и безумных радостей, которые оно оплачивает!

Цель экспедиции была всего в шестидесяти милях. Но на пути к ней предстояло карабкаться на горы, такие крутые, преодолеть реки, такие широкие и быстрые, пересечь топи, такие глубокие, проникнуть в леса, такие густые, разогнать, завоевать или уничтожить столько неукротимых племен, что только через двадцать дней люди, самые привычные к опасностям, усталости и лишениям, окажутся на пороге их надежд.

Дорога усеяна трупами, но высшая цель достигнута. Последняя гряда отвесных скал преодолена, и там внизу, насколько хватает глаз, лежит в слепящем свете солнца необъятный океан с гигантской зыбью и сине-зелеными волнами, вспыхивающими огнем!

Охваченный восторгом перед этим чудесным зрелищем, великолепие которого никогда не созерцал глаз европейца, конкистадор обнажает голову, падает на колени и шепчет горячие слова благодарности. Священник, сопровождающий экспедицию, запевает *Te Deum*¹, и все искатели приключений, также стоя на коленях, с большой признательностью повторяют благодарственный гимн. Затем Бальбоа поднимается и торжественно принимает во владение от имени короля все обозримые земли, приказывает срубить большое дерево, из него делают крест и устанавливают его на этом месте.

Экспедиция терпеливо возвращается по своим следам, огибает подножие гор и через несколько дней тяжелого перехода выходит на берег нового океана. Перед ней бухта, которой Васко Нуньес присваивает имя святого Михаила, память которого отмечалась в день открытия². Потом он берет знамя с королевским гербом Испании и с нарисованными на нем Святой Девой и младенцем Иисусом, вытаскивает шпагу, входит в воду, ударяет по волнам клинком и от имени Испании объявляет об открытии нового океана.

После этой блестящей победы Бальбоа исследовал часть берега к югу, принес огромное количество жемчуга, накидал как всегда горы трупов аборигенов и вернулся через четыре месяца в Санта-Мария-де-Дарьен. Тщательно взвесив все отрицательные моменты своего положения, он решил послать в Испанию надежного человека, преданного друга Педро де Карболанчо, чтобы объявить королю о своем блестящем открытии, надеясь, и не без основания, что подобная заслуга обеспечит ему прощение за самовольное вступление в должность наместника.

К несчастью, Карболанчо был еще в пути, когда прибыл новый наместник, назначенный королевским декретом на место Бальбоа, смещаемого как узурпатор. Энсисо был полностью отомщен, очернив в глазах двора Васко Нуньеса, который, если и вел себя бесчеловечно по отношению к туземцам, все же блестяще выполнил свою миссию с точки зрения материальных интересов Родины. Мечь Энсисо была тем более полной, что новый намест-

¹ «Тебе, Господи, хвалим» — название и начало католической благодарственной молитвы. (Примеч. перев.).

² Бухта Сан-Мигель в восточной части Панамского залива.

ник Педро Ариас д'Авила¹, более известный под именем Педрариас, был образцом плута, интригана и самым заклятым личным врагом Бальбоа.

Прибытие Педро де Карболанчо в Испанию подняло бурю восторга, и объявление об успехах Васко Нуньеса сделало его имя еще более популярным. Король с большим опозданием признал несправедливость, но исправил ее лишь частично.

Педрариас, прибыв в Дарьен, был ошеломлен, увидев, что неустрашимый конкистадор, о подвигах которого говорит весь цивилизованный мир, живет в простой хижине. Сначала он боялся конфликта и чувствовал себя не совсем уверенно, несмотря на серьезную поддержку двух тысяч прибывших с ним человек.

Бальбоа терпеливо дожидался новостей из метрополии, надеясь, что справедливость восторжествует. Первый корабль, прибывший из Испании, принес ему частичное удовлетворение. Король, признав Бальбоа невиновным, назначил его правителем Южного моря с титулом наместника провинций Панама и Куба, но оставив тем не менее в подчинении у наместника Педрариаса. Конечно, он заслуживал большего, несмотря на недостатки, ставшие достоинствами в этот период создания колоний, когда фатально победитель встает на место побежденного.

Да, Нуньес де Бальбоа заслуживал лучшего, тем более что, образумившись, приобрел настоящие качества дипломата, знал страну, ее нужды и ресурсы.

А тем временем благодаря Педрариасу ситуация для Бальбоа становилась все более и более трудной. Наместник перехватывал депеши, приходившие от короля, и прекратил это делать только под нажимом со стороны епископа. Видя, что их мужественный командир больше не вызывает подозрений двора его величества, спутники славы и приключений решили устроить для своего кумира праздник и собрались вокруг него. Жестокий и подлый Педрариас, вообразив угрозу, испугался и запер Бальбоа в деревянной клетке!..

Епископ своей властью освободил его и, стремясь примирить этих двух людей, раздор между которыми мог стать пагубным для интересов метрополии, посоветовал наместнику выдать одну из своих дочерей за Васко Нунье-

¹ Д'Авила Педро Ариас (Педрариас) род. в 1440 г., ум. в 1530 г.

са де Бальбоа, который, будучи дворянином и войдя в его семью, конечно, оказал бы ему неоценимую помощь своим опытом и популярностью.

Наместник согласился. Бальбоа и не желал лучшего, оставалось только вызвать из Испании невесту для конкистадора. Ожидая этой свадьбы, которая должна была положить конец разногласиям, Васко Нуньес решил осуществить проект, не дававший ему покоя со времени открытия Тихого океана, который состоял в том, чтобы исследовать со стороны моря неизвестные берега нового океана. Для этого необходимо было построить в устье Аtrato бригантину, а потом выполнить труднейшее дело — доставить их по суше на спинах людей из Атлантического в Тихий океан!

На этих кораблях, ничтожных скорлупках, смельчак, имевший опыт мореплавания и обладавший трезвым гением завоевателя, обследовал перешеек, «Жемчужный берег», вернулся в бухту Сан-Мигель, еще раз победив стихию, в ореоле славы и нагруженный добычей.

А тем временем подлый Педрариас, не только не сложивший оружие, но еще больше разжегший в своей душе гнев, искал способ погубить соперника и не нашел для этого ничего лучшего, как обвинить его в том, что Нуньес действует в собственных интересах и намерен выкроить себе королевство, короче, в намерении узурпировать корону! С судьями, безгранично преданными наместнику, для Бальбоа это должно было стоить головы.

В момент прибытия в Дарьен его встретил бывший лейтенант Франсиско Писарро в сопровождении многочисленного отряда хорошо вооруженных людей с приказом об аресте. Бальбоа тотчас заковали в цепи и немедленно отправили в тюрьму.

Быстро было проведено следствие, и по настоянию Педрариаса его действительно приговорили к смерти, хотя судьи склонялись к тому, чтобы сохранить путешественнику жизнь.

Васко Нуньес де Бальбоа был казнен на площади Аклы с тремя соратниками, обвиненными для проформы и осужденными вопреки всякой справедливости.

Когда он отправился на место казни, глашатай шествовал во главе скорбной процессии и, согласно обычаю, объявлял громким голосом:

— Такое наказание, по приказу короля и его наместника дона Педро Ариаса д'Авилы, налагается на этого человека, как на изменника и узурпатора короны!

— Это ложь, — возмущенно воскликнул закованный в цепи Бальбоа, — никогда я не замышлял такого преступления, я всегда служил моему королю как верный и преданный подданный.

Он поднялся на эшафот с видом человека, который уже давно не дорожит своей жизнью, и отважно претерпел последнюю муку. Ему было сорок два года.

Всеобщий крик возмущения раздался в Испании при известии об этом беззаконии, совершенном Педро Ариасом. Но у того были могущественные друзья при дворе, и среди них Фонсека, епископ Гренады, бывший заклятый враг Христофора Колумба, который сохранил свой ранг, титул и власть.

ГЛАВА 5

ФЕРНАН КОРТЕС¹

Фернан Кортес — завоеватель во всей полноте значения этого слова, заключающего в себе идею всевозможных насилий, зверств, подлостей, которые человеческое существо, предающееся самым кровожадным инстинктам, может совершить во имя алчности, славы и религии.

Завоеватель! У автора этих строк нет другого определения для человека, сделавшего убийство своей профессией, и именно таким остался в истории Фернан Кортес, покоривший и разоривший Мексику, великолепную несчастную страну. Это был второй Васко Нуньес де Бальбоа в худшем его выражении, поскольку являлся более крупной фигурой. В остальном та же отвага, мужество, алчность, пренебрежение человеческой жизнью... завоеватель!

Эрнандо Кортес, или, как мы говорим, Фернан Кортес, родился в 1485 году в маленьком городке Медельин в

¹ Кортес Эрнандо Писарро-и-Альтамирано (1485 — 1547). Испанское имя Эрнандо (краткая форма — Эрнан) является фонетическим вариантом имени Фернандо (кр. форма — Фернан).

Эстремадуре¹. Он был очень знатного происхождения, по некоторым неточным сведениям, даже потомком старинных ломбардских королей². Впрочем, генеалогия здесь не столь важна. Его родители, Мартин Кортес-и-Муруа и донья Каталина Писарро-и-Альтамиро, жили в среднем достатке с небольшой позолотой, который поэты считают идеалом существования, лишенного честолюбия.

В раннем детстве будущий конкистадор был болезненным, почти тщедушным ребенком, но гимнастические упражнения придали ему ловкость и силу. В четырнадцать лет его послали учиться в университет в Саламанку³, где он с невероятной легкостью получил вполне приличное образование, вызывая при этом недовольство педагогов полным отсутствием прилежания. Кортес любил только оружие, лошадей, и единственными занятиями, которые он охотно посещал, были уроки фехтования. В шестнадцать лет юноша покинул Саламанку и, отдавшись страсти к оружию, решил отправиться в Неаполь вслед за знаменитым Гонсало де Кордова⁴, слава которого будоражила молодое воображение.

Ему помешала тяжелая болезнь; но занять место около этого полководца вовсе не было пределом мечтаний молодого честолюбца. Он хотел иметь свободные руки и как можно раньше занять первое место, которого, впрочем, вскоре будет вполне достоин.

Новый Свет был только что открыт. Золота здесь было в изобилии, но аборигены начали энергично защищать свою жизнь и независимость; надо было драться, собирать золото, добиваться славы. Одно упоминание названий этих далеких стран, о которых рассказывал Колумб и его спутники, возбуждало мечты о роскоши, ослепляло сеньоров испанского двора. Им уже виделись рыжеватые лу-

¹ Эстремадура — историческая область на юго-западе Испании, пограничная с Португалией.

² Ломбардия — историческая область на севере Италии; в раннем Средневековье была самостоятельным королевством.

³ Саламанкский университет был одним из древнейших в Европе; особенно славился в средние века и в эпоху Возрождения; основан в XIII веке.

⁴ Кóрдова (Гонсало Фернандес де Кордова, 1453 — 1515) — испанский военачальник; прозванный Великим Капитаном; одержал несколько блестящих побед над маврами и французами.

чи, исходящие от кучи золота, и многие подумывали о том, как завоевать такую многообещающую землю; и молодой Кортес — как никто другой. В 1504 году девятнадцати лет от роду он взошел на борт корабля, отправляющегося на остров Эспаньолу, в Санто-Доминго.

Океанский переход был удачным, и Кортес прибыл на Эспаньолу к королевскому наместнику Николасу де Ованда, давнему знакомому семьи Кортесов, который принял молодого человека наилучшим образом. Тот прожил здесь около семи лет, хозяйничая на плантации, подаренной ему вместе с партией туземных рабов. Вскоре такая сельская идиллия ему сильно наскучила, и непоседа стал искать случая дать волю своему влечению к военной славе, страсти тем более острой, что ее долгое время приходилось подавлять.

В 1511 году, когда Диего Веласкес де Леон получил приказ покорить Кубу и закрепиться на ее землях, Кортес последовал за ним. Он отличался изысканными манерами и был назначен за свое поведение алькальдом¹ столицы острова. Этот завидный титул давал, особенно в Новом Свете, большие права, поскольку его обладатель по своей благосклонности мог наделять любого большими земельными концессиями и множеством индейских рабов. Выполняя столь важную миссию, Кортес с блеском защитил честь испанца и сумел своей отвагой, силой духа, юмором снискать всеобщую симпатию. Кроме того, он постарался изучить обычаи, нравы и язык карибов², при этом постоянно думая хоть о какой-либо экспедиции, чтобы вырваться из будничности гражданских дел.

Через некоторое время он женился на донье Каталине Суарес, которая родила ему сына, и занялся освоением своего поместья около Сантьяго, где он открыл золотой прииск. Ему уже удалось собрать сумму в три тысячи кастельяно³, очень значительную для того времени, когда

¹ Алькальд — в данном случае: градоначальник, городской голова.

² К моменту открытия Кубы ее населяли индейцы аравакского племени сибоней (только крайние запад и восток острова занимали различные мелкие племена); племен карибов на Кубе не было.

³ Кастельяно — старинная испанская золотая монета.

важное решение наместника Диего Веласкеса избавило его от такого тягостного оседлого образа жизни.

Пышная роскошь, принесенная Альворадо наместнику, и восторженные рассказы этого авантюриста о недавно открытых странах убедили Диего Веласкеса подготовить новую армию, а руководство ею поручить Кортесу, не ожидавшему такой милости¹. Впрочем, едва о его назначении начальником экспедиции стало известно, как со всех сторон поднялся ропот, и недоброжелатели предприняли все меры, чтобы оно было отменено. По правде говоря, этот выбор был действительно несправедливым. Грихальву², принимавшего участие в последней экспедиции и считавшегося храбрым и талантливым офицером, незаслуженно отодвинули на второй план, и он со жгучей досадой наблюдал за выдвижением своего молодого соперника.

Предчувствуя дальнейшее обострение эмоций и интриг, Кортес решил, что надо торопиться, пока его назначение не отменили. И вот уже над портом развевается флаг и герольды³ звуками своих труб созывают по всему городу добровольцев. Тотчас толпы авантюристов, бывших офицеров, стареющих под ратными доспехами, молодых и горячих искателей приключений, жадных до славы, битв и быстрого обогащения, бросились на его зов. Сам Кортес заложил землю и индейцев и пустил все свое состояние на покупку части оборудования, проявив при этом такое проворство в вооружении флота, что самое необходимое вскоре было уже готово.

Тем временем враги Кортеса интриговали вокруг наместника, который поддался их влиянию, а возможно, уже и сам начал испытывать ревность к человеку, которого сам выделил. В последний момент Веласкес решил отстранить Кортеса от должности начальника экспедиции

¹ История взаимоотношений Веласкеса и Кортеса началась малоприятным эпизодом. Кортес соблазнил Каталину Суарес, за сестрой которой ухаживал Веласкес. Когда же будущий завоеватель империи ацтеков попытался увильнуть от женитьбы, Диего Веласкес вступился за поруганную честь испанской сеньориты и вынудил Кортеса сдержать данное им Каталине обещание.

² Грихальва Хуан де — дата рождения неизвестна, умер в 1527 г.

³ Герольд — глашатай (в средневековой Европе).

и отдал приказ о его аресте. Но тот, предупрежденный преданными друзьями, без шума снялся с якоря глубокой ночью 18 ноября 1518 года, даже не дождавшись полного снаряжения своих кораблей, сразу отправился к Тринидаду¹, чтобы завершить загрузку провианта и попытаться завербовать еще несколько новых сподвижников. Между тем Веласкес де Леон, одураченный и разъяренный, послал алькальду города распоряжение арестовать ослушника, что было легче приказать, чем сделать, ведь Кортеса окружали многочисленные люди из его команды, доведенные до фанатизма колоссальным авторитетом, которым тот всегда пользовался у своих соратников. Из Тринидада Кортес отправился в Гавану, куда за ним последовал новый приказ Веласкеса, предписывающий правителю теперь уже этого последнего города арестовать молодого бунтаря. Алькальд Гаваны не более, чем его коллега из Тринидада, позаботился произвести этот арест, становившийся все более трудновыполнимым в среде людей, решившихся на все ради завоевания новых земель.

Будущий покоритель Мексики наконец поднял якоря 11 февраля 1519 года, чтобы направиться к континенту. Его эскадра состояла из одиннадцати кораблей. Но даже самый большой из них, называвшийся адмиральским, не имел и ста тонн водоизмещения, а у семи других не было даже палуб. Вся экспедиция насчитывала сто десять моряков, пятьсот пятьдесят три солдата, из которых тринадцать были вооружены мушкетами, тридцать два аркебузами, остальные пиками и шпагами, а также более двухсот индейцев и несколько индейских женщин, используемых для хозяйственных работ. Кроме того, было шестнадцать лошадей и десять пушек с боеприпасами и в изобилии провианта. К нему присоединилась группа отважных людей, имеющих большой опыт сражений против туземцев, чтобы в качестве офицеров командовать рядовыми членами экспедиции. Это были Педро де Альворадо², Лопес де Авила, Хуан Веласкес де Леон,

¹ Тринидад — здесь: город на южном побережье Кубы.

² Альворадо Педро де (1486 — 1541). В «Истории» Бернала Диаса фамилия этого конкистадора пишется именно так, однако современные испанские справочные издания дают фамилию в ином написании: Альварадо.

племянник наместника, Берналь Диас¹, Кристоаль де Олид², Гонсалес де Сандоваль — все испытанные в неоднократных схватках, любящие добычу и сражение, авантюристы без страха, если и не без упрека, к неукротимой храбрости которых прибавлялся страстный религиозный фанатизм.

Эскадра направилась к мысу Сан-Антонио³ под руководством пилота⁴ Аламиноса, который успешно провел эскадру Колумба в его последнем путешествии, Эрнандеса и Грихальвы, и обогнула затем остров Косумель. Кортес, едва высадившись, сумел внушить доверие индейцам своими приветливыми манерами. Вскоре между испанцами и туземцами воцарилась гармония. Недоставало переводчика. К счастью, эти функции взял на себя оказавшийся на острове испанец Херонимо д'Агилар — узник одного касика с мыса Каточе. Вдруг Кортес приказал индейцам разрушить их храмы и идолов. Несчастные надеялись, что боги не потерпят такого кощунства, но они позволили разнести себя на кусочки, не поразив молнией ни одного испанца. Тогда, поверив, что бог Кортеса выше всех их божеств, туземцы собрались толпой вокруг падре⁵ Хуана Диаса, который отслужил мессу⁶, а затем произнес проповедь по-кастильски!⁷ Идолов заменил огромный деревянный крест и изображения Святой Девы и нескольких святых. Уходя, Кортес отдал себя и своих спутников под защиту этого креста и взял с индейцев клятву чтить его.

¹ Диас дель Кастильо Берналь (ок. 1492 — ок. 1580) — автор знаменитой истории покорения Мексики — «Подлинная история завоевания Новой Испании».

² У Диаса фигурирует как Кристоаль де Оли.

³ Сан-Антонио — крайняя западная точка Кубы.

⁴ Пилот — здесь: старший офицер торгового судна.

⁵ Падре (лат. «отец») — католический священник.

⁶ Месса — общее название церковной службы у католиков (чаще всего относится к обедне).

⁷ Кастильский диалект XV века лег в основу испанского литературного языка; жители других провинций Испании и бывших испанских колоний, желая отметить неполное соответствие одного из диалектов всему испанскому языку, до сих пор называют литературный язык «кастельяно» («кастильский»).

Эскадра снова отправилась в плавание и пришла в устье реки Табаско¹, поднялась до городка Потончан, хорошо защищенного прочным палисадом с бойницами. Несмотря на мощное сопротивление туземцев, городок был легко захвачен. На следующий день 18 марта 1519 года маленькая испанская армия высадилась на берег и вступила в бой с индейскими войсками, численность которых хроникеры того времени определяют в сорок тысяч! Несмотря на отвагу туземцев, их разгром был полным. Артиллерия, переносное огнестрельное оружие, лошади, принимаемые индейцами за единое существо с их всадником, внушали дикарям безумный ужас. Они думали, что молния, гром, демонические существа объединились с их врагами. Индейцы потеряли, говорит хроника, более тысячи человек убитыми, тогда как у испанцев было только двое убитых и шестьдесят раненых.

Мир был заключен при условии, что касик реки Табаско признает себя вассалом Испании и примет христианство. Тому ничего не оставалось, как согласиться на эти условия и одарить победителей щедрыми подношениями в виде золота и тканей, а также двадцати молодых рабынь, одна из которых, удивительная, знаменитая Марина, предназначалась самому Кортесу. Наделенная живым умом, девушка с невероятной легкостью выучила кастильский язык и вскоре уже была в состоянии служить переводчицей для экспедиционного корпуса. К тому же она привязалась к своему хозяину, с которым вскоре разделила существование, и сохранила навсегда непоколебимую верность испанскому делу. Кортесу было даровано счастье найти в этой юной рабыне умелую переводчицу, активную разведчицу, компетентную советчицу в политике, иногда красноречивого и осторожного посла, в общем умного сотрудника, старательного, умелого и бескорыстного. Она была рядом с ним все годы сражений за покорение Мексики Испанией, и можно с уверенностью сказать, что своим поражением Монтесума в большой степени был обязан ей.

От реки Табаско эскадра отправилась к реке Папалоаба², получившей название Альворадо в честь Педро Аль-

¹ Река Табаско была переименована в Рио-де-Грихальва. Сейчас эта река на юге Мексики называется Грихальва.

² П а п а л о а б а — современная река Папалопан, впадающая в залив Кампече.

вородо, который первым ее заметил. Потом бросили якорь в Сан-Хоан-де-Улуа. Тотчас пирога, управляемая индейцами, причалила к адмиральскому кораблю с цветами, фруктами и золотыми украшениями для обмена на стекляшки. Туземцы сообщили Кортесу, что этой новой территорией управляет наместник по имени Тендиле, а могущественный император Мексики Монтесума является его сюзереном¹. Кортес осыпал гостей подарками и временно остановился на берегу, высказав желание увидеть Тендиле².

Монтесума³, у которого была хорошо организованная курьерская служба, уже знал о прибытии испанцев. Очень встревоженный, он убедил свой большой совет сделать иностранцам роскошные подарки, но при этом категорически запретить им ступать на мексиканскую территорию. Тотчас отправили посольство к Кортесу с подарками неслыханной щедрости, и что очень странно и необычно, так это блестящие ритуальные украшения бога Кецалькоатля, предназначенные для больших торжеств. Индианка Марина⁴ служила переводчиком. Послы были приняты на палубе адмиральского корабля, где на корме было установлено нечто вроде трона с украшениями, богатство и оригинальность которых должны были поразить воображение полномочных представителей Мексики. Сам Кортес, нарядившись в парадный костюм, сидел в окружении офицеров и действительно имел очень внушительный вид. Перед тем как произнести свои речи, послы пали к ногам кастильского героя. Они почтили его как Кецалькоатля, прадавнего просветителя Анауатля, который должен был вернуться однажды в страну с Востока.

¹ Сюзерен — в Западной Европе в эпоху феодализма так назывался земельный собственник, являвшийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.

² Тендиле — так у Берналя Диаса; в современных испанских энциклопедиях фамилия конкистадора передается иначе: Теудили.

³ Монтесума — англоизированная форма имени, которое мексиканцы произносили как Моктесума или Мотексума (впрочем, встречались и другие варианты произношения этого имени). Здесь речь идет о Моктесуме Втором (правил в 1502 — 1520 гг.).

⁴ Марина — испанское «упрощение» мексиканского женского имени Малинальцин.

Кортес оказал большую милость, приняв поклоны и позволив надеть на себя украшения бога в присутствии местных жителей, толпой прибежавших на берег, решивших, с их логикой истинных дикарей, что действительно вернулся Кецалькоатль.

На следующий день Кортес со своим отрядом произвел высадку на мексиканский берег. Тревога Монтекумы росла, и он отправил новые и еще более богатые дары предводителю испанских войск и повторил в доброжелательных, но категорических выражениях, что последний должен немедленно покинуть его территорию.

— Большое спасибо, — сказал смеясь генерал, — слишком роскошные дары преподнес нам этот щедрый властелин Мексики, чтобы мы не пошли лично поблагодарить его.

Потом он добавил, повернувшись к своим офицерам и солдатам:

— Не правда ли, кабальеро¹, мы просто обязаны нанести ему визит?

И все эти алчные авантюристы при мысли о богатой добыче, предлагаемой предводителем, вскричали в один голос:

— Вперед!.. Мы готовы!.. Вперед!..

Корабельный колокол зазвонил в этот момент «Агнус Деи»: офицеры и солдаты тотчас пали на колени, прося Святую Деву Божию Матерь охранить их от опасностей и принести победу, удачу и богатство.

Тем временем неожиданное событие еще больше утвердило Кортеса в решении идти на Мехико, несмотря на явное пугающее несоответствие его небольшого отряда силам, которыми располагал хозяин этой мощной империи. Ацтекский вождь, молодой Иштлишоитль, тайно послал к испанцу нескольких своих офицеров, чтобы разъяснить положение в стране, ее внутреннее подразделение и желание провинций присоединиться к любому, кто захочет объявить войну Монтекуме. В то же время

¹ Кабальеро (мн. ч. — кабальерос) — здесь: обращение, примерно соответствующее старинному русскому «сударь».

² «Агнус Деи» («Агнец Божий») — название одной из католических молитв.

Тлакошкакатль, вождь тотонаков¹ из Семпоалы, скрытно предложил свою дружбу испанскому полководцу, испросив у него поддержки для возвращения себе утраченной свободы.

Он не особенно рассчитывал на помощь, но сложившаяся в стране обстановка наполнила радостью душу Кортеса. Как ловкий политик, он понимал, какую выгоду можно из нее извлечь, и больше не сомневался, что ему судьбой уготовано завоевать богатую империю.

Тем временем в окружении Кортеса возникло несколько робких попыток мятежа и заговора, подавленные с обычными для него решимостью и энергией. Затем, успокоенный с этой стороны, уверенный в надежности своего окружения, он с двумя небольшими отрядами, послав вперед Альворадо, осторожно снял с кораблей артиллерию и боеприпасы, нагрузил ими индейцев, оберегая тем самым своих людей от ненужного утомления, и отправился в Семпоал. Солдаты перешли реку Чачалака, образующую границу тотонакского княжества, и направились к столице, куда прибыли на следующий день. Кастильских авантюристов приняли как освободителей и мстителей за угнетенную родину. Маленький вооруженный испанский отряд пробыл там несколько дней и отправился в порт Киауйстлан², куда уже прибыл флот со всем военным снаряжением. И тут же Кортес объявил две провинции, Семпоалу и Киауйстлан, вассалами Испании; их освободили от обязанности платить дань мексиканской короне и арестовали сборщиков налогов, прибывших из Мехико.

Это стало настоящим объявлением войны. Оно вызвало в обеих провинциях неопишуемый энтузиазм и еще больше повысило популярность вновь прибывших, кото-

¹ Тотонаки — мексиканская народность, населяющая восток современного штата Веракрус и часть штата Пуэбла; некоторые исследователи именно им приписывают строительство пирамид в Теотиуакане; в Центральную Мексику пришли с севера и поселились в долине Анауак задолго до ацтеков (примерно в середине XII в.); когда-то делились на 20 племен; их современная численность составляет около 170 тысяч человек (по переписи 1980 г.).

² Киауйстлан назывался также Киавистланом; возле него Кортес, как это рассказано чуть дальше, заложил новый город Вилья-Рика-дела-Веракрус, который впоследствии стал называться проще: Веракрус.

рые ничего не сделали, чтобы заслужить ее, а только принимали подарки. Пребывая в качестве победителя в Семпоале и думая, что ему все позволено, конкистадор, никогда не забывавший о религии, решил обратить всех тотонаков в католицизм, что не потребовало много времени. В сопровождении пяти десятков солдат, поющих *Gloria in excelsis*, он решительно поспешил к храму, пообещав тотонакам, сначала пришедшим в отчаяние, а затем перепугавшимся насмерть, полностью вырезать их, если они не успокоятся. Несмотря на стоны верующих и жрецов, ожидавших, что молнии поразят святотатцев, испанцы мгновенно разбили статуи богов. Толпа, видя, что небо остается ясным, гром не гремит и осквернители святынь без малейших затруднений совершили свое злодеяние, опустили головы и смирились, добровольно отказавшись от культа богов, не сумевших заставить уважать себя. На руинах храма воздвигли алтарь, на котором установили крест и икону с изображением Девы Марии с младенцем Христом на руках.

До этого Кортес одерживал победы в силу своей наглости, храбрости и дипломатии. Но на смену преодоленным препятствиям приходили новые, и причин для беспокойства всегда было в достатке. Зная испанское упорство, сам будучи типичным испанцем, он, не сомневаясь, что Веласкес де Леон на Кубе не сложит оружие и будет всегда преследовать его, хотя бы просто из ненависти, предпринял следующий шаг, чтобы навсегда освободиться от его власти. Кортес решил основать на мексиканских землях колонию от имени испанских монархов: автономную область, подчиняющуюся только им. С этой целью он построил форт и несколько домов в полулиге от Киауистлана, и дал поселению название Вилья-Рика-де-ла-Веракрус, то есть Богатое поселение во славу Истинного Креста, — название, как говорит Робертсон, отражающее две движущие силы кастильцев в их предприятиях в Новом Свете, а именно: жажду золота и религиозный фанатизм. Тотчас были назначены должностные лица нового города, сразу приступившие к своим обязанностям. Тогда Кортес как человек, уважающий законные власти, торжественно передал им полномочия, полученные от Веласкеса де Леона.

В свою очередь, совет серьезно обсудил и по зрелом размышлении предложил Кортесу должность главноко-

мандующего и главного судьи молодой колонии, то есть предоставил ему гражданские и военные полномочия.

Тем временем новоиспеченный главнокомандующий, готовясь предпринять большую, жизненно важную для него экспедицию против Монтесумы, принял героическое решение, подобными которому история небогата.

Уже несколько раз ему приходилось подавлять попытки мятежа и особенно дезертирства. Несколько его людей даже захватили однажды каравеллу, на которой собирались вернуться на Кубу. Беглецы были пойманы и жестоко наказаны, но, пока морской путь был свободен, попытка могла повториться. Именно поэтому, чтобы избежать неприятностей, Кортес решает уничтожить флот, изолировав свою маленькую армию на континенте. Он доверил свой проект тем, в ком был абсолютно уверен, объяснив, что благодаря этому шагу освободится сотня сильных и отважных матросов, которые, присоединившись к солдатам, будут очень нужны, когда потребуются решать мучительную альтернативу: победить или погибнуть.

Все одобрили план полководца; потом выгнали корабли на берег, разобрали и сожгли. Это, по словам Робертсона, единственный случай в истории, когда пять сотен человек во вражеской стране, населенной сильными и неизвестными народами, добровольно лишили себя возможности к отступлению и не оставили себе другой возможности к спасению, кроме собственной храбрости и твердости духа.

Испанская армия выступила из Семпоалы 16 августа 1519 года. Она состояла из 450 пехотинцев, пятнадцати лошадей и семи пушек. Кортес захватил с собой также сорок знатных тотонаков в качестве заложников и проводников. Этот, без сомнения, очень маленький, но неустрашимый отряд, сильный и хорошо закаленный, сопровождали две тысячи пятисот нестроевых воинов из Семпоалы и большое количество вестовых, которые несли артиллерийские припасы, багаж и провизию.

Через шесть дней пути Кортес достиг Хокотлапа, большого и красивого города, подчиненного государству Анауак¹. Там он остановился и послал несколько тотонакских депутатов в Тласкалу, отважную и гордую республи-

¹ А н а у а к — название долины Мехико на туземных наречиях.

ку, которая с давних пор храбро сопротивлялась ацтекским войскам и заставила уважать свою независимость. В ожидании возвращения послов он не мог усидеть на месте и заторопился в дорогу. Вскоре армия оказалась перед отлично сделанным укреплением, восхитившим испанцев. Это были прочные стены длиной около десяти лиг, толщиной двадцать футов и высотой девять, с единственным входом в середине. Такая конструкция, служившая республике границей с этой стороны, была предназначена для защиты от мексиканских набегов.

Авангард колебался, прежде чем войти в неохранный проход, когда Кортес, вскочив на лошадь, со словами: «Вперед, солдаты; на нашем знамени крест, с ним мы победим» — устремился к проходу.

Кортес решил, что тласкаланы, исконные враги мексиканцев, пойдут вместе с ним против общего врага, или, по крайней мере, пропустят его армию. Ничего подобного. Слишком осторожные, чтобы сопротивляться или открыто сдаться, они решили по совету одного из их старейшин выбрать нечто среднее. Старик по имени Шикотенкатль убедил их поручить его сыну, молодому человеку, полному отваги и дерзости, атаковать испанцев.

Удобного случая для нападения ждать пришлось недолго. Безусловно, таким противником не следовало пренебрегать, хотя это и были грубые горцы, крестьяне, подданные аристократической феодальной республики — диковинный политический нонсенс, к которому, однако, приноровился подневольный народ, работающий и смелый и, как считалось, не подверженный какому-либо влиянию.

Армия тласкаланов, руководимая молодым Шикотенкатлем, очень многочисленная, хорошо дисциплинированная, заставила крепко призадуматься горстку отважных испанцев, перед которыми стояла альтернатива: победить или умереть страшной смертью. Кастильцы приготовились к битве с обычной для них отвагой. За ночь все исповедались у капелланов¹ и на заре причастились.

Это было 5 сентября 1519 года. Кортес произвел смотр своим солдатам, пехоте дал рекомендации, как рубить саблей, кавалерии — как атаковать манежным галопом и

¹ Ка п е л л а н — здесь: корабельный священник.

целиться копьем в глаза противников, подбодрил их проникновенными словами и стал ждать атаки.

Вооруженные луками, короткими пиками, копьями и пращами тласкаланы очень ловко обращались со своим арсеналом. Кроме того, у них были длинные палки из твердого дерева, нечто вроде дубин с шипами на конце, делающими смертельным любое ранение.

В свирепом натиске они бросились на испанцев, их не могли остановить ни огонь мушкетов, ни опустошения, производимые в сомкнутых рядах литыми ядрами, ни даже атаки кавалерии, так пугавшие людей касика Табаско. Битва была длительной, ожесточенной, не на жизнь, а на смерть. Потребовалось все превосходство тактики и вооружения испанцев, вся их чрезвычайная выносливость, ловкость в обращении с копьем и шпагой, наконец, отличное оборонительное оружие, чтобы добиться весьма спорной победы.

Кортес не питал иллюзий и понимал, что столь дорогой ценой оплаченная победа уничтожит его армию, истощив ее силы. Он предложил мир тласкаланам, которые согласились с этим предложением, показав в последней битве, решившей их судьбу, что они, лучше вооруженные и, главное, более дисциплинированные, могут сражаться с испанцами на равных и остановить их. Заключив мир, тласкаланы к тому же стали самыми надежными и верными союзниками, и именно благодаря им Кортес смог осуществить эпопею, которая называется покорением Мексики.

Однако эта победа над тласкаланами, до того непобедимыми, определенно повысила престиж отважного маленького отряда испанцев. С нее началось добровольное подчинение грозных соседей. Одна за другой стали прибывать делегации от республики Уэхоцинго и городов соседних государств, чтобы оказать почтение победителю и объявить себя вассалами испанской короны.

Оставался священный город Анауака Чолула, посвященный богу Кецалькоатлю. Его не захватило всеобщее движение покорности. Кортеса это не удивило и особенно не встревожило. Он решил обойтись без покорения Чолулы и сразу отправиться в долину Мехико, несмотря на категорическое несогласие своих новых союзников тласкаланов, пытавшихся его отговорить. Он попросил у жи-

телей Чолулы разрешения пройти через их город, и те, казалось, не возражали, но в глубине души твердо решили захватить ночью спящих испанцев и передуть их всех до последнего. Но верная, неустанно бодрствующая Марина раскрыла заговор и тотчас сообщила о нем Кортесу. Последний решил преподать страшный урок и покончить одним ударом с предательством. Он приказал разграбить город Чолулу и перерезать жителей. Испанцы и тласкаланы тотчас кинулись на приступ города и со свирепой жестокостью резали всех, кто попадался им под руку. За два дня погибли шесть тысяч человек!

Добыча была огромной. Испанцы награбили золота, серебра и драгоценных камней; тласкаланы завладели птичьими перьями великолепных расцветок, которые они ценили в тысячу раз выше, чем самые ценные металлы. Вслед за резней было объявлено всеобщее прощение, и несчастный город, разграбленный, разбитый, укрощенный, полностью подчинился Испании. Этот полный успех кастильского оружия был, однако, омрачен неприятной новостью, вызвавшей сильный гнев Кортеса и побудившей его к более быстрым и решительным действиям. Курьер известил его о том, что властитель Нотлана, находившегося всего лишь в тридцати шести милях от Веракруса, по приказу Монтесумы предательски напал на тотонаков. Последние тотчас попросили помощи у своих испанских союзников из гарнизона в Веракрусе. Во время сражения, отбивая врагов, был смертельно ранен вместе с другими семью своими людьми Эскаланте, командовавший войсками от имени Кортеса. Восьмой захваченный в плен испанец был предан смерти со страшной, утонченной жестокостью, а его голова послана Монтесуме. Кортес никому не рассказал эту печальную новость, но поклялся жестоко отомстить за смерть своих людей, он был из тех, кто держит слово.

Маленькая кастильская армия, «усмирив» таким образом Чолулу, двинулась дальше и прошла между Попокатепетлем и Истаксиуатлем¹, где находился проход, ведущий к долине Мехико. Испанцы долго шли, сопровождаемые несколькими тысячами тотонаков, тласкаланов и

¹ Попокатепетль, Истаксиуатль — вулканы, расположенные к юго-востоку от города Мехико.

жителей Чолулы — союзников, которых слепая ненависть к мексиканцам заставила бороться бок о бок с жесточайшим своим врагом, который вскоре не задумываясь поработит их самих. Шел октябрь 1519 года, славная дата в пышной колониальной истории Испании. По мере того как союзническая армия спускалась с вершин Чалько, обширная равнина Теночтитлана разворачивалась перед ней, а потом, как бы из глубин внутреннего моря, выступал феерический город Монтесумы с его башнями, замками, соборами, большими зданиями, во всем смутно проглядывающем великолепии.

Кортес, восхищенный этой волшебной картиной, где он угадывал землю, о которой грезил, упал на колени и воздал хвалу Богу! Потом смело скомандовал идти вперед, больше не сомневаясь в успехе, уверенный отныне, что с горсткой своих людей покорит огромную империю.

Восьмого ноября отважный авантюрист вошел в Мехико, город с трехсоттысячным населением. Монтесума, хорошо владеющий собой в этот горестный и критический момент, предстал перед победителями в паланкине¹, который несли несколько знатных горожан. При виде Кортеса, следующего первым, верхом на лошади, повелитель ацтеков сошел на землю, опираясь на плечи племянника и брата. Кортес, со своей стороны, также спешил, приветствовал императора и надел ему на шею стеклянные бусы. Потом император, отдав приказ брату проводить испанцев в приготовленные для них кварталы, вернулся в свой дворец, проходя через толпу, простершуюся перед ним, словно перед божеством.

В этих кварталах находился пышный дворец Аксаякатля², в котором свободно разместилась вся армия захватчиков, предварительно позаботившись об обороне. И Кортес, предполагая ловушку, запретил своим людям под страхом смерти выходить из здания. Зная, что среди тласкаланов ходят зловещие слухи о том, что Монтесума согласился допустить их в свою столицу, чтобы легче расправиться с ними, Кортес постарался, как обычно, пора-

¹ Паланкин — вид закрытых носилок.

² Аксаякатль (конец XV в.) — ацтекский император, сын Великого Монтесумы (Монтесумы I, правившего в 1440 — 1469 гг.), правил страной в 1469 — 1481 годах.

зять разум и воображение туземцев могуществом испанцев. Когда спустилась ночь, множество артиллерийских залпов объявили о прибытии войска его католического величества в столицу государства Анауак, принятого в испанское владение от высочайшего имени. Грохот пушек, подобный громовым раскатам, отраженный фасадами огромных зданий, рокотал над водами озера, яркие частые вспышки, возникающие внезапно в едком дыму, с опьяняющим запахом действовали устрашающе на рассудок, мешая заснуть всему городу, погрузив его в эту первую ночь в омут мистического страха.

В принципе все прошло хорошо. Испанцев радушно приняли в Мехико, и самая искренняя сердечность, казалось, царила между Кортесом и Монтесумой. Император вроде бы убедился, что имеет дело с посланцем бога Кецалькоатля, и соответственно принимал конкистадора. Прежде всего Кортес, чтобы показать свою власть над туземным вождем, решил категорически запретить употреблять в пищу человеческое мясо, что было очень разумно со стороны европейца. Затем он потребовал от Монтесумы принять вместе со своим народом католичество и водрузить огромный крест на плоской крыше большого храма, чтобы верхушка креста возвышалась надо всем городом. Это было по меньшей мере преждевременно, даже для ревностного христианина. Таково было и мнение отца Олмедо, который мягко пресек этот неуместный порыв.

На предложение принять всем народом христианскую религию Монтесума ответил просто: «Я думаю, что все боги хороши; ваш может быть таким, как вы говорите, не принося вреда моим. Они хорошо служили мексиканцам, и будет неблагодарно отречься от них».

Однако их боги были омерзительными идолами, которым приносили страшные жертвы. Как Уицилопочтли, бог войны, так и Тескатлипока, бог — создатель народа, и Кецалькоатль, бог-просветитель, хотели только человеческих жертв. Повсюду кровь текла рекой, оскверняя стены, стекая ручейками по желобам, окрашивая в красный цвет одежды безобразных жрецов, совершающих жертвоприношения! Поражали сваленные в кучу трупы, с зияющими провалами ртов, обескровленные, изуродованные, с вырезанными сердцами, которые преподносили на золотых блюдах этим страшным божествам. Повсюду жестокая

ярость убийства, заклание сотен жертв, из которых выпускали кровь, а потом трупы потрошили ужасные жрецы, превратившие свои храмы в страшные бойни, один вид которых приводил в негодование даже грубых кастильских воинов!

«Запах, исходивший из этих смертоносных святилищ, — писал Берналь Диас, один из хроникеров покорения Мехико, в котором он принимал непосредственное участие, — был невыносимее, чем запах от скотобоен Кастилии!...»

По прошествии восьми дней пребывания в Мехико Кортеса начало одолевало беспокойство. После первого опьянения победой, после столь неожиданного подчинения, возможно слишком абсолютного, чтобы быть искренним, мог ли он довериться Монтесуме и огромному народу, среди которого затерялась его маленькая армия? Уйти также было невозможно из-за опасности нападения со стороны жителей, имевших подавляющий численный перевес. Впрочем, как унести огромные богатства, с которыми никто не пожелал расстаться! С другой стороны, оставаться в городе было почти так же губительно, поскольку у мексиканцев имелось немало средств, чтобы уничтожить испанскую армию: достаточно было просто блокировать ее и лишить продовольствия.

Надо было действовать без промедления; и в этих критических обстоятельствах Кортес еще раз доказал свою изворотливость и энергию. Он без колебания принял необыкновенно дерзкое решение, которое тем не менее одно могло спасти всех, однако в случае неудачи все могло быть безвозвратно потеряно. План состоял в том, чтобы взять в заложники самого Монтесуму и удерживать его в испанском квартале, во дворце Аксаякатля.

Предлог вскоре был найден. Кортес вспомнил о тревожном послании, полученном еще в Чолуле, в котором ему сообщали о смерти Эскаланте, убитого вместе с восемью другими испанцами при защите тотонакских союзников, атакованных касиком Нотлана. Кортес, будто только что узнав эту новость, созвал своих офицеров, сообщил им ее, посвятив в свой план захвата императора, одно присутствие которого среди испанцев могло гарантировать им безопасность.

План был одобрен. На следующий день Кортес испросил аудиенции у императора, и тот без промедления при-

нял испанца. Прослушав мессу, вероломный испанец выстроил свою армию во дворе дворца, провел ее внутрь мелкими подразделениями, и сам предстал перед императором с пятью самыми храбрыми и решительными воинами. Монтесума встретил гостя очень любезно, но Кортес, изобразив суровость на лице, рассказал о западне, в которой погибли его люди и союзники, потом, обвиняя в вероломстве касика Нотлана, возложил на Монтесуму ответственность за происшествие. Император возразил, что виновный будет немедленно вызван в Мехико и наказан, но что лично он сам ни в чем не виновен. Кортес ответил, что в его монарших заверениях он не сомневается, но у короля Испании нет такой уверенности.

— Что надо сделать, чтобы доказать ему мою непричастность к этому преступлению? — спросил несчастный монарх.

— Вам следует жить среди нас и доказать этим знаком доверия, что у вас никогда не было и не будет плохих намерений против подданных его католического величества.

Монтесума выразил протест; его гордость была уязвлена, он приготовился сопротивляться, выгадать время, позвать на помощь верных людей. Но дворец был во власти закованных в латы испанцев со шпагами или мушкетами в руках. И повелителю Мексики пришлось уступить окружавшим его людям, которых звали Веласкес де Леон, Сандоваль, Альворадо, Луго и де Авила, уже зарекомендовавших себя телохранителями Кортеса. Они отвели Монтесуму во дворец Аксаякатля, и его подданные даже не осмелились протестовать.

Сначала испанцы обходились с монархом почтительно. Он давал аудиенции, посылал приказы своим касикам, принимал министров, короче, внешне сохранил все свои императорские prerogatives. Это продолжалось пятнадцать дней, вплоть до того момента, пока касик Кецальпопока, который организовал восстание в Нотлане, не прибыл в Мехико в сопровождении своего сына и трех старших военачальников. Несчастные были приговорены к сожжению живьем и, узнав о своей страшной участи, заявили, что они действовали по приказу императора. Именно этого и ждал Кортес, чтобы окончательно сокрушить то, что еще могло остаться у монарха от его гордо-

сти и достоинства. Пока пять человек подвергались страшным истязаниям, он послал за Монтесумой, предъявил последнему обвинение в вероломстве и приказал заковать его в кандалы.

Отныне Монтесума стал лишь призраком властителя и марионеткой в руках Кортеса, который манипулировал им по своему желанию. Его сокровища были разделены между испанцами и их союзниками. Униженный и разоренный, император присягнул в верности королю Испании и отдал один из главных храмов, чтобы с большой помпой посвятить его христианскому Богу. Кортес сам снял с Монтесумы кандалы, сказав, что он свободен вернуться в свой дворец. Но воля мексиканского повелителя была сломлена, он отказался, предпочитая оставаться среди испанцев, не осмеливаясь предстать перед свидетелями своего отрешения от власти.

Так прошло около шести месяцев, ничто не нарушало спокойствия и процветания конкистадоров, когда непредвиденное событие вырвало Кортеса из его безмятежного существования, отвлекло от выполнения обширных организационных проектов. Гонсало де Сандоваль, заменивший Эскаланте в Веракрусе, сообщил, что флот, состоящий из одиннадцати кораблей¹ и семи каравелл, с пятью сотнями матросов, восемью сотнями пехотинцев, с восьмьюдесятью пятью всадниками и двенадцатью артиллерийскими орудиями на борту, высадился под командованием Панфило де Нарваэса². Этот флот был послан наместником Кубы Диего Веласкесом де Леоном для борьбы с Кортесом как с мятежным вассалом и предателем! И не важно, что Кортес покорила для испанской короны империю с огромными богатствами! Какое это имело значение для Веласкеса, мстящего врагу с совершенно испанской беспощадностью!

Это был тяжелый удар. Но Кортес не стал тратить время на ненужные жалобы и бесполезные споры. Уступить Нарваэсу, отдать ему завоеванное и стать заключен-

¹ «Корабль» (*исп. nave*), как уже отмечалось, был в то время самым крупным океанским судном.

² Нарваэс Пánфило де (ок. 1470 — 1528) — испанский конкистадор; в 1511 году участвовал в завоевании Кубы; в 1528 году пытался колонизовать полуостров Флорида; первым из европейцев достиг устья реки Миссисипи.

ным? Нет! Только сопротивляться с оружием в руках. Гражданская война? Пусть! Да и кто такой этот Панфило Нарваэс? Без сомнения, храбрый солдат, но он не способен быть полководцем при его тщеславии, самоуверенности и, главное, неумении снискать любовь солдат, которые просто молились на Кортеса. Надо любой ценой выиграть в скорости и действовать в обстановке величайшей секретности.

Умный конкистадор, человек стремительных предприятий, отчаянной решительности в невероятных ситуациях, внезапно оказался в своей стихии интриг и сражений. Больше не теряя времени, он отправил Нарваэсу очень вежливое письмо и, зная, какие несравненные послы церковники, когда они преданны и верны, поручил своему другу отцу Олмедо передать письмо. С дипломатичностью священника и солдата последний установил отношения со старшими офицерами Нарваэса, очень ловко отдал их от начальника и сделал сообщниками конкистадора.

В это время Кортес, оставив в Мехико своего личного друга дона Альворадо с отрядом в семьдесят человек, отправился форсированным маршем с двумя сотнями имевшихся у него людей сражаться с армией Нарваэса, в шесть раз превосходившей его силами. В Чолуле он вооружил пиками около двух тысяч туземцев, чтобы противопоставить их кавалерии, и прибыл, не теряя времени, в Семпоалу, где разместился Нарваэс.

В полночь, проведя неслыханно смелую атаку, отряд Кортеса овладел вражеской артиллерией и с яростью обрушился на главный храм города, в котором находился командующий. Войска, хотя и захваченные врасплох, упорно защищались. Но их уже раненный командир был захвачен в плен в тот момент, когда получил в глаз удар пикой. Сражение тотчас прекратилось. Нарваэса заковали в кандалы и немедленно отправили в крепость Веракрус. Солдаты Кортеса уже братски обнимаются со своими соотечественниками, восхваляя их храбрость, рассказывают о щедрости своего командира, который осыпает их золотом, о богатстве Мехико, о жизни, которую они там ведут, короче, начали обольщение, завершенное Кортесом, без громких фраз, лишь огромным авторитетом своей личности, заставившим признать себя главнокомандующим и

верховным судьей той армии, которая пришла сражаться с ним как с бунтовщиком. И вот он возглавляет армию из тысячи шестисот обстрелянных солдат, ста лошадей и восемнадцати судов в тот момент, когда крах казался неминуемым.

Он уже ликовал, чувствуя себя победителем над всей империей Анауак, когда из Мехико получил печальные новости. Мексиканцы взбунтовались против испанцев, и семьдесят человек во главе с Альворадо были осаждены во дворце. Кортес тотчас отправился во главе новой армии, мобилизовал, проходя через Тласкалу, новый нестроевой корпус и прибыл в Мехико 24 июня 1520 года. Город был темен и пуст, поведение жителей — угрожающим. И тогда трубачи получили приказ трубить самые звонкие фанфары, ворота дворца Аксаякатля, где забаррикадировались солдаты Альворадо, внезапно распахнулись навстречу освободителям.

Причиной восстания, плачевные последствия которого еще отзовутся слезами для испанцев, послужил акт глупой жестокости, совершенный по вине Альворадо, человека высокого происхождения, отважного во всех испытаниях, но гордого, алчного, жестокого и фанатичного. Когда шестьсот знатных ацтеков собрались на ежегодный праздник в честь бога войны Уицилопочтли, он кинулся на них со своими людьми и перерезал всех до последнего.

Не только бесчеловечная, но и политически недальновидная резня раздула искры мятежа, тлеющие в сердцах мексиканцев. Они восстали всем народом, чего не сделали, чтобы защитить самого императора, бросились на штурм дворца, понесли большие потери, но жестоко потрепали бойцов Альворадо, которые, конечно, умерли бы с голоду, если бы Кортес не пришел им на выручку.

Командующий был тем более рассержен на Альворадо за его нелепую выходку, что тот с первых дней своего пребывания в Мексике видел, какие беды обрушивались на завоевателей, и если оставил содеянное без наказания, то только потому, что вовсе не хотел получить врага в лице самого храброго из своих офицеров в момент, когда очень нуждался в его услугах в той беспощадной борьбе, которая ждала его впереди.

Действительно, на следующий день после возвращения Кортеса штурм дворца Аксаякатля, где укрылись девять

тысяч испанцев и их союзников, был предпринят с беспримерной яростью. Казалось, все ацтеки вышли внезапно из длительного летаргического сна. Пробуждение было ужасным. Монтесума, который, не имея больше политического авторитета, сохранил религиозный, посетил Кортеса, был принят очень холодно и удалился удрученный.

«Буду я еще возиться с этой собакой-императором, готовым уморить нас голодом!» — сказал пренебрежительно конкистадор.

Тем не менее он отпустил одного из своих пленников, Куйтлауака, брата императора, и поручил ему переговорить с мятежниками. Но мексиканский принц, полный отваги и горячего патриотизма, далекий от мысли выполнять навязанное ему позорное поручение, наоборот, принял на себя руководство повстанческим движением.

Мексиканцы под водительством своего нового неустрашимого вождя, стремящегося искупить по возможности слабость характера Монтесумы, решил взять с бою цитадель, где укрылись испанцы. Героическая, отчаянная атака показала, что мог бы сделать патриот, обладающий политическим и религиозным авторитетом, даже с нестроевым войском, когда Кортес впервые появился со своим маленьким отрядом перед Мехико. Несмотря на страшный гром крупнокалиберной артиллерии, захваченной недавно у Нарваэса, и огонь мушкетов, фанатичные мексиканцы наталкивались на оборонительные сооружения и падали почти у жерл пушек. Их трупы беспорядочно сваливались на дно рвов, но это не уменьшало патриотизма. На смену рядам, скошенным ураганом железа и свинца, вставали другие, не менее храбрые и решительные. Потеряв надежду сломить сопротивление крепости, они решили поджечь ее и послали град стрел с привязанными к ним зажженными соломенными факелами; и если главное здание, построенное из камня, избежало пламени, то все служебные постройки, служившие убежищем для испанцев и их союзников, были истреблены огнем. Кортес, пораженный такой храбростью у людей, которых привычно презирал как трусливое сборище ничтожных рабов, не мог поверить своим глазам!

Понимая, что он не может оставаться надолго запертым во дворце, поскольку любая осажденная армия обречена на гибель от голода, если не прорвет блокаду, кон-

кистадор совершает одну за другой несколько вылазок, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха и захватить провизию. Всеми операциями он руководит сам лично с не покидающим его присутствием духа и невероятной смелостью. Казалось, он разрывается на части, его всегда видели там, где опасность была наибольшей. Берналь Диас, говоря об этой войне, заявляет, что артиллерия французского короля не была более грозной, чем ярость этих мексиканцев.

Авторитет Монтесумы перестал существовать, и напрасно несчастный монарх, жертва собственной слабости, попытался однажды в разгар боя склонить стороны к примирению. Возмущенные подданные забросали его градом стрел и камней, один из которых попал ему в висок. Испанцы унесли его полумертвого, а через три дня, 30 июня 1520 года, император умер, не подпуская к себе хирурга, громкими криками проклиная испанцев вместе с их богом и призывая смерть. По крайней мере, такова общепринятая официальная версия; но все местные авторы согласны с самыми знаменитыми испанскими писателями, которые, основываясь на национальных источниках, утверждают, что Монтесума умер вовсе не от ран. Кортес, поняв, до какой степени монарх утратил свое влияние на подданных, для своего собственного спокойствия принял варварское решение умертвить в тюрьме бесполезного теперь монарха вместе с большинством его придворных. Такова печальная судьба Монтесумы, которому не хватило смелости сопротивляться, когда Кортес угрожал свободе его народа и его собственной, и который стал в руках завоевателя лишь инструментом для сдерживания справедливого гнева мексиканцев.

Кортес, считая, что не может больше оставаться в городе, где число противников беспрестанно увеличивалось, решил вывести гарнизон до того, как он станет полностью небоеспособным. Вывод был назначен на 1 июля 1520 года по дороге на Тлакопан¹. Авангардом руководил Гонсало де Сандоваль, Кортес командовал центром, где находились сокровища, и Веласкес де Леон с Альворадо — арьергардом. Союзнический контингент был присоединен к

¹ Тлакопан — город на западном берегу озера Тескоко; другое название — Такуба.

этим трем подразделениям европейской армии. Путь лежал по дороге длиной две мили, пересеченной тремя широкими и глубокими рвами, наполненными водой. Построили перекидные мосты, чтобы преодолеть их, последовательно перебрасывая через каждый.

К счастью, армия отправилась темной дождливой ночью. Первый ров преодолели беспрепятственно. Но тревога поднялась, когда пришла пора переносить перекидной мост ко второму рву. Вес людей, лошадей, пушек вдавил его концы в мягкий грунт, они просто завязли в нем. Одновременно сотни лодок с мексиканскими воинами на борту подошли по воде рва и осыпали стрелами испанцев, пытавшихся вытащить мост, не имевших в это время возможности ответить. Но впереди был еще второй, поперечный, ров, который надо было преодолеть или погибнуть. Сандоваль и его всадники бросились вплавь. Пехота последовала за ними, отягченная грузом снаряжения и оружия. Перебрались с грехом пополам, отбиваясь и неся огромные потери. Впереди еще третий ров. Даже самые храбрые не решались прыгать в воду. Пример показывали офицеры, бросаясь первыми. Пехотинцы цеплялись за лошадей. Переход был страшный, полный трагизма, но наконец все было кончено. Испанцы уже облегченно вздохнули и готовы были поздравить друг друга, когда тревожные и яростные крики послышались над проклятым рвом. Между вторым и третьим рвами мексиканцы окружили арьергард, и он едва держался под натиском численно превосходящего противника. Не колеблясь, с удивительным чувством долга и солидарности те, кто уже прошли и находились в безопасности за третьим рвом, бросились обратно и отбили своих товарищей в яростном сражении!

Этот отход, во время которого Кортес, по его собственному признанию, потерял сто пятьдесят человек, цифра, конечно, сильно заниженная¹, получил от старых хроникеров название *noche triste* (пагубная ночь).

¹ Тем не менее в испанских исторических трудах и справочных изданиях фигурирует именно эта цифра — правда, как нижний предел: утверждается, что Кортес потерял «более 150 испанских солдат». Кроме того, погибли более 2000 союзных испанцам воинов, 45 лошадей, было брошено много оружия, и — самое обидное для испанцев! — конкистадоры лишились почти всего награбленного золота.

Уменьшившаяся таким образом испанская армия, падающая от усталости, голода, лишений, должна была еще вступить в сражение при Отумбе, одно из самых знаменитых из великой американской эпопеи¹. Она еще раз одержала победу и наконец пришла к своим верным союзникам тласкаланам, принявшим ее наилучшим образом. В то время как его отважные соратники заслуженно отдыхали, Кортес, раздираемый демонами завоевания, писал Карлу V: «Ваше величество может быть уверено, что с Божьей помощью вскоре получит обратно если не все, то по меньшей мере большую часть потерянного. Я посылаю на Кубу четыре корабля за солдатами и лошадьми и четыре других в Испанию за оружием, арбалетами и порохом, в которых я очень нуждаюсь, поскольку пехотинец со щитом — слабое средство против крепостей и громадных толп. С такой помощью я рассчитываю пойти на Мехико, вернуть наши потери и подчинить Вам этот гордый город».

В подготовке прошло шесть месяцев, и 28 декабря 1520² года Кортес отправился в поход на столицу. За время пребывания в Тласкале он приготовил все необходимые материалы для строительства двенадцати каравелл, при помощи которых надеялся свободно наложить руку на озеро. Восемь тысяч союзников, сопровождаемых многочисленным корпусом под командованием нескольких испанцев, перенесли деталь за деталью весь этот флот через провинцию, пересеченную горами, до озера Мехико³. Уже во время приготовлений Кортес не мог избавиться от сожаления о том, что придется подвергнуть осаде прекрасную столицу новой империи, которой собирался

¹ Возле города Отумба, едва перевалив по пути из Мехико-Теночтитлана первую горную цепь, испанцы встретились с огромным воинством ацтеков. Битва произошла 7 июля. Кортес приказал убивать прежде всего офицеров ацтекской армии, которых легко было отличить по пышным одеяниям. Сам Кортес, увидев боевой стяг врага, поскакал к этому месту. Ему удалось смять заградительный кордон и сразить ацтекского главнокомандующего Сиуака. Знамя пало, и ацтекские воины посчитали битву проигранной.

² В источниках указывается и другая дата: 26 декабря.

³ В долине Мехико имеется система из пяти сообщающихся между собой озер, крупнейшее из которых — Тескоко; очевидно, именно его имеет в виду автор.

одарить корону Кастилии¹. Именно поэтому он неоднократно обращался с предложением к Куаутемоку, пришедшему на смену Куйтлауаку², который в свое время сам на очень короткий период занял место Монтесумы, добровольно признать себя вассалом Карла V.

С высоты своего величия гордый ацтек отверг это унижительное предложение и храбро приготовился к сопротивлению. Со своей стороны, Фернан Кортес объявил осаду Мехико³ и потребовал от своих союзников привести обещанные контингенты. Ему послали сто пятьдесят тысяч человек, как утверждают испанские историки, и двести тысяч, по утверждению местных летописцев. Он получил некоторое подкрепление из Европы и теперь имел в своем распоряжении девятьсот пехотинцев, восемьдесят шесть всадников, пятнадцать полевых бронзовых орудий, три больших железных осадных орудия и большое количество боеприпасов. Кортес разделил свою армию, состоящую из испанцев и наемников, на три почти равных корпуса и доверил управление ими своим лучшим командирам Альворадо, Сандовалю и Олиду, оставив себе командование кораблями и войсками, находящимися на них. В путь отправились 19 мая 1521 года.

Перед тем как атаковать Мехико, Кортес хотел овладеть всеми городами долины, чтобы по возможности помешать столице получать помощь людьми и продовольствием извне. Эта ловко проведенная операция отняла у него два месяца, после чего он полностью посвятил себя большому предприятию, от которого зависел не только успех кампании, но и будущее Испании в Мексике.

¹ «Корона Кастилии» — очевидный анахронизм автора; в конце XV века путем брака Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской произошло объединение двух крупнейших правящих домов Пиренейского полуострова; Карл V являлся уже королем объединенной Испании.

² Куйтлауак умер от оспы, и на престол вступил Куаутемок, чье имя переводится как «падающий орел» или «гибнущий орел».

³ Ацтеки появились в долине Мехико в XIII веке; в 1325 году на одном из островов озера Тескоко они zaloжили маленькое селение Теночтитлан, которое вскоре стало сначала главным городом мексиканцев, а потом и столицей огромного государства. Теночтитлан имел и другое название — Мехико. Древняя ацтекская столица расположена на территории современного Мехико-Сити.

На следующий день с бесконечными мерами предосторожности, не полагаясь на волю случая, Кортес одновременно двинул три корпуса своей армии, чтобы взять город в плотную блокаду. Этот очень трудный стратегический ход был счастливо завершен, но, конечно, не без стычек. Серьезные сражения происходили между каравеллами и многочисленными мексиканскими хорошо управляемыми и великолепно вооруженными лодками, вышедшими из того же городского порта и храбро кинувшимися в бой. Мексиканцы двинулись вперед со страшными криками и осыпали испанцев дождем стрел. Последние хладнокровно позволили неприятелю подойти на близкое расстояние, а потом расстреляли стройные ряды нападавших из артиллерийских орудий. После первого залпа лодки были разметаны и вскоре превратились в бесформенные обломки, пляшущие в волнах озера среди гибнущих людей, делающих безнадежные попытки спастись, цепляясь за доски, и расстреливаемых с дьявольской ловкостью из аркебуз испанцами, жестоко мстящими за поражение «пагубной ночи».

Три дороги, ведущие к Мехико, были надежно перекрыты армейскими корпусами, хорошо укрепившимися в прекрасно построенных фортах с двумя фасадами, откуда, не подвергая себя опасности, можно было атаковать город и долину. Благодаря стоявшей на страже флотилии никто не мог больше войти в город, который вскоре оказался во власти голода.

Но блокада, даже очень надежная, казалась слишком медленной мерой для нетерпеливого конкистадора. Он решил использовать вынужденный досуг, чтобы подразнить врага, рассчитывая на один из тех сюрпризов, которые иногда открывают двери хорошо защищенной крепости. Поддерживаемый каравеллами, Кортес лично отправился вперед по дороге, идущей из Устапалана, увлекая за собой армейский корпус, воодушевленный его присутствием. Попытавшиеся прорваться мексиканцы были сметены корабельными пушками, обстреливавшими дорогу с двух сторон, и с боем отступили. Операция прошла с успехом. Она позволила подойти вплотную и заделать одну за другой брешы, образовавшиеся на дороге, а потом захватить начало большого проспекта вблизи предместья и замкнуть таким образом кольцо окружения города. И

это не все. Сторожевые посты смогли даже войти в улицу, разрезающую столицу на две части с севера на юг. По сторонам этой улицы, настоящего бульвара, стояли высокие дома, на террасах которых засели вооруженные мексиканцы, дождем сыпавшие стрелы, впрочем бесполезные. Кортес приказал союзникам стереть дома с лица земли и на их месте построить баррикады.

Этот смелый маневр увенчался полным успехом, и вскоре испанцы неожиданно вышли к большой площади, одну из сторон которой они некогда занимали. Площадь обрамляли здание, служившее прежде императорской резиденцией Монтесумы, большой храм и дворец Аксаякатля, бывший когда-то их пристанищем. Отряд остановился здесь, построил баррикады, чтобы избежать какого-либо сюрприза и дожидаться новых приказов. Но тогда, взглянув на плоскую крышу, где ранее был воздвигнут примитивный крест, испанцы заметили жрецов бога войны Уицилопочтли, покрытых окровавленными одеждами. Размахивая ножами со сверкающими лезвиями, они зывали к отвратительному божеству, только что получившему от них человеческие жертвы. При виде этого зрелища разъяренные испанцы бросились к ступеням, взяли их штурмом, вбежали на террасу и оказались перед идолом, занявшим место креста, увидели тазы, где еще дымились сочащиеся кровью сердца, и трупы, белый цвет кожи которых позволил распознать в них испанцев. Тотчас идол и жрецы, схваченные мощными руками, кувырком полетели с террасы и разбились при падении. Разгневанные мексиканцы сочли это за надругательство и попробовали снова установить символы своей веры. Началась свирепая битва, трупы громоздились один на другой, в жестокой борьбе не было ни победителей, ни побежденных, каждый вернулся на свои позиции.

Атаки возобновлялись очень часто с переменным успехом, однако испанцам не удавалось существенно продвинуться. Удивленные невиданной раньше отвагой противника, они решили окончательно подавить сопротивление и во весь голос потребовали генерального штурма. Кортес, настолько же храбрый, насколько и осторожный, чувствуя, что одно превосходство в силе не приведет к успеху без больших потерь, попытался выиграть время и дожидаться, пока голод совершит свою работу, не прекращая при этом постоянных обстрелов. Уступая настойчи-

вому давлению своих воинов и не желая брать на себя ответственность за такую серьезную операцию, он решил созвать на военный совет старших офицеров.

Наперекор его мнению, большинство совета решило занять в центре города его ключевую точку — самую большую площадь Тлаалтелолько¹, где подсобные помещения рынка могли обеспечить хорошее укрытие для войск. Кортес категорически не одобрил этот план как очень опасный и впервые был вынужден отдать приказ об операции, противоречащей здравому смыслу. Напрасно он объяснял, что мексиканцы, зная стратегическую важность этой позиции, будут отчаянно защищать ее, совет оставался непреклонным. Последовавшие вскоре события оправдали опасения опытного военного тактика, поскольку еще никогда с начала кампании не было такой неудачной операции.

В назначенный день после кропотливых приготовлений осаждающая армия, разделенная на три корпуса, продвинулась по трем большим проспектам, выходящим к рынку Тлаалтелолько. Траншеи были взяты без боя с легкостью, которая заставила Кортеса, малопривычного с некоторых пор к подобным успехам, крепко задуматься. Он приказал тщательно засыпать траншеи, чтобы обеспечить в случае необходимости путь отступления. В этот момент Альворадо, один из его лейтенантов, прислал гонца с известием, что его корпус почти достиг рынка. Заподозрив неладное, Кортес захотел сам осмотреть окрестности, не веря, что мексиканцы позволят взять без сопротивления такую важную позицию, и внезапно оказался перед огромной, только что вырытой ямой шириной в пятнадцать футов, представляющей собой опасное препятствие. В это время на людей Альворадо с тыла напали сотни и тысячи ацтеков, устремившихся из боковых улиц, улочек и домов, отрезая путь к отступлению. Лейтенант повел свой корпус вперед к площади и оказался перед ямой! Без минуты колебания Кортес послал своих солдат на помощь отряду Альворадо, дрогнувшему перед численным перевесом противника. Битва была длительной и беспощадной.

¹ Тлаалтелолько располагалась в северо-западной части Мехико-Теночтитлана.

Ацтеки сражались с неслыханной свирепостью, и испанцы, предчувствуя, что погибнут, если не одержат полную победу, напрягали последние силы!

Кортес в этот момент избежал смертельной опасности. Сражаясь как простой солдат, уже раненный в бедро, он вдруг оказался окруженным шестью мексиканцами громадного роста. Он бы погиб, если бы не преданность одного из его людей, спасшего его ценой собственной жизни. Наконец испанская армия вышла из абсолютно безнадежного сражения, оставив в руках врага шестьдесят двух солдат, которых ацтеки должны были уничтожить с изощренной жестокостью.

Но у мексиканцев не было оснований долго радоваться успеху. Горестная ошибка военного совета еще больше подняла авторитет Кортеса, сделав его абсолютным хозяином положения и дав ему возможность управлять осадой по собственному усмотрению. Вскоре железное и огненное кольцо еще плотнее сжалось вокруг несчастного города. Свирепствовавший голод приводил к ужасающим сценам каннибализма. Разразившаяся чума, порожденная разлагающимися трупами, довершила работу голода.

Однако осада длилась уже сорок пять дней, и Кортес, потеряв надежду овладеть городом без разрушений, к тому же понимая, что его армия слабеет день ото дня, решил захватывать дом за домом и стирать их постепенно с лица земли. Но для этой разрушительной работы ему не хватало рук. Он обратился к своим союзникам, которые через три дня прислали ему сто тысяч помощников, со свирепой радостью кинувшихся помогать уничтожению вражеского города. Вскоре строения начали исчезать, как растения под жадными челюстями саранчи. Не оставалось камня на камне, а осколки сбрасывались во рвы и в озеро. Город уменьшился более чем наполовину, жители, ослабленные голодом и болезнями, вскоре оказались сваленными в кучу на рыночной площади Тлателолько. Вопреки прогнозам Кортеса неустрашимый Куаутемок не капитулировал, хотя город был на грани падения. Оставалось только ждать решающего штурма. Он состоялся 13 августа¹ и воплотился жесточайшей резней на полное уничтожение несчастных ацтеков, не способных сражаться, по-

¹ Более точная дата решающего приступа — 28 июля 1521 года.

лумертвых от голода и загнанных на рыночную площадь. Многие пытались преодолеть каналы и тонули в таком количестве, что их трупы лежали вровень с дорогой, образуя мосты, по которым ходили совершенно опьяневшие от пролитой крови испанцы. Другие пытались убежать на лодках, ждавших у берега озера. Но каравеллы без труда топили или захватывали беглецов. Вдруг капитан одной из каравелл¹, увидев более роскошную, чем прочие, лодку с отборной командой, бросился вдогонку и остановил ее. Испанские солдаты уже почти всех перебили, когда поднялся один из беглецов и сказал с достоинством:

— Я Куаутемок! Пощадите мою жену и моих слуг.

Приведенный к Кортесу, он предстал перед своим победителем с гордым спокойствием.

— Я защищал, — сказал он, — свой народ, как это пристало королю; делайте со мной что хотите.

И Кортес, восхищаясь благородством его поведения и гордым самообладанием в несчастье, ответил:

— Вам окажут все почести, как вы того заслуживаете. Испанцы умеют уважать смелость в своих врагах.

Прекрасные слова, которые должны были — увы! — и очень скоро, получить жестокое опровержение.

Захват императора, бывшего душой сопротивления, завершил успех, помешал вспыхнуть восстанию в провинциях, и падение Мехико стало окончательным.

Осада продолжалась восемьдесят дней. Во время нее погибли сотни испанцев, тридцать тысяч союзников и сто пятьдесят тысяч мексиканцев, около трети которых умерло от голода или болезней. Добыча была огромной: только драгоценных металлов собрали в бесчисленном количестве.

Из-за этих богатств подвергли пыткам несчастного императора вместе с одним из его министров. Испанцы, не найдя, или считая, что не нашли, королевские сокровища, совершили настоящее варварство, положив Куаутемока и министра на слой раскаленных углей, чтобы узнать, где спрятаны сокровища. Когда министр, сраженный страшной болью, испускал душераздирающие крики, Куаутемок, обращаясь к нему, произнес ставшие поистине знаменитыми слова: «Разве я лежу на постели из роз?»

¹ Этим капитаном был Гарсия Ольгин.

Через некоторое время несчастный монарх, заслуживший более достойной доли, были обвинен в заговоре, приговорен к смерти и повешен.

Куаутемока не стало. У Кортеса больше не было причин опасаться будущих волнений, по крайней мере со стороны местных жителей, и он решил восстанавливать Мехико. Рабочих рук для строительства ему хватало. Новый город поднялся на руинах старого с невероятной быстротой. Более симметричный, лучше продуваемый ветром, с прямыми улицами, но меньший по размерам. Отныне Кортесу надлежало заниматься только хозяйственными делами, и он показал себя не менее ловким администратором, чем прежде прекрасным воином. Были проведены выборы муниципальных чиновников и образован административный совет, подобный существующему на родине, созданы церкви, больницы, даже мануфактуры; в страну завезли новые виды домашних животных, стали выращивать сахарный тростник, виноград, тутовые деревья...

Занимаясь этими мирными делами, он, однако, не оставлял мысли продолжить завоевания, и для начала подчинил провинцию Сануко, потом сумел аннексировать страну Ибуериас (Гондурас), совершив для этого достаточно тяжелую экспедицию.

Кортес вернулся в Мексику в 1526 году, там его ожидал неприятный сюрприз. За неоценимые заслуги перед короной королевский приказ, прибывший во время его отсутствия, отзывал у него и передавал королевскому совету административные и юридические полномочия в Новой Испании, как стали называть Мексику. Ему же была оставлена только военная власть.

Распознав здесь происки непримиримых врагов, которые, конечно, ввели в заблуждение короля и его советников, Кортес решил отправиться в Испанию, чтобы защитить себя перед Карлом V. Его сопровождали верный Сандоваль, несколько товарищей по оружию, а также несколько знатных ацтеков или тласкалан с кортежем из индейцев и индианок из Анауака.

Высадившись в Палосе в последние дни мая 1528 года, он поспешил в Мадрид и вопреки интригам давних сторонников Веласкеса де Леона без труда спутал карты своих хулителей. Карл V оказал ему самый ласковый прием,

утвердил в должности наместника Новой Испании, сделал маркизом богатой и прекрасной долины Оахака, отдал в полное распоряжение долину Атлиско, пожаловал крест ордена Сантьяго¹ и соединил его со старинной и известной семьей Суньиги.

Но эти щедро расточаемые почести были всего лишь чистой проформой, польстившей его честолюбию. По возвращении в Америку Кортеса ожидали разочарование и потеря надежд. Поугас энтузиазм времен завоеваний, а с ним преданность и самоотверженность героической эпохи. Пресытившиеся соратники великого конкистадора стремились теперь только к одному — в спокойной обстановке насладиться своими огромными богатствами. Кортес остался единственным, кому не прискучили волнения и кипучая отвага. Он хотел еще большей славы, новых путешествий и открытий и именно с этой целью приказал исследовать берега Северной Америки и Панамского перешейка, надеясь найти наконец проход между двумя океанами. Но эта экспедиция была неудачной, и все корабли погибли. Тогда бывший конкистадор решил сам вытянуть счастливый жребий, отправившись в путешествие.

Он оснастил флот, и если не открыл желаемый проход, то пристал, по крайней мере, к большому полуострову Калифорния, преодолев немало тягот и избежав множества опасностей. Это Кортес открыл узкий продолговатый залив в Тихом океане, названный Калифорнийским, или Красным морем. Вернувшись в Мехико (все события всегда происходили во время его отсутствия), он нашел обосновавшегося там дона Антонио де Мендосу, назначенного королевским указом вице-королем Новой Испании.

Не желая быть подчиненным в империи, которую завоевал ценой таких тяжелых трудов и страданий, Кортес

¹ Орден Сантьяго (святого Иакова) был одним из трех главных духовно-рыцарских орденов средневековой Испании. Его основали в XII веке для борьбы с маврами, а назвали в честь апостола Иакова, могила которого была обнаружена в 812 году на северо-западе Испании, в галисийском местечке Компостела. Кортес получил командорский крест, высшее отличие ордена; крест был красного цвета, а концы его оканчивались белыми стилизованными цветками лилий и золотыми раковинами.

вернулся в Испанию, чтобы отстоять свои права главнокомандующего и потребовать возмещения сумм, потраченных им на службу государству. Отныне он утратил всякое влияние, его заслуги были полностью забыты. Человек, который мог бы при желании возложить себе на голову корону Монтесумы, испытал холодный прием у короля, наглость министров и грубое обращение их служащих!

Как бы то ни было, упрямец снова решил завоевать королевское расположение и с этой целью последовал за Карлом V в его алжирскую экспедицию в 1541 году. Там он проявил огромное мужество, но все сделали вид, что не замечают его, пренебрегали его услугами, старались вычеркнуть из памяти славное имя. Ему больше не удавалось даже получить аудиенцию! Тогда и произошло это событие, рассказанное Вольтером в «Очерке нравов». Однажды покоритель Мексики, не имея возможности подойти к королю, растолкал толпу, окружавшую монаршую карету, и поднялся на ступеньку.

— Кто этот человек? — спросил Карл V.

Кортес ответил:

— Я тот, который вам дал больше королевств, чем ваши предки оставили вам городов!

Кортес, перед глазами которого был пример Колумба, вернувшегося закованным в цепи, после того как завоевал мир для неблагодарного Фердинанда, должен был знать, как полагаться на признательность королей и чем вознаграждают они за самые славные деяния, блеск которых падает на их царствование. Карл V, как бы гениален он ни был, не мог не проявить эту общеизвестную неблагодарность.

Видя себя покинутым и униженным, Кортес удалился в уединенное место в окрестностях Севильи и умер там 2 декабря 1547 года на шестьдесят третьем году жизни. Его тело было положено в фамильный склеп герцогов Медина-и-Сидония, а оттуда перенесено в Тескоко, а потом дальше в монастырь Сан-Франсиско-де-Мехико, и, наконец, в церковь Иисуса Назаретского при госпитале Непорочного Зачатия, основателем которого был знаменитый конкистадор.

Его прах исчез, когда Мексика объявила независимость от испанской короны в 1821 году. Неизвестно, был ли он

выброшен во время восстания или похищен итальянскими потомками конкистадора — семейством Монтелеоне.

Еще одно, живущее сегодня воспоминание, связывается с этой славной эпопеей.

На дороге из Мехико в Попотлан находится колоссального размера кипарис, хорошо известный во всей Мексике под названием *Ahuehuate de la noche triste y desgraciada*¹. Именно в его тени Кортес отдыхал в роковую ночь на 1 июля 1520 года, вынужденный покинуть Мехико после нелепого и чудовищного убийства людьми Педро Альворадо шести сотен знатных мексиканцев. Вершина старого дерева упала, ветки обломаны, оно скорее влачит жалкое существование, чем живет, символизируя, по словам историка, бедственный час, когда Кортес, сомневаясь в своей звезде, сидел в его тени и нашел успокоение, только увидев около себя того же Альворадо, Диаса, Олида, Сандовалья, Ордаса, своих бесстрашных соратников, которых считал погибшими.

Рядом со старинным кипарисом можно увидеть маленькую скромную часовню, которая, как обет потерпевшего крушение, кажется, освящает некое таинственное воспоминание.

Не связан ли как-нибудь этот скромный памятник христианской веры с драматическим эпизодом, косвенно относящимся к жизни Фернана Кортеса?

Почему нет? Впрочем, вот этот эпизод в нескольких строках.

Дело было в 1520 году. Правитель Кубы Диего Веласкес де Леон, заклятый враг Кортеса, в своем, может быть, искреннем намерении примирения решил отправить покорителю Мексики письмо. Чтобы эта миссия была успешно выполнена, он выбрал в качестве посланца Алонсо Суасо, близкого родственника Кортеса, жившего на Кубе, представив ему каравеллу, экипаж, не лучший, но и не худший, чем другие, и отправил корабль из порта Хагуа.

¹ Что можно перевести как «Дерево в память пагубной и несчастной ночи». Ауэуэте (*ahuehuate*) образовано от слов «науатль» (вода) и «уэуэ» (старый), то есть в переводе с местного наречия «водный старик». Речь идет о болотном кипарисе (*Taxodium mucronatum*), особом роде хвойных растений из семейства таксодиевых, при этом ауэуэте считался у ацтеков священным деревом.

Суасо имел неосторожность перегрузить сверх всякой меры свое маленькое судно, приняв на борт множество пассажиров, охотников отправиться в Мексику в поисках удачи. Тем не менее он надеялся на благополучное плавание, поскольку рейс обычно не занимал много времени и не представлял особых сложностей. И в самом деле все шло хорошо, большая часть пути была уже пройдена, когда вдруг разразилась буря, жестокая и внезапная, какие бывают только в тропиках.

Шторм бушевал пять дней и пять ночей, спокойствие ни на мгновение не изменило экипажу и капитану, несмотря на отчаянные вопли испуганных пассажиров. Но вот упали сломанные мачты, корабль потерял управление и стал игрушкой огромных волн, которые схватили его, подняли, как соломинку, и бросили на скалы. Матросов и пассажиров низвергло на дно пучины, перевернуло, беспомощные обломки крушения выбросило на пустынный берег. В довершение всего эта трагедия произошла ночью.

На восходе солнца Суасо подсчитал всех, избежавших смерти. Их было всего сорок семь, все в жалком состоянии. Волны выбросили путешественников на пустынный остров размером едва ли две сотни шагов в длину и двадцать пять в ширину, без тени, воды и без чего-либо съестного. Каравелла пошла ко дну, и с нее нельзя было взять ни капли воды, ни крошки сухаря, ни кусочка мяса, ничего!

Несчастные спаслись от разъяренных волн, но те могли дать хотя бы мгновенную смерть, а теперь предстояло страдать в медленной агонии и умереть в мучениях от голода и жажды, под жгучими, сводящими с ума лучами солнца.

Суасо, хотя и находился во власти смертельной тревоги, изображал спокойствие, сам от которого был очень далек, и своим примером старался ободрить товарищей по несчастью, вовсе не мужественных искателей удачи, среди которых оказались женщины и несколько малышей!

В день катастрофы на маленьком пляже, куда успокоившиеся наконец волны принесли обломки, нашли одну из шлюпок с каравеллы. Суасо приказал тотчас пяти добровольцам снять с мели это суденышко, которое, по счас-

тью, было в состоянии держаться на воде, и немедленно отправиться на поиски более гостеприимного убежища.

Остров, где потерпевшие крушение умирали от голода и жажды, принадлежал к группе других коралловых островов, на которых не было ничего пригодного для жизни. Отважно продолжая поиски, моряки, сами истощенные, встретили наконец остров чуть большей площади, на котором находилось множество водоплавающих птиц, высиживающих яйца в самых элементарных гнездах: простая ямка в песке.

В крайнем случае люди, умирающие от голода, могли есть эти яйца. Все-таки какая-то провизия. Матросы кое-как подкрепились, убив несколько птиц, позволивших без сопротивления поймать себя, и, съев их сырыми, как могли быстрее отправились за своими умирающими спутниками. Шлюпкой всех их за несколько длительных и тяжелых рейсов переправили в это новое убежище, где, по крайней мере, голод больше не был таким страшным.

Еще больше, чем от голода, потерпевшие кораблекрушение страдали от жажды. Едва ступив на землю, они набросились на сидящих на гнездах птиц, разрывали им глотки и жадно пили их кровь!

Дни текли за днями в безнадежном ожидании, поскольку эти скалистые острова находились далеко от обычных морских путей, и каждый понимал, что этот недолговечный запас насиженных яиц и съедаемых сырыми птиц с их кровью для утоления жажды скоро иссякнет. Поймали несколько морских черепах, которых также убили и съели. Сумели сделать еще более трудное дело: выловить очень крупных акулу и ушастого тюленя. С величайшей ловкостью и изобретательностью смогли развести небольшой огонь; жир, полученный от двух чудовищ, послужил горючим, вместо фитиля использовали нити, надерганные из одежды. Так появилась возможность съесть несколько едва прожаренных кусков и хотя бы ненадолго избавиться от пытки питаться сырым мясом.

К несчастью, постоянно не хватало воды, и кровь, заменяющая ее в первые дни, оставалась на долгое время единственным безвкусным и отвратительным питьем.

К тому же ее неизменное употребление начало вызывать серьезные нарушения в здоровье людей. Их изнуряла

лихорадка, жажда становилась все более жестокой. Некоторые, самые слабые, погибли от такой суровой диеты.

— Воды!.. Воды!.. — бормотали несчастные, сжигаемые днем и ночью внутренним огнем. — Воды!.. — едва мог произнести пересохший рот с растрескавшимися, опухшими губами. Исхудалые, с пергаментной кожей, под которой жалко выступали кости, с блестящими от лихорадки глазами, они походили на призраки!

Эта страшная агония длилась шесть недель, и смерть уже проредила ряды обездоленных, сплоченных общим несчастьем, когда одну девочку, почувствовавшую приближение смерти, посетило видение. В момент, когда душа готовится навсегда покинуть тело, потерявшее надежду от подобных страданий, иногда обостряются все способности и разум приобретает странную ясность. Умирая, едва слышным голосом девочка прошептала это слово, воплощающее в себе все надежды и все страдания... «Воды!.. Воды!.. Там внизу, под скалами... там... ищите... воду!.. Вам говорю... Ах!.. слишком поздно...» Истощенная рука, показывающая на скопление бесплодных скал, упала безжизненная, затуманенные глаза остановились, незрячие, страшные... она была мертва!

Стали искать среди скал, копали веслами, ножами, руками, и внезапно потекла тоненькая струйка воды, вызывая оцепенение и безумное ликование.

Горячая молитва вырвалась из уст несчастных, и не один грубый матрос почувствовал влагу на глазах, глядя на труп ребенка, которого могла бы спасти одна капля воды!

Мгновенное блаженство пришло на смену всем мукам, превратившим в уголок ада этот остров, где томились жертвы кораблекрушения. Потом злой рок, который, казалось, на какое-то время забыл о них, обрушился с новой силой. Птицы, закончив насиживание яиц, исчезли, и лодка, на которой Суасо хотел произвести новые изыскания, потонула.

И вот снова без еды, еще более ослабевшие и лишенные единственного суденышка!

Тогда капитан принял отчаянное решение. Все равно умирать, так не лучше ли предпринять что-то невозможное, отважно сражаясь за жизнь, чем пассивно ждать смерти на этом проклятом острове? Тщательно собрали

все деревянные обломки, связали их между собой канатами, сделанными из лохмотьев одежды, ремешками из кожи акулы, и сделали подобие плота, на котором отважились отправиться в путь четыре лучших моряка.

Когда эти четверо отплыли от берега, неся с собой последнюю надежду страдальцев, оставшиеся упали на колени, взывая к Святой Деве, заступнице страждущих, и поклялись возвести благодарственный знак в том месте, где они высадятся, если когда-нибудь смогут спастись.

Четверка моряков, отправившихся на плоту, прибыла в Веракрус через пятнадцать дней тяжелейших испытаний. Они рассказали о своих несчастьях и вручили коменданту, которым был храбрый Сандоваль, послание Суасо. Тотчас на поиски был послан корабль, и выжившие, которые могли только дышать, были спасены и привезены в Мексику.

ГЛАВА 6

ФРАНСИСКО ПИСАРРО

Ни кола ни двора, без имени, без семьи, без каких-либо предрассудков, жестокий, беспощадный, энергичный, жадный и безусловно храбрый, Писарро был всего лишь одним из солдат этой героической эпохи. Будучи человеком, которому нечего терять, а можно приобрести все, абсолютно лишенным представлений о морали, готовым на любые дела, не знающим угрызений совести, он мог бы далеко пойти при благоприятных обстоятельствах, заставив их при необходимости служить себе.

Внебрачный ребенок дворянина, который никогда не хотел признать его, родившийся примерно в 1475 году (точно неизвестно даже ему самому), в раннем детстве влачил жалкое существование. Он пас свиней, чтобы не умереть с голоду и чем-то прикрыть тело. Естественно, у него никогда не было случая научиться читать, и на всю жизнь Писарро остался совершенно неграмотным.

Желая как можно скорее избежать мерзости нищенского существования, он, как только набрался сил, чтобы держать в руках оружие, поступил на службу в армию и отправился в Италию, безвестно затерявшись в последних рядах. Это были первые шаги в его карьере. Если Фран-

сиско и не достиг чинов, то научился блестяще владеть оружием, хорошо разбираться в людях и обстоятельствах, что было характерно для кондотьеров¹ тех времен, когда предпочтение отдавали военным. Понимая, что в Европе он никогда ничего не достигнет, околдованный рассказами о Новом Свете, где купаются в золоте, где слава и богатства принадлежат тому, кто умеет их завоевать, он отправился в заокеанские владения Испании, где долгое время не мог занять приличного положения, хотя его командиры с первых шагов отмечали ловкость, хитрость, скрытность и глубокую проницательность своего начальника, как и отсутствие у него щепетильности. Впрочем, возможно, именно благодаря этим качествам его держали во втором эшелоне, поскольку начальники часто стремятся иметь под рукой исполнителей, которым можно поручить темные и неблагоприятные дела.

В 1513 году Писарро сопровождал Алонсо Охеду и заставил заговорить о себе. К этому времени ему исполнилось тридцать восемь лет, и он в должности помощника уже участвовал в героической экспедиции несчастного Нуньеса Бальбоа, когда тот пересек Дарьенский перешеек и открыл Тихий океан, потом под командованием подлого Педрариаса отправил в тюрьму своего командира, с которым делил и славу и поражения.

За собственный счет Писарро совершил несколько не очень значительных походов и влачил жалкое существование, хотя в ряде случаев его поведение было отмечено. Однако время шло. В 1524 ему было уже сорок девять; устав ждать счастливого случая, он решает сам пойти ему навстречу.

Во время скитаний судьба послала авантюристу двух людей, как будто созданных, чтобы понять и крепко поддержать его по принципу «услуга за услугу». Это были Диего д'Альмагро, солдат удачи, подкинутый ребенком на ступени церкви в Альмагро, и Бернардо де Луке, честолюбивый и жадный монах, который, хотя и не вынимая шпаги, должен был внести ценный вклад в задуманное товарищество. Не теряя больше времени, три приятеля

¹ Кондотьер — предводитель наемного военного отряда в Италии, феодальной дружины крупных и мелких правителей этой страны в XIV — XVI веках.

заключили союз с целью захвата Перу — страны, о которой они не знали ничего, кроме названия!

Впрочем, почему бы и нет?! Ведь Кортес же завоевал Мексику! Почему же Писарро не может повторить его подвиги?

На деньги, предоставленные де Луке, товарищество купило две каравеллы, построенные Бальбоа для исследования Тихого океана, и набрало будущий экспедиционный корпус. Писарро нашел сотню людей, готовых на все, но недостаточно дисциплинированных, неспособных на длительные тяжелые усилия, короче, отбросы неустрашимых отрядов, которым конкистадоры обязаны своими успехами и славой.

Этой первой экспедиции, начавшейся в последние месяцы 1524 года¹, воспрепятствовали сильные грозы и вспышка жестокой лихорадки, разразившейся в маленьком отряде. Не обладая выносливостью и самоотверженностью солдат Бальбоа или Кортеса, люди Писарро начали жаловаться и потребовали возвращения в Панаму. Им пришлось сражаться с индейцами, обследовать реку Биру, осадить индейскую деревушку, впоследствии названную Пунта-Кемада, где Писарро лишился глаза, собрали достаточно большую добычу и вернулись в Дарьен. В общем это был ничтожный успех. Писарро и оба его компаньона, возбужденные роскошью увиденных земель, захотели попробовать вторгнуться туда еще раз. Вторую экспедицию удалось подготовить благодаря доброй воле наместника Педро Ариаса (Педрариаса), надеявшегося получить от нее большую выгоду. Водимые лоцманом Бартоломе Руисом, Писарро, Альмагро и шестьсот человек, весь состав маленького экспедиционного корпуса, прибыли в Такамес. Они увидели плодородную страну с достаточно развитой индейской цивилизацией, нашли золото в украшениях и в предметах обихода и решили все это прибрать к рукам. Но Писарро, не чувствуя в себе достаточно сил, удалился на маленький островок Гальо, пока Альмагро, всегда неутомимый, несмотря на свой возраст — ему было около шестидесяти, — вернулся в Панаму за подкреплением. Педрариаса там больше не было. Заменивший его наместник Педро де лос Риос был категорически против экспедиции. Он отказал в какой-либо суб-

¹ Писарро отплыл на своем судне 14 ноября 1524 года.

сидии и отправил Альмагро обратно к Писарро с требованием немедленно вернуться со своими людьми.

Этому приказу, полностью дезорганизовавшему его войско, Писарро, как прежде Кортес, отказался повиноваться. Он начертил своей шпагой на прибрежном песке прямую линию и сказал своим солдатам:

— Пусть все трусы и малодушные, у кого не хватает смелости, чтобы завоевать славу и приобрести огромные богатства, переступят эту черту и вернутся на корабль, а тот, кто верит в будущее, останется со мной.

С ним остались только двенадцать человек!

Авантюрист покинул остров Гальо, где не чувствовал себя больше в безопасности, укрылся на острове Горгона и прожил здесь пять месяцев, дожидаясь возвращения Альмагро, снова отправившегося к наместнику, чтобы склонить его на свою сторону и привести помощь. На этот раз посланец преуспел, но помощь в действительности была слишком мала, чтобы такой человек, каким был Писарро, осмелился отправиться на завоевание богатых стран, один вид которых его гипнотизировал. Экспедиция взяла курс на Тумбес в заливе Гуаякиль, королевский город, полный роскоши и богатства, но и очень хорошо защищенный. Писарро, не желая довериться случаю и компрометировать даже частичной неудачей свое предприятие, на которое он возлагал большие надежды, продолжал в течение нескольких месяцев вести наблюдения. Он изучил страну, очертания ее берегов, ресурсы, язык, сумел расположить к себе участников похода, а потом, считая, что наступил благоприятный момент, отправился в 1528 году в Панаму, просить у наместника достаточной поддержки.

Поскольку последний не мог себе позволить сократить и без того уже очень немногочисленный контингент, которым располагал, Писарро по совету своих единомышленников отправился в Испанию просить помощи у самого Карла V и сумел привлечь того на свою сторону, призвав на помощь страстное, хотя иногда и грубое красноречие, и тем самым сумев завоевать монаршее доверие. Король предоставил ему концессию на двести лье завоеванного побережья к югу от реки Сантьяго, где кончалось наместничество Панамы; кроме того, он присвоил ему титулы главнокомандующего и вице-короля. Патер Луке был назначен епископом новых

земель¹, а Диего Альмагро, в ожидании лучшего, комендантом крепости, которая будет построена в Тумбесе².

Писарро нанял сотню людей, собрал немного денег и вернулся в Панаму, чувствуя себя сильным благодаря поддержке короля, позволившей ему получить субсидии. Третья экспедиция была немедленно сформирована. В нее входили три малых корабля, две сотни пехотинцев и сорок всадников.

Задувшие вдруг ветра задержали экспедицию, вынудив ее лавировать севернее Тумбеса. Чтобы помощники не томились в ожидании, командир бросил им на съедение маленький городок Коак, где они нашли неплохую добычу. Полностью разграбив город, Писарро смог послать в Панаму значительную часть награбленного, прельстить таким образом новых компаньонов и склонить их присоединиться к его авантюре. Затем он отправился на остров Пуно, где встретился с теми, кто должен был доставить новых рекрутов.

Ожидание было долгим. Чтобы разогнать скуку, несколько раз ввязывались в перестрелки с индейцами Пуны, однажды в стычке погибли четверо солдат, что вызвало страшный гнев среди белых.

Наконец Эрнан де Сото и Себастьян де Бенадькасар привели подкрепление, около шестидесяти отпетых негодяев, которыми надо было управлять железной рукой, да и оба новоявленных начальника были достойны своего элитного корпуса.

С тремя сотнями этих людей Писарро вскоре сумел завоевать Перу.

Вот как Прескотт³, бывший сначала историком Кортеса, а позднее описавший приключения Писарро, излагает ситуацию в Перу до того, когда она попала в руки отважного конкистадора:

¹ Луке был награжден почетным титулом «защитник-охранитель перуанских индейцев».

² На самом деле Альмагро был назначен губернатором Тумбеса и получил еще 300 тыс. мараведи (Писарро, кроме перечисленных должностей, получил от короля и 750 тыс. мараведи).

³ Прескотт Уильям Хикклинг (1796 — 1859) — американский историк, автор капитальных трудов по истории завоевания Мексики (3 тома, 1843) и Перу (2 тома, 1847).

«Манко Капак и Мама Окльо, муж и жена, импозантного вида, пышно одетые, с великолепными украшениями, появились однажды на берегах озера Титикака перед индейцами региона, назвав себя детьми солнца и утверждая, что отцом на них возложена миссия «наставлять людей их племени и дать им счастье, полностью изменив нравы и обычаи». Они соблазнили таким образом многочисленные племена индейцев, разделенных мелочным соперничеством, и, примирив между собой, организовали в централизованное государство и в конце концов привели всех на равнину, где и был основан город Куско. Манко Капак и Мама Окльо стали королем и королевой нового народа и начали таким образом династию инка¹, или детей Солнца, имя которого впредь будут носить монархи Перу, примерно с 1150 года, до испанского завоевания. Манко Капак упразднил человеческие жертвы, обучил индейцев внутренне поклоняться Великому Пачакамаку, душе мира, высшему богу в образе Солнца, низшему видимому богу и создателю². Учредив культ Солнца, Манко Капак установил административную, юридическую, военную иерархию и утвердил законы, жестоко пресекающие воровство, убийство, прелюбодеяние и праздность. Короче, он разработал все основные положения абсолютной патерналистской монархии, видевшей ребенка в каждом подданном и большую семью в объединении всех тех, кто составляет государство инка».

После сорокалетнего царствования Манко Капак оставил трон своему сыну, тот — своему и так далее без прерыва до прибытия Франсиско Писарро.

До этого времени люди жили безмятежно. Единственным завоеванием наследников Манко Капака были люди, стихийно отдавшиеся в их подчинение, привлеченные доброй репутацией долголетней монархической преем-

¹ «Инка» на языке индейцев кечуа означает «господин».

² Это не совсем так: Пачакамак был богом «третьего поколения» людей, или «диких людей», уничтоженных потопом. У прибрежных перуанских индейцев Пачакамак почитался как бог-создатель, сын солнца; индейцы кечуа отождествляли его со своим верховным божеством Виракочей.

ственности, продолжающей благородные традиции предков и посвятивших свою жизнь счастьем подданных¹.

К моменту внезапного вторжения испанских солдафонов этот мир был впервые нарушен. Монархом, правившим тогда в Перу, был Уайна Капак, двенадцатый Верховный Инка². Подчинив себе королевство Кито³, он обосновался в городе, носившем такое же название, и женился на дочери побежденного монарха. Однако закон категорически запрещал Верховному Инке покидать Куско и брать в жены женщину, не являющуюся членом семьи. Кроме того, Уайна Капак, почувствовав приближение смерти, в 1529 году разделил наследование трона между Уаскаром, его старшим сыном, рожденным женщиной из семьи Солнца, и Атауальпой, сыном иностранки, хотя Уаскар должен был один унаследовать трон и как истинный инка, и как старший сын⁴.

Это тройное нарушение вековых обычаев, тщательно соблюдаемых длинной и славной плеядой монархов, было неблагоприятно встречено народными массами. Уаскара, законного наследника, поддержало большинство, верное духу и букве закона⁵. Атауальпа же имел на своей стороне армию.

Впервые гражданская война опустошила Перу⁶ и разделила страну на две части, управляемые двумя братьями. Уаскар, несмотря на свое наследственное право, был побежден и взят в плен, а его брат Атауальпа, чтобы спо-

¹ Автор глубоко заблуждается: империя инков была захватническим государством, поработившим множество индейских народностей, разрушившим немало южноамериканских культур. В конечном счете именно внутренняя неоднородность, непрочность и явились причинами падения этого государства.

² На самом деле Уайна Капак был одиннадцатым правителем инкской империи (1493 — 1524).

³ Кито был включен в состав империи еще при инке Пачакути (1438 — 1471).

⁴ На самом деле Уайна Капак умер в 1524 году на севере своего государства, так и не назначив наследника. Версия о разделе страны была выдвинута Атауальпой.

⁵ Уаскар был провозглашен новым инкой жрецами столичного города Куско, тогда как его сводный брат в это время занимал должность наместника в Кито.

⁶ Гражданская война шла в 1528 — 1532 годах.

койно насладиться своим узурпаторством, умертвил всех членов семьи инка, которых сумел захватить.

Эти серьезные и непредвиденные события, взволновавшие Перу, заслонили опасность испанского вторжения. Что за угроза для большого и сильного народа, погруженного в печаль и траур, три сотни проходимцев? А будущие завоеватели не могли, конечно, найти более благоприятного момента для захвата небывало богатой добычи. Можно сказать, что Писарро долго ждал случая, и он представился во всем своем великолепии.

Как человек, ничего не желающий оставлять на волю случая, алчный, но осторожный, грубый, но вкрадчивый, он продвинулся через прекрасную страну, жители которой выглядели такими гостеприимными, до города Таран, остановился в его окрестностях и послал на разведку в Канас, другой еще более значительный город, своего заместителя Эрнана де Сото. За это время неотесанные искатели приключений, мечтавшие только о сокровищах, были буквально загипнотизированы изобилием украшений и драгоценных камней на жителях. Здесь, как в Мексике, а возможно и в большей мере, золото использовалось для самых обычных бытовых целей. И какой-то предмет кухонной утвари, казавшийся на первый взгляд медным, оказывался сделанным из самого чистого золота. В качестве украшений люди носили алмазы, сапфиры, изумруды и другие камни невиданных размеров, на работы ходили с целым состоянием на шее и в ушах. Страна, казалось, купалась в изобилии. Поражало огромное количество скота и птицы. Хорошо обработанные поля давали прекрасные злаковые культуры, а также восхитительные клубни, которыми лакомились спутники Писарро, не что иное, как картофель. Они узнали также живительные свойства коки, священного дерева перуанцев¹. По их примеру испанцы жевали листья, сок которых снимал чувство голода и жажды, придавал рукам и ногам особую силу и позволял без питья, еды и сна преодолевать усталость.

Тем не менее Эрнан де Сото был хорошо принят людьми, которые привели его к королю-победителю

¹ Кока — вид растений семейства кокаиновых; небольшие кустарники, растущие в горах Центральной и тропической части Южной Америки.

Атауальпе. Последний, как всегда, был в военном лагере, расположенном на западном склоне Анд, окруженный своим верным войском, ожидая, что время совершит свою миротворческую работу и заставит забыть сторонников все еще находящегося в тюрьме Уаскара, что на трон претендует законный наследник. Он нагрузил Сото подарками для Писарро и любезно пригласил посетить его в лагере у Кахамарки. Писарро радостно принял приглашение и совершил со своими хорошо отдохнувшими людьми тяжелый подъем на Анды. Они поднимались по крутым склонам на головокружительную высоту, преодолевали перевалы и ущелья, где было достаточно нескольких человек, чтобы остановить многочисленную армию. В доказательство дружеского расположения индейцы во время этого путешествия оказывали испанцам всяческие услуги и даже помогли перенести испанскую артиллерию, о страшном действии которой эти несчастные даже не подозревали!

После спуска почти такого же тяжелого, как подъем, Писарро, следуя за посольством, которое Атауальпа любезно послал ему навстречу, наконец увидел пред собой Кахамарку, но, обеспокоенный, вопреки всему, видом бесчисленных палаток, окружающих насколько хватает глаз маленький город, остановился, послал двадцать пять всадников под командованием Сото, своей правой руки, приветствовать короля и постараться прояснить обстановку.

Прибыв в лагерь, Сото, не сходя с лошади, смело представился королю и, как писал Сарате¹, один из историков эпохи завоеваний, объявил себя посланцем верховного командующего, представляющего самого могущественного короля стран, на которых восходит солнце. Он заявил, что Франсиско Писарро, зная о победах и высокой мудрости его величества, прибыл предложить ему свои услуги и посвятить в истинную веру и, наконец, почтительно приглашает оказать честь испанским солдатам своим королевским присутствием.

¹ С а р а т е Агустин — испанский историк второй трети XVI века; в течение пятнадцати лет был секретарем Королевского совета Кастилии; в 1543 году был назначен интендантом Перу и Тьерра-Фирме; в Америке собрал материал для своего капитального труда «История открытия и завоевания провинции Перу», впервые изданного в 1555 году.

Более доверчивый, чем испанцы, не ведая о мощи оружия, которым те располагали, успокоенный присутствием многочисленной и храброй, преклоняющейся перед ним армии, желающий в глубине души присоединить к своим союзникам вновь прибывших, Атауальпа заверил Сото, что на следующий день встретится с командующим на центральной площади Кахамарки.

Обрадованный такой удачей, на которую не осмеливался даже рассчитывать, Писарро, как человек, для которого цель оправдывала средства, решил заманить короля в ловушку, похитить и взять в заложники. Гнусность подобного предательства для вероломного завоевателя не имела большого значения. Ему было пятьдесят лет, с самого детства он влачил жалкое существование, а теперь хотел стать богатым и могущественным; случай представился, его надо было использовать любой ценой. Впрочем, этот король варваров был некрещеным язычником; отобрать у него богатства, могущество и его территории — это богоугодное дело!

Подбодрив своих спутников несколькими энергичными словами, он описал им богатства, которые станут их добычей, и пообещал, что дикари не устоят перед испанским оружием; потом с большим искусством расположил свой отряд; разместил солдат в зданиях на большой площади, любезно предоставленных в его распоряжение королем, приказал зарядить огнестрельное оружие и направил жерла пушек на площадь. На следующий день 16 ноября 1532 года все было готово для выполнения этого подлого замысла, успех которого был предопределен и прославлен испанскими историками.

Всадники и пехота, толпящиеся за монументальными воротами, размеры которых позволяли ринуться им толпой на площадь, ждали сигнала.

Однако время шло, а король не появлялся. Королевский кортеж, медленно собиравшийся в это утро, отправился в путь с опозданием. Писарро топтался на месте, и его соратники, как охотники в засаде, стонали от нетерпения. Пришло сообщение. Король приносит свои извинения, что не смог прибыть в назначенное время. Уже слишком поздно, и он войдет в город завтра утром. Но негодая, охваченного нервным возбуждением, это не устраивало, к тому же поздний час давал ему новые пре-

имущества. Ночные тени могли содействовать успеху. Итак, он настаивал, чтобы король вступил в город в тот же день, и отправил послание, в котором просил его величество оказать ему честь, отужинав в его компании.

Атауальпа, подкупленный такой настойчивостью, которую принял за свидетельство уважения, приказал кортежу отправиться в путь. Короля несли в роскошных носилках в сопровождении отборного отряда, численность которого испанские историки определяют примерно в восемь тысяч человек, рядом шли слуги и знать его двора.

Процессия прибыла на середину большой площади, король построил свой отряд, и когда он уже был готов принять Писарро, то увидел, что в середину свободного пространства, предназначенного для встречи, вступил одетый в длинную одежду человек с бритой головой, лицо которого скрывала густая борода, в одной руке у него было распятие, в другой большая книга.

Это был доминиканский монах Висенте Вальверде, которому стало суждено сыграть первый акт этой трагедии. Историки эпохи завоевания не сумели сохранить, и не без основания, текст его речи, но смысл ее они передали достаточно хорошо, особенно Зарат. Доминиканец объявил перуанскому монарху, что испанцы пришли в Перу, чтобы обратить его величество перуанского короля и подданных его величества в истинную веру. Он быстро и очень ясно передал суть Нового и Ветхого Заветов, рассказал о полномочиях пап, представляющих на земле Христа, и показал изображение Сына Божьего. Объяснив это важное положение, монах поведал, что папы, представители Бога на земле, возложили на испанского короля миссию победить и обратить в христианство народы Нового Света и что этот монарх послал Писарро, чтобы просить инков отречься от культа поклонения Солнцу, принять христианскую веру и признать зависимость от испанского короля¹.

Атауальпа, очень удивленный этой речью, которая представляла Писарро в роли божественного посланца, с достоинством ответил, что не желает быть зависимым от какого-либо человека, и папа не имеет права распоряжаться в стране, не принадлежащей ему. Что касается религиозных вопросов, то он хотел бы знать, на какой

¹ Доминиканец говорил через переводчика, некоего Филипилю.

авторитет опирается монах и как тот собирается доказать преимущество своей веры над его. Тогда Вальверде протянул королю Библию, которую держал в своих руках. Тот полистал ее, потом вдруг резко бросил на землю, со словами, что испанцы поплатятся за нанесенную обиду.

Именно на это и рассчитывал Писарро со своими компаньонами.

Едва священная книга коснулась земли, как Висенте Вальверде поднял крест и вскричал:

— Осквернение!.. Осквернение!.. К оружию, солдаты истинной веры, к оружию!

Солдаты, ждавшие сигнала, бросились, чтобы захватить короля, но его эскорт, настоящая армия, сгрудилась вокруг него, а Вальверде ловко спрятался. Всегда осторожный Писарро сделал несколько залпов из пушек¹, чтобы расшатать зыбкую крепость. Ядра, врезаясь в плотные ряды королевских защитников, произвели страшное опустошение, а вспышки разрывов посеяли страх. Перуанцы пассивно сопротивлялись, теснились вокруг своего монарха и перекрывали ему все пути для бегства. Пехотинцы, вооруженные аркебузами, поливали их градом пуль и еще больше увеличивали сумятицу. Когда опустилась ночь, во всю ширь распахнулись ворота, и через них ринулась кавалерия во главе с Писарро. Перед их натиском обезумевшая толпа раздвинулась, смятая лошадьми, и всадники с поднятыми шпагами пробились к Верховному Инке, дрожащему от страха в своих носилках.

Писарро, слегка раненный в щеку, лично взял его в плен и отвел в здание, занятое испанскими войсками, предупредив, чтобы никто не пытался пробиться к нему, в противном случае король будет заколот!

Битва длилась всего полчаса. Погибли тысячи перуанцев, и только один из испанцев, Писарро, получил царапину.

Вокруг плененного Атауальпы выставили надежную охрану, но, зная алчность испанцев, он предложил хороший выкуп за свою свободу. Приступили к переговорам, и Писарро, боясь продешевить, колебался назвать сумму.

Верховный Инка, веривший как в свою личную значимость, так и в богатство своей страны, предложил победи-

¹ Пушек у испанцев было всего две; командовал столь малочисленной артиллерией грек Педро де Кандиа, то есть Петрос с Крита.

телю наполнить золотом комнату, в которой он находился, на такую высоту, чтобы испанский полководец смог достать до нее рукой.

Писарро согласился. Но пока королевские подданные занимались сбором такого колоссального выкупа, Уаскар, лишенный власти законный наследник престола, все это время остававшийся пленником у людей своего брата, узнал о происходящем и предложил конкистадору за свою свободу еще больше золота, чем тому было обещано Атауальпой.

Писарро был верен себе: узнав о предложении Уаскара, он сразу решил принять оба предложения, обождать обоих братьев и сделать затем своим ставленником того, сделка с которым ему покажется наиболее выгодной. Но Атауальпа предвидел это. Он секретно отдал приказ приближенным утопить соперника, чтобы остаться одному перед победителем. Страшный приговор был приведен в исполнение.

Между тем в Перу прибыл старый компаньон Писарро Альмагро и привез ему столь желанное подкрепление: сто пятьдесят человек пехоты и пятьдесят всадников. Полководец, видя себя во главе настоящей армии, решает, что стоит продолжать завоевание, а не ждать полного выкупа от Атауальпы, persona которого начинала к тому же сильно обременять его.

Он разделил между своими солдатами огромное количество уже полученного золота, присвоив вместе с Альмагро большую часть, и приказал задушить Атауальпу, обвинив в заговоре против испанцев. Но перед этим насильно окрестил его¹.

Писарро устроил Верховному Инке пышные похороны и назначил наследником его брата Топарку². Коронование нового Великого Инки произошло в Куско, и, естественно,

¹ Девятнадцатого августа 1533 года, сразу после захода солнца, Атауальпу вывели на городскую площадь Кахамарки, где Вальверде прочитал ему смертный приговор. В том случае, если бы инка отказался креститься, его ждал костер. Но Атауальпа предпочел принять крещение (он был наречен Хуаном), после чего и был задушен.

² После казни Атауальпы испанцы провозгласили инкой Манко, брата убитого Уаскара, который вскоре бежал в горы и возглавил борьбу против завоевателей.

испанская армия отправилась в столицу присутствовать на этой величественной церемонии. По крайней мере, таким был официальный предлог. Что касается истинной причины... Известно, что Куско изобиловал богатством, и шли переговоры о займе, естественно, как его понимали конкистадоры. Эта мирная экспедиция была такой плодотворной, что некоторые компаньоны Писарро, нагрузившись золотом, покинули его, считая себя слишком богатыми, чтобы оставаться простыми искателями приключений. Но на место десяти ушедших приходили сто новых, привлеченных ни с чем не сравнимыми богатствами, которые в действительности превосходили все, что можно было о них рассказать и предположить.

Писарро, награвив несметные сокровища, нагрузил несколько кораблей богатыми трофеями и отправил их Карлу V. И Карл V, будучи очень дальновидным сувереном, с радостью принял трофеи щедрого подданного и в награду за услуги подтвердил его титулы, расширил наместничество до семидесяти лье к югу от первых границ и по тому же случаю предоставил к югу от этой последней концессии двести лье Альмагро. Эрнан Писарро, брат конкистадора, доставив королю военные трофеи, принес весть о назначениях и наградах и привез новых добровольцев. После того как Писарро приобрел известность, у него обнаружили братья, как и он, внебрачные, рожденные якобы от одного дворянина, но разными матерями. Их было четыре: Эрнан, Хуан и Гонсало Писарро и Франсиско де Алькántара¹.

Франсиско Писарро, желая быть единственным властелином в Перу, моментально избавился от своего компаньона Альмагро, который его стеснял. Поскольку король только что назначил последнего наместником территории, включающей в себя Чили, перуанский диктатор легко убедил его отправиться осваивать свою вотчину и официально принять ее в свое владение. Впрочем, экспедиция была со всех точек зрения неудачной и не принесла

¹ Это не совсем так: Франсиско Мартин де Алькántара был сводным братом Ф. Писарро по матери, тогда как Хуан, Гонсало и Эрнан — по отцу, однако если трое из вышеназванных были, как и Ф. Писарро, внебрачными детьми, то Эрнан являлся законным наследником старшего Писарро.

практического результата. С другой стороны, Писарро за это время набрался сил. Когда умер Великий Инка Топарка, конкистадор для установления равновесия между требованиями двух королевских семей назначил королем Манко, законного брата Уаскара. Он очень рассчитывал сохранить свою власть над ним, но Манко сумел ускользнуть из-под его влияния и возглавил группу знати, восставшей против испанской тирании. Восстание нашло поддержку у соотечественников и распространялось с неслыханной быстротой. Вскоре новый Великий Инка смог во главе двухсот тысяч человек осадить Писарро в Куско.

Эта героическая осада длилась пять месяцев, несмотря на огромный пожар, разожженный осаждающими, и на жесточайший голод, свирепствовавший в обеих армиях, испанской и перуанской. Снята она была только в момент, когда Альмагро, возвращаясь из Чили, отбилсЯ от пятнадцати тысяч перуанцев, пытавшихся его арестовать, а потом и разбил их вдребезги.

Тогда-то между двумя старинными друзьями, Писарро и Альмагро, разразился такой жестокий конфликт, что между испанцами началась настоящая война, которой индейцы, на их несчастье, не сумели воспользоваться. Союзники в нищете, бывшие компаньоны, разбогатеВ, начали завидовать друг другу, увидев, что фортуна улыбается им в равной мере. Впрочем, личность Писарро в конце концов вряд ли могла быть приятной человеку с характером Альмагро, благородному, любителю роскоши, верному, с рыцарскими наклонностями, в то время как первый был коварный, жадный, заносчивый и невероятно эгоистичный.

Это соперничество, начавшееся еще во время путешествия Писарро в Испанию, откуда он привез для Альмагро должность коменданта крепости Тумбес, возобновилось из-за тяжбы, предметом которой было владение Куско.

Альмагро требовал включить Куско в границы губернаторства, которое Карл V предоставил ему на юге, а Писарро, естественно, придерживался противоположного мнения. Началась драка, и два испанских отряда втянулись в настоящую битву. С одной и другой стороны ожесточение было неслыханным, а перуанцы не осмелились вмешаться.

Наконец Альмагро был побежден и взят в плен в битве при Салинасе. Писарро и его четыре брата устроили над ним суд и приговорили к смерти как бунтовщика. Он был задушен в тюрьме, потом публично обезглавлен. Ему исполнилось шестьдесят пять лет. Это было в 1538 году.

Писарро не долго пользовался плодами своего преступления. Альмагро оставил после себя совсем еще юного, но отважного, боевитого, благородного сына, безгранично любившего своего отца¹. Юноша сделал все, чтобы отомстить, и провел целых три года в подготовке кровавого искупления. Он стал душой огромного и грозного заговора, в котором принимали участие все многочисленные враги Писарро. Заговор обнаружился в момент, когда еще не все было готово для его успеха. Заговорщики, понимая, что находятся на грани провала и не сомневаясь в расправе, которую им устроит человек с темпераментом Писарро, приняли решение действовать безотлагательно.

Они неожиданно устремились ко дворцу губернатора с криками: «Да здравствует король!.. Смерть тирану!..» В мгновение ока заговорщики набежали со всех сторон, выломали двери дворца, перерезали стражу.

Восставшие поспешили в залы дворца, крича и разбивая все вокруг. Захваченный врасплох Писарро не потерял хладнокровия. Вместе с двумя соратниками и братом Франсиско де Алькantara он забаррикадировался в одной из комнат и бесстрашно отбивался от нападающих.

Разъяренный, всегда надеющийся на помощь извне, он защищался, как старый лев, выкрикивая громкие призывы и прочерчивая грозной шпагой кровавые круги вокруг себя.

Но день высшего искупления настал, все было кончено! Франсиско де Алькantara упал замертво, два соратника Писарро также погибли, и, оставшись один перед лицом многочисленного противника, знаменитый завоеватель испустил дух, буквально изрешеченный ударами. Как Альмагро, ему было шестьдесят пять лет (1541 год)².

Эта страшная, безжалостная и беспощадная война длилась еще семь лет и закончилась казнью Гонсало Пи-

¹ Сына Альмагро звали Диего.

² Диего Альмагро тоже погиб насильственной смертью. Прибывший вскоре в Перу посланец короля Вака де Кастро обвинил юношу в неповиновении монарху и в измене; Диего был арестован и казнен.

сарро, который сумел все это время продержаться у власти.

Чтобы помешать повторению подобных эксцессов, король Испании решил, что впредь вице-королевство будет подчиняться монарху через председателя Совета по делам Индий...

Из братьев Писарро остался только Эрнан. Хуан был убит еще в 1536 году в Куско во время восстания. Эрнану пришла неудачная мысль отправиться в Испанию, чтобы испросить прощение для Франсиско за убийство Альмагро. Он был арестован и просидел в тюрьме целых двадцать лет.

ГЛАВА 7

Вальдивия. – Эрсилья-и-Суньига. – Острова Хуан-Фернандес и Александр Селькирк

За исключением Христофора Колумба, звезда которого, казалось, таинственным образом парит над веком открытий и завоеваний, и Магеллана, более жесткого, но всегда симпатичного, первооткрыватели и завоеватели показали себя жестокими авантюристами, лишенными каких-либо моральных устоев, драчунами, алчными стяжателями, кровожадными и фанатичными. Первым вопросом, который они задавали местным жителям, едва прибыв в неизвестную страну, был: «У вас есть золото?..» И к несчастью для последних, оно было всегда и повсюду. К тому же эти люди жили счастливо и спокойно, но имели культуру и религию, отличные от европейских, что было большим пороком в глазах белых людей, прибывших из Европы.

И эти белые пришельцы, нетерпимые и алчные, не думая, что совершают по меньшей мере преступление про-

¹ Гонсало смог окончательно захватить власть лишь в конце 1544 года, при этом его государство стало фактически независимым от метрополии; испанцы тщетно пытались одолеть последнего из Писарро при помощи оружия. Свергнуть его удалось только путем хитрейших дипломатических сделок и уговоров скромному священнику Педро де ла Гаска, по указанию которого Гонсало был схвачен и повешен на одной из площадей Лимы.

тив человечества, высокомерно представляли себя как реформаторов, требовали немедленной отмены вековых вероисповеданий, резали и грабили тех, кто осмеливался сопротивляться, вытесняли и разоряли тех, кто подчинялся, жгли, убивали, повсюду сеяли безнадежность и смерть под предлогом стремления обеспечить в этой и другой жизни счастье людям, не просившим об этом, по меньшей мере подобным образом.

Взять одного за другим всех этих конкистадоров: Бальбоа, Грихальва, Кортес, Писарро, Альмагро и множество других сеньоров меньшего размаха — они, как отливки из одной формы, похожи друг на друга алчностью, фанатизмом и жестокостью.

Но среди этих миссионеров в кирасах¹, этих жадных рубак, историк с явным удовольствием для себя найдет некую преданную, симпатичную, бескорыстную личность, не похожую на прочих, занятых исключительно выжиманием последней капли золота и крещением на смертном одре предварительно обобранных аборигенов.

Но такие люди, редкие в подобную эпоху, не очень-то интересовали хроникеров, ослепленных подвигами конкистадоров, и об этих гуманистах с трудом можно найти несколько строк.

Так было с честным и неудачливым Педро де Вальдивия², погибшим в тридцать девять лет от рук араукан³, славную жизнь и жестокий конец которого прославил поэт Эрсилья-и-Суньига⁴.

¹ Кираса — легкие металлические латы, защищавшие грудь и спину; применялись преимущественно в кавалерии.

² В а л ь д и в и я Педро де — род. в 1500 г., ум. в 1554 г.

³ А р а у к а н ы — воинственный индейский народ, обитающий в Чили и на западе Аргентины, прославившийся своей длительной борьбой за независимость. Их европейское название взято из языка индейцев кечуа, где слово «аука» означает бунтовщиков, врагов. Самоназвание народа — «мотуче» («воины, или люди, с запада») или «мапуче» («люди земли»). Народ представляет собой отдельную группировку в рамках андо-экваториальной этнографической семьи; современная численность араукан — около 800 тыс. человек.

⁴ Э р с и л ь я - и - С у н ь и г а Алонсо де (1533 — 1594) — испанский поэт. Участвовал в подавлении восстания чилийского племени араукан. Его поэма «Араукана», посвященная этому событию, сыграла важную

Вальдивия один из героев, которых нельзя упрекнуть в бесчестном поступке. Истинный рыцарь исчезающей эпохи, он строил города — Сантьяго, Консепсьон, Вильярика, Вальдивия — вместо того, чтобы разрушать их, развивал сельское хозяйство, а не опустошал поля, любил индейцев и налаживал их быт, вместо того, чтобы убивать их, и умер в бедности, подобно прекрасному человеку Педро де ла Гаска, пришедшему на смену братьям Писарро.

Этот труженик добровольно сменил Альмагро, хорошо зная, в каком трудном положении находится страна. Его доброта, решительность, талант администратора, честность решили трудную задачу завоевания мирным путем всей территории, и еще более трудную — научить дорожить завоеванным.

Взяв на себя обязанность оказывать поддержку основанным им городам против набегов араукан, периодически разоряющих страну, он попал в засаду и умер после трех дней невероятных мучений.

Тот, кто воспевал его храбрость, славу и беды, Алонсо де Эрсилья-и-Суньига, представляет завоевание как нечто артистическое, живописное и в высшей степени бескорыстное. Выходец из знатной и богатой семьи, молодой, красивый, прекрасный наездник, стремящийся к славе и совершенству, любитель дальних прогулок верхом, поэт и воин, отправился в Новый Свет и смешался с толпой грубых авантюристов, от которых выгодно отличался своим высоким и изысканным интеллектом. Он видел новые горизонты, испытывал волнения, хмелел иногда от пороха, прославлял победителей, находил слова жалости для побежденных, воспевал всеобщее мужество и всегда рассказывал о необыкновенном подъеме чувств.

Впрочем, все это совершалось инстинктивно, как доказали его стихи, написанные в высоком литературном стиле, которые слагались понемногу повсюду, как он сам позаботился сообщить об этом в предисловии к поэме «Араукана», ставшей действительно знаменитой. Эрсилья постарался отразить в ней истинные события и для этого, по его словам, сочинял ее во время военных действий, на маршах, в осадах, записывая, за неимением бумаги, на

роль в формировании чилийской литературы, высоко оценена М. Сервантесом, Вольтером, Ф. Шатобрианом.

коже, на обрывках писем, часто таких узких, что на них с трудом можно было разместить шесть строчек; потому, утверждал он, позже было так трудно их собрать вместе...

Вот при каких обстоятельствах Алонсо де Эрсилья принял участие в битве, во время которой испанцы чуть было не потеряли Чили, называвшуюся тогда Новый Толедо. Как уже было сказано, Вальдивия был только что захвачен врасплох превосходящими силами противника и попал в плен к арауканам. Последние, возглавляемые Кауполиканом, предали его смерти с изощренной жестокостью, в которой, впрочем, сами конкистадоры имели большие навыки. Вальдивия погиб, его заместитель Франсиско де Бильягро принял командование. Это была огромная ответственность, но он мог взять ее на себя, будучи достойным своего предшественника. Арауканы, объявившие себя врагами испанцев и их многочисленных союзников — индейцев, разрушили цитадель Пурену, потом — крепость Пенко, наконец, пошли на цитадель Кантеу и прочно закрепились около Сантьяго. Четыре раза бесстрашный Бильягро предпринимал попытку вытеснить их, и каждый раз безуспешно, с огромными потерями. И только на пятый измученные, по большей части раненные люди взяли крепость в отчаянном порыве, перебив затем араукан.

Именно с этого момента участие Эрсильи становится особенно активным. Прибыв из Европы с подкреплением, присланным королем, он был прикомандирован лично к командующему кавалерией дону Гарсии, сыну дона Андрео Уртадо де Мендосы, маркиза де Канет, наместника короля в Перу. Как человек военный, насколько искусный, настолько и осторожный, дон Гарсия, вместо того чтобы ввязаться в партизанскую войну с недисциплинированными, но опасными ордами кочевников, начал операцию с того, что отправил войска на казарменное положение на остров Кинкина и приказал соорудить редут перед разрушенной крепостью Пенко, занятой врагом. Когда редут был построен, дон Гарсия, не опасаясь больше быть сброшенным в море в случае поражения, приказал решительно атаковать араукан. Но отвага этих кочевников была такова, что потребовалась вся мощь, дисциплинированность, задор этих свежих отрядов и, наконец, превосходство их вооружения, чтобы добиться частичного

успеха. Победа стала окончательной только после нескольких очень яростных атак, в результате которых испанцы овладели крепостью Пенко. Они возвели новые укрепления, оставили там сильный гарнизон и отправились освобождать также полуразрушенную крепость Тукапель. Перед тем как прибыть на место, где испанцы прежде потерпели поражение и так трагически погиб несчастный Вальдивия, дон Гарсия нанес новое, еще более жестокое поражение арауканам. Побежденный снова, но не разбитый, неукротимый противник остановился недалеко от Тукапели, цитадели, уже восстановленной заботами дона Гарсии.

Мир устанавливался медленно, но уверенно. Оставалось направить оружие на Каутан, чтобы окончательно выгнать врага. Эта операция, проведенная доном Гарсией с обычными для него осторожностью и отвагой, увенчалась успехом. Он вернулся победителем в Тукапель, сопровождаемый верным Эрсильей, не покидавшим его с начала этой выдающейся кампании, которой посвящены взволнованные строфы поэмы «Араукана».

Полководец прибыл в Тукапель накануне дня, когда Кауполикан, касик араукан, душа этой беспощадной войны, предпринял ночную атаку на крепость, все поставив на карту. Но бдительность дона Гарсии нельзя было обмануть. Кауполикан, предполагая захватить испанцев врасплох, сам попал в ловушку, был полностью разбит и взят в плен.

Око за око, зуб за зуб! Дикарь, замучивший Вальдивию, умер в таких же муках. Эрсилья, который поведал об этих славных и жестоких эпизодах, посвятил несколько сочувственных слов побежденному врагу и как поэт и христианин высказался против пыток, которым дикарь был подвергнут людьми, считающими себя цивилизованными и проповедующими религию милосердия.

Такая праведная, интеллектуальная и рыцарская жизнь поэта-солдата чуть было не кончилась трагически, когда он возвращался с доном Гарсией из трудной и дальней экспедиции, предпринятой на остров Чилоэ. Эрсилья, втянутый в ссору с другим дворянином из свиты генерала, был вызван на поединок. А поскольку дуэли были запрещены в армии под страхом смерти, обоих приговорили к смертной казни, хотя потерпевшей стороной был поэт. Дон Гарсия, узнав,

что того спровоцировали, помиловал его и смягчил наказание, заменив смертную казнь ссылкой.

Эрсилья вернулся в Испанию, осыпанный почестями современников, женился, совершил путешествия в Германию, Австрию, Богемию¹ и умер в очень преклонном возрасте.

Еще несколько строк о другом испанском мореплавателе, чуть позже участвовавшем в этих завоеваниях, имя которого случайно известно не столько его заслугой, сколько достаточно странным совпадением. Этот мореплаватель — Хуан Фернандес².

Его имя связано с исследованием чилийских земель, но не из-за открытий, которые он сделал. Известность ему принесли острова, носящие его имя. Прежде моряки считали, что плыть с севера на юг вдоль побережья Перу так же трудно, как между тропиками с востока на запад по Тихому океану. Но Хуан Фернандес открыл, что, удаляясь к западу на достаточно большое расстояние от земли, встречаешь южные ветры, которые, доходя до широты переменных или западных ветров, позволяют морякам приставать к земле на юге, чего бы они не смогли сделать, оставаясь около побережья.

Во время одного из своих путешествий моряк открыл в ста семидесяти лье от побережья Чили несколько островов, среди которых Сан-Фелис, Сан-Амбросио и группа островов, получивших название Хуан-Фернандес³. На одном из этих островов в течение четырех лет прожил английский моряк Александр Селькирк, рассказ которого дал Даниелю Дефо сюжет для бессмертного романа «Робинзон Крузо».

Селькирк, родившийся в 1660 году⁴ в Ларго, в графстве Файф, в Шотландии, совсем молодым поступил

¹ Богемия — распространенное в средневековой Европе название Чехии.

² Фернандес Хуан — род. в 1536 г., ум. ок. 1602 г.

³ Архипелаг Хуан-Фернандес находится в Тихом океане, примерно в 450 километрах от побережья Чили и состоит из трех вулканических островков: Мас-а-Тьерра (ныне названный в честь героя романа Д. Дефо островом Робинзона Крузо), Мас-Афуэра (позднее получивший имя Александра Селькирка) и Санта-Клара; общая площадь островов — 185 кв. км. Архипелаг был открыт в 1565 году.

⁴ Согласно данным Британской энциклопедии, Александр Селькирк (или Селкрейг) родился в 1676 году, а умер в 1721 году.

в английский флот и дослужился до старшего матроса. В 1704 году он плавал на корабле «Сэнк-Порт», когда его капитану, которого звали Стредлинг, после каких-то столкновений, так и оставшихся невыясненными, пришла мысль бросить строптивого моряка на совершенно пустынном и находящемся в стороне от морских дорог острове из архипелага Хуан-Фернандес. Селькирк прожил на нем в одиночестве четыре года. Он остался бы там и еще дольше, если бы капитан Вудз Роджерс не заметил столб дыма, поднимающийся с острова, который всегда считался необитаемым.

Интересно прочитать страницу бортового журнала, написанную этим капитаном, в таком виде, в каком она была опубликована в 1712 году и послужила отправной точкой для Даниеля Дефо.

«31 января 1709 года. — В семь часов утра мы увидели острова Хуан-Фернандес.

2 февраля. — Я послал туда ялик, и когда он не вернулся, отправил на его поиски плоскодонку. Вскоре она вернулась и привезла множество раков и человека, одетого в шкуры диких коз, который казался таким же диким, как и сами козы. Четыре года и четыре месяца тому назад он был оставлен на этом месте Стредлингом, капитаном корабля «Сэнк-Порт», на котором наш гость был старшим матросом. Его имя Александр Селькирк. Когда капитан Дампир¹, знавший команду «Сэнк-Порт», сказал мне, что этот человек был лучшим моряком на борту, я немедленно принял его на наше судно на ту же должность. Это он разжег огонь, который мы заметили предыдущей ночью, по некоторым признакам признав в нас англичан. Во время его пребывания на острове он видел, как вблизи прошло несколько кораблей; и только два бросили якорь. Присмотревшись к ним, он догадался, что это испанцы, и это заставило его тотчас спрятаться. Если бы это был французский экипаж, он открылся бы им, но что касается испанцев, то ему лучше было умереть с голоду в этой пустыне, чем попасть им в руки. По его словам, они убили бы его или отправили как раба на работы в рудники, поскольку вряд ли пощадили бы иностранца, которому в

¹ На каперском судне «Дьюк», которым командовал Вудз Роджерс, Дампир плавал штурманом.

такой ситуации пришлось бы волей обстоятельств открыть секреты, относящиеся к пути в Южное море. Ему стоило большого труда уйти от них, поскольку его заметили, открыли огонь и преследовали до леса, где он взобрался на вершину дерева, у подножия которого преследователи остановились, чтобы набрать воды, и убили нескольких коз; но испанцы ушли, не обнаружив его.

Селькирк был высажен на этом острове по приказу капитана, с которым у него возникла ссора. Ему оставили одну смену одежды, гамак, ружье, немного пороха, несколько пуль, табак, топор, нож, котел, Библию, несколько молитвенников, морские приборы и книги. В течение первых восьми месяцев своего пребывания он с трудом боролся с удручающей его меланхолией и с трудом преодолевал страх одиночества. Он построил две хижины из перечных деревьев, покрыл их длинными травами и обтянул внутри шкурами коз, которых убивал, чтобы добыть пропитание. Мясо было его единственной пищей до тех пор, пока не кончился оставленный ему фунт пороха, а огонь он добывал интенсивным трением двух палочек, зажав их коленями.

В маленькой хижине, расположенной на некотором расстоянии от другой, он готовил пищу. В большой спал, читал, распевал псалмы и молился, будучи больше христианином в этом одиночестве, чем прежде, и каким не будет, возможно, потом. Сначала он принимал пищу, только когда его принуждала к этому необходимость, из-за грызущей его тоски, а также отсутствия хлеба и соли. Спать он ложился тоже только тогда, когда его совсем одолевал сон. Перечное дерево, дававшее светлое пламя, служило ему одновременно для обогрева и освещения, а бальзамический древесный запах утешал.

Селькирк ловил столько рыбы, сколько мог съесть, но недостаток соли делал ее вредной для здоровья; только некоторые раки, большие, как омары, казались ему вкусными всегда. Он их готовил двумя способами: варил или пек. Мясо коз, обитавших на островах Хуан-Фернандес, ему казалось лучше, чем мясо наших коз, и всегда обеспечивало ему отличный бульон. Бедняга подсчитал, что за время своего пребывания убил почти пять сотен коз и еще больше поймал, а затем отпустил, поставив метки на ушах. Когда его небольшой запас пороха

был исчерпан, он ловил их, бегая за ними вдогонку, и такой образ жизни, требовавший постоянного движения, сделал его очень ловким, мы это видели, когда он бежал через лес среди скал и холмов за козами, которых ловил по нашей просьбе. Несколько раз мы отправлялись с ним, чтобы помочь в охоте, брали одного бульдога и нескольких наиболее расторопных матросов, но вскоре он оставлял позади людей и собак, устремлялся за козами, ловил их и приносил к нам на спине. Селькирк рассказал, как однажды, преследуя козу, в азарте чуть не поплатился жизнью. Настигнув ее на краю пропасти, скрытой кустарником, он упал вместе с ней с огромной высоты, а когда пришел в себя, пролежав примерно сутки без сознания, разбившийся, подавленный, увидел рядом с собой мертвую козу; было очень трудно дотащить до хижины, находившейся более чем в двух тысячах шагов, где он десять дней пролежал потом без движения.

Через некоторое время мясо без хлеба и соли показалось ему лучше, чем в первые дни. В сезон у него было огромное количество прекрасной репы, посеянной людьми из экипажа капитана Дампира и покрывавшей тогда несколько акров земли. Пальма хамеропс (капустная пальма) давала ему листья, напоминавшие по вкусу капусту; плодами перченой мирты, называемой обычно ямайским перцем, он приправлял свои блюда, рос здесь и черный перец или малажита¹, который помогал ему при различных недомоганиях.

Его ботинки изнашивались очень быстро, впрочем как и одежда, но ступни так затвердели, что он мог ходить повсюду, не испытывая ни малейшего неудобства. Потом ему было очень трудно привыкнуть надевать обувь.

Первое время его очень мучили кошки и крысы. Эти животные, завезенные на остров кораблями, которые останавливались здесь набрать воды и дров, невероятно размножились. Крысы кусали его за ноги и грызли одежду, пока он спал. Чтобы избавиться от грызунов, Селькирк стал бросать кошкам мясо, вскоре приручил их, и они стали являться сотнями и очень быстро избавили его от крыс.

¹ Видимо, имеется в виду разновидность перца, называемая по-французски «малагет» (malaguet) или «манигет» (maniguet); это растение известно также как «гвинейский перец».

Он приручил также несколько коз, которых научил, как и кошек, танцевать под звуки своих песен. Когда одежда превратилась в лохмотья, ему пришлось сделать себе плащ с широкими рукавами и колпак из козьих шкур, все это было собрано из различных кусков при помощи нитей, выдернутых из старого тряпья. После того как нож отслужил свой срок, Селькирк заменил его новым, изготовленным с грехом пополам при помощи камней из кусков обручей от бочек, подобранных на песчаном берегу. Поскольку у него было немного полотна, он сшил себе рубашки тем же способом, что и плащ; во всех операциях такого рода иглой ему служил гвоздь.

В первые моменты свидания с нами он был вне себя от радости, но в одиночестве бедняга почти забыл язык, с большими интервалами произносил отдельные слова, не связывая их, и мы с трудом понимали его. По истечении трех дней речь начала к нему возвращаться, и он признался нам, что молчание, которое он хранил до этого времени, было совершенно невольным. Мы предложили ему стакан водки, но поскольку он с момента его высадки не пил ничего, кроме воды, то не захотел даже пригубить; прошло достаточно много времени, прежде чем он смог вернуться к привычке есть нашу обычную пищу».

Став, как сказано выше, старшим матросом на корабле Роджерса, Александр Селькирк вернулся в Англию в 1711 году, где слух о его приключениях придал ему некоторую известность, как и месту его изгнания.

ГЛАВА 8

ФРЕНСИС ДРЕЙК

Этот неустрашимый и искусный моряк, имя которого должны проклинать испанцы, заклятым врагом которых он был, родился в Тавистокке, в графстве Девон в Англии. Дата его рождения точно не известна, одни авторы называют 1539, а другие 1545 год¹.

¹ В Британской энциклопедии годом рождения Ф. Дрейка условно считается 1541 год. В одном старинном источнике про Дрейка говорится: «Он родился в корабельном трюме».

Его отец служил капелланом на морском королевском судне по специальному распоряжению королевы Елизаветы, которая хотела таким образом компенсировать свое обращение в протестантство¹. Френсис Дрейк был старшим из двенадцати детей. Дав мальчику, страстно любившему море, небольшое образование, родители поручили его заботам рыбака, чтобы приобщить к морской жизни. Некоторое время спустя будущий моряк поступил юнгой на торговое судно и до восемнадцати лет проплавал с одним и тем же капитаном. Френсис быстро добился его привязанности благодаря своему уму, бойкому и решительному характеру, любви к морской профессии и унаследовал от него корабль, которым тот командовал.

Через несколько месяцев после смерти своего благодетеля Дрейк отправился в плавание к берегам Гвинеи² уже помощником капитана. Потом, по возвращении, почувствовав, что может командовать сам, он оснастил полученный в наследство корабль и, охваченный, как и множество других, лихорадкой приключений, отправился в Новый Свет³.

Едва достигнув берега, он был остановлен испанцами, которые, считая себя абсолютными хозяевами на земле и на море, стремились помешать иностранцам ступить в их новые владения. Дрейк был схвачен, связан по рукам и ногам и препровожден к испанским властям, которые

¹ Елизавета, в противоположность своей сводной сестре королеве Марии, никогда не была католичкой. Как известно, Рим не признал развода ее отца, короля Генриха VIII, с Екатериной Арагонской, следовательно, брак Генриха с Анной Болейн, матерью Елизаветы, был незаконным с точки зрения католической церкви. В соответствии с этим Елизавета, вопреки завещанию отца, лишалась каких-либо прав на престол. Именно поэтому Елизавета и сама была протестанткой, и всячески поддерживала соотечественников-протестантов.

² В 1565 году Дрейк плывал с капитаном Джоном Ловеллом к берегам Гвинеи, где они взяли на борт партию негров-рабов и переправили ее в Южную Америку.

³ В 1567 году Дрейк принимает командование судном Дж. Хокинза «Джудит» и опять направляется за «живым товаром» к берегам Гвинеи.

бросили его в тюрьму, а на корабль был наложен секвестр¹.

Преступление, или, скорее, преступления, которые оправдывали в глазах испанцев это вопиющее нарушение прав человека, было действительно серьезным. Во-первых, Дрейк пытался вести торговлю на землях его католического величества, во-вторых, он был англичанином и, что самое страшное, еретиком. Его бы охотно сожгли живьем, но не осмелились, опасаясь репрессий, поскольку англичане уже не шутили, когда речь шла о расправах, чинимых над представителями их нации.

Испанские власти удовлетворились, конфисковав корабль с грузом и распродав конфискованное как контрабанду. Вот так Френсис Дрейк, свалившийся с высоты испанского законодательства беднее последнего из нищих, был вынужден наняться простым матросом на корабль, отплывающий в Европу.

Озлобленный таким пиратским актом, англичанин, покидая город Рио-де-ла-Ача, показал кулак проклятой земле и поклялся отомстить. Мы увидим, как он сдержал слово и какой страх нагоняло на испанцев его имя.

Полностью разоренный, Дрейк вернулся в Англию, нашел одного из своих родственников, Джона Хокинза², прекрасного моряка, который ему всегда выказывал дружеское расположение, и попросил у него помощи и защиты. Хокинз представил Френсиса ко двору, где тот рассказал о своих злоключениях. Королева живо заинтересовалась им

¹ Секвестр — запрещение, налагаемое на какое-либо имущество органами государственной власти и имеющее в виду воспрепятствовать или ограничить право собственника распоряжаться своим имуществом.

² Хокинз Джон (1532 — 1595) — английский военно-морской офицер и торговый администратор; сам себя Хокинз считал «честным торговцем», но уже в первом своем плавании к берегам Гвинеи (октябрь 1562 г.) захватил около 500 чернокожих рабов и продал их испанцам на Эспаньолу. Свыше 10 лет Хокинз пиратствовал и занимался работорговлей, руководя совместно с Фр. Дрейком действиями елизаветинских «морских псов». В 1577 году перешел на военную службу. Хокинзу посчастливилось разработать новый тип судна: галион с относительно обтекаемым корпусом и расположением вдоль борта тяжелых пушек, поражавших противника со значительной для тех времен дистанции. Отличился при обороне британского побережья от испанцев в 1588 году.

и вручила рекомендательное письмо к королю Испании. Но государь-католик даже не удостоил ответом беднягу капитана-протестанта, чем еще больше, если это только возможно, укрепил в нем ненависть и жажду мщения.

Зная, что месть — это «плод, который следует съедать зрелым», Френсис Дрейк прекратил всякие ходатайства и поступил под начало к Джону Хокинзу, организовавшему экспедицию для захвата негров-рабов. Это коммерческое мероприятие не требовало ни больших вложений капитала, ни особых знаний, достаточно было обладать жестокостью и абсолютной бесчувственностью к страданиям несчастного человеческого существа. С другой стороны, работорговля была единственным видом коммерческой деятельности, который испанцы разрешали «собакам-еретикам» в своих колониях, и англичане пользовались этим для обогащения и разведки прибрежных районов, где позже они смогут действовать в полной безопасности. Многочисленную партию негров из Гвинеи погрузили в первые дни сентября 1567 года. Их с большой прибылью продали в Гаване и в Санто-Доминго. Итак, первая часть путешествия прошла удачно.

Но, неожиданно атакованные испанцами, принявшими торговцев живым товаром за пиратов, англичане потеряли три корабля и едва спаслись (23 февраля 1568 года). Вряд ли это новое происшествие могло усмирить бурный темперамент мстителя, скорее оно еще более укрепило его намерения.

За 1570 и 1571 годы Дрейк предпринял два путешествия в Вест-Индию, не найдя того, что искал, но с большой пользой провел это время, приобретя более точные сведения о морях, в которых собирался совершать свои кровавые подвиги. Почувствовав себя уверенно, Френсис, оснастив два маленьких судна — «Лебедь» и «Дракон», вышел из Плимута в мае 1572 года и направился к берегам Южной Америки. В одиночку, с ограниченными ресурсами, он отважился нанести удар в самое сердце испанских владений! Поступок тем более экстраординарный, что этот авантюрист развязал войну, когда между Англией и Испанией царил глубочайший мир, и мог быть повешен за это как пират.

Но совесть, впрочем очень спокойная, не укоряла его. Он находил оправдание в том, что тоже был ограблен в период полного мира в нарушение прав человека.

Войдя в порт Фезан¹ 20 июля, он ставит на якоря два своих корабля, пересаживает команды на шлюпки, прибывает в Номбре-де-Дьос², овладевает крепостью без боя, оставляет там половину шайки, чтобы обеспечить свой отход, а с остальными отправляется на рыночную площадь. Звук труб до такой степени поразил жителей, и без того озадаченных этим нападением среди полного спокойствия, что они разбежались и оставили город на разграбление. Но вскоре, оправившись от страха, стыдясь своего малодушия, увидев, что имеют дело с горсткой людей, вернулись с большими силами, яростно атаковали и принудили пиратов бежать, бросив добычу. Дрейк, раненный в ногу, с трудом добрался до кораблей.

Вернувшись в Фезан, он снова отправился в море, появился около Картахены, захватил по дороге несколько испанских судов очень большого водоизмещения, потом подошел к берегу, поджег дома Санта-Круса, причинив таким образом своим противникам ущерб более чем на два миллиона франков.

После этой экспедиции Дрейк вернулся в Плимут, где стал на якорь 9 августа 1573 года, нагруженный огромной добычей. Эти богатства дали ему возможность на свои средства вооружить три больших фрегата, с которыми он помог Уолтеру Деверё, графу Эссексу³, в его операциях против Ирландии; но, когда граф, не сумев реализовать свои проекты, умер в 1576 году, Дрейк вернулся в Англию вместе со своими кораблями. По возвращении, представленный снова королеве Елизавете вице-камергером⁴ и канцлером сэром Кристофом Аллоном⁵, он поведал своей государыне разработанный им план: проникнуть в Южное

¹ Английские источники не упоминают точно порта, в который направился Дрейк. Например, в Британской энциклопедии сказано: «отправился к перешейку», имея в виду Панамский перешеек, но в этом районе указанного автором порта не было.

² Номбре-де-Дьос — крепость на северном побережье Панамы (в современной провинции Колон), расположенная на полградуса восточнее Панамского перешейка. Здесь производили перевалку на океанские корабли благородных металлов, доставленных из Перу.

³ Деверё Уолтер — первый граф Эссекс (1539 — 1576).

⁴ Камергер (*англ.* chamberlain) — высшее придворное звание.

⁵ Канцлером Англии в те годы был известнейший политический деятель елизаветинской эпохи Уильям Сесил (1520 — 1598).

море, через Магелланов пролив неожиданно войти в испанские владения и опустошить их.

Естественно, склонная к крупным авантюрам королева одобрила этот план и доверила Френсису Дрейку пять военных кораблей с командами из отборных матросов.

Тринадцатого декабря 1577 года Дрейк вышел из Плимута в свое знаменитое кругосветное путешествие.

Сначала он шел вдоль берегов Африки, захватывая все испанские корабли, которые встречал на пути, потом направился к берегам Бразилии и шел вдоль них до Патагонии. Прибыв в порт Сан-Хулиан, открытый и названный так Магелланом, путешественник нашел две виселицы, которые известный навигатор воздвиг, чтобы казнить двух своих помощников, организовавших против него заговор. Дрейк, находясь в похожих условиях, приказал повесить одного из своих помощников капитана Джона Даути, который пытался организовать заговор против него.

Джон Даути, хороший моряк, но неутомонный и амбициозный человек, лелеял мысль избавиться от Дрейка, поскольку чувствовал себя единственным способным наследовать ему... в случае если наследство откроется. И он считал себя способным поторопить фортуна и именно поэтому принялся подстрекать к бунту нескольких человек из экипажа, но не смог завершить свой преступный план, поскольку был разоблачен.

Дрейк приказал поставить мятежника перед военным трибуналом из сорока матросов, выбранных среди экипажей, чтобы придать приговору наибольшую справедливость.

Даути приговорили к смерти. Ему предоставили выбор из трех возможных наказаний: оставить на берегу, отправить в Англию или казнить. Будучи настоящим англичанином и оригиналом, пренебрегавшим жизнью, он счел для себя более достойным выбрать смерть, съязвив, что «ему очень приятно быть первым англичанином, повешенным в этих широтах».

Приговоренный смотрел, как приближался последний час его жизни с редким безразличием. В утро казни он причастился вместе с Дрейком и несколькими другими офицерами, позавтракал с ними за одним столом, пил и ел с великолепным аппетитом, поднял тост за здоровье

своих сотрапезников, простился с ними, как если бы речь шла о простом путешествии, и спокойно отправился на место казни.

Двадцатого августа Дрейк вступил в Магелланов пролив, и ему потребовалось шестнадцать дней, чтобы пройти его. Свирепая буря встретила флотилию на выходе из пролива, разбила один корабль и значительно сбила с курса. 20 ноября он наконец стал на якорь возле острова Моча у берегов Чили¹.

Вскоре Френсис Дрейк приступил к «операциям», начав с захвата корабля с грузом, состоящим из четырехсот фунтов чистейшего золота. Потом он разграбил расположенный около Сантьяго маленький городок, очистив его до последней крохи. Около Тарапакса он застал на берегу спящего испанца, около которого лежали тридцать слитков серебра в виде брусков, стоящих в сумме четыреста тысяч дукатов. Он забрал серебро, а испанца оставил спокойно спать, кажется, даже не потревожив его сна.

Недалеко от того места матросы, посланные за водой, встретили испанца и индейца, ведущих восемь лам, нагруженных серебром по сто фунтов каждая. Естественно, животные были освобождены от ценной ноши.

Вскоре в руки Дрейка попали три корабля с пятьюдесятью семью слитками серебра весом тысяча сто сорок фунтов. Корабли никем не охранялись, поскольку испанцы не опасались воров в своих прибрежных водах, где, кроме них, никто не плавал.

В порту Кальяо 13 февраля 1579 года он также захватил двенадцать кораблей. Никто не охранял груз, состоящий из шелка, полотна, сундуков, полных серебряных монет, и полутора тысяч слитков серебра.

Продолжая путь, Дрейк захватил бригантину, нагруженную золотом и серебром; а чуть позже овладел «Какафуэго», кораблем, на борту которого находились жемчуг и драгоценные камни, восемьдесят фунтов золота, тринадцать ящиков серебряных монет и столько необработанного серебра, что его можно было использовать в качестве балласта для корабля.

¹ Остров Моча расположен примерно на равном расстоянии от портов Консепсьон и Вальдивия.

Продвигаясь дальше к Америке, говорит Жюль Труссе, выдающийся автор «Истории пиратов», он освобождал от груза все испанские суда, встречавшиеся ему на пути.

На короткое время Дрейк остановился на севере Калифорнии, где дикари оказали ему почести и признали сюзеренитет Англии. Отсюда он пересек Тихий океан, прибыл на остров Тернате в Молуккском архипелаге, потом 10 февраля 1580 года бросил якорь у острова Ява и возвратился в Англию, обогнув мыс Доброй Надежды, совершив таким образом кругосветное путешествие за время этой трехлетней кампании, оказавшейся такой доходной, что соотечественники, позавидовав огромным богатствам, которые он привез, приняли путешественника с презрением и обошлись с ним как с пиратом. Посол Испании, дон Бернардино де Мендоса, вступил в хор недовольных и отправился жаловаться королеве.

— Это правда, — очень строго ответила Елизавета, — Френсис Дрейк совершал акты пиратства; но я должна напомнить вам, господин посол, что несколько лет тому назад этот же человек не смог добиться возвращения корабля, который был у него несправедливо отнят.

Посол не смог удержаться от жеста, выразившего досаду.

— Позволит ли мне, ваше величество, — продолжал он, — заметить, что корабль Дрейка был конфискован справедливо в местах, где только его католическое величество и его подданные имеют право заниматься торговлей.

Эта слишком хорошо известная претензия испанцев не удивила королеву; она ограничилась возражением:

— Рассматривая иноземных торговцев как пиратов, его католическое величество теряет право жаловаться на истинных корсаров¹.

Потом, будучи женщиной, которая ничего не делает наполовину, и намереваясь преподать урок тем, кто стремился ввергнуть в немилость Френсиса Дрейка, а также засвидетельствовать свое уважение первому англичанину, совершившему кругосветное путешествие, она с большой торжественностью отправилась в Дептфорт, где бросили якоря корабли Дрейка, отобедала на том, которым он

¹ Корсар (от *ит.* corsaro) — одно из названий пиратов.

командовал, допустила его за свой стол и посвятила в рыцари.

Не ограничившись публичным одобрением всех действий Дрейка, королева приказала сохранить этот корабль как вечный памятник славы известного мореплавателя и Англии.

В 1585 году разрыв, произошедший между Елизаветой и Филиппом II, позволил королевскому рыцарю проявить себя на новом поприще. Рассчитывая на его отвагу, жестокость и ловкость, королева поручает Дрейку командование двадцатью пятью военными кораблями с находящимися на них двумя тысячами человек. Он отправляется 15 сентября из Плимута и, прокрейсировав какое-то время у берегов Испании, 16 ноября прибывает в Сантьяго¹. Здесь он высаживает тысячу людей под командованием генерала Карлиста, овладевает городом, грабит его, сжигает и захватывает огромную добычу, затем появляется в Санто-Доминго, требует с города выкуп в двадцать пять тысяч дукатов, отправляется в Картахену и берет ее штурмом, потом во Флориду, мимоходом разрушает крепости Сан-Аугустин и Сан-Антонио, оставленные хозяевами при его приближении.

По возвращении в Англию после кампании, в результате которой испанцы потеряли более пятнадцати миллионов франков, Дрейк получил звание вице-адмирала и принял командование одним из отрядов кораблей, разгромивших в 1588 году *Непобедимую Армаду*².

¹ Здесь имеется в виду город Сантьяго-де-Куба.

² «Непобедимая Армада» — большая испано-португальская эскадра, создававшаяся в 1586 — 1588 годах и вышедшая 20 (30 н. ст.) мая 1588 года из Лиссабона под командованием герцога А. Медина-Сидония, имея целью разгром английского флота и высадку испанских войск на берега Альбиона. В составе Армады было 124 — 128 кораблей различного типа, на которых было установлено около 2400 орудий и располагались 27 тыс. человек (из них — 19 тыс. солдат сухопутных войск). Англичане выставили под общим командованием Ч. Хоурда, Фр. Дрейка и Дж. Хокинза 197 кораблей с 1500-ми орудиями и 16-тысячным экипажем (в том числе 12 тыс. моряков). Английский флот был маневреннее, располагал лучшей артиллерией, а подбор экипажей соответствовал именно целям войны на море. Кроме того, испанскому флоту во все время экспедиции препятствовала непогода. Тяжелый шторм рассеял корабли испанцев у самых Британских остро-

На вершине своей славы адмирал с флотом из двадцати четырех кораблей, с одиннадцатью тысячами человек под командой генерала Норрея, принес войну на землю Испании. Он овладел городом Ла-Корунья, разогнал, захватил или пустил на дно двадцать галер, потом сжег дотла Пегу¹. Вернувшись в Плимут в начале июля 1589 года, Дрейк остался там на некоторое время, стал депутатом парламента от этого города и заседал в нем с 1592 по 1593 год.

Затем его ненависть к испанцам, дремавшая в течение двух или трех лет, проснулась еще жарче, чем когда-либо. И ему снова захотелось предать огню и залить кровью Вест-Индию. Он объединился со своим родственником Джоном Хокинзом и двумя богатыми авантюристами (обоих в этой экспедиции поджидала смерть), вооружил флотилию из шести кораблей и отправился из Плимута 28 августа 1595 года. Месяцем позже он, следуя совету Хокинза, тщетно попытался овладеть Тенерифом. Через некоторое время, опять же по совету Хокинза, который, казалось, приносил ему только неудачи, Дрейк напал на Пуэрто-Рико и потерпел поражение. Придя в отчаяние оттого, что столько человек бесполезно погубил, Хокинз в тот же день умер от огорчения. С его смертью исчезли

вов. Часть испанского флота укрылась во французском порту Кале, но там они были сожжены по приказу Фр. Дрейка. В конце июля быстроходные и снабженные дальнобойной артиллерией британские суда несколько раз атаковали испанцев и потопили около 20 вражеских кораблей. Испанцы вынуждены были избрать для возвращения круглой путь, огибая Британские острова с севера, и вот в районе Оркнейского архипелага новая буря стала губительной еще для 40 кораблей. В итоге на родину, в порт Сантандер, вернулось только 65 испанских судов (с 9 — 10 тысячами человек на борту).

¹ Пегу — поселение на противоположном от Лиссабона берегу эстуария реки Тежу. Дрейк сначала атаковал северный испанский порт Ла-Корунью, но горожане героически защищались и отразили все атаки англичан. Тогда Дрейк направился к Лиссабону. Стоит напомнить, что в те годы Португалия была объединена с Испанией, поскольку испанский король Филипп II наследовал трон соседней монархии. На борту флагманского судна находился претендент на португальский престол, готовый в случае удачи англичан немедленно занять его и провозгласить независимость своей страны. Но Дрейку на берегах Тежу не повезло.

неудачи, преследовавшие Дрейка каждый раз, когда рядом с ним оказывался его родственник.

Став единственным командиром эскадры, он вскоре оказался в прибрежных водах Рио-де-ла-Ача, где тридцать лет тому назад он был оскорблен, посажен в тюрьму, потом ограблен.

Несчастный город, который не мог защищаться, напрасно предложил ему выкуп в 35 000 дукатов. Френсис Дрейк, неумолимый, как раньше это было по отношению к нему, сам поджег город и не сдвинулся с места, пока тот не обратился в пепел! Поскольку его ненависть не была удовлетворена, он сжег еще и город Санта-Мария со всеми кораблями, находившимися в порту.

Стремясь завладеть Панамой, Дрейк бросил через перешеек отряд из 750 человек под командованием сэра Томаса Баскервилла, храброго и талантливого офицера. Экспедиция через два дня хода встретила такое сопротивление, что должна была с боем отойти, счастливая, что смогла 2 января 1596 года вернуться на эскадру.

Эта неудача только озлобила Дрейка. Отыграть за нее он решил, захватив Портобело. Он отправился в путь, но внезапно скончался от апоплексического удара 5 января 1596 года¹.

Так ли это на самом деле? Выдвигаются различные версии его смерти, из которых одна по меньшей мере экстраординарна.

Одни считают, что Френсис Дрейк умер от приступов вялотекущей лихорадки, осложненной кишечной геморрагией, другие утверждают, что он покончил жизнь самоубийством, но самая интересная версия гласит, что, высадившись на острове Крабов, он был окружен чудовищными ракообразными, крупнее которых не знал мир, и, схваченный за руки, за ноги и шею, не смог отбиться от них, и его труп был обглодан до костей.

¹ О дате и причинах смерти Фр. Дрейка единого мнения нет. По разным источникам, смерть адмирала вызвали: а) обильное кровотечение, б) жестокая лихорадка. Называются и различные даты его кончины. Наибольшего доверия заслуживают сведения о кончине великого мореплавателя в виду Портобело в ночь с 27 на 28 января 1596 года (так и в Британской энциклопедии).

Дрейк, хотя соотечественники не считают его гордостью нации, был одним из основателей морского величия Англии. Хотя он имел, и возможно именно поэтому, в характере и поступках нечто от флибустьера¹, это бесспорно один из наиболее смелых и наиболее удачливых моряков, которых когда-либо знал мир.

ГЛАВА 9

Гонсало Писарро. — Мартинес. — Уолтер Рэйли

Прежде Уйаной или Гвианой называли обширное пространство непроходимых лесов, болот и саванн, которые разделяли две великие реки Ориноко и Амазонку и простирались от восточных отрогов Анд до Атлантического океана.

Эта страна могла бы долгое время оставаться забытой в своем диком одиночестве. Алчные вождения испанских конкистадоров привлекла к ней легенда об Эльдорадо, приписывающая этой стране огромные и изумительные богатства.

Вот как возникла и распространилась эта легенда. К подножию Анд, в глубину густых лесов Вилькабамбы² были перенесены сокровища городов Кито, спасаемые от жадности Беналькасара, и Куско, до которых Франсиско Писарро, несмотря на свое проворство, смог добраться лишь частично. Несчастные остатки семей Великих Инка укрывались здесь с верными орехонами³ и здесь основали новую империю Солнца, такую же богатую, как та, которая недавно так быстро пала под ударами горстки авантюристов.

По общему убеждению, золото Перу, изобилие которого овладело воображением испанцев, должно было про-

¹ Флибустьер — то же, что и пират. Это слово автор объясняет дальше, в главе XIII.

² Вилькабамба — так на языке кечуа называется плоскогорье. В настоящее время это название носят несколько районов в различных провинциях Перу.

³ Орехон — название, которое во времена конкисты давали различным племенам американских индейцев.

исходить из этих неизвестных районов, где находился центр сказочных богатств и рудники драгоценных металлов.

Прибытие в Такунгу индейского посольства подтвердило это предположение. Очевидно, его прислали из Новой Гренады, чтобы потребовать для своего государя, «сипа» Боготы или «саку» Тунхи, помощь императора Перу. Рассказы индейских послов разожгли алчность испанцев. По их словам, они были подданными одноглазого короля великого Патити, правившего в обширных горных областях, расположенных на северо-востоке. Каждое утро, когда король встает с постели, камергер смазывает ему тело душистой смолой, на которую при помощи длинных сарбаканов (духовых трубок) наносится золотая пыль. Вечером, с большой торжественностью великий Патити спускается по лестницам своего дворца и погружается в воды священного озера, куда его подданные бросают как жертвоприношения золотые вазы и драгоценные предметы.

Испанцы заключили из этих описаний, что страна должна располагать огромными богатствами, и прозвали монарха Эль Рей Дорадо (Позолоченный Король), или проще — Эль Дорадо. Потом название постепенно распространилось на придуманную страну, которой правил этот монарх, и вскоре заговорили о волшебной земле Эльдорадо, на поиски которой в течение двух веков жадно устремлялись прибывавшие со всех сторон авантюристы.

Организовывались бесчисленные экспедиции, чтобы добраться до сказочного миража. Одной из наиболее примечательных, по крайней мере своими побочными географическими результатами, была экспедиция Гонсало Писарро, самого младшего из братьев Франсиско Писарро.

Недовольный службой лейтенанта Себастьяна де Беналькасара, своего наместника в Кито, Франсиско Писарро отобрал у него должность и передал своему брату Гонсало Писарро. Пребывая на этом высоком посту, последний не переставал оставаться конкистадором и решил заняться завоеваниями с удвоенной энергией. Равнины к востоку от Анд возбуждали его алчность богатствами, о которых рассказал недавно побывавший там разведчик. Пинеда был первым, кто отправился на поиски великого

Патити¹, одноглазого позолоченного короля, и он достиг истоков Напо. Сияющие города, охраняемые стражей, вооруженной золотым оружием, показались ему вдали; но утомленное войско, умирающее от голода, отказалось воевать. Итак, Гонсало Писарро решил завладеть сокровищами, которые скрывались под непроницаемым куполом девственных лесов.

Он отправился из Кито в сопровождении трехсот сорока солдат и четырех тысяч туземных носильщиков; с большими трудностями отряд преодолел Анды, понеся огромные потери среди носильщиков, гибнувших от холода, потом долго блуждал по пустыням, где изредка встречалось какое-нибудь незнакомое и жестокое племя, и достиг наконец берегов Напо после немыслимых лишений и неслыханных страданий, но ничего не узнал о Позолоченном Короле.

Отряд таял под губительным влиянием климата, к тому же сказывалась скудость продовольственных припасов. С трудом добрались до середины тех мест, где бесконечные и неприступные болота чередовались то с непроходимыми зарослями, то с пустынями, занятыми варварскими племенами, убегавшими при его приближении.

Чтобы уменьшить трудности и тяготы похода и облегчить поиск продовольствия, Писарро решил на берегу Кокку — притока Напо построить бригантину и спустить ее на воду. В полном одиночестве, без инструментов, материалов, специальных рабочих рук подобное предприятие казалось чрезвычайно трудным, если не невозможным. Но люди из его отряда при помощи оставшихся в живых индейцев сумели заложить барку достаточно больших размеров. Они использовали сырое дерево; из лошадиных подков делали гвозди; рубашки шли вместо пакли, деготь получали из древесной смолы, которой в избытке было в лесу.

¹ Побережье нынешней Венесуэлы в 1528 году особым указом императора Карла V пожаловано немецким банкирам Фуггеру и Велзеру, поэтому первой экспедицией в глубь страны руководил немец Амброзиус Эингер (1531 — 1534 гг.). Именно эта экспедиция принесла подробные сведения о «стране золота» на западе современной Колумбии. Немцы еще раз попытались пробиться во внутренние районы континента в 1535 году, на этот раз — под руководством Георга Хоэрмута. В Колумбию первым с востока проник немецко-испанский отряд из экспедиции Эингера, которым командовал испанец Баскунья.

Набрав экипаж из пятидесяти человек, Гонсало Писарро поручил командование своему доверенному офицеру Орельяне¹ и дал ему поручение спуститься по реке, изучить местность с точки зрения ресурсов и дороги, доставить провизию и дожидаться в месте слияния рек прибытия отряда, который будет продолжать идти вдоль берега. Впрочем, по возможности соизмерять ход барки со скоростью движения пешех, ведь им предстояло преодолеть непроходимые заросли речных берегов.

Орельяна доверился течению Напо, потом через несколько дней плавания почувствовал, что его с непреодолимой силой захватывают обильные воды реки Мараньон², течение которой еще не было изучено.

Тогда Орельяна, забыв о долге, решил сам попытаться счастья и бросить своего командира в этом безлюдном месте. Предварительно он посоветовался со своими спутниками, и все согласились, несмотря на то, что общие интересы связывали между собой этих авантюристов. Против был только один, очень преданный Писарро офицер. Орельяна приказал высадить его на берег и оставил одного среди непроходимых джунглей. Без запасов продуктов он должен был там вскоре погибнуть, озадачивая индейских кочевников странным зрелищем скелета, облаченного в железные доспехи.

Как бы строго и заслуженно мы ни осуждали это предательство Орельяны, необходимо все же признать, что экспедиция на судне, построенном кое-как из кусков сырого дерева, едва оснащенном, без карт, без компаса, является, возможно, одной из самых замечательных в ту эпоху. К тому же только подумайте о размерах Амазонки, этого пресноводного моря, как сказал Луи Агассис³, о враждебности племен, обитающих на ее притоках, о том, как трудно управлять судном в устье реки, наконец, о том, чего стоило добраться до ближайшего испанского владения, острова Кубанга к северу от Венесуэлы, и мы не сможем отрицать, что такой подвиг заслуживает восхищения.

¹ Орельяна Франсиско — род. ок. 1470 г., ум. в 1550 г.

² Напо впадает в Амазонку, а не в Мараньон. (*Примеч. перев.*)

³ Агассис Жан Луи Рудольф (1807 — 1873) — швейцарский естествоиспытатель; с 1846 года жил в Северной Америке, занимаясь геологическими и зоологическими исследованиями.

Несчастный Писарро, не найдя своего неверного лейтенанта на назначенном месте, понял только часть истины. Преодолевая душевную боль и негодование, он принял все меры, чтобы ободрить своих деморализованных спутников, и начал отход. Он длился два года и был совершен только ценой неслыханных тягот, жестоких болезней, многочисленных потерь. Искатели приключений питались мясом своих лошадей, дикими фруктами, рептилиями, кореньями... Четыре тысячи индейцев погибли все до единого. Европейцы сопротивлялись лучше. Из них умерли двести девятнадцать человек! Таким образом, если вычесть пятьдесят, сопровождающих Орельяну, осталось только восемьдесят, вернувшихся в Кито в самом плачевном состоянии.

По прибытии Гонсало Писарро узнал о гибели брата и о смертном приговоре, вынесенном ему самому за мятеж, поднятый против власти Педро де ла Гаска, доверенного лица короля Карла V.

В Испании, куда он вернулся после семимесячного путешествия по Амазонке, Орельяна не удовлетворился простым открытием огромных районов, через которые его привела счастливая судьба. Он хотел представить себя соотечественникам героем сказочных приключений. Среди прочих чудных рассказов он описал республику женщин-воительниц, которые своей враждебностью на долгое время перекрыли ему дорогу вперед.

Но что больше всего привлекло внимание его соотечественников и возбудило их зависть, так это открытие, которое, по его утверждению, он сделал около территории, населенной племенами омайанасов между устьями Жавари и Япуры, в земле, называемой Машипара, где люди носили одежды и доспехи из золота, его там было столько, что им покрывали дома и использовали для самых заурядных целей.

Этому рассказу, несмотря на ребяческое преувеличение, поверили безоговорочно. Испанские авантюристы, бросившиеся в погоню за Эльдorado, заполонили высокие плато и равнины у подножия Анд, чтобы найти сказочные земли, отмеченные Орельяной по берегам Амазонки.

Третья волна миграции еще раз передвинула местонахождение мифического Эльдorado и приблизила его к современным Гвианам. Мартинес, начальник артиллерии

экспедиции Диего де Ордаса, по неосторожности допустил поджоги пороховых запасов и был приговорен к смерти. Вняв мольбам артиллеристов, Диего изменил ему наказание, ограничившись тем, что несчастного посадили в шлюпку и оставили без каких-либо припасов на волю Ориноко. Унесенную течением шлюпку выбросило на один из берегов реки. Дикари заметили ее и, поскольку Мартинес был один, приблизились скорее с удивлением, чем с недоверием. Туземцы не стали убивать его, но взяли в рабство и водили из города в город, показывая как чудо, пока не привели в Маноа, знаменитый город, расположенный в середине огромного озера, называемого Белое море или море Парим. Здесь жили люди развитой цивилизации. На улицах возвышались пышные монументы, сияющие дворцы, покрытые самородным золотом, как в Эльдорадо, описанном Орельяной. Берег покрывал золотой песок. Золото использовали для самых обыденных целей; наконец, дороги были вымощены рубинами, алмазами, сапфирами огромного размера и несравненного блеска.

Мартинес, будучи человеком изворотливым, ловким и дальновидным, повел дело так, что стал желанным гостем у своих хозяев, и последние в награду за оказанные услуги приняли его в свой круг и единогласно признали членом племени. Спустя некоторое время его выбрали помощником вождя, и несколько вождей отдали ему в жены своих дочерей. Не испугавшись полигамии¹ и упрочив свое положение этими брачными союзами, он приобрел большое влияние среди новых сограждан.

Возможно, он закончил бы свои дни среди этих детей природы, с существованием которых окончательно свыкся. Но однажды, выйдя на берег, Мартинес увидел стоящий на якоре корабль, и в нем проснулась ностальгия² по родине, и ему захотелось вернуться в цивилизованный мир. Он переговорил с капитаном, и тот без лишних разговоров взял его на борт. Корабль отплыл, и безутешные жены Мартинеса бросились за ним вплавь. Увидев, что корабль удаляется, и испугавшись, что не хватит сил на обратный путь, они повернули к берегу. И только одна продолжала плыть, пока ее совсем не оставили силы; бед-

¹ Полигамия — многоженство.

² Ностальгия — тоска по родине.

няжка утонула на глазах неблагодарного супруга, засвидетельствовав таким образом свою преданность!

Вернувшись на родину, Мартинес начал соблазнять соотечественников чудесами, которые он будто бы видел. Рассказы путешественника мешались с баснями, принесенными Орельяной о городе омайанасов, и историей священного озера, куда погружался Великий Патити. Страстная жажда богатства — движущая сила первых экспедиций — пробудилась в Испании с новой силой.

Воображение перенесло миф об Эльдорадо в низовья Риу-Негру, к месту впадения в нее Риу-Бранку, то есть вне пределов Французской Гвианы. Так, Уолтер Рэйли¹, горячо стремившийся к продолжению поиска химерического королевства, считал, что реки Марони, Апруаг, Ояпок вытекают из таинственного озера и показывают наиболее верное направление к волшебному городу, стремление завоевать который стало традицией. Имя Рэйли, возникшее здесь неожиданно, свидетельствует о том, что не только грубые, жадные и наивные авантюристы верили этим басням, сегодня вызывающим у нас лишь улыбку, но и просвещенные, высшие умы принимали за правду, по меньшей мере частично, рассказы мореплавателей, побывавших в золотом раю.

Уолтер Рэйли, придворный, королевский фаворит, на пороге блистательной карьеры, в своей одновременно драматической, странной и беспокойной жизни отвел немалое место исследованиям новых земель, сначала, возможно, из любопытства, потом охваченный страстью, как неизбежно кончали все эти беспокойные первооткрыватели.

Немногие люди вели жизнь более беспокойную, значительную и тесно связанную с событиями их эпохи, чем этот высокородный дворянин, который вносил в самые возвышенные ситуации темперамент и пыл авантюриста. Исключительная, блестящая, рыцарская натура, соединившая в себе все страсти и беспокойный, неутомимый дух XVI века; только характер его не соответствовал гению.

Буйный темперамент Рэйли проявился еще в детстве. Он едва смог продержаться год в одном из колледжей Окс-

¹ Уолтер Рэйли — род. в 1552 г., казнен в 1618 г.; в отечественной литературе встречаются и другие написания этой фамилии: Рэли, Роли, Рэлей.

форда¹, хотя за это время проявил себя незаурядным учеником как по «риторике, так и философии». Совсем юным Уолтер писал стихи, некоторые из них вошли в его стихотворный сборник. В семнадцать лет он отправился во Францию и прослужил до двадцати трех лет под началом адмирала Колиньи. Ужасы ночи святого Варфоломея² укрепили его в ненависти к папизму, инспирировавшему или одобрявшему такие действия, и к испанцам, сделавшим из католицизма инструмент политической власти. Эта ненависть стала одной из главных движущих сил его жизни, и он всегда и повсюду старался удовлетворить ее, будь то в качестве фаворита королевы, дипломата, моряка, когда направлял свои самые дерзкие удары против испанских колоний и морского флота; ненависть же и стала причиной его смерти, поскольку Яков I приказал обезглавить его, чтобы дать политическое удовлетворение Испании.

Вернувшись на родину в 1576 году, Рэйли занялся изучением юриспруденции. На следующий год ненависть к испанцам толкнула его наняться на службу к сэру Джону Харрису, посланному Елизаветой на помощь Вильгельму Оранскому, сражавшемуся против Филиппа II и кровавого герцога Альбы. Когда в 1579 году один из трех братьев, Хемфри Рэйли³, предпринимал попытку колонизовать Ньюфаундленд, Уолтер принял участие в экспедиции и даже чуть было не попал в плен к испанцам. В 1580 году Уолтер Рэйли в качестве капитана принял участие в экспедиции под командованием лорда Грея⁴, посланной Елизаветой против мятежной Ирландии. И он, полный ненависти к вдохновителям и исполнителям Варфоломеевской ночи, отличился в жестокой бойне, вырезав ирландских католиков, ставших печальными жертвами этой Варфоломеевской ночи наоборот.

¹ По другим сведениям, Рэйли окончил Оксфордский университет.

² Ночь святого Варфоломея (Варфоломеевская ночь) — массовая резня протестантов-гугенотов, устроенная католиками в Париже в ночь на 24 августа 1572 года (24 августа — день памяти святого Варфоломея).

³ Это неверно: Хемфри не относился к роду Рэйли. Речь здесь идет о сводном брате сэра Уолтера — Хемфри Гилберте, о котором дальше рассказывается подробнее.

⁴ Грей де Уилтон Артур, лорд — род. в 1536 г. ум. в 1593 г.

Честолюбие и стремление к неизведанному — доминанты его жизни — привлекли Рэйли в Лондон к королевскому двору, где, надеясь на ум, приятную внешность и невозмутимую уверенность в успехе, он собирался достичь приличного положения. Очень гибкий, вкрадчивый молодой человек сумел подружиться с герцогом Лестером, пользовавшимся тогда благосклонностью королевы, и вел с ним активную переписку. Это была вежа в ожидании счастливого случая, который он, конечно, не упустит, а может быть, и сам спровоцирует.

Вскоре таковой представился. Находясь в разладе с главнокомандующим лордом Греем по поводу средств умирения Ирландии, он написал Лестеру в таких выражениях, что его письмо, переданное королеве, вызвало у нее желание самой покончить с распрей. Уолтер Рэйли и лорд Грей были вызваны в Лондон; королевский кабинет открылся перед ними, и молодой капитан защитил свое дело с такой ловкостью, обходительностью и учтивостью даже к своему противнику, так сумел польстить этой стареющей королеве, изобразив преклонение перед ней как женщиной, ценимое ею куда больше королевских почестей, что без труда завоевал ее расположение.

После этой аудиенции честолюбец был допущен ко двору и не терял даром времени; вскоре он получил доступ в будуар и рабочий кабинет королевы. Очень обходительный, уверенный в себе, обладающий удивительной сообразительностью, умеющий импровизировать самую тонкую и красноречивую лесть, пользуясь своими обольстительными внешними данными, новый придворный очень быстро добился монаршей благосклонности. В качестве примера лести и тонкой чуткости известен анекдот, который вовсе не странен для его судьбы. Однажды, совершая после дождя прогулку, королева, обутая в белые атласные туфельки, не решаясь пройти по влажному участку, сделала вид, что собирается повернуть обратно. Рэйли галантно отстегнул богатый бархатный плащ, который носил на плечах, и расстелил его, как ковер, под ноги своей повелительнице, та преодолела препятствие и поблагодарила своего кавалера улыбкой. Польщенная королева не забыла этой услуги, и банальный сам по себе инцидент сослужил ему неплохую службу.

Это был момент, когда открытия в дальних странах будоражили все умы, когда говорили только о новых путях в этот неизведанный мир, где богатство шло в руки тому, кто хотел его взять, королевская власть тому, кто умел ее завоевать. Рэйли стал благодаря королевской милости одним из самых богатых дворян ее величества, получил грамоту, предоставляющую ему и его наследникам королевскую юрисдикцию во всех странах, которые он сможет завоевать. Тогда, чтобы компенсировать провал первой попытки своего брата на Ньюфаундленде, он помог ему оснастить флотилию, предназначенную для тех же прибрежных районов. Эта вторая экспедиция не стала более удачной: буря разбросала корабли, и Хемфри Рэйли погиб. Не обескураженный таким мрачным результатом, Уолтер оснастил маленький флот и послал его разведать берега, о существовании которых он не без основания подозревал, лежащие между Ньюфаундлендом и Флоридой, открытой, как известно, испанцами. Английские моряки высадились в устье реки Роанока в большом заливе Албемарл, на еще совсем неизвестных берегах. Капитаны Армадас и Барлоу, посланные Рэйли, приняли во владение эти территории, которые после их возвращения Рэйли преподнес Елизавете под названием Виргиния, с намеком на прозвище, которое она сама себе дала — *Святая Дева западных островов*.

Эти территории, однако, не являются, как можно было бы подумать, современным штатом Виргиния. Они расположены на южных границах этого штата. Современная столица Северной Каролины, которой было дано имя Рэйли (Роли), должна находиться почти на месте расположения индейского поселения, названного капитанами Скикоак.

В награду за эти открытия королева посвятила Рэйли в рыцари и даровала ему *право на продажу вина* (!) во всем королевстве; эта концессия принесла ему значительный доход. Три другие экспедиции на Роанок, снаряженные на средства Рэйли, первой из которых командовал сэр Роберт Гринвиль, второй — сэр Ричард Гринвиль и третьей — Джон Райт, имели целью колонизовать Чесапикский залив (1586 — 1588) и поглотили огромные средства. Пока Рэйли как член парламента оказывал королеве неоценимые услуги, она стремилась увеличить его состояние или

по меньшей мере восполнить потраченное во имя высоких амбициозных целей. Так, он получил ценности, конфискованные у Бабингтона за участие в заговоре в пользу Марии Стюарт¹, к тому же специально для него была создана должность суперинтенданта оловянных рудников на Корнуолле², и его назначили сенешалем этого графства и капитаном гвардии.

На вершине своего благополучия Рэйли, терзаемый непреодолимой потребностью действовать, оснастил другую флотилию и отправился сражаться с испанцами, армада которых была только что уничтожена. Несмотря на приказы Елизаветы, которая, разрешив ему поднять якорь, снова призвала его, Уолтер сбежал, как простой корсар. Он прошел вдоль прибрежных районов, посещаемых обычно галионами из Мексики и Перу, встретил их, был счастлив захватить один из самых богатых «Мадре де Диос» и привел его в Лондон в 1592 году. Елизавета простила неповиновение, соизволила принять королевскую долю добычи и подарила Рэйли золотую цепь.

Но с такой властной и взбалмошной королевой никогда нельзя считать себя уверенным в завтрашнем дне. Внезапно благополучие королевского фаворита кончилось. Он был заточен в лондонский Тауэр³ и пробыл там два месяца. Ловкая лесть и влияние в высоких кругах помогли ему выйти. Уолтер Рэйли был помилован, но не сразу явился ко двору, куда хотел вернуться только пос-

¹ В данном случае автор не прав. Заговор, будто бы составленный для освобождения Марии Стюарт из заключения, был на самом деле организован елизаветинским министром полиции Уолсингемом для компрометации шотландской королевы, обвинения ее в измене и покушении на престол, что давало формальный повод казнить венценосную узницу. Во главе заговора был поставлен мелкопоместный дворянин Энтони Бабингтон (так что особых ценностей у этого ревностного католика не было). Заговор, естественно, не имел ни малейших шансов на успех и был в подходящее время раскрыт. Бабингтон и девять его сотоварищей после зверских мучений были казнены летом 1586 года, а полгода спустя их участь разделила и опальная шотландская королева, которую, правда, от физических мучений освободили.

² Корнуолл — здесь: полуостров на юго-западе Англии.

³ Тауэр — королевская крепость в Лондоне, выстроенная в XI веке. На протяжении своей средневековой истории часто служила государственной тюрьмой, куда заключали особо важных преступников.

ле блестящей акции, способной ослепить старую королеву. И тогда на память пришло богатство Эльдорадо. Если он сможет покорить эти территории, рассказы конкистадоров о которых рисовали картины, способные зажечь и менее тщеславных, то пошатнувшееся доверие к нему станет более прочным, чем раньше. Итак, в 1595 году Рэйли отправляется в надежде присоединить к английской короне этот ослепительный цветок. Первым пунктом был остров Тринидад из группы Малых Антильских островов, которым владели испанцы еще с начала открытия Нового Света. Он напал на эту островную жемчужину, овладел ею без особых трудов и оставил там небольшой английский гарнизон. Захватив в плен Антонио де Беррио, расспросил его о районе, где находилось Эльдорадо, узнал то, что обычно говорилось в то время, и решил направиться к Ориноко, дельта которой находилась прямо перед островом, который он только что окончательно подчинил английской короне, поскольку с тех пор Тринидад навсегда оставался английским. Благодаря переводчику, которого Рэйли привез из Англии, он смог переговорить с касиками, и все они подтвердили или почти подтвердили слова Антонио Беррио, не скрыв от него, однако, что завоевание этих таинственных мест будет сопровождаться страшными опасностями и лишениями.

Далекий от колебаний авантюрист решительно пустился наудачу. Поскольку его корабли не могли преодолеть бар¹ Ориноко, он посадил около ста пятидесяти человек в беспалубный баркас, погрузил туда оружие и провизию с расчетом только на один месяц. Ему казалось, что тридцати дней будет достаточно для завоевания. Получив на Тринидаде подтверждение имевшихся у него сведений и даже не дав себе труда вникнуть в них, Рэйли окончательно поверил в существование, во-первых, двух озер, во-вторых, в королевство инков, которое, как предполагалось, было расположено около истоков реки Эссекибо.

Преодолев реку Гуарапо² и равнины Чеймаса, Рэйли остановился в Марекито, где узнал от столетилетнего

¹ Бар — мель в устьях рек. (Примеч. перев.)

² Гуарапо — название многих венесуэльских местностей, речушек и деревушек.

индейца, что чужестранцы, конечно, приходили в Гвиану. Что касается страны Позолоченного Короля, то старик знал о ней не больше, чем все остальные, и приблизительно указал места в глубине континента. Несколько охлажденный таким началом, Рэйли, подгоняемый нехваткой продовольствия и страхом потерять свои экипажи от лихорадки, продолжил путешествие и вскоре столкнулся с непреодолимыми трудностями. Экспедиция была вынуждена остановиться у водопадов реки Карони, которая, как предполагалось, была кратчайшим путем к Маукрегуари и Маное, городам, расположенным на берегах озер Кассипа и Рупунуни, или Дорадо. Здесь англичане встретили великолепные леса с деревьями необычной толщины и высоты, роскошные луга, реки с чистой прозрачной водой, ветвящиеся бесконечными притоками, несущими во все стороны живительную влагу и плодородие, увидели великолепных птиц, стада ланей, которых не пугало присутствие человека, и даже нашли несколько минералов, содержащих желтые пластинки, — возможно, золото, а может быть, и медь.

И это было все. Теперь можно судить, каково было разочарование Рэйли, когда он понял, что Позолоченный Король, горы золота, города, застроенные дворцами, фонтаны с золотыми водоемами, ручные львы на золотых цепях, золотое солнце, поддерживаемое массивным серебряным алтарем, оказалось легендой, колоссальной мистификацией, на которую испанцы были большие мастера!

Сэр Уолтер Рэйли, как говорил один из его историков, придворный в полном смысле слова, не захотел подвергнуться унижению и признать по возвращении провал своей экспедиции и даже позволить считать себя жертвой мистификации. Итак, он решил пожертвовать истиной во имя своего честолюбия, и поскольку с давних пор знал о проекте колонизации Гвианы, то решил, что будет легче реализовать его, если не разрушать мираж Эльдорадо.

Вполне резонно подвергнуть сомнению большую часть сообщений Рэйли относительно результатов его путешествия. Решив уберечь экспедицию от насмешек, он, теряя голову, представил в своих описаниях жалкие хибарки Манои большими, роскошными, великолепными дворцами. Этот авантюрист сравнивал внутренние озера, о которых, впрочем, только слышал, с Каспийским морем, и не называл Маною иначе как царским и позолоченным городом.

Владыка этой великолепной земли превращался под его пером в императора Гвианы из племени инка, который воздвиг, по словам путешественника, дворцы, превосходящие роскошью великолепные резиденции своих перуанских предков. Наконец, Рэйли по возвращении не боялся повысить свой кредит лестью и пробуждением алчности, рассказывая королеве, как он показывал ее портрет этим варварам и те с криками восторга бросались на колени перед самой великой северной касикой, святой, которой повиновалось больше касиков и подданных, чем было деревьев в их лесах. Судите сами, с каким восторгом гордая государыня слушала этот пошлый вздор. В довершение Рэйли сочинил, что будто бы во время завоевания Перу «в главных храмах» нашли предсказание, что инка, потеряв однажды свою империю, получит ее обратно из рук англичан. Он убедил ее величество, что туземцы согласятся ежегодно платить Англии сумму в 300 000 фунтов стерлингов, если она соизволит разместить в городах империи гарнизоны численностью от трех до четырех тысяч человек для защиты местного населения. «Мне кажется, — сказал он между прочим, — что эта империя в Гвиане просто предназначена для английской короны».

Возможно, Рэйли преднамеренно связывал военную колонизацию этих восхитительно плодородных земель с разработкой золотых рудников, которые он, конечно, заметил или о существовании которых, вероятно, был извещен. Убеденный в значении этих земель, неутомимый искатель фортуны через некоторое время после своего возвращения в Англию отправляет в Гвиану две большие экспедиции, предназначенные для того, чтобы еще раз пробить ему дорогу к золоту. Первая была поручена Лоуренсу Кемису (1596) и вторая в том же году Томасу Мэшему. Эти исследователи произвели топографическую съемку американского побережья от Амазонки до Ориноко, отметили на своем маршруте устья пятидесяти двух рек и познакомились с различными народами, живущими на реке.

А тем временем Рэйли боролся с испанцами, участвовал в захвате Кадиса в качестве контр-адмирала (1596)¹ и

¹ Экспедицией командовал Роберт Деверё, второй граф Эссекс. Несмотря на то что на рейде Кадиса был разгромлен испанский флот, английские историки считают экспедицию в целом неудачной.

в морской экспедиции на Азорские острова, где он захватил остров Фаял. Его благополучие продержалось еще в течение шести лет, то есть до смерти Елизаветы, последовавшей в 1603 году.

По восшествии на престол короля Якова, очень непопулярного среди англичан, Рэйли тотчас примкнул к задиристой оппозиции, образованной английской аристократией; некоторые историки даже считают, что он лелеял надежду заменить правление сына Марии Стюарт аристократической республикой¹. Поскольку этот честолюбец умел наживать себе врагов, то от него постарались поскорее отделаться. За участие в заговоре он снова оказался в лондонском Тауэре. К тому же, следуя порядку вещей, достаточно рациональному с точки зрения придворной морали, фаворит нового монарха преследовал в лице Рэйли фаворита покойной государыни и страстно желал завладеть его имуществом, даже путем конфискации. Потом Рэйли обвинили в государственной измене как заговорщика против королевской персоны и привлекли к суду, члены которого состояли исключительно из его врагов. Король, фаворит, завистники — все имели слишком хороший шанс. Судебная комиссия, в отсутствие всякого, даже морального доказательства, осмелилась приговорить его к смертной казни после яростной обвинительной речи Эдуарда Коука, королевского прокурора, который, покрыв его оскорблениями, навлек позор на самого себя и на этот странный суд.

Как это часто происходит, ненавидимый до вынесения приговора, Рэйли, став жертвой несправедливости, вызвал к себе горячее сочувствие, когда стали известны гнусные подробности этого несправедливого процесса. Был даже такой поворот в его судьбе, когда король, не осмеливаясь отдать приказ об исполнении приговора, на двенадцать лет отправил несчастного в лондонский Тауэр. Это было

¹ Вновь автор приводит неверные сведения. Рэйли участвовал в заговоре, целью которого было возведение на престол Арабеллы Стюарт, за что и был приговорен к смертной казни. Однако приговор смягчили, хотя и не отменили формально, и Рэйли был заключен в Тауэр (где, кстати, написал объемистый фолиант — «Всемирную историю», изданную спустя 120 лет). Освободили его только после смерти претендентки на престол (1616 г.).

не помилованием, а только бесконечной отсрочкой, имевшей, как будет видно дальше, странные и скорбные последствия.

Несмотря на самое мощное вмешательство, двери старинной крепости не открывались для Рэйли, и только после переговоров он смог за 1500 фунтов стерлингов купить благосклонность нового фаворита Бекингема¹, вернувшего ему свободу. Едва покинув темницу, неутомимый искатель приключений решает посвятить все свои силы и остатки средств большому проекту колонизации вожделенного Эльдорадо. Он оснащает эскадру из двенадцати кораблей и поднимает паруса 18 марта 1617 года. Эта экспедиция стала для него роковой. Обеспокоенная с начала приготовлений Испания сделала при помощи своего посла в Лондоне Гондомара все, чтобы оказать давление на Якова I и заставить его отменить выданное им разрешение. Тот ограничился тем, что вписал в лицензию, выданную Рэйли, оговорку с запрещением нападать на какую-нибудь дружественную европейскую нацию. В то время Англия находилась в состоянии мира с Испанией, но только на Европейском континенте. Пошли слухи, что король затребовал себе план Рэйли и передал его Гондомару, предупредившему своих доверителей, которые смогли в надлежащий момент противопоставить значительные силы попыткам отважного моряка. Как бы то ни было, Рэйли высадился на берега Гвианы в середине декабря следующего года и, веря в свое полное право, поскольку он значительно раньше испанцев принял во владение эти территории, атаковал Санто-Томас, индейский поселок, захваченный и укрепленный испанцами, выбил их оттуда в кровавой битве, в которой потерял старшего сына Уолтера, и продолжил свое исследование. Успех не сопутствовал этой экспедиции. Рэйли заболел, войска взбунтовались, один из его помощников, Кемис, покончил жизнь самоубийством. Пришлось снова погрузиться на корабли.

Едва вернувшийся на Плимутский рейд, Рэйли был арестован по приказу короля и предстал перед личным

¹ Автор имеет в виду всемогущего фаворита короля Якова I Джорджа Вильерса (1592 — 1628), но во время, о котором идет речь, Вильерс еще только входил в фавор и носил весьма скромный титул виконта. Герцогом Бекингемским он стал только в 1623 году.

судом его величества как напавший на дружественную нацию. Гондомар открыто потребовал его голову. Нелегко было найти нарушение прав человека в этой экспедиции, предпринятой с целью изгнания испанцев, несправедливо обосновавшихся на территориях, открытых английскими путешественниками, и настолько было очевидно, что испанцы первыми нарушили права, что никто даже не подумал вынести ему новый приговор. И вытащили на свет старый, вынесенный четырнадцатью годами раньше, аннулированный по всем правилам предоставленной отсрочкой, а потом освобождением. Напрасно юристы приводили в качестве возражения, что Рэйли, назначенный королем главнокомандующим, то есть на должность, которая ему давала законные права в управлении будущей колонией, не мог выполнять свои функции, будучи приговоренным к смерти, поскольку такой приговор лишал его всех прав. Яков I, желая удовлетворить требования испанцев, оставался непреклонным. Рэйли понимал, что ему пришел конец, и ограничился тем, что меланхолично сказал: «Им кажется, что кровь одного человека сможет наладить торговлю».

Его последние моменты перед казнью свидетельствовали о твердости духа. «Когда я начал готовить узника к смерти, — говорит Трансон, бывший тогда настоятелем Вестминстерского аббатства, а позже епископом в Солсбери, — меня поразило, насколько мало его волновало это событие. Когда я сказал ему, то слуги Бога содрогнулись, он признался, что умирает с отвращением, но — слава Богу! — не боится смерти: “Лучше умереть так, чем от тропической лихорадки”, — добавил этот мужественный человек».

Двадцать девятого октября 1618 года в старом Вестминстерском дворце перед залом парламента Уолтер Рэйли был подведен судьями графства Мидлсекс к эшафоту, где его голова должна была упасть с плеч. Он проявил спокойствие и достоинство, поразившие всех присутствующих. На нем был камзол из коричневого атласа, жилет из черного шелка, расшитый серебром. Его прежняя элегантность, говорит один из биографов путешественника, проявлялась даже в строгости траурного костюма. Когда шериф, по обычаю, потребовал тишины, Рэйли обратился к публике: «Я хочу, чтобы меня услы-

шали, хотя говорю очень тихо; у меня возобновляющаяся на третьи сутки лихорадка, и как раз сегодня день и час наступления моей болезни; если я покажу некоторую слабость, то пусть она будет отнесена на счет моей болезни». Заметив лорда Арендела и лорда Дункастера у окна, он сказал, глядя на них: «Я благодарю Бога, что он позволил мне умереть не во мраке, но в присутствии почтенных людей. Я повышу голос, господа, чтобы быть услышанным вашими милостями». «Мы спустимся к эшафоту», — сказал Арендел. Действительно, Арендел, Дункастер и некоторые другие сеньоры окружили Рэйли. Он пожал им руки и продолжал говорить, опровергая многие из возведенных на него обвинений, а Арендел подтвердил справедливость сказанного. Потом приговоренный к смерти попросил прощения за свои ошибки, заявив присутствующим, что, без сомнения, его грехи были большими и многочисленными, но смерть будет только политическим удовлетворением, данным испанцам. «Я гордо прошел по жизни, — сказал он, — будучи последовательно, а часто одновременно, придворным, солдатом, капитаном, адмиралом, генералом и моряком, во всех сословиях, где изобилуют пороки...» И закончил словами: «Я прощаюсь с вами, примиренный с Богом». Потом, схватив топор, осмотрел его лезвие и произнес: «Лекарство острое, но оно лечит все болезни». Он дружески приветствовал палача, простил его и попросил нанести удар по сигналу быстро и точно.

Казалось, что сам палач был тронут поведением своего клиента. Когда голова упала, он показал ее людям, молчащим против обыкновения, и не сказал: «Боже, храни короля!»

Так умер Уолтер Рэйли, человек, полный возвышенных качеств, мужественный духом, обаятельный и образованный, который все смел, всего хотел, значивший, быть может, больше, а может, меньше, чем его репутация, и оставивший глубокий след в истории своего века, все признаки которого он собрал в себе и который великолепно олицетворял. Его жизнь была удивительнее всех приключенческих романов, и его дальние экспедиции, смелые предприятия, блестящие связи, которые он из них вынес, отводят ему выдающееся место среди самых достойных людей его эпохи.

Джон и Себастьян Кабот. — Гашпар Кортириал. — Жак Картье. Жан-Франсуа де Роберваль. — Шамплен. Монкальм

В 1493 году, через три года после первого путешествия Христофора Колумба, мысль о поиске прохода, ведущего в Индию и Китай (старое название Китая), часто посещала всех мореходов и возбуждала среди самых выдающихся благородное соперничество. Так, например, один венецианец, обосновавшийся в Англии, в Бристоле, и прозывавшийся Джованни Кабот или, у англичан, Джон Кабот¹, решил искать на севере проход, который Колумб пытался найти в тропиках. Космографическая теория говорила: чем выше поднимаешься к северу, тем более коротким будет расстояние по морю между Западной Европой и Восточной Азией.

Кабот настойчиво просил и легко получил у Генриха VII² для себя и своих сыновей разрешение отправиться на разведку от имени английского короля «во все земли, моря и заливы к западу, востоку и северу». Четыре корабля, оснащенные на средства бристольских купцов, вышли в 1497 году на запад. Держа курс на вест-норд-вест между 50-й и 60-й параллелями, экспедиция высадилась, как считают, 24 июня 1497 года на побережье Лабрадора у 56-го или 57° северной широты. Впрочем, об этом путешествии и о следующем сохранились очень неполные сведения из-за потери вахтенных журналов и карт, где мореплаватель отметил свои открытия.

Летом 1498 года Себастьян Кабот³, сын Джованни, который первое свое путешествие совершал вместе с отцом, предпринял второе, на свой собственный счет, добился значительных результатов и, главное, более точных. Зай-

¹ Кабот Джон (собственно говоря — Джованни Кабото; ок. 1450 — 1498) — итальянский мореплаватель, который в 1490 году переселился в Англию.

² Генрих VII (1457 — 1509, правил с 1485 г.) — английский король, основатель династии Тюдоров.

³ Кабот (Кабото) Себастьян (1474? — 1557) — сын Джованни; был на английской, а затем на испанской службе.

дя далеко на север, он, очевидно, поднялся до 67°37', то есть до северного конца Девисова пролива. Считается, хотя и без достаточных оснований, что Себастьян проник в Гудзонов залив. Взяв курс на юг, он открыл остров Ньюфаундленд, который назвал *Terra de Baccalaos*, то есть Земля Трески, и спустился к юго-западу вдоль берега до 35° северной широты, на 5° севернее Флориды. Хотя ни он, ни его отец не увидели входа в залив Святого Лаврентия, открытие восточных берегов Северной Америки тем не менее принадлежит им.

Через два года, то есть в 1500 году, португальский моряк Гашпар Кортириал¹ также решил отыскать дорогу в Восточную Азию, поднявшись к северу от земель, открытых Колумбом. Он отправился с двумя каравеллами, прошел до 60-й параллели, до оконечности побережья Лабрадора, уже виденного обоими Каботами, обследовал широкий вход, который не мог быть ничем иным, как Гудзоновым проливом, и назвал его пролив Аньян. Остановленный льдами исследователь вернулся в Лиссабон, совершив только часть намеченного. На следующий год он решил завершить свое исследование и с двумя кораблями покинул Португалию. Один вернулся в порт в конце года, а о другом, на котором находился сам Кортириал, больше никогда не было никаких известий. В мае 1502 года его брат Мигел отправился на поиски, но и он пропал. Потребовалось категорическое запрещение короля Мануэла, чтобы помешать отправиться третьему брату по имени Васкеанес...

Вести об открытиях Кабота и Кортириала широко распространились. Тотчас баскские, нормандские и бретонские моряки пересекли Атлантику и с 1504 года начали вести рыболовство на отмелях Ньюфаундленда и в заливе Святого Лаврентия. В 1506 году капитан Жан Дени из Онфлера составил карту прибрежных районов, посещаемых французскими рыбаками, и в 1507 дьепское судно «*La Pensee*» («Мысль»), принадлежащее Жану Анго, доставило на новые земли первую партию нормандских эмигрантов. Затем его сын, которого также звали

¹ Кортириал Гашпар (ок. 1450 — ок. 1502) — младший и самый известный из трех сыновей португальского мореплавателя Жуана Ваш Кортириала (ум. в 1496 г.).

Жан, знаменитый правитель Дьепа, самовольно захватил эту морскую дорогу и иногда встречал португальцев. Известно, но стоит тем не менее напомнить, что в ответ на ущерб, нанесенный одному из его экипажей португальцами, Жан Анго объявил войну королю Португалии, вооружил флот, посадил на корабли восемьсот человек и блокировал порт Лиссабон. Монарх, не из самых сильных, вынужден был послать к дьепскому судовладельцу послов для переговоров на равных о возмещении ущерба.

Так Франция прокладывала путь к новым землям в северо-западном направлении с первых лет XVI века. Этот век отмечен также попытками создать большие испанские колонии в Мексике и Перу. Франциск I¹, намекая на исключительные притязания португальцев и испанцев на Новый Свет, говорил шутя: «Я хотел бы видеть завещания нашего праотца Адама, который оставил им такое прекрасное наследство». В 1524 году король Франции предпринял, однако, еще одну попытку: он послал Джованни Верраццано², флорентийского капитана, служившего во Франции, с поручением произвести разведку в северо-западном направлении. Верраццано выдержал все превратности своей суровой и рискованной профессии. Ураганы, шквальные ветры, болезни, течения — все, кажется, объединяется, чтобы помешать успеху. В момент, когда капитан, согласно приказу Франциска I, только что принял во владение земли, прилегающие к большой реке, устье которой образовало один из самых красивых рейдов и портов мира, ураган выбросил его корабли в открытое море. Этой рекой был Гудзон; голландцы построили здесь Форт-Амстердам, который затем уступили англичанам.

¹ Франциск (Франсуа) I (1494 — 1547) — французский король с 1515 года.

² Верраццано Джованни — итальянский мореплаватель. Год его рождения точно не известен, но в ряде справочных изданий условно принимается 1485-й. Родился в семье, происходившей из Грeve-ин-Кьянти. В качестве места рождения принимаются Верраццано, Грeve или Флоренция. Известен также под латинизированным именем Янус Веррацамус и под офранцузженным — Жан Верразан. Кончил свои дни скорее всего в 1528 году.

Именно на месте Форт-Амстердама высится сейчас Нью-Йорк¹.

Верраццано, отброшенный на сто лье от берегов, возобновил попытки. Он смело продолжил обследование, разведал берега, лежащие севернее Флориды, видел реку Святого Лаврентия, впадающую в обширный залив, открытый Каботом и Кортириалом, и принял во владения от имени короля Франциска I прибрежные земли. К несчастью, другие, более тяжкие заботы отвратили французский двор от этой серии исследований, а катастрофа при Павии² полностью их прервала на несколько лет.

Неизвестно, чем закончил Верраццано³. Очевидно смертью, обычной для моряка, как его предшественник Кортириал и как, увы, множество других. Понадобилось десять лет, пока снова вспомнили об этих открытиях, и тогда возникла мысль попытаться извлечь из них что-нибудь. Инициатива принадлежала Филиппу де Шабо-Шарни⁴, великому французскому адмиралу и фавориту Франциска I. Хотя он и не был моряком по профессии — в ту эпоху это не имело значения, — Филипп де Шабо, из

¹ Основанное в начале XVII века голландское поселение носило название Ниуэ-Амстердам (Новый Амстердам). Когда в 1664 году англичане захватили эту колонию, город был переименован в Нью-Йорк в честь герцога Йоркского, королевского наместника в заокеанских владениях Англии.

² Близ североитальянского города Павия 25 февраля 1525 года французская армия была разгромлена соединенной испано-германской, причем французский король попал в плен. Находясь в заточении, Франциск I подписал унижительный мир: он полностью отказался от притязаний на Италию да к тому же отдал императору Карлу Бургундию.

³ Судьба Джованни Верраццано, или, как его называли испанцы, Хуана Форина (то есть Флорентийца), известна из книги Берналя Диаса. В 1527 году Верраццано с большой добычей возвращался из Америки. К востоку от Канарских островов ему повстречались испанские корабли; они окружили итальянца, наголову разбили и взяли в плен вместе со всеми оставшимися в живых французами. В Испании Верраццано был отдан под суд, приговорен по указанию императора Карла к смерти и в скором времени повешен.

⁴ Шабо-Шарни Филипп де (сеньор де Брион; 1480 — 1543) — друг детства Франциска I, адмирал Франции с 1526 года; в 1535 — 1538 и 1541 — 1543 годах — глава правительства.

вестный также под именем адмирала де Бриона, по названию имения, которым владела его семья, всерьез относился к своему титулу и успешно занялся делами навигации. У него возникла идея возродить план Верраццано. Король не возражал и предложил моряку из Сен-Мало Жаку Картье вернуться к делу флорентийского мореплавателя.

ЖАК КАРТЬЕ

В эту эпоху Жаку Картье, имя которого приобрело большую известность, было сорок лет¹. Настоящий бретеонец, коренастый, крепкий, энергичный, скромный, обладающий мощной волей, характерной для людей его породы, при этом любитель приключений, как все моряки того времени, горел желанием отличиться открытием, прославившим бы его и принесшим пользу его стране.

Картье отправился из Сен-Мало 20 апреля 1534 года с двумя судами, водоизмещением по шестьдесят тонн каждое, и со ста двадцатью членами экипажа. Через двадцать дней плавания он достиг западного побережья острова Ньюфаундленд, потом повернул на север и вошел в пролив Белл-Айл², принял во владение южное побережье Лабрадора, установив крест около бухты Рошез (Скалистая). Затем Картье направился к югу и вдоль побережья острова Ньюфаундленд до пролива, расположенного между мысом Рей и Кейп-Бретоном³, где на него обрушились встречные ветры, отбросившие корабли к островам Мадлен⁴. Посетив эти острова, он взял направление на запад, высадился в самом устье реки Мирамиши

¹ В настоящее время считается, что Жак Картье родился около 1491 года.

² Картье назвал пролив Бель-Иль — по острову у северного входа в него; французское название переводится как «Прекрасный остров», что никак не вяжется с угрюмым и необитаемым осколком суши; после перехода островка во владение англичан его название (как и название пролива) читается по нормам английского языка.

³ Этот пролив теперь носит имя Кабота; мыс Рей — юго-западная оконечность Ньюфаундленда; Кейп-Бретон — остров у северо-западного побережья Американского материка (речь должна идти о северной оконечности этого острова — мысе Норт).

⁴ Мадлен — французское название архипелага Магдален в юго-восточной части залива Святого Лаврентия.

и обследовал залив Шалёр¹, названный так из-за чрезвычайной жары, от которой страдал экипаж. Исследователь остался здесь на несколько дней и познакомился с коренными жителями, которых нашел очень дружелюбными по отношению к белым и гостеприимными. Они дали ему за несколько безделушек меха изумительной красоты. Затем он отправился в бухту Гаспе², которую принял за устье большой реки, и продолжил добрые отношения с дикарями, настолько сердечными, что один из вождей доверил ему отвезти во Францию двоих его сыновей. Обольщение произошло очень просто и быстро. Картье пригласил на борт вождя и двух молодых людей, и, пока отцу показывали кое-какие железные предметы, бретонец приказал надеть на каждого из сыновей по рубашке, цветному платку и красной шапочке, а также повесил на шею каждому по латунной цепочке, которые им очень понравились. Потом всем троим вручили рукавицы и несколько ножей, что их очень обрадовало.

Путешественники водрузили на берегу бухты Гаспе новый деревянный крест со щитом, украшенным гербом Франции, поднялись по рукавам реки Святого Лаврентия, не сомневаясь, что открыли одну из самых больших рек района. Раздосадованные сильнейшими ветрами, дувшими в направлении острова Антикости³, они решили вскоре вернуться во Францию. 5 сентября 1534 года экспедиция пришла в Сен-Мало после шестимесячного отсутствия.

Это первое путешествие принесло слишком хорошие результаты, чтобы не пробудить у Франциска I желание продолжить исследования. Он предоставил Жаку Картье три корабля королевского морского флота: «Большой горноста́й» («Ла Гранд эрмин») водоизмещением сто двадцать тонн, «Малый горноста́й» («Ла Птит эрмин») водоизмещением сорок тонн и «Кобчик» («Эмерийон») водоизмещением пятьдесят тонн. Король пожаловал ему

¹ Ш а л ё р (*фр.* chaleur) — жара.

² Г а с п е — бухта (на некоторых картах — залив) на востоке одноименного полуострова, омываемого с севера рекой Святого Лаврентия и проливом Гаспе, с востока — водами залива Святого Лаврентия, с юга — залива Шалер.

³ То есть ветрами юго-западных румбов, так как остров Антикости расположен в северной части залива Святого Лаврентия.

также вместе с должностью командира эскадры из трех кораблей должности королевского капитана и лоцмана.

Картье снялся с якоря в Троицын день 19 мая 1535 года. На борту его маленькой эскадры находились несколько дворян из королевского дома, пожелавших разделить с ним приключения и опасности. Переход оказался очень тяжелым из-за порывов ветра, набросившихся на корабли и раскидавших их. Они воссоединились только в конце путешествия при встрече, назначенной Картье своим спутникам в бухте Блан-Саблон¹ в проливе Белл-Айл. Этот переход, значительно более длинный, чем первый, длился до 25 июля. 31 июля он подошел к проливу, отделявшему континент от острова Антикости², и продолжил свою исследовательскую работу, медленно продвигаясь между островов, бухт, мысов, терпеливо и как можно более точно отмечая их положение. Картье объявил владением Франции гавань Сен-Никола, установив там крест, и пробыл там до 7 августа. 10 августа он открыл широкий лиман, которому дал название Святого Лаврентия в честь мученика, память которого отмечается в этот день, тщательно осмотрел бухту и заметил к юго-западу высокий мыс. Два индейца, не покидавшие его с первого путешествия, сообщили, что мыс принадлежит острову, расположенному между берегом залива Святого Лаврентия и страной Огедо. Исследователь осмотрел остров и дал ему имя Ассомпсьон (Успение) — календарь играл важную роль в наименованиях³, — потом поднялся по реке Святого Лаврентия, называемой туземцами Ошлага. 1 сентября экспедиция достигла реки Сагеней.

Четырнадцатого числа того же месяца Картье обследовал устье реки, расположенной в районе нынешнего Квебека, и дал ей название Сент-Круа⁴. Поднявшись по реке на «Эмерийоне», корабле самой малой тоннажности, экспедиция достигла селения Стадакона, называемого

¹ Видимо, речь идет о бухте Бладор у южного выхода из пролива Белл-Айл.

² Теперь это пролив Жак-Картье.

³ Речь идет о церковном празднике в память Успения Божьей Матери, приходящемся на 15 августа.

⁴ Святого Креста (*фр.*). 14 сентября христианская церковь отмечает праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня.

жителями Канада, то есть Город¹. Картье описал это место с краткостью моряка, прославляя не имеющих себе равных красоту и плодородность. Благодаря двум своим индейцам, которые достаточно хорошо выучили французский, чтобы служить ему переводчиками, путешественник завязал отношения с жителями страны, оказавшими ему сердечный прием. Вождь по имени Доннакона прибыл на борт «Большого горноста», угостился вином и бисквитами и долго разговаривал с капитаном, пока женщины племени предавались в воде сумасшедшей сарабанде и пели во все горло, чтобы порадовать моряков.

Жак Картье заключил с этими индейцами союз, извещение о чем было принято новыми союзниками с гримами и страшным ревом одобрения. Уверенный, насколько это возможно, в благодушном расположении, высказанном так шумно, он провел до Стадаконы «Гранд эрмин» и «Птит эрмин», устроил их там как можно удобнее и попытался подняться по реке Ошлага (Святого Лаврентия) еще дальше на одном «Эмерийоне».

Его новые друзья индейцы без особой радости приняли такое решение и постарались отговорить от него всевозможными зловещими пророчествами, особенно угрозой разгневать бога Кудуани, который, конечно, погубит французов, засыпав их кусками льда и снега. Жак, обзвав Кудуани дурнем, отплыл. Он продолжал путь к верховью реки и обнаружил прекрасные плодородные страны. К тому же, что очень важно, жители прибрежных районов оказали путешественнику наилучший прием и с радостью вступили с ним в переговоры.

Через девять дней самого счастливого и приятного плавания Картье вошел 28 сентября в большое озеро, образованное разлившейся рекой и имеющее двенадцать лье в длину и шесть в ширину². Он назвал его Ангулемским (сейчас озеро Сен-Пьер). Вскоре плавание осложнилось из-за многочисленных притоков, создававших в реке все более труднопреодолимые течения. Картье лишь 2 октяб-

¹ Географическое название «Канада» происходит от слова «каната», что на языке индейцев ирокезов означает «поселение». Буссенар ошибается в положении Стадаконы: она располагалась на юго-востоке современной территории города Квебека.

² То есть 48 x 24 км.

ря достиг индейского селения Ошлага, расположенного в сорока пяти лье от Ангулемского озера. По рассказу капитана Малуина, экспедиция прибыла в этот поселок, расположенный примерно в шести милях от берега, по хорошей, с оживленным движением дороге, какую не всегда встретишь во Франции. И это правда, поскольку в то время дороги Франции представляли собой весьма опасное место. Сам поселок находился в середине равнины, поросшей огромными дубами, около плодородного и возделанного холма, названного Жаком Картье Мон-Руаяль. В дальнейшем здесь будут построены дома, а на месте маленького селения Ошлага вырастет город Мон-Руаяль, который потом станет Монреалем, центром одной из самых процветающих провинций Канады¹.

Отчет о путешествии Картье, сдержанный, лаконичный, изобилующий фактами, выглядит порою очень наивным. Путешественник иногда доходит даже до того, что серьезно верит в некоторые экстравагантные утверждения местных жителей, против которых не восстают ни его разум, ни здравый смысл. Вот что он рассказывает по поводу одного заинтриговавшего его предмета туалета:

«Украшением, которое индейцы считают самым ценным, является вещество, называемое иссаргай; оно белое как снег, и его добывают следующим образом: когда одного из индейцев приговаривают к смерти за какое-то преступление или захватывают военнопленного, то, убив жертву, проделывают глубокие отверстия в боках, плечах и бедрах трупа, который затем опускают на дно реки в определенных местах. Тело остается там в течение десяти или двенадцати дней, потом его вынимают, и к этому времени в ранах уже образуется иссаргай. Из этого вещества индейцы делают нечто вроде четок, которые носят вокруг шеи, как мы наши золотые и серебряные цепочки, и считают эти украшения самыми ценными из своих богатств».

¹ Название Мон-Руаяль (Королевская гора) возвышенность получила за великолепный, воистину царский («королевский» — в символике европейцев) вид, открывавшийся с ее вершины. Под горкой располагался поселок ирокезов Осераке («У бобровой плотины»). Город был основан в 1642 году и получил название по окрещенному Ж. Картье холму, причем произошло небольшое фонетическое изменение старого топонима.

В действительности иссаргай не что иное, как жировой воск, производство которого налажено в Англии полвека тому назад. Картье ошибочно считает, что это вещество, покоящееся в глубине воды, выделяется из нее, чтобы прикрепиться к трупам. На самом деле оно образуется за счет подводного разложения ткани животного происхождения, приводящего к ее медленному омылению.

Капитан дал также очень наивное и очень интересное описание табака и способа его употребления коренными жителями Канады.

«Индейцы, — пишет он, — каждое лето высушивают на солнце некую траву, которой пользуются только мужчины. Некоторое ее количество они носят на шее в маленьких мешочках, где лежат также кусок камня и деревянный предмет, очень напоминающий свисток, — курительная трубка. Траву растирают в порошок, насыпают в один конец трубки, сверху кладут горящий уголек и вдыхают дым, заполняя им тело до такой степени, чтобы тот вышел изо рта и ноздрей, как из печной трубы. Они утверждают, что это полезно для здоровья; мы попытались сделать как они, но дым, попадая в рот, обжигал, как перец...»

С ноября до марта Жак Картье зимовал в устье реки Сент-Круа¹ перед индейской деревней Стадакона. Его люди жестоко страдали от морозов, о суровости которых никто не подозревал. Корабли застыли во льдах многосаженной толщины, и снега навалило на палубы высотой более четырех футов; все жидкости замерзли. В довершение неизвестная им болезнь цинга поразила всех, пощадив только троих. Умерли двадцать пять человек, их закопали прямо в снег, поскольку у живых не было сил долбить промерзшую землю, ставшую твердой и плотной, как гранит. На помощь пришли индейцы, показав им дерево, называемое «амеда», из его сухих листьев путешественники приготовили питье, которое достаточно быстро вылечило их.

Постепенно лед растаял, корабли освободились, и Жак Картье стал подумывать о возвращении. Но когда он начал заниматься оснасткой судов, оказалось, что теперь ему не хватает людей, чтобы обслуживать три корабля. Капитан

¹ Позже эта река получила название Сент-Чарлз.

решает оставить «Малого горностаю» и вернуться во Францию с «Большим горностаем» и «Кобчиком». Между прочим, через триста лет, в 1848 году, в заросшем тиной русле «Птит эрмин», или, скорее, ее останки, нашли, перевезли во Францию и поместили в музей Сен-Мало.

«Большой горностаю» и «Кобчик» отправились в плавание 6 мая 1536 года, после того как Жак Картье торжественно от имени Франциска I принял эту землю во владение и водрузил крест с гербом Франции и надписью «*Franciscus Primus, Dei gratia Francorum rex, regnat*»¹. 16 июля флотилия прибыла в Сен-Мало.

Король оказал Жаку Картье прекрасный прием. Но страдания, перенесенные членами экспедиции, и огромное количество смертей, казалось, совсем не воодушевляли на новые подвиги. Вообще эти земли были значительно менее привлекательны по сравнению со странами с благоприятным климатом, открытыми португальцами и испанцами; но главным пороком в глазах колонизаторов той эпохи было то, что там не нашли золота. Итак, король не выказал особого интереса к своему новому владению — первой территории за пределами Франции — и, казалось, решил предоставить последующие попытки частной инициативе.

Впрочем, она не заставила себя ждать. Пикардийский² дворянин Жан Франсуа де Ла Рок, сеньор Роберваль³, воодушевился открытиями Картье и собрался сделать их более полными, а потом использовать. Настоятельными просьбами он добился от короля привилегии на колонизацию Канады, которую и получил 15 января 1540 года. Пять кораблей общим водоизмещением четыреста тонн были оснащены и поступили под командование Роберваля

¹ «Франциск Первый, Божьей милостью король Франции, (здесь) правит» (лат.).

² Пикардийский — то есть уроженец Пикардии, исторической провинции на севере Франции.

³ Роберваль (Жан Франсуа де Ла Рок, сеньор де Роберваль; ок. 1500 — ок. 1560) — французский колонизатор. В январе 1541 года он был назначен королевским наместником (по другим данным — вице-королем) в Канаду, где должен был основать колонию; отплыл из Ла-Рошели в апреле 1542 года (на трех судах, взявших с собой около 200 человек); в Новом Свете Роберваля поджидали неудачи: жестокая зима 1542 года, цинга, голод; в 1543 году вместе с пережившими эти суровые лишения участниками экспедиции вернулся во Францию.

и Жака Картье. Роберваль получил титул вице-короля и королевского наместника новых территорий с теми же правами и полномочиями, что и сам король. Картье, казалось, возвращался в Канаду без всякого энтузиазма в прежнем звании главнокомандующего и главного лоцмана королевского флота.

Эскадра снялась с якоря 23 мая 1541 года и 23 августа без происшествий вошла в устье реки Сент-Круа. Обследовав соседний берег, Картье открыл великолепную якорную стоянку в устье реки Ред-Ривер¹ и привел туда три из пяти своих кораблей. Два других разгрузились и вернулись во Францию под командованием Роберваля, чтобы доставить новую группу эмигрантов, состоящую из заключенных, «неповинных, однако, в ереси и оскорблении величия божественного или человеческого».

Картье, оставшись один, посетил вторично Ошлагу, чтобы подробно изучить навигацию по этой реке, потом вернулся на свою стоянку, где достаточно скучно провел зиму. К концу мая 1542 года, не получая никаких вестей от Роберваля и видя, что припасы кончаются, а кроме того, опасаясь все более угрожающего поведения местных жителей, Жак Картье решается вернуться во Францию.

Против всякого ожидания он, сделав 8 июня остановку на Ньюфаундленде, встретил Роберваля, вернувшегося из Франции 16 апреля с тремя кораблями и двумя сотнями поселенцев. Роберваль разразился упреками, обвинив командора в том, что тот оставил свой пост, и приказал ему королевской властью, которую он представлял, вернуться в Канаду. Картье угрюмо повиновался, потом, немного озабоченный зависимостью от властного человека, с которым к тому же он никогда не мог поладить, сбежал ночью со своими кораблями и вернулся в Сен-Мало.

Он удалился в небольшой городок Лимолло около Сен-Мало и жил уединенно в своем маленьком помещицком доме до смерти, последовавшей в 1554 году, не предпринимая больше никаких новых попыток странствовать по свету.

Брошенный своим командором, разъяренный неудачей, Роберваль продолжил путь и высадился на северной око-

¹ В историко-географической литературе говорят о зимовке у Красного мыса (Ред-Ривер переводится как «Красная река»).

нечности Ньюфаундленда на пустынном острове с мрачным названием Остров Демонов¹. Неограниченный властелин, тиранивший не только подчиненных, но и членов своей семьи, совершил возмутительный акт насилия над двумя несчастными женщинами, которых он подло бросил.

Страстно влюбленный в свою племянницу Маргерит де Роберваль, он принудил девушку сопровождать его в Америку, чтобы не расставаться с ней. Но Маргерит, стремясь избавиться от его назойливых преследований, перед своим отплытием из Франции вступила в тайный брак с одним дворянином. Тот, поскольку Роберваль не был с ним знаком, в качестве поселенца проник на борт корабля, увозившего Маргерит и ее гувернантку.

Во время плавания Роберваль заметил, что его обвели вокруг пальца, и рассвирепел. Подлый и жестокий, он своей властью приказал высадить несчастную женщину и ее старую гувернантку на необитаемом острове, и оставил их там без каких-либо припасов.

Они питались яйцами, моллюсками, кореньями. Кое-как укрываясь от непогоды, мучились безнадежностью — их состояние можно легко себе представить. Через несколько месяцев мучимый тревогой муж Маргерит присоединился к ним неизвестно при каких обстоятельствах, очевидно, на рыбацкой лодке или на построенном им самим суденышке, неспособном принять несчастных узниц, поскольку все трое продолжали жить на проклятом острове. Мужчина привез с собой аркебузы, кое-какие припасы, предметы первой необходимости.

После этого единственного лучика счастья, увы, слишком эфемерного, страшная судьба обрушилась на Маргерит с жестокостью, испытывать которую, кажется, Богом назначено некоторым его созданиям, отмеченным злой судьбой.

Через некоторое время после прибытия супруга у Маргерит родился ребенок. Малыш умер от истощения, несмотря на слезы и заботы матери. За ним последовал супруг. Оставшись одна с гувернанткой, несчастная женщина раковинами выкопала могилу и похоронила своими

¹ Остров Демонов — из архипелага Священных островов (Сейкред-Айленд) у северного побережья острова Ньюфаундленд.

руками верного спутника. Но непреклонная судьба еще не была удовлетворена. Настала очередь гувернантки, и Маргерит отныне осталась одна на проклятом острове!

Таким образом, в одиночестве она провела два года и пять месяцев!.. В сто раз более несчастная, чем Селькирк на острове Хуан-Фернандес, поскольку Селькирк был мужчиной, крепким и искусным, как всякий моряк. Он не видел, как на его глазах умирали существа, которых он любил больше всего на свете, он не растрачивал свою жизнь между тремя могилами, единственным, что населяло этот лоскуток земли... Вопреки всем предположениям, Маргерит пережила все несчастья. Однажды огонь, который она зажигала на берегу как знак беды, был замечен рыбаками, ловившими треску, они выбрали ее и доставили в Европу. Что касается мерзкого автора этого преступления, то он спокойно продолжал свой путь к реке Святого Лаврентия, поднялся по ней до Красного мыса и тщетно пытался колонизовать земли возле него. Деспотизм, на службу которому он охотно поставил кнут и позорный столб, оттолкнул от него всех жителей зарождающейся колонии, вплоть до индейцев, так дружески расположенных вначале. Он вернулся во Францию и умер, как говорят, в 1542 году во время своего последнего путешествия в Канаду.

ШАМПЛЕН

Королевская власть почти полностью утратила интерес к Ньюфаундленду и Канаде во второй половине XVI века. И только в 1598 году месье де Ла Рош, бретонский дворянин, получил от Генриха IV поручение продолжить открытия Жака Картье и некоего Альфонса, лоцмана Роберваля, первым прошедшего в реку Сагений.

Но эта миссия, принятая на себя месье де Ла Рошем, не была исключительной, поскольку почти в то же время командор де Шастес также получил задание исследовать те же районы, что, впрочем, не могло вызвать недоразумений, учитывая размеры территории.

Эти земли, омываемые с севера рекой Святого Лаврентия, не были богаты ни золотом, ни драгоценными камнями, но оттуда поступали прекрасные меха, и это стало достаточно серьезной причиной для освоения Кана-

ды. Кроме того, Франция, представленная там небольшим количеством своих сограждан, собранных неведь откуда, привлекла к себе симпатии аборигенов. Туземцы, обычно враждебно относившиеся к европейцам, завязали близкие отношения с нашими соотечественниками, веселость, задор, постоянно хорошее настроение которых покорили их. В общем мы крепко стояли на ногах в этой стране, и поэтому Генрих IV без колебаний решил извлечь пользу из ее богатств.

Месье де Шастес доверил командование экспедицией Самюэлю Шамплёну¹, дворянину из Сентонжа², морскому офицеру, родившемуся в Бруаже в 1570 году, человеку энергичному и очень одаренному. Экспедиция погрузилась в Онфлере³ и прибыла 24 мая 1603 года в гавань Тадуссак, расположенную на реке Святого Лаврентия в восьмидесяти лье от ее слияния с Сагенией⁴. Здесь корабли оставили и поднялись по реке на маленькой лодке до водопада Сен-Луи⁵, где Жак Картье останавливался во время своего последнего путешествия. Экспедиция проникла затем внутрь индейских земель, и Шамплён составил карту маршрута, которую отправил во Францию с блестящим отчетом⁶.

Когда срок исключительного права командора де Шастеса истек, лицензию вместе с титулами вице-адмирала и королевского наместника в Акадии⁷ и всеми

¹ Шамплён Самюэль де — род. между 1567 и 1570 г., ум. в 1635 г.

² Сентонж — область во Франции на побережье Бискайского залива.

³ Онфлёр — маленький порт в устье Сены, расположенный на левом берегу реки, напротив города Гавра.

⁴ Очевидное недоразумение: Тадуссак расположен возле места впадения Сагенией в реку Святого Лаврентия.

⁵ Видимо, речь идет о порогах Лашин.

⁶ Вернувшись 20 сентября 1603 года во Францию, Шамплён опубликовал брошюру о своем путешествии, в которой настаивал на необходимости колонизации Канады. В марте 1604 года он отправился в очередную экспедицию в Новый Свет, сопровождая кальвиниста Гюа де Монга, назначенного королем наместником в Новую Францию.

⁷ Акадия (или Аркадия) — название, данное в 1524 году Дж. Верраццано части территории Восточной Канады. Позднее оно распространилось на приатлантический район — современные провин-

полномочиями вершить мир и начинать войну, а также заниматься торговлей пушниной в Америке, получил другой дворянин, местье Гюа де Монт, как и Шамплен, родом из Сантонжа. Шамплен отправился в Новый Свет вместе с де Монтом и пробыл здесь три года.

Вернувшись во Францию в 1607 году, Шамплен пробыл там всего шесть месяцев и отправился в третье путешествие в должности «географа и капитана королевского флота». Эта третья экспедиция была значительно более важная. Поднимаясь по реке Святого Лаврентия с намерением основать постоянное поселение в Канаде, он выбрал точку, расположенную примерно в ста тридцати лье от устья реки, где берега внезапно сужаются. Здесь Шамплен заложил Квебек; название города на языке туземцев означает «ущелье» или «сужение реки». На следующий год путешественник проводил исследования вдоль реки Святого Лаврентия; он поддержал алгонкинов¹ в их борьбе против ирокезов и, обеспечив победу своим союзникам, дал свое имя озеру, на берегах которого произошло сражение. Потом он спустился по реке, связывающей это озеро с рекой Святого Лаврентия, позже ее называли Ришелье, и отправился в Квебек, а оттуда во Францию.

Неутомимый Шамплен вернулся в 1610 году в свою дорожную, ставшую неотъемлемой частью его судьбы Канаду, для процветания которой благородный француз не щадил своих сил и делал все, что мог. В том же 1610 году он снова разбил ирокезов в устье реки, которая теперь носит его имя². Стремясь не уступить англичанам, исследующим Гудзон, он также решил разведать путь в Китай через север Америки. Но вскоре необходимость заняться неотложными делами, которых всегда хватало в еще не окрепшей колонии, заставила его вернуться во Францию, чтобы набрать новых рабочих. В 1615 году он привез мо-

ции Нью-Брансуик, Новую Шотландию, острова Принца Эдуарда и Ньюфаундленд.

¹ Алгонкины — группа индейских племен Северо-Восточной Америки, объединяемых родственностью языков; большая часть этих племен истреблена в ходе европейской колонизации.

² Река Шамплен позднее стала называться Ришелье; правый приток реки Святого Лаврентия, вытекающий из озера Шамплейн (озеро названо в честь Самюэля Шамплена; его современное название — американизированный вариант фамилии французского исследователя).

нахов ордена реколлетов¹, которые помогли распространению христианской веры в Новой Франции. Потом, вернувшись к своему проекту проложить путь в Китай, неутомимый француз поднялся по Оттаве и, продвигаясь то на лодке, то пешком по суше, достиг озера Гурон, прошел вдоль его южных пляжей, потом направился равнинами к Онтарио и пересек его. Вернувшись после этого длительного и плодотворного путешествия, Шамплен снова сразился с ирокезами, теперь уже помогая гуроном², провел зиму среди алгонкинов, язык и нравы которых хорошо изучил, покинул их в 1616 году и вернулся в Европу в 1617 году.

Пробыв около трех лет во Франции, он в пятый раз возвращается в Канаду, на этот раз в качестве помощника маршала Монморанси³, назначенного вице-адмиралом Новой Франции. Для него это было почти всемогущество, поскольку маршал вовсе не был обременительным начальником, и Шамплен имел всю полноту власти и умело пользовался ею в интересах колонии. Но, несмотря на все его усилия, ситуация всегда оставалась шаткой, настолько слабо правительство поддерживало свое американское владение. Поэтому Шамплен вынужден был вернуться в 1624 году в шестой раз во Францию лично просить помощи. Наконец он добился того, чего просил так долго, спешно вернулся в Канаду и занялся более активно укреплением Квебека. Казалось, генерал предчувствовал гибель, грозившую его дорогому городу. События в самом деле не заставили себя ждать, доказав, как своевременна была эта спешка.

¹ Орден реколлетов — ветвь ордена францисканцев, возникшая в XV веке в Испании; позднее часть этих монахов переселилась во Францию, где они сначала были поселены в исправительных домах (*фр.* maisons de recollection), откуда и возникло латинское название монахов-переселенцев: *recollectus*, что можно перевести как «исправленный».

² Гуроны — индейцы виандоты, близкие по языку ирокезам, но враждовавшие с ними; французы полупрезрительно называли их *hurons* — от *hure*, то есть «кабанья голова».

³ Монморанси. — Видимо, речь идет о Генрихе II, герцоге Монморанси (1595 — 1632), адмирале Франции (с 1612 г.), однако маршалом Франции он стал только в 1630 году. Пост генерал-губернатора занял в 1619 году.

Когда в 1627 году Англия объявила войну Франции, шесть военных кораблей под командованием ничтожества и предателя по имени Девид Керк из Дьепа, перешедшего на сторону англичан, пришли, чтобы захватить Квебек. Хотя в молодом городе сосредоточились не более двух сотен человек, Шамплен дал перебежчику такой мощный отпор, что тот, испугавшись, отошел. Он начал блокаду города, но смог сломить его защитников только голодом¹.

После договора, подписанного в Сен-Жермен-ан-Лай (1630), Франция вернула себе Канаду, и Шамплен был послан туда в 1633 году в качестве генерал-губернатора. С этого времени страна начинает быстро развиваться. Именно смелости Шамплена, его авторитетному управлению и упорству обязана Франция прочностью своего положения в новой колонии. Он быстро превратил скромный поселок в цветущий город Квебек, чему, впрочем, крепко помогли индейцы, полюбившие честного француза, который умел так благотворно влиять на них. Во время короткого господства англичан эти отважные туземцы все ушли, не желая иметь никаких отношений с новыми хозяевами, и когда мир вернул сюда французов, вслед за ними пришли индейцы, чтобы снова завязать прерванные связи.

Окруженный всеобщим уважением и почтением, Шамплен, которого следует считать истинным основателем колонии, умер в Квебеке в возрасте шестидесяти пяти лет².

МОНКАЛЬМ³

Наряду с героем, основавшим нашу колонию, вспомним и о герое, погибшем, ее защищая, о Монкальме.

Хотя маркиз де Монкальм не был путешественником, необходимо посвятить ему несколько строк. Любопытный француз должен с уважением отнестись к этому человеку, который поклялся защищать эту часть французской земли до самой смерти и сдержал слово.

¹ Договор в Сен-Жермен-ан-Лай от 29 марта 1632 года.

² Шамплен умер 25 декабря 1635 года.

³ Монкальм — Луи-Жозеф маркиз де Монкальм де Сен-Веран (1712 — 1759).

В 1713 году Утрехтский договор положил конец войне за испанское наследство, отобрав в пользу Англии большую часть Акадии, Ньюфаундленд и наши владения в Гудзоновом заливе. Однако то, что нам осталось, то есть Канада во всей ее целостности, находилось в процветающем состоянии. Новая Франция в 1722 году была разделена на тридцать четыре прихода к югу от реки и на сорок восемь — к северу от нее; кроме того, общая перепись населения дала цифру 27 000 французов, из которых 7000 в Квебеке и 3000 в Монреале.

Процветание длилось более тридцати лет до начала Семилетней войны¹. Но наше положение, хотя и не из самых лучших, было все-таки не хуже, чем у англичан, исконного врага, злобно окружавшего нас со всех сторон. Когда в Европе Франции угрожала коалиция, в Канаде противостоял противник, в двадцать раз превышающий численностью ее население и стремящийся любой ценой обогатиться на нашем разорении.

Министр д'Аржансон² понимал, что при исключительных обстоятельствах нужен и исключительный правитель, и он послал на защиту Канады человека, о героизме и гении которого ему было хорошо известно, — маркиза Луи де Монкальма де Сен-Верана. Несгибаемому воину, выдающемуся тактику, неоднократно отличившемуся на полях брани, получившему почетные раны во многих схватках, Монкальму к этому времени исполнилось сорок четыре года. Все, что деятельность, ум, храбрость, энергия, самоотречение, героизм могут испытать в обстановке полнейшей безнадежности, испытал Монкальм. В течение целых трех лет, почти не имея помощи от бессовестных администраторов, пошлых слуг гнусной фаворитки³, почти без денег, во главе только горстки сильных людей, со-

¹ На Американском континенте вооруженные столкновения начались еще в 1755 году, до официального объявления войны.

² Видимо, речь идет об Антуане-Рене де Вуайе, маркизе де Пальми и д'Аржансон (1722 — 1787), французском государственном деятеле и дипломате; в 1757 — 1758 годах он был госсекретарем по военным делам, наследовав этот пост после отставки своего дяди Рене-Луи де Вуайе, маркиза д'Аржансон (1694 — 1757).

³ Речь идет о маркизе Помпадур, или Жанне-Антуанетте Пуассон, маркизе де Помпадур (1721 — 1764), фаворитке Людовика XV в 1745 — 1757 годах.

стоящей из индейцев и колонистов, французский генерал сумел держать оборону, совершая иногда с большим успехом смелые вылазки. Будучи мишенью для клеветы, вероломства внутренних врагов, открыто заискивавших перед англичанами, вынужденный быть ко всему готовым, все предусматривать, расстраивать планы противника, он был велик!

Несмотря на победы, имевшие большое значение, Монкальм не смог в 1759 году помешать англичанам плотным кольцом блокировать Квебек. Ко всем бедствиям войны добавился голод. Было почти невозможно прокормить население города. Недоставало хлеба и муки. Метрополия танцевала на балах у Помпадур и ничего не присылала. У Монкальма было около 5000 человек регулярных войск, испытанных, храбрых, но ослабленных трехлетней войной. Он мог прибавить к ним 8000 индейцев и около 5000 колонистов, всего 13 000 человек, среди которых восьмидесятилетние старики и двенадцатилетние дети. Англичане же имели возможность выставить войско из 40 000 свежих воинов¹, хорошо накормленных, хорошо экипированных и имеющих мощную поддержку.

Тринадцатого сентября 1759 года, через два месяца осады, Монкальма, лишенного всего, охватило отчаяние. Произошла жестокая битва, французский генерал был смертельно ранен одновременно с вражеским командующим — генералом Вулфом².

— Сколько я еще проживу? — спросил он у хирурга, осматривавшего его раны.

— Всего несколько часов, мой генерал.

— Тем лучше. Я не увижу англичан в Квебеке.

Потом он добавил, тихо вытянувшись на кровати:

— Тяжек был день солдата, но кампания закончилась...

Маркиз Монкальм умер утром следующего дня, 14 сентября, почти одновременно со своим врагом генералом Вулфом.

Квебек капитулировал 16 сентября, и Парижский договор, подписанный в 1763 году, отнял у нас Канаду!

¹ Согласно французским историческим источникам, армия Вулфа была все же поменьше: в ней насчитывалось около тридцати тысяч человек.

² Вулф Джеймс — род. в 1727 г., ум. в 1759 г.

КАВЕЛЬЕ ДЕ ЛА САЛЛЬ

Удивительно, что о существовании такой огромной реки, как Миссисипи, едва догадывались до 1686 года, пока она не была открыта Кавелье де Ла Саллем¹.

Эрнандо де Сото, один из сотоварищей Писарро, путешествуя в течение трех лет, с 1538 по 1541 год, по континенту от Мексики до реки Огайо, от Атлантики до районов, орошаемых Миссисипи, имел случай пересечь ее², но не оценил ее значение.

Впрочем, у всех, кто огибал южную оконечность Флориды и плавал в Мексиканском заливе, создавалось в большей или меньшей степени ощущение огромного потока, поступающего с континента. Сначала — Жан Рибу из Дьепа, который в 1563 году основал во Флориде кальвинистскую³ колонию, все члены которой были вырезаны испанцами; потом — Доминик де Гургес, отомстивший за них, и англичанин Ричард Гринвилл, а также Рэйли и его несчастный брат Хемффри Гилберт⁴, более известный своими несчастьями, чем открытиями, стойчески погибший во время шторма у Азорских островов. Последний, потеряв три корабля и девяносто человек на отмелях, возвращался в Англию всего лишь с двумя кораблями: «Золотая

¹ Кавелье де Ла Салль Рене-Робер — род. в 1643 г., ум. в 1687 г.

² Де Сото переправился через Миссисипи близ впадения в нее реки Арканзас.

³ Кальвинистский — относящийся к кальвинизму, одной из разновидностей протестантского вероучения.

⁴ Гилберт Хемффри (ок. 1539 — 1583) — сводный брат Уолтера Рэйли, второй сын Ото Гилберта; наемником участвовал в Нидерландах в боях против испанцев; в 1578 — 1579 годах командовал экспедицией, безуспешно пытавшейся пройти Северо-Западным проходом; потом был правительственным чиновником в Ирландии; в 1583 году принял участие в очередной экспедиции в Северную Америку, в ходе которой 5 августа 1583 года была основана первая английская колония в Новом Свете; примерно через месяц после этого события, 9 сентября, Хемффри Гилберт утонул во время шторма близ Азорских островов.

лань» и «Белка» водоизмещением всего двадцать тонн. Именно на «Белке» шел Хемфри. Она не могла устоять перед страшным штормом, идя рядом с «Золотой ланью», экипаж которой ничем не мог ей помочь. Видели, как с Евангелием в руках Хемфри подбадривал людей, готовя их принять христианскую смерть, а затем ушел на дно вместе с маленьким кораблем. Такая же участь постигла капитанов Ньюпорта, Джона Смита, Смуниса и др.

В 1673 году французский миссионер отец Маркетт¹, обследовавший озеро Мичиган, отправился с Жолье на разведку в направлении большой реки, которую индейцы называли Мисчезебе, или «Отец рек»². Они дошли до места впадения в нее реки Арканзас, потом повернули назад.

Именно тогда появился Кавелье де Ла Салль, одна из наиболее крупных и симпатичных фигур среди старых французских исследователей. К сожалению, очень мало известный, он был извлечен из несправедливого забвения Габриелем Гравье, известным секретарем Руанского географического общества.

Рене-Робер Кавелье, съёр (господин де Ла Салль родился 22 ноября 1643 года в Руане и обучался в иезуитской коллегии. После смерти отца в 1666 году он оставил иезуитов и отправился в Новую Францию с капиталом в 400 ливров³. Молодой француз прибыл в Монреаль и по-

¹ Маркетт Жак (1637 — 1675) — французский миссионер-иезуит и путешественник; в Квебеке работал с 1666 года. В 1673 году вдвоем с Луи Жолье спустился по реке Висконсин до Миссисипи, а потом, посетив долины рек Миссури и Огайо, добрался до 34° с. ш. Графическим итогом этого путешествия стала составленная Жолье карта Северной Америки от атлантического побережья до Миссисипи и Гудзонова залива.

² Испанцы, впервые появившись на Миссисипи в 1519 году, дали реке название Рио-Гранде, что является калькой индейского названия: Миссисипи — «Большая Вода». Французские путешественники увидели великую реку в день праздника Непорочного зачатия Девы Марии, отчего и назвали встретившуюся им водную артерию рекой Зачатия (Ривьер-де-ла-Концепсьон), однако это название не прижилось.

³ Ливр — денежно-счетная единица Франции в IX — XVIII веках. Первоначально равнялась по стоимости фунту серебра, откуда и название: «ливр» по-французски означает «фунт» (парижский фунт равнялся 490 граммам); постепенно вес монет уменьшался и к середине

лучил от игумена семинарии Вильмари концессию на земли, расположенные на правом притоке реки Святого Лаврентия прямо напротив водопада Сен-Луи. Его маленькое владение так часто подвергалось набегам ирокезов¹, что пахать можно было, только имея под рукой ружье.

Храбрый и умелый, как настоящий нормандец, молодой колонист показал дикарям, что он их не боится, завоевал их доверие и в конце концов сумел с ними договориться. Вскоре он построил маленькую деревеньку Сен-Сюльпис, сегодня Лашин², в свою очередь предоставил концессии на свой надел, где сумел обеспечить, по крайней мере, относительную безопасность.

За это время Кавелье, которого стала утомлять оседлая жизнь колониста, установил связи со своими соседями, внимательно прочитал отчеты путешественников, выучил индейские диалекты, приобщился к обычаям племен и принялся совершать частые экскурсии, чтобы приучиться к тяжелому труду исследователя.

Зимой 1668/69 года он начал свою карьеру путешественника. Узнав от ирокезов, что большая река, называемая ими Олигинсипон, а утауэзами³ — Охайо, или Красивая река⁴, берет начало в их стране и течет прямо в море, Кавелье надеялся найти по Огайо проход в Китай, тщетно отыскиваемый со времен Христофора Колумба. Он поделился своими мыслями с главным заместителем и

XVII века достиг 8 г; по стоимости тогдашний ливр несколько уступал французскому франку конца прошлого века (время написания книги).

¹ Ирокезы — группа индейских племен, живших до европейской колонизации в районе Великих озер и реки Святого Лаврентия. В середине XVI века создали племенной союз — Лигу ирокезов, считающийся классическим примером матриархально-родовой общественной организации. В войнах конца XVIII — начала XIX века почти полностью истреблены европейскими колонизаторами; современная их численность составляет примерно 20 тыс. человек.

² Лашин — юго-западный пригород Монреаля, расположенный на берегу реки Святого Лаврентия.

³ Утауэзамы французы называли индейцев южного алгонкинского племени оттава, обитавшего к северу от озера Гурон и к востоку от озера Верхнего.

⁴ Точный перевод индейского названия реки Огайо — «красивая вода»; это французы перевели его как Красивая река (Ла Бель-Ривьер).

интендантом и убедил их принять участие в смелом проекте исследования этой реки, поставив перед собой задачу в первую очередь дойти до ее истока.

Не имея средств на оплату этого мероприятия, путешественник не задумываясь перепродал семинарии Вильмари и частным лицам свою концессию, тогда очень доходную, и отправился 6 июля 1669 года в неизведанный район с двадцатью четырьмя компаньонами, французами по происхождению, двое из которых были из Сюльписа, и семью кораблями, снаряженными ирокезами. На берегу озера Эри в ирокезской деревне экспедиция потеряла почти целый месяц, потом взяла курс на юг, открыла реку Огайо и спустилась по ней до Миссисипи.

Брошенный среди ночи своими компаньонами в четырехстах лье от Монреаля в стране, где никогда не видели белого человека, он отправился один, питаясь тем, что добывал охотой и давали туземцы; ночевал то в вигваме¹, то на снегу под открытым небом.

В следующем, 1670 году Кавелье снова отправился в путь через Великие озера, открыл реку Иллинойс, спустился по ней до Миссисипи и проследовал до места, где она пересекает 36-ю параллель. Чтобы пройти через обширные пространства и многочисленные племена, отделявшие его от моря, нужно было большее количество людей и припасов, чем он располагал, и это вынудило его вернуться обратно.

Некоторые биографы Кавелье де Ла Салля считают, что он примкнул к одному из отрядов миссионеров-иезуитов, которые вели пропаганду Слова Божия по всей Канаде². Габриель Гравье, наоборот, видел в нем одну из жертв враждебного ордена, хотя Кавелье был учеником руанских иезуитов. Как бы то ни было, канадские иезуиты, как говорит Гравье, очень плохо принимали рассказ о

¹ Вигвам — жилище лесных североамериканских индейцев, построенное из жердей, согнутых наверху в куполообразный свод; этот каркас покрывался ветвями или корой.

² Надо заметить, что Канадой тогда называлась территория намного меньшая, чем современное государство; тогдашние европейские колонии ограничивались южными частями современных провинций Квебек (Нижняя Канада) и Онтарио (Верхняя Канада).

его открытиях, старались приписать все его заслуги Жолье, сопровождавшему отца Маркетта.

Осенью 1674 года Кавелье, который очень активно содействовал созданию форта Катаракони на озере Онтарио¹, отбыл во Францию. Был ли он или нет в ордене иезуитов, неизвестно, тем не менее путешественник получил в награду за услуги, оказанные Франции, дворянские грамоты, концессию на форт Катаракони, который переименовал в Фронтенак в честь нового губернатора², и огромный участок земли на озере Онтарио.

С этих пор де Ла Салль начинает приобретать некоторое влияние в колонии, становится важной персоной, у него появляются завистники и даже враги. В 1678 году в ходе новой поездки во Францию Кольбер, отказав ему в аудиенции³, предоставляет тем не менее все, о чем тот просил. После возвращения Кавелье основал крепость Ниагара, немного выше знаменитого водопада⁴, и открыл навигацию на Великих озерах на корабле «Гриффон», который построил, вооружил и оснастил на свой счет. Кажется, удача улыбнулась ему, дела принимали отличный оборот, когда сбежали люди, возможно подкупленные его врагами, предварительно разграбив «Гриффон», пока он пересекал озеро Мичиган. Кавелье де Ла Салль закончил тем не менее это путешествие в простой лодке, проведя в пути двенадцать дней, и наконец прибыл в устье реки Миами⁵, где построил новую крепость, получившую название Кревкёр⁶. В середине зимы путешественник возвращается в Фронтенак, проделав 550 лье, в сопровождении только четырех французов и одного индейца. Зная стратегическую важность Старведрока, утеса, находящегося в Иллинойсе, он наметил его для строи-

¹ Форт был построен на северном побережье озера Онтарио.

² Фронтенак (Луи де Бюад, граф де Паллюо и де Фронтенак, 1620 — 1698) был назначен генерал-губернатором Новой Франции в 1672 году.

³ Аудиенция — прием монархом или высоким должностным лицом.

⁴ Форт был основан в 1679 году.

⁵ Сейчас эта река называется Сент-Джозеф.

⁶ Форт был построен на левом берегу Иллинойса напротив устья Миами (и современного города Пеория) в январе 1680 года. Сейчас на его месте находится маленький городишко Крив-Кур.

тельства еще одного форта, вокруг которого в последующем образовалась бы большая колония.

Двадцать первого апреля 1681 года де Ла Салль прибыл в форт Ниагара, совершив очень трудный переход по снегу со множеством лишений и трудностей. А за время его отсутствия накапливались неприятности. Корабль, отправленный из Франции с двадцатью двумя тысячами ливров для колонии, потерялся; двадцать два присланных ему человека арестовал интендант; крепость Кревкёр разграбили; а его верный лейтенант шевалье Тути исчез.

Он бросился в Монреаль улаживать отношения с кредиторами, добился от них новых авансов и отправился в путь с двадцатью пятью людьми, рабочими и солдатами, чтобы вернуться, несмотря ни на что, на Миссисипи. 4 ноября Кавелье де Ла Салль снова увидел свою крепость Кревкёр и спустился по реке Иллинойс до Миссисипи. От семнадцати иллинойских деревень, в которых жили его верные индейцы, не осталось ничего, кроме почерневших от огня столбов и остатков человеческих трупов, из-за которых спорили волки и вороны, полуодетых женщин и детей, еще привязанных к столбу пыток, и котлов, наполненных человеческим мясом! Осмотрев стойбища, он понял, что это разорение — дело рук ирокезов, его старинных друзей, понемногу отошедших от него из-за чьего-то тайного подстрекательства. Для сплава по Миссисипи не хватало людей, пушек и провизии, с болью в сердце пришлось вернуться в форт Кревкёр и провести там зиму.

Размышляя длинными холодными вечерами, он без труда понял, что грозные ирокезы встали на пути его замыслов, открытия никогда не принесут серьезных результатов и перед ним встает непреодолимая преграда. Тогда у него возникла идея создания крупного коммерческого и военного центра одновременно с мощной колонией между бассейнами рек Святого Лаврентия и Миссисипи. Форт Сен-Луи, построенный на Старведроке¹ среди богатых равнин Иллинойса, казалось, отвечал потребностям торговли, войны и колонизации. Проект был принят, де Ла Салль немедленно начал его осуществлять.

¹ Форт Сен-Луи (Сент-Луис) был заложен в декабре 1682 года. Сейчас на его месте вырос городок, названный в честь основателя форта Ла-Салл (в американской транскрипции французской фамилии).

Он посещает различные племена, на которые обычно совершают набеги ирокезы, подарками и ловкими разговорами пытается примирить их между собой и объединить против общего врага, грозящего уничтожить всех, обещает дать оружие и товары, взять под защиту французского короля. Но у него есть еще одна цель: обратить индейцев в христианство и ввести их в лоно европейской цивилизации, что реально осуществимо за два поколения за счет церковных браков и воскресных школ.

Несмотря на осложнения, препятствия, убийства, дело двигалось успешно. В докладе военно-морскому ведомству Кавелье сообщает, что вокруг форта Сен-Луи собралось уже более 20 000 душ населения. На карте Франклина, датированной 1684 годом, отмечено 4000 воинов этой колонии, но цифра Кавелье заслуживает большего доверия. Как властелин страны, в силу королевской грамоты Людовика XIV, он предоставляет концессии, а это надежный способ установить точное количество французского населения.

К несчастью для неустрашимого нормандца, на смену графу Фронтенаку, который поддерживал его, пришел Лефевр де Ла Барр, ограниченный солдафон, старый вояка¹. Выслушивая клевету, распространяемую врагами Кавелье, он пытается отправить его во Францию, что и делает без особого труда.

Пока на него бессовестно клеветают, Кавелье де Ла Салль пытается с двадцатью двумя французами, восемнадцатью дикарями и десятью женщинами еще раз спуститься по Миссисипи. 6 февраля 1682 года экспедиция достигает реки, 12 февраля садится в лодки и 14 марта водружает в устье Арканзаса крест и герб Франции, 7 апреля французы достигли косы в дельте Миссисипи и обследовали там три протоки; 9 апреля 1682 года — памятная дата в истории нашей колонии² — де Ла Салль от

¹ Фронтенак был смещен в 1682 году. На его место встал Жозеф Антуан Лефевр де Ла Барр (1622 — 1688), генерал-лейтенант королевской армии, который неплохо воевал с англичанами на Мартинике в 1666 — 1667 годах; однако через два года после своего назначения, в 1684 году, Ла Барр организовал неудачную экспедицию против ирокезов, за что и был смещен в следующем, 1685 году.

² Событие это произошло в районе современного городка Венис.

имени короля Франции принял во владение огромный бассейн Миссисипи!

Вот какой случай произошел с маленьким отрядом Кавелье во время этой экспедиции. Однажды, буквально умирая от голода, они обнаружили тайник с копченым мясом. Естественно, путешественники не упустили случая устроить пиршество. В пустынной местности это обычное явление. Мясо им показалось очень вкусным, но вдруг они, к своему ужасу, обнаружили, что оно человеческое. Индейцы продолжали лакомиться им, но французы, естественно, не смогли даже притронуться к нему, хотя были страшно голодны.

За один поход отважный француз прошел 1500 лье по пустынной местности и с сорока спутниками добился успеха там, где потерпел неудачу испанец Фернан де Сото с небольшой армией. Он подвергался всевозможным опасностям, выдержал все трудности, израсходовал все состояние, чтобы одарить свою страну этой несравненной жемчужиной, которой была наша Луизиана. И это справедливо, что американцы нанесли на карты Техаса и Иллинойса великое имя руанца Кавелье де Ла Салля¹. И справедливо, что они поместили в вашингтонском Капитолии медальон с его изображением среди медальонов с портретами Христофора Колумба, Себастьяна Кабота и Уолтера Рэйли.

Именно тогда наместник Ла Барр, ослепленный до глупости наветами врагов Кавелье, написал морскому министру, что «Ла Салль сумасшедший, хвастается открытиями, которых не совершал, стремится выкроить себе королевство, и пришло время остановить этого безумного честолюбца!». И, чтобы быть последовательным, этот глупый, да к тому же и злой, человек лишил Кавелье его концессий, крепостей, сооружений, приказал ирокезам разграбить корабли, скот, товары, опустошить поля, разогнать прекрасную колонию Иллинойс и силой отправить нормандца на родину во Францию!

¹ В США это городок Ла-Салл на реке Иллинойс. Имя выдающегося французского путешественника увековечено и в Канаде: южный пригород Монреаля Ла-Саль и городки Ла-Салл в Манитобе и Онтарио. В Техасе географических топонимов, связанных с именем Кавелье де Ла Салля, нет.

Однако несправедливость была слишком явной, и истина сама предстала перед министром. У Ла Салля также были друзья, среди прочих монахи ордена реколлетов; два почтенных прелата, отец Бернон и отец Ренодо, видевшие его достойные дела, знавшие и ценившие этого труженика и путешественника, поддерживали его, рассказав правду, и им поверили. Кавелье реабилитировали, ему устроили прием при дворе, дали корабли, солдат, рабочих, оружие, боеприпасы, провизию и инструменты. Генерал де Ла Барр получил суровое внушение. Короче, отважный исследователь был вполне удовлетворен.

Министр Сеньелей предоставил в его распоряжение три корабля: четырехпушечный «Жоли» («Милый»), шестипушечный «Белль» («Красивый») и «Эмабль» («Любезный») и баржу водоизмещением триста тонн, нагруженную большей частью припасов. В качестве вице-короля земель, бывших прежде Луизианой и простирающихся от форта Сен-Луи в Иллинойсе до Новой Бискайи¹, Кавелье имел абсолютную власть над всем личным составом эскадры, которой командовал Божё, посредственный моряк, очень самодовольный, как все ничтожества. Он попытался с самого начала освободиться от власти вице-короля и создавал для своего непосредственного начальника различного рода трудности. Считая, что его достоинству претит повиноваться сыну простого руанского галантерейщика, Божё написал на него клеветнический донос. В ответ он получил от министра выдержанный в очень жестких выражениях приказ, смысл которого сводился к тому, что в задачу моряка входит управление судном, а не выбор маршрута.

С этих пор Божё смертельно возненавидел Кавелье. Он поклялся погубить его и действительно погубил. Вольно или невольно Божё, прибывший в Мексиканский залив, проскочил на 400 миль дельту Миссисипи, несмотря на данные ему точные координаты по долготе и широте. Он спустился до бухты Сен-Бернар и здесь бросил якорь. Несмотря на просьбы, приказы, угрозы Кавелье, заме-

¹ Новая Бискайя — название, данное испанцами (впервые — Кристобаль де Оньяте и Хосе Ангуло) части территории Мексики, входящей в современные штаты Дуранго, Чиуауа и Коауила (на севере, близ современной американо-мексиканской границы).

тившего ошибку, Божё уперся, клянясь, что прав он, поскольку, будучи моряком, лучше разбирается в таких делах. Когда ошибка обнаружилась, Божё находил всевозможные предлоги, чтобы не идти на восток, для него это был путь возвращения во Францию. Он протянул три месяца, испытывая терпение Кавелье и колонистов, которых пытался тайком прибрать к рукам, выбросил на берег «Эмабль», погубил таким образом все имущество и в конце концов оставил Кавелье и его людей на берегу, сообщив, что отправляется искать устье Миссисипи, и пообещав, если найдет, вернуться за ними и имуществом. Он легко нашел дельту, нанес ее на карту и никогда не вернулся!

Тогда Кавелье, потерявший надежду на какую-либо помощь, принял героическое решение добраться до Миссисипи по суше. Не хватит места, чтобы описать страдания, выпавшие на долю этих отважных людей, пробирающихся с тяжелой ношей в течение шести месяцев через леса, равнины, кустарниковые заросли и болота, полуголодных, одетых в лохмотья, неотступно преследуемых туземцами и в конечном счете не нашедших реки! Прошел год в бесплодных поисках, несчастные колонисты умирали от тягот, лишений и болезней. Кавелье тем не менее не хотел признать себя побежденным. Он отобрал двадцать человек из самых крепких, пошел с ними на разведку, вернулся три месяца спустя и привел обратно только восьмерых. Некоторые из тех, кто выжил, видя в нем причину своих бед, решили его убить. Выстрелом из ружья с командиром расправился человек по имени Дюго...

Так скверно кончил Кавелье де Ла Салль в момент, когда родина должна была воспользоваться его бесценными открытиями.

В завершение приведем несколько строк, заимствованных у Френсиса Паркмана, знаменитого историка Северо-Американских штатов, которого нельзя заподозрить в пристрастности, поскольку он иностранец.

«Легко критиковать его за ошибки, — говорит он о Кавелье де Ла Салле, — но нельзя скрыть его римского мужества. Окруженный толпой врагов, он возвышается над ней, как древний израильский царь. Как алмазная башня, несокрушимый фронтон которой противостоит всем си-

лам и опасностям, ярости людей и стихий, палящему солнцу юга, буйным ветрам севера, он выдержал голод, болезнь, одиночество, разочарования... Его гордость, как гордость Кориолана¹, проявляется тем ярче, чем опаснее были его враги. Никогда под непроницаемой броней странствующего рыцаря или крестоносца не билось более отважное сердце, чем под стоическими доспехами, покрывающими грудь Кавелье де Ла Салля. Чтобы лучше оценить величайшее мужество неутомимого странника, следовало бы шаг за шагом пройти за ним по местам бесконечных путешествий через леса, болота, реки, измерить глубину отчаяния, когда непреодолимая сила толкала его вперед, а у него не было возможности достичь своей цели... Америка хранит о нем вечную память. Его мужественная фигура, отлитая в бронзе, — это образ героического первооткрывателя, оставившего ей самое богатое наследство».

Не являются ли лучшим надгробным словом эти несколько строк, принадлежащие перу иностранца?

ГЛАВА 12

Лемуан Д'ибerville. — Отец Шарлевуа. — Отец Креспель. — Лемуан Бьенвиль

Каким бы несчастливым ни был конец, великие труды Кавелье де Ла Салля не остались бесплодными. Открыв реку и присвоив ей имя Кольбера, над которым одержало верх ее индейское название Миссисипи, Кавелье действительно положил начало нашей колонизации новой страны, обширной, плодородной, прекрасной. Королевская власть приложила лишь относительно небольшое усилие по сравнению с тем, которое надо было бы сделать в этом

¹ Кориолан — римский военачальник V века до н. э.; несправедливо изгнанный из родного города, он укрылся у вольсков, давних соперников римлян, а впоследствии привел вражескую армию под стены Вечного города; накануне штурма отклонил просьбы делегаций, составленных из именнейших римских граждан (что и послужило поводом последующих обвинений Кориолана в неслыханной гордости), но наконец сдался на уговоры матери и жены и отказался от командования армией вольсков.

районе, чтобы окончательно упрочить здесь наше влияние и создать кусочек Франции в этом уголке молодой Америки. Но она предпочла израсходовать сто миллионов и позволить убить пятьдесят тысяч солдат, чтобы занять несколько городов во Фландрии, чем посылать ежегодно несколько сотен тысяч фунтов и тысячу человек для колонизации этой легко поддающейся освоению страны. Король впустую растрачивал золото, не щадил людей, посылая их в бой на фламандской границе, вместо того чтобы использовать это богатство для процветания родины.

Бесстрашного Кавелье де Ла Салля уже не было в живых, когда заговорили о Луизиане, названной так монахами ордена реколлетов в честь монарха, пренебрегшего ею. Впрочем, все, кто здесь побывал, рассказывали чудеса, и зарождающийся интерес к ней был полностью оправдан. Говорили, что климат там очень полезен для здоровья — что, несомненно, преувеличено, — температура благоприятна для растительности, невероятно пышной, почва не бывало плодородна. Необработанные равнины, пересекаемые многочисленными реками, покрыты непроходимыми лесами, в которых произрастают деревья, дающие очень прочный строительный материал, а реки изобилуют вкусной рыбой. В лесах водится множество хищных животных, в реках плавают аллигаторы, и почти повсюду гремучие змеи. Но в европейских странах поистине преувеличивали опасность диких животных, как, впрочем, и очень редкую вероятность встречи с ними. Одна только дичь могла в течение долгого времени обеспечить пропитание колонистов, особенно «дикие быки, горбатые и покрытые шерстью», то есть бизоны, мясо которых отличалось изысканным вкусом. Эти могучие животные, стада которых насчитывали тысячи голов, сейчас почти полностью истреблены.

Но все это были лишь отдельные путешественники, бродившие как заблудившиеся дети, разрозненные, почти без припасов, которым для плодотворной деятельности так необходима была мощная рука нормандского исследователя, чтобы объединить и поддержать их. Надо было как можно быстрее восстановить отношения со склонными к забывчивости местными жителями, начать производить в стране и ввозить промышленные товары, создавать

потребительский рынок, объединять производителей, возводить крепости, такие как в Майами, в Ниагаре, в Сен-Луи и в Кревкёре, построенные благодаря прозорливости Кавелье. Элементарные, но вполне достаточные укрытия, состоящие из мощных палисадов, окружающих жилища колонистов, их магазины, огород с источником или колодцем. Все эти крепости существенно если и отличались, то только размерами от тех, которыми Компания Гудзона залива и позже пушные компании Сен-Луи усыпали территорию Америки. Они представляли собой центральные пункты, где совершались сделки, находились увеселительные заведения, производились операции по снабжению. Многие из этих крепостей впоследствии стали городами.

Прошло десять лет после трагической гибели Кавелье де Ла Салля. В старой Франции, бывшей всегда в огне и крови по капризу королей, установился мир. Наступила передышка в большой европейской войне. Вместо того чтобы сражаться в зарождающихся колониях, можно было подумать об их мирной колонизации. Первым, кто по-настоящему решил извлечь пользу из богатств Луизианы, был канадский дворянин, родившийся в Монреале в 1642 году, Лемуан д'Ибервиль¹, второй из одиннадцати сыновей Шарля Лемуана² съёра де Лонгей и де Шатогей, знатного нормандца, главы одной из самых старинных и знатных семей, обосновавшейся с давних пор в Канаде.

Д'Ибервиль — моряк из тех франко-канадских гигантов, отважная и сильная порода которых укоренилась здесь со своими обычаями, религией, языком с архаичными оборотами, наивными и очаровательными, и культом «старой Родины», достаточно повоевав против англичан, решил употребить свой досуг на что-то полезное и при-

¹ Речь идет о французском моряке и колониальном администраторе Пьере Лемуане д'Ибервиле, однако автор указывает ошибочную дату его рождения: на самом деле П. Лемуан д'Ибервиль родился в 1661 году.

² Лемуан Шарль (1625 — 1685) — французский колонист в Канаде; его отвага и мужество были оценены индейцами, называвшими его индейским именем Акуэссан; в 1668 году за свои заслуги перед отечеством был пожалован королем в дворянское звание, а девять его сыновей получили титулы по канадским имениям отца.

быльное. Бывший моряк отправился во Францию и поделился своими планами с министром Понтшартреном¹, и тот, вопреки обычаю, не ответил ему отказом, сопровождавшим прежде почти неизменно все просьбы о колониальном кредите.

Министр, будучи в благодушном настроении, представил два судна, чтобы возродить прежние «планы и проекты господина Кавелье, сеньора де Ла Салля». Д'Ибервиль вместе с двумя братьями, де Санваланом и де Бьенвилем², первому из которых было суждено умереть на следующий год, а второму основать Новый Орлеан, отправился из Ла-Рошели в сентябре 1698 года, сделал остановку в Санто-Доминго и в январе 1699 года пустился на поиски устья Миссисипи. Экипаж кораблей состоял по большей части из набранных им неотесанных канадских матросов, известных своей смелостью и выносливостью, неоднократно доказанных в битвах. Де Бьенвиль, еще совсем молодой, оказался моряком насколько храбрым, настолько и опытным. Он получил боевое крещение под командованием своего брата д'Ибервиля, был тяжело ранен в голову в славной битве, развернувшейся у берегов Новой Англии между французским фрегатом «Пеликан» и тремя английскими кораблями, потерпевшими поражение. Кроме того, к экспедиции в качестве капеллана был прикомандирован монах отец Анастас, постоянный спутник Кавелье де Ла Салля по путешествиям. Его участие было очень ценным благодаря прекрасным знаниям страны и ее ресурсов.

Д'Ибервиль привел свои корабли к острову Массакр, расположенному перед устьем реки Мобил. Его переименовали, назвав островом Дофина, и не спеша продолжили путь в западном направлении. 6 февраля корабли прошли

¹ Понтшартрен (Луи-Фелипо, граф де Понтшартрен, 1643 — 1727) — французский государственный деятель, с 1690 года — член кабинета министров (министр без портфеля и государственный секретарь военно-морского флота); в 1699 году стал канцлером, а пост военно-морского секретаря наследовал его сын Жером (1674 — 1747).

² Лемуан де Бьенвиль Жан-Батист (1680 — 1768) — французский мореплаватель и колониальный администратор; в своей административной карьере трижды становился губернатором Луизианы: 1713 — 1717, 1717 — 1726 и 1733 — 1743 годы.

между островами Корн и Вессо и приблизились к берегам с бесконечными предосторожностями, пустив вперед нагруженные шлюпки, чтобы исследовать характер грунта и глубину. Однажды одна из этих шлюпок, пристав к берегу, привезла группу индейцев, казалось хорошо знакомых с кораблями. Они без опаски поднялись на борт и сообщили капитану, что недалеко к западу от места стоянки экспедиции протекает большая река с несколькими устьями.

Д'Ибервиль, полный надежд, тотчас снарядил самую большую из своих шлюпок, посадил в нее шестьдесят человек, отца Анастаза, своего брата Жана Батиста де Бьенвиля, и сам занял в ней место, поставив корабли на якорь под охраной Санваля и остатков экипажей. Вскоре довольно прозрачные морские воды помутнели; берега понизились, образовав огромную плоскую равнину, едва возвышающуюся над волнами. Воды все больше мутнели, смешиваясь с другими, загрязненными, приносимыми, очевидно, с континента. Вскоре показались заросли высокого тростника, наполовину скрывающие нечто вроде обширного лимана, уходящего в глубь материка. Вошли в лиман, и отец Анастас радостно закричал, узнав устье Миссисипи, виденное им ранее.

Эту счастливую новость приветствовали пением *Te Deum* и артиллерийским салютом, на звуки которого приплыли пироги с индейцами. Они вели себя очень дружелюбно, и один из них передал удивленному д'Ибервилю пожелтевшую бумагу, покрытую полустертыми знаками и сохраняемую индейцем долгие годы как талисман. Это было письмо, написанное четырнадцать лет тому назад Кавелье де Ла Саллю его верным помощником шевалье¹ де Тонти. Не оставалось больше никаких сомнений, что мутные воды, по которым в этот момент скользила шлюпка, были водами Миссисипи.

Обследование прошло очень легко благодаря дру-

¹ Шевалье — рыцарь, кавалер (*фр.*). Так назывались во Франции нетитулованные дворяне, обычно — младшие сыновья, которым не доставался отцовский титул в соответствии с законом майората (старшинства), передававшего этот титул старшему сыну.

жеской расположенности индейцев, предоставивших все мыслимые сведения, служивших проводниками, приносивших свежую еду и гостеприимно принимавших канадцев. Это они показали великолепное озеро длиной в десять и шириной шесть лье, которое д'Ибервиль прошел во всех направлениях на индейском челноке из коры березы, обычного судна для человека, обитающего на больших озерах Канады, и назвал именем министра Понтшартрена. Он вернулся к своим кораблям, открыв другое озеро, недалеко от первого, и присвоив ему имя Морепа¹.

Д'Ибервиль принялся искать место для строительства крепости и с этой целью посетил бухту Сен-Луи, присвоив Миссисипи такое же название, которое сохранилось не долее, чем Кольбер. Бухта оказалась недостаточно глубокой, чтобы в нее могли заходить корабли большого водоизмещения, и д'Ибервиль окончательно остановил свой выбор на бухте Билокси и там основал центр будущей колонии. Его канадцы, атлетического сложения лесорубы, умелые строители, валили деревья, распиливали их, превращали в прочные палисады, связывали мощными поперечинами и строили укрепления, обводя их широким рвом. Внутри такого укрепления возводились дома из бревен, здесь же размещались двенадцать пушек. Это была первая колония на побережье Луизианы. Д'Ибервиль оставил здесь гарнизон из тридцати пяти человек, все одновременно солдаты, моряки, колонисты и флибустьеры, назначил своего брата Санваля комендантом маленькой крепости, дав ему в помощники другого брата, Бьенвиля, и вновь поднялся по Миссисипи, чтобы отправиться к натчезам², многочислен-

¹ Морепа (Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа; 1701 — 1781) — французский государственный деятель, государственный секретарь военно-морского флота (с 1723 г.), министр без портфеля (с 1738 г.); весьма способствовал проведению научных экспедиций, таких, как работы Буте и Лакондомина в Перу (1735 г.), Мопертюи и Клеро в Лапландии (1736 г.). Озеро Морепа расположено примерно в 35 км северо-западнее Нового Орлеана, в дельте Миссисипи. К слову сказать, западнее этого озера находится куда более значительный водоем, названный в честь упоминавшегося выше Л. Понтшартрена; современное название этого озера — Пончартрейн.

² Натчезы — племя североамериканских индейцев мускогской языковой семьи, жившее в низовьях Миссисипи; буквальный перевод названия племени — «неизвестные»; в результате контактов с белыми

ному и ненадежному племени, которое он хотел сделать своим союзником. На его счастье, индейцы были хорошо подготовлены одним почтенным миссионером, отцом Сен-Космом, принадлежащим к иезуитскому ордену, жившим среди них, проповедуя в течение многих лет Евангелие. Его проповеди и пример не оказались бесплодными, и хотя натчезы, по большей части крещенные, стали христианами, не избавившимися от суеверий и дикостей, они, по крайней мере, могли оказать большие услуги новым колонистам. Вождь этого непримиримого до того времени племени, свирепый нрав которого был легендарным, называл себя Большое Солнце, почти так же, как его верховный властелин в старой Франции — Король-Солнце. Во главе многочисленного отряда воинов он с почестями принял командора экспедиции. Союз отныне был заключен, и д'Ибервиль мог рассчитывать на поддержку сильных прибрежных жителей большой реки.

После длительного похода по стойбищам индейских племен, соседствующих с натчезами, он снова вернулся к сооружению Билокси и отправился во Францию в конце мая 1700 года. Во время его отсутствия умер Санваль, и Бьенвиль заменил его на должности коменданта.

По возвращении д'Ибервиля во Францию король в награду за услуги присвоил ему звание капитана I ранга. Тот вернулся в Билокси в 1701 году, построил новый форт на реке Мобил, обустроив его таким же образом, как Билокси. Несмотря на энергию обоих братьев и их людей, колонизация продвигалась медленно, а внезапная катастрофа сделала ее еще более зыбкой. Д'Ибервиль в качестве капитана отправился в море, омывающее Антильские острова; лелея давнюю мечту изгнать англичан с Ямайки, он объявил им жестокую морскую войну, но был убит в Гаване в 1706 году. Поселок на реке Мобил стал столицей Луизианы, сама же Луизиана быстро распалась из-за войны, разразившейся в Европе с большей яростью, чем когда-либо, метрополия не могла присылать никакой помощи ни людьми, ни деньгами.

И все-таки Жан-Батист де Бьенвиль, как будет видно дальше, был неординарным человеком!

колонистами были полностью истреблены, а в лучшие времена их численность, как полагают, доходила до 4 тыс. человек.

Именно тогда правительство Людовика XIV, не имея возможности что-либо сделать для агонизирующей колонии, отдало ее в концессию на шестнадцать лет богатому финансисту по имени Кроза. Шел 1712 год. Концессионер решил, что должен и сможет в подобных обстоятельствах добыть деньги из ничего. Против его ожидания, ему это не удалось. Но Бьенвиль сумел извлечь пользу из ситуации, длившейся почти четыре года. Он построил несколько важных сооружений, в частности, на территории натчезов форт Розали, названный так в честь мадам Понтшартрен.

Не найдя ничего, что можно было бы извлечь из своей концессии, Кроза переуступил ее королю, который, в свою очередь, отдал Западной компании, недавно основанной Лоу¹, резиденция которой располагалась в знаменитом здании на улице Кинкампуа. Была сделана совершенно бессовестная реклама акций этой компании, начался оголтелый ажиотаж вокруг них, приобретались и терялись в мгновение ока целые состояния, безумие охватило даже наиболее здравомыслящих, поскольку о богатствах страны рассказывали легенды. Торговцы бумагой, которой, по сути, были эти акции, с апломбом рассказывали о слитках золота и серебра, лежащих на поверхности земли, о горах изумрудов, открытых в Арканзасе и охраняемых день и ночь полком вооруженных солдат, и другие чудовищные приманки для простофиль.

Результатом этой искусственно нагнетаемой истерии стало разорение большого количества биржевых игроков и не виданное доселе процветание Луизианы. Неугомиый Бьенвиль, энергия и административный талант которого были хорошо известны, получил должность главного коменданта всей страны под началом наместника. Цере-

¹ Лоу (в более современной транскрипции — Ло) Джон (1671 — 1729) — шотландский финансист, привлечший внимание герцога Филиппа и приглашенный последним в Париж в целях оздоровления финансовой системы страны, однако с порученной ему задачей не справился; его финансовый авантюризм привел к краху созданные им компании и разорил акционеров. Русский читатель может подробнее ознакомиться с жизнью этого проходимца в романе Р. Сабатини «Игрок» (Собрание сочинений в библиотеке журнала «Вокруг света», т. 11. Москва, АО «Прибой», 1994).

мония назначения прошла с не виданной ранее пышностью. Ему пришла хорошая мысль строить поселки вдали от берега, чтобы потом производить заселения постепенно, как бы эшелонами. Видя, что события во Франции благоприятны для большого притока эмигрантов, Бьенвиль решил построить город в излучине, образованной Миссисипи, примерно в тридцати лье от ее дельты. И поскольку он был человеком быстрых решений, то приказал в 1717 году¹ начать строительство прямоугольного укрепления, в которое инженер де Ла Тур, как бы предсказывая композицию в виде шахматной доски будущих городов Америки, вписал план, состоящий из кварталов, нарезанных улицами, идущими под прямым углом.

В честь Филиппа Орлеанского, регента Франции², молодой город получил от своего основателя имя Новый Орлеан. Население, насчитывавшее около шести сотен белых, по большей части канадцев, и три сотни чернокожих, пополнилось одним махом восемью сотнями прибывших из Ла-Рошели на трех кораблях эмигрантов, которых прельстили обещанные чудеса и надежда на роскошную жизнь нуворишей³. Они собирались основать здесь новую прекрасную Францию, счастливую соперницу старой. Несколько разоренных дворян, младшие сыновья в поисках поместий⁴, составляли часть прибывших, в большинстве же это были ремесленники и земледельцы. Первые вволю получили прекрасные концессии и сидели сложа руки, другие, не желая работать на этих трутней, уходили в глубь страны, выбирали землю по своему вкусу и приступали к работе. Оставались только ремесленники, которые по профессии могли использоваться на строительстве города.

Дворянам требовались рабочие, и поскольку добровольная эмиграция почти прекратилась, стали прибегать к

¹ Согласно большинству современных справочных изданий, Новый Орлеан был основан в 1718 году.

² Филипп, герцог Орлеанский, дядя малолетнего Людовика XV, регент Франции в 1715 — 1723 годах.

³ Н у в о р и ш — быстро разбогатевший человек (*фр.*).

⁴ Во Франции в вопросах наследства тогда еще сохранялся средневековый закон старшинства (майората), по которому все недвижимое имущество и львиную долю движимого получал старший сын.

принудительной, или, скорее, к депортации, как говорят сегодня в стиле тюремной администрации. С тех пор бродяг, темных личностей, жуликов, беглых каторжников, людей, которые «не нравились» властям, отлавливали и отправляли под надежной охраной в Новый Орлеан. Потом, когда для этих необычных колонистов понадобились соответствующие спутницы, были перерыты все тюрьмы, где находились приговоренные к заключению девицы, и их тоже отправили в Луизиану, чтобы они там вступали в брак с отбросами улицы и тюрем. Эта система колонизации существовала между двумя караванами с переселенцами и прекратила свое существование из-за протеста парижан и жителей Луизианы. Система уголовной колонизации, самая абсурдная из возможных, не оправдала себя.

И наконец, чтобы кончить с повествованием об этой эпохе: водевильная история, которая развлекла зевак и заставила смеяться людей мыслящих, а закончилась драмой. Поднятая шумиха не была современным изобретением. Будучи финансистом, Ло пользовался и злоупотреблял ею во всех видах. Те, кто считает, что идея человека-сэндвича принадлежит ему, ошибается, она рождена гением Ло. Когда земли в Луизиане были гарантией знаменитых миссисипских акций, ему пришла в голову мысль привезти из этих роскошных земель подлинных дикарей и дикарок, среди них была дочь вождя натчезов, которую парижские простофили наградили титулом королевы!

Королева краснокожих была молода, достаточно хорошо сложена, с вполне сносной физиономией, в общем не посрамила чести своего отца Большое Солнце. Придворные регента вздумали выдать ее замуж за француза из метрополии, чтобы иметь на индейском троне подданного короля, который впредь будет его вассалом. В претендентах недостатка не было, даже среди подлинных дворян, которые почли за честь предложить принцессе свою персону и дворянскую грамоту. Дочь Солнца, обладавшая недурным вкусом, остановила выбор на сержанте французской гвардии по имени Дюбуа, по прозвищу Твердая Рука, ловком разбитном малом с закрученными кверху усами, щеголе, красивом мужчине. Дело не стали откладывать. Через неделю после этого лестного выбора принцесса была с большой пышностью окрещена в соборе

Парижской Богоматери и стала мадам Дюбуа, не переставая быть королевой. Потом супруги Дюбуа отправились в свои владения, очарованные друг другом. Этот брак по любви не был счастливым, и медовый месяц длился ровно столько, сколько длятся все другие. Мадам Дюбуа во время своего пребывания во Франции привыкла к прискорбной неумеренности, которая вылилась в отвратительные сцены пьянства. Дюбуа, по прозвищу Твердая Рука, решил сделать ей замечание, но был плохо понят. Он оправдал свою кличку и крепко отдубасил мадам Дюбуа. Краснокожая дама его возненавидела и в конце концов приказала убить, а потом скальпировать. Бедный мальй, мечтавший надеть на голову королевскую корону, не сумел сохранить даже собственную шевелюру.

Есть два имени, которые следует упомянуть с почтением среди первых и самых замечательных исследователей Луизианы, это отцы Шарлевуа¹ и Кrespель. Отец Шарлевуа прибыл, чтобы обратить в евангелическую веру дикарей, не прерывая этого занятия, несмотря на опасности и страдания, пережил за четыре года, с 1718-го по 1726-й, взлет и падение Луизианы и Канады. Достойный миссионер поднялся по реке Святого Лаврентия до реки Сент-Джозеф и до низин по берегам озера Мичиган, добрался до прибрежных колоний, последовательно спустившись по рекам Теолики и Иллинойс, и прошел по Миссисипи до земель натчезов и до Билокси. Отец Шарлевуа, как большинство членов ордена иезуитов, был не только ученым, но и обладал в том, что касалось колониальных вопросов, самыми здравыми и ясными суждениями. Не сосредоточиваясь на золотых приисках, сводивших с ума конкистадоров героической эпохи и колонистов первого периода, он оценил великолепие рыбных запасов Ньюфаундленда, «которые были менее исчерпаемыми и более обильными, чем рудники Мексики и Перу», и предсказал их будущее значение.

Отец Кrespель, миссионер ордена реколлетов, прибыл в Канаду в 1724 году. Он оставался там в течение двенад-

¹ Шарлевуа (Пьер Франсуа Ксавье де Шарлевуа; 1682 — 1761) — французский миссионер-иезуит и историк. В 1705 — 1709 годах преподавал в квебекском иезуитском колледже. Его исследовательская миссия в глубине Канады осуществлялась в 1720 — 1722 годах.

цати лет и в 1736 году решил вернуться во Францию. Корабль, на котором он плыл, потерпел крушение вблизи Антикости, и матросы спаслись на шлюпках, а вместе с ними и монах. Почти без провизии, плохо защищенные от страшного холода, они в конце концов пристали к берегу и укрылись, чтобы не замерзнуть, в прикрытых снегом ямах — как эскимосы. Их было тридцать человек, оказавшихся в пятидесяти лье от какой-либо помощи. Бедняги попытались вернуться в море, чтобы достичь берега Лабрадора, где располагался маленький французский пост. У них была лодка на двенадцать человек и шлюпка на семнадцать. Море бушевало, не давая возможности плыть. Предприняли попытку, но лодка пошла ко дну вместе с теми, кто был в ней. Пассажиры шлюпки вернулись на землю, построили хижину и скучились в ней, имея немного мороженого мяса, несколько фунтов гороха и немного муки, которую разводили в воде из талого снега. Так они скоротали зиму, съедая ежедневно только несколько щепоток съестного. Большинство из них поразила цинга, стали выпадать зубы, распухли десны, началась гангрена. Наконец пришла весна и принесла с собой ледоход, на который так рассчитывали моряки, надеясь спастись в шлюпке, но льды унесли и ее вместе с последней надеждой. Один за другим от холода, голода и цинги умирали люди. Из последних сил они приподнимали льдины и искали раковины. Но тщетно. Двое отправились на разведку, ничего не нашли, вернулись и умерли. Отец Креспель, в свою очередь, шатаясь, отправился искать помощи. Кончилось тем, что он встретил туземца, который, казалось, сначала заинтересовался им, но бросил на следующий день. Монах уже умирал, когда его заметили охотники и привели в чувство. Он проводил их туда, где находились его несчастные спутники. Их осталось пятеро, и один умер, выпив глоток водки. Только отец Креспель и эти четверо избежали гибели, претерпев страдания, которые трудно себе вообразить.

Система выкачивания денег при помощи рекламы и выпуска ничего не стоящих «ценных бумаг» сработала прекрасно и жива до сих пор. Ло сбежал в мае 1720 года, и разорение постигло как обманутых им людей, так и начинания, которые он финансировал. Последствия разразившейся катастрофы, естественно, отозвались в Луи-

зиане и были тем более тяжелыми, что миссисипские акции составляли одну из основ гарантии знаменитой системы. Все беды обрушились на колонию, находящуюся тогда на стадии организации.

Первыми жертвами стали несчастные колонисты, собранные в Лориене в количестве более тысячи человек и отправленные почти сразу после краха концессионера с колониальными привилегиями. Корабли привезли их в крепость Билокси, которая в ожидании строительства Нового Орлеана всегда служила портом, временным пристанищем для коменданта и главным пакгаузом. Никто не предвидел такого огромного потока переселенцев, и их появление всех застало врасплох, поскольку, естественно, не было приготовлено жилье, не припасено достаточно продуктов питания и лодок. Прибыв в Билокси и высадившись на берег, эмигранты не знали, куда идти; они сидели под ливнями и под палящим солнцем со своим скудным багажом, усталые после долгого пути. На кораблях, которые их сюда доставили, провизии едва должно было хватить на обратную дорогу, и они ничего не могли оставить своим несчастным пассажирам. Склады администрации колонии были пусты. Людей следовало отправлять дальше к верховьям реки, чтобы распределить по недавно построенным поселкам, но для этого не хватало лодок. В Билокси скопилось множество людей, буквально умирающих с голоду. Их единственным источником питания были устрицы, вылавливаемые при отливах в горьковато-соленых водах устья, и тех, что они находили нанизанными, как четки, на корнях и стеблях водных растений. За короткое время погибло в страшных мучениях около пяти сотен человек. Некоторые нашли убежище у англичан в Каролине, особенно компания швейцарских наемников, прибывшая, чтобы составить местный гарнизон. Смерть, ожесточение, страдание, безнадежность зловеще реяли над несчастной крепостью, которой грозило опустошение, нищета и ее верные спутники — эпидемии.

Когда Билокси стала почти непригодной для обитания, большая часть колонии укрылась в Новом Орлеане. Впрочем, с эвакуацией следовало тем более поторопиться, что крепость не была защищена от периодических разливов реки и очень пострадала от последнего сильнейшего наводнения. Но наводнение 22 сентября 1722 года ослож-

нилось страшным ураганом и приливной волной, проникшей из Мексиканского залива. Океан вышел из берегов, завладел одним махом землями, по которым гуляли опустошительные волны. Незащищенная крепость Билокси была разрушена до основания, и Новый Орлеан очень сильно пострадал.

Билокси восстанавливать не стали, но почти полностью пришлось перестраивать молодую столицу и навсегда обезопасить ее от таких катастроф. Словом, титул столицы не очень соответствовал тому, чем был тогда луизианский город. Как говорят историки, в дождливый сезон это была страшная топь, средоточие лихорадок. Город нуждался во всем: в свежем мясе, хлебе, соли! Консервированные продукты быстро портились под воздействием сырости и вызывали разнообразные болезни, усложняющие и утяжеляющие течение лихорадки. Больница была всегда переполнена больными, но не было медикаментов, белья, постельных принадлежностей!

О! Как далека была эта отвратительная реальность от наглой лжи распространителей облигаций Компании Миссисипи! И сколько несчастных жертв слепой доверчивости погибло после неописуемых страданий.

После таких трудов, несчастий, жертв, после стольких перевозов, привозящих из метрополии толпы растерянных колонистов, во всей Луизиане в 1724 году осело еще только 3700 белых из Европы или Канады и около 1300 черных. Из этих 5000 жителей Новый Орлеан едва насчитывал тысячу. Работали, без сомнения, активно, но без посторонней помощи обойтись не могли, особенно с продовольствием. Управление было налажено отменно, что для нас традиционно, но что касается ресурсов и населения, то с этим было все непрочено и очень сложно.

Только в 1724 году Западной концессии пришел конец. Ей на смену пришла Вест-Индская компания. Монополия для монополии, компания для компании, режим был такой же, и не лучше. Несчастные колонисты находились в плачевном состоянии, и при больших кризисах всегда требовалось вмешательство государства. И оно действительно вмешалось, но чтобы снять коменданта Жана-Батиста Бьенвиля, единственного, кто до настоящего времени мог управлять колонией и сделать из нее то немногое, чем она была, короче, душой Луизианы. Вместо него

был назначен капитан Перье, честный и храбрый моряк, единственным недостатком которого было то, что он абсолютно не знал потребности и ресурсы своей территории.

У французов среди краснокожих были как враги, так и друзья, поскольку враги наших союзников неизбежно враждебны нам. Врагами были натчезы и чикаказы¹, друзьями — иллиной², арканзасы³ и тоникасы, уступающие другим в численности, но проявляющие большую симпатию, чем остальные индейские племена. Дикари, легко возбудимые люди, постоянно находились под влиянием англичан, щедро наделяющих оружием, водкой и обещаниями. Вскоре против французов организовался заговор, в который вошли все враждебные племена. Индейцы, с их природной скрытностью, способны обмануть даже профессиональных дипломатов, настолько она непроницаема вплоть до момента осуществления замысла.

Вопреки индейской пословице, утверждающей, что месть — это плод, который надлежит съедать зрелым, поспешность и алчность натчезов заставили их выступить ранее рокового часа, что и спасло французов от полного уничтожения. К сожалению, гарнизон и колонисты форта Розали заплатили за все.

Поголовное уничтожение французов должно было начаться в установленные день и час. Натчезы, мирно собирающиеся вокруг форта и предательски выжидающие момента нападения, увидев прибытие множества кораблей, нагруженных провизией и товарами, не смогли смирить свою жадность при виде таких соблазнительных богатств. 28 ноября 1729 года один из вождей дал преж-

¹ Возможно, имеются в виду чикасо (старинные названия — чикасавы, чикезау), индейский народ, принадлежащий к группе мускогов и родственный чокто (см. дальше). Ко времени открытия Америки жили на территории западной части нынешнего штата Миссисипи. В 1736 — 1740 годах вели пагубную для них войну с французами из-за Луизианы. Позднее, в 1786 году, заключили договор о дружбе с правительством США. В 1837 году вместе с чокто переселены на юго-запад Индейской территории (будущего штата Оклахома). Современная численность составляет примерно шесть тысяч человек.

² Иллиной называли себя «иллини» («люди», «мужчины», «воины»).

³ Арканзасы — французская переделка названия индейского племени аканси, что переводится как «красивые люди».

девременный сигнал, не дожидаясь, пока подойдут племена сообщников. Тотчас из мирных воинов, известных всем жителям форта, с которыми они долгие годы были в дружеских отношениях, натчезы внезапно превратились в свирепых убийц. Они кинулись на несчастных французов, не подозревающих об опасности, убивали их из ружей, топорами, ножами, перерезали им горло, скальпировали, страшно калечили. Эта жестокая бойня длилась едва ли час, но уже было две сотни жертв! Шестьдесят женщин, столько же чернокожих, пятьдесят детей были захвачены в плен, а припасы разграблены, испорчены, разбросаны.

Это вероломное нападение, без сомнения принесшее большие потери, предотвратило всеобщую катастрофу.

Комендант Перье, посредственный администратор, но энергичный и храбрый воин, встал во главе защитников, вооружил всех сильных мужчин, организовал в подвижные отряды, обеспечил оборону Нового Орлеана, привел два корабля в форт Розали, поставил коменданта Лобуа во главе колонистов и солдат регулярной армии, придал им индейские контингенты, на которые можно было положиться, и решительно атаковал натчезов. Комендант Лобуа оказался на высоте своей задачи. Он преследовал по пятам без передышки, без пощады краснокожих бандитов, сжег и разрушил их деревни, убил и обратил в бегство жителей. Получив подкрепление после того, как осторожность и долг повелели ему приостановить наступление, Лобуа вернулся с шестьюстами свежими воинами и закончил кампанию, истребив множество негодяев, взяв и отправив в Санто-Доминго большое количество пленных. Большое Солнце, отец или дядя мадам Дюбуа, был среди них.

Когда в 1731 году оставшиеся в живых взбунтовались снова, против ненадежных соседей были приняты радикальные меры. Их просто истребили.

В этом же году Вест-Индская компания снова передала Луизиану королю. Колония Миссисипи опять стала заброшенным владением, но почувствовала себя лучше. Комендант Перье, который оказал ей большие услуги в час опасности, был отозван во Францию и уступил место своему предшественнику Жану Батисту де Бьенвилю: простая чехарда. Это возвращение во главу колонии, той, которую он создал, не дало блестящих результатов. Бьен-

виль, старея, становился придирой, к тому же более властным, чем раньше.

Его диктаторские приемы, необходимые для эмигрантов первых лет, бедняков, не имеющих ни очага, ни места под солнцем, были неприемлемы для людей, разбогатевших от своих трудов, по большей части образованных и с чувством собственного достоинства, пришедших на смену первым колонистам. Однако он продержался еще шесть лет, воевал с чикачазами, которые еще продолжали свою кампанию после исчезновения натчезов и были истреблены после жестокой экспедиции против них.

В 1738 году Бьенвиль подробно исследовал и колонизировал страну чокто¹, что обеспечило французам значительное расширение территории. В 1739 году начались первые серьезные опыты по сельскохозяйственному освоению новых земель. Поскольку почва была превосходной и со всех точек зрения благоприятной для выращивания злаковых культур и исчерпались возможности бесконечно тянуть из метрополии средства существования для разрастающейся с каждым днем колонии, кончилось тем, чем должно было начаться: большое количество земель распахали и засеяли зерновыми, ячменем, кукурузой, рожью, и этот опыт дал превосходные плоды. Вскоре Луизиана смогла обходиться собственными средствами. С этих пор она начинает процветать день ото дня.

В 1746 году только Новый Орлеан насчитывал 4500 жителей, среди которых двадцать пять — тридцать плантаторов имели от ста пятидесяти до трехсот тысяч дохода. В остальной колонии было около десяти тысяч жителей, из которых пять тысяч чернокожих, не считая местных индейцев, привязанных к нашим поселениям внутренними узами.

Начиналась вольготная и легкая жизнь для мелкой аристократии, устраивающейся постепенно по всему побережью на прекрасных плантациях, часто посещающей город,

¹ Чокто (чоктавы) — одно из важнейших североамериканских индейских племен мускогской языковой семьи; название переводится с мускогского языка, на котором говорит это племя, «красные». Во времена первых контактов с европейцами жили в центральных и северных районах современного штата Миссисипи. Современная численность — около 20 тыс. человек.

где можно было весело провести время в компании чиновников и офицеров, образованных, богатых, изысканных, предающихся всевозможным развлечениям: вечеринки, балы, охота, игры, приключенческие прогулки в индейские земли, которым опасность придавала дополнительную привлекательность. В общем это стал настоящий уголок Франции, перенесенный в глубину территорий, прилегающих к Мексиканскому заливу. Люди привнесли дух рыцарства, отваги, бескорыстия, расточительности, фатовства и в значительной степени мотовства. Женщины были красивы, умны, естественно, кокетливы, но умело прятали под внешним легкомыслием мужество, энергию, неоднократно проявленные в кризисные моменты.

Понятно, что Бьенвиль с его авторитарным стилем правления стал для этих вольнолюбивых людей фигурой одиозной и был отозван в 1743 году, к великой радости колонии, которой он в высшей степени опротивел. Его преемником назначили маркиза де Водрея, тот продолжил и закончил усмирение чактазов, уже готовых восстать против жестоких мер, совершенно несвоевременно принятых Бьенвилем.

Тем временем колония процветала с быстротой, которую невозможно было предположить, если судить по такому трудному началу. Выращивали индиго, хлопок, табак, сахарный тростник, кукурузу, ставшие доходными предметами экспорта. С равнин Иллинойса корабли уже везли зерно, кожи, соленое мясо, меха. Из Бордо, Ла-Рошели, Кадиса, Кап-Аитьена¹ часто прибывали корабли с европейскими товарами или предметами роскоши и уходили с обильным грузом продуктов, произведенных в молодой колонии. Город значительно усовершенствовался. Улицы были засажены красивыми, быстро растущими деревьями, клоаки исчезли, просторные дома с верандами и крытыми галереями вокруг них выглядели очень красиво.

Так продолжалось восемь лет. Потом снова начались войны, нелепицы, безобразия, преступления. А с войной, бедствием народов, пришла нищета. Население Луизианы к этому времени почти удвоилось! Встал вопрос о том,

¹ Кап-Аитьен — город на северном побережье острова Гаити (тогдашнего Санто-Доминго), один из основных портов Республики Гаити.

чтобы соединить ее с Канадой дорогой, которая должна была пройти по неизвестным землям, и для обеспечения ее безопасности понадобилось возвести на некотором расстоянии один от другого форты. Строительство этих фортов было равносильно захвату внутренних земель, англичане воспротивились этому и перегородили намеченную трассу укреплением. Французский офицер, посланный для переговоров, был подло убит. Это преступление послужило сигналом к началу борьбы в Луизиане, ибо в Европе уже бушевала Семилетняя война между вековыми врагами — Англией и Францией¹.

Луизианцы дрались с неукротимой энергией и храбростью, мирились со всеми бедами, безропотно терпели разорение, но не сдавались. Понадобился позорный Парижский договор, который отрывал их от родины-матери, чтобы заставить прекратить героическое сопротивление. Франция, отказавшись от своих позиций на берегах Миссисипи, в 1764 году по секретному договору уступила свою колонию Испании.

Трудно передать словами гнев луизианцев при мысли, что они перестают быть французами и становятся испанцами. Был даже момент, когда они решили провозгласить республику и объявить независимость, и уступили лишь силе. Но только в 1768 году войска вице-короля Мексики смогли завладеть Луизианой.

В 1802 году Испания вернула ее Франции по Сен-Ильдефонскому договору. Но Первый Консул² на следующий год продал ее по непонятной причине Соединенным Штатам за восемьдесят миллионов франков. По крайней мере, она была свободна и не стала английской!

ГЛАВА 13

Береговые братья. — Санто-Доминго. — Бертран д'Ожерон. — Де Пуанси. Де Кюсси. — Дюкасс

Маленький остров Сент-Кристофер, расположенный в ста двадцати пяти километрах к северо-западу от Гваделупы, площадью всего 17 000 гектаров, является первой

¹ Эта война велась в 1756 — 1763 годах.

² Наполеон Бонапарт. (*Примеч. перев.*)

французской колонией на Антильских островах. Сначала испанцы не стремились обосноваться на этом острове, открытом еще в 1493 году Христофором Колумбом, давшим ему свое имя, поскольку имели другие, более важные для исследования земли¹.

В 1623 году капитан Эснамбюк, получивший от короля Людовика XIII право создавать поселения на Антильских островах, пристал к Сент-Кристоферу и на нем обосновался. Спустя два года отряд англичан, приведенный искателем приключений Уорнером, также пристал к нему; но они устроились на другом конце острова, противоположном тому, где находились французы. Обе колонии объединились для защиты от карибов², занялись преследованием туземцев и кончили тем, что полностью истребили их.

С тех пор они жили, используя по возможности ресурсы страны, и становились немного охотниками, немного

¹ Сент-Кристофер (исп. Сан-Кристóбаль) — островок в группе Малых Антильских площадью 168,4 кв. км; открыт Колумбом в 1493 году, но до 1623 года оставался незаселенным. В 1623 году был заново открыт английской экспедицией под командованием Томаса Уорнера, давшего острову название Сент-Китс и основавшего здесь первую британскую колонию в Вест-Индии. В следующем году два поселения на острове основали французы. С 1625 года остров был предметом постоянных территориальных споров англичан и французов, не раз деливших между собой его территорию. Такая борьба продолжалась полтора века, пока по Версальскому мирному договору 1783 года остров окончательно не перешел к Соединенному Королевству. Сейчас остров входит в Федерацию Сент-Китс и Невис, независимое (с 19 сентября 1983 г.) государство, член Британского Содружества наций. Главой этой федерации является британская королева, которую в стране представляет генерал-губернатор.

² К а р и б ы — группа индейских народов Америки, в доколумбовы времена обитавшая в Гвиане (считающейся родиной карибов), бассейне Амазонки и на Малых Антильских островах. В 1660 году шесть тысяч оставшихся карибов были свезены на остров Сент-Винсент, где смешались с неграми. Впоследствии эти метисизированные карибы были депортированы на север Гондураса, где живут до сих пор. Остатки «чистокровных» антильских карибов (ок. 500 человек) до середины XX века сохранялись на острове Доминике. Общая численность современных карибов составляет примерно 160 тыс. человек. У Л. Буссенара, видимо, имеются в виду юпа, вымершая прибрежная подгруппа карибов венесуэльского побережья.

земледельцами, немного морскими пиратами. Так возникло знаменитое Береговое братство, которое наводило ужас на испанцев; пираты под названием «буканьеры» и «флибустьеры» совершали подвиги, граничащие с легендами.

Испанцы, пренебрегшие сначала маленьким островом Сент-Кристофер, увидев его занятым, захотели заполучить свое владение обратно и прогнать тех, кого рассматривали как незаконно вторгшихся. Напомним, что папа отдавал им все земли, которые они отколют в Новом Свете¹, поэтому испанцы считали возможным не допускать туда других европейских пришельцев, намеревающихся там обосноваться. Но новые обитатели Сент-Кристофера с помощью судовладельцев из Дьепа оказали яростное сопротивление. Именно тогда адмирал Фадрике Толедо², посланный в 1631 году в Бразилию с многочисленным флотом, предназначенным для того, чтобы разрушить голландские укрепления, получил приказ истребить корсаров острова Сент-Кристофер. Французы и англичане напрасно сопротивлялись. Они были подавлены численным превосходством испанцев, и оставшиеся в живых вынуждены были разбежаться.

Французы укрылись на острове Тортуга, расположенном к северо-западу от Санто-Доминго, называвшегося тогда Испаньолой³. Между ними была всего лишь прямая протока шириной десять километров. Остров Тортуга, названный так из-за формы, напоминающей панцирь черепахи⁴, насчитывал восемь лье в длину и три в ширину.

¹ Речь идет об испано-португальском соглашении 1494 года в Тордесильясе о разделе владений, в соответствии с которым земли, расположенные к западу от меридиана, проходящего в 370 морских милях западнее островов Зеленого Мыса (примерно соответствует 50° зап. долготы от Гринвича), отходили к Испании, тогда как края, лежащие восточнее этой линии, оставались за португальцами. Текст договора был подтвержден папской буллой. Таким образом, восток Бразилии (примерно восточнее дельты Амазонки) отходил, в соответствии с упомянутыми документами, к Португалии.

² Толедо-и-Осорио Фадрике — род. в 1580 г., ум. в 1634 г.

³ В настоящее время остров Санто-Доминго называется Гаити.

⁴ Тортуга — черепаха (*исп.*). На современных картах остров показан под его французским названием — Тортю, что является переводом исходного испанского топонима.

Окруженный отвесными скалами, которые по всему периметру делали его почти неприступным, он с южной стороны имел гавань, которую легко было защитить. На острове не было растительности, пресной воды не хватало, жить здесь было трудно; но эти недостатки с лихвой компенсировались безопасностью, и авантюристы не колеблясь обосновались на нем и устроили настоящую крепость.

Искатели приключений, изгнанные из всех соседних земель испанцами, прибывали туда просить убежища: англичан и особенно голландцев принимали с распростертыми объятиями. Став более многочисленным, население острова разделилось по их склонностям и предпочтениям на три категории: буканьеры, флибустьеры и колонисты¹, пользующиеся все одинаковыми правами, имеющие равные обязанности и объединенные самыми тесными узами солидарности. Они называли себя береговыми братьями.

Буканьеры отправлялись на Санто-Доминго, где в изобилии водились коровы и быки, завезенные туда испанцами и расплодившиеся на свободе. Они охотились на этих животных, живущих абсолютно в диком состоянии, как и огромное количество свиней. Охотники убивали быков выстрелом из ружья, солили шкуру как прекрасный объект меновой торговли, и коптили мясо, чтобы оно хранилось как можно дольше, то есть окуривали его густым дымом, по карибскому обычаю в «букане», копильне, — отсюда и «буканьеры»². Они запасали мясо целыми артелями и продавали его на корабли, которые заходили к ним, чтобы пополнить запасы провизии.

Мирные жители, самая малочисленная группа, были плантаторами. Они занимались обработкой земли и поставляли фрукты, овощи, кофе, сахарный тростник, какао, пряности, зерно.

¹ В книге Эсквемелинга (см. дальше) эта третья категория населения названа «плантаторы», то есть в буквальном переводе — «сажающие растения».

² Это не совсем так. Слово «буканьер» произведено от карибского «букакуи», обозначавшего либо само мясо, прокопченное на костре, либо деревянную палочку, на которой коптилось мясо. Буканьеры составляли лишь часть охотничьего населения Испаньолы; другая часть была представлена охотниками на диких свиней.

Флибустьеры, от искаженного английского *free boonter*, что означает «свободные грабители», или же от голландского *fly boat*, то есть «легкая лодка», разбойничали на море и становились грозными корсарами, как было сказано выше.

Это необычное сообщество, жившее по законам, о которых мы сейчас только что узнаем, процветало. Жизнь была привольная и легкая, а население приумножалось за счет недовольных, бежавших из Европы, которых это существование, полное движения, опасностей и изобилия, привлекало на остров Тортуга. Разгневанные этим захватом испанцы, военный и религиозный деспотизм которых разрушил Санто-Доминго и оставлял повсюду пустыню, захотели, как прежде на Сент-Кристофере, прогнать береговых братьев. Они предательски воспользовались временем, когда одни флибустьеры и буканьеры в походе, другие — на охоте, высадились на остров, перебили колонистов, занимавшихся земледелием, перерезали женщин и детей, а потом разрушили поселки.

Можно себе представить, как в бешенстве кричали буканьеры и флибустьеры, когда по возвращении узнали от оставшихся в живых о страшной бойне. Собравшись на совет, они поклялись смертельно ненавидеть испанцев, преследовать их отныне всегда и везде, грабить, убивать, разорять их владения, короче, объявили им настоящую войну на истребление. Они решили сдержать слово и жестоко отомстить.

Под командованием английского авантюриста по имени Уиллис, который попытался перевести остров под сюзеренитет¹ Великобритании, береговые братья попытались организовать, но не преуспели в этом и признали за командира француза, капитана Левассера. Последний организовал защиту острова, построил в порту маленькую цитадель, вооруженную пушками, сохранил острову французское подданство и потихоньку подготовил захват острова Санто-Доминго. К несчастью, Левассер стал настолько властным и так тиранил береговых братьев, что те убили его. С тех пор они жили в состоянии полной

¹ Сюзеренитет — верховенство одного государства над другим, заключающееся в политической и экономической зависимости государства-вассала.

анархии, образовывали союзы, разваливающиеся после первой вылазки, руководимой главарем, который, закончив операцию, возвращался в строй или же образовывал небольшую шайку для участия в общем деле.

И так продолжалось до того дня, когда шевалье де Фонтеней прибыл в качестве коменданта занять крепость и начать строительство жилища, более достойного для представителя короля Франции.

Итак, остров Тортуга стал французским, на нем поднялся белый флаг, расшитый золотыми геральдическими лилиями, но какого страшного подданного занимало его величество!

Сначала буканьеры. Почти все они были фламандцы или пикардийцы, согнанные с родных мест нищетой; они прибывали на Антильские острова полные свирепой ненависти к испанцам. Страсть к расправам и повседневные занятия вскоре сделали из них сомнительных воинов. Все предавались исключительно охоте на диких быков и коров, а также на свиней, вернувшихся в свое естественное состояние в лесах и горах. Они были экипированы длинными ружьями с восьмигранным стволом, издававшим при стрельбе очень громкие звуки, и тесаками с длинным лезвием для снятия шкур или разделки убитых животных. Порох, как у канадских охотников, хранился в больших бычьих рогах или в хорошо закрытых калексах;¹ помогали им огромные собаки, которые загоняли животных и бесстрашно атаковали их.

У буканьеров было по паре рубашек, короткие штаны или широкие брюки и куртка из грубого сукна. Войлочный или шерстяной колпак с козырьком дополняли вместе с башмаками из коровьей или свиной кожи этот нелепый и лишенный изыска гардероб. В свои экспедиции они брали маленькие палатки из тонкого полотна, которые скатывали и носили через плечо, как наши солдаты свои шинели, и с приходом вечера ставили их, чтобы защититься от дождей и комаров. Экипированные таким образом, они объединялись по двое и пользовались сообща всем, что имели. Выживший наследовал от умершего. Кроме этих маленьких сообществ было еще общее объединение всех

¹ Калекс — бутылка из выдолбленной и высушенной тыквы. (Примеч. перев.)

буканьеров; таким образом, каждый из них мог найти около другого букана вещи, в которых нуждался.

У них существовало взаимное доверие и общность всего, что они имели. В домах не было запоров. Такая мера предосторожности рассматривалась в первую очередь как преступление против общества. «Твое» и «мое» — были слова, непонятные в этой республике; пререкания и споры возникали редко; суд соседей или общих друзей обычно прекращал их.

Если примирение было невозможным, то противники стрелялись на дуэли со свидетелями или без. Дуэль часто становилась смертельной из-за меткости этих искусных стрелков. Дуэлянты расходились на определенное расстояние, и жребий указывал, кто должен стрелять первым. Если одного выстрела было недостаточно, второй делали по желанию. Когда кто-то погибал, буканьеры собирались, чтобы проверить, «хорошо» или «плохо» он был убит, не была ли совершена относительно него подлость и откуда поразила мертвеца пуля. Всякая рана, нанесенная сзади или сбоку, рассматривалась как убийство. Виновного, кем бы он ни был, вешали или расстреливали.

На охоте они занимались поиском «авеню», то есть троп, проложенных в кустарниках дикими животными. Следуя за собаками, охотники преследовали стадо и нападали на него, но не без риска, поскольку животные всегда были разъярены. Со всех убитых животных прямо на месте снимали шкуру, кожу засаливали, куски мяса коптили, за исключением того, что предназначалось для вечерней трапезы, и просто жарили на углях, а затем натирали перцем. Когда запас шкур и мяса становился значительным, буканьеры всю добычу переправляли на рейд и продавали экипажам кораблей. Они снабжали также жителей, занимающихся только земледелием.

Никого не интересовала национальность желающего принять участие в сообществе. Не спрашивали даже имени. У большинства членов общества были только клички, которые нередко передавались потомкам. Некоторые называли свое настоящее имя в момент женитьбы, а отсюда поговорка, долгое время бытующая на Антильских островах: «Человека узнаешь только в тот момент, когда он женится».

Впрочем, женатый человек не мог быть ни буканьером, ни флибустьером: он вынужденно становился «колонистом». Как и буканьеры, колонисты добровольно объединялись. Когда они хотели создать поселение, то обращались к коменданту за концессией на землю. Потом будущие земледельцы спиливали деревья, сжигали их и сажали на участке быстрорастущие овощи. Позабывшись о своем пропитании на будущее, они приступали к строительству большой хижины, или «каса»¹, как говорили испанцы, которые привезли это слово в Америку. Поселенцы сами были архитекторами и строителями. Для этого они срезали три или четыре дерева, разветвленных в виде вилки, высотой пятнадцать — шестнадцать футов, вкапывали в землю, и на эти вилки укладывали ряд бревен, соединяемых гвоздями и образующих конек крыши хижины. С конька по бокам спускались тонкие стропила, связываемые с поручнями лианами или полосками бычьей кожи и служащие для поддержания покрытия из пальмовых листьев. Стены делали из легкого плетня из обычного или сахарного тростника. И все. В двух футах от земли внутри хижины устраивали плетеный настил, на который клали тюфяк, набитый кукурузными листьями. Это было ложе.

Колонист, обладающий таким сооружением, считался богачом и никогда добровольно не оставил бы прекрасную землю Санто-Доминго, дающую ему почти без труда зерно и особенно табак, торговля которым в Европе была очень прибыльной.

В этой своего рода республике, где, казалось, царило самое неукоснительное равенство, тем не менее были рабы, и притом белые! Этими несчастными были добровольцы из Европы, прибывшие в погоне за состоянием, но поскольку ничего, кроме собственных рук, у них не было, то они обычно нанимались на семь лет в услужение к буканьерам или жителям. Невозможно представить судьбу ужаснее той, что выпадала на долю этих бедолаг; положение их было раз в сто хуже, чем у негров.

Еще больше, чем буканьеры и колонисты, необходимость объединяться испытывали флибустьеры для формирования экипажей. Быть может, никогда любовь к на-

¹ К а с а — дом, жилище (исп.).

живе и жажда мести не имели лучшего случая развернуться во всю ширь. Их первые походы были очень удачными, флибустьеры налетали огромными бандами, состоящими из английских, голландских, фламандских и португальских авантюристов. Чтобы поддерживать согласие между людьми различных национальностей и особенно относящихся с антипатией друг к другу, первые организаторы установили жесткий обычай, который вскоре стал неписаным правилом.

Вне службы каждый человек сохранял всю свою независимость; но флибустьеры все время были связаны между собой непоколебимым обязательством. Сообщник, который нарушал эту своего рода присягу, терял звание берегового брата; его высаживали без еды и одежды на пустынном острове. По важным вопросам каждый береговой брат мог высказать свое мнение; каждый имел право на равную долю еды, вина и добычи. Дезертирство во время сражения каралось смертью. У того, кто воровал у своих, товарищи отрезали нос или уши; вора изгоняли из братства. Тот, кто крал из общего имущества, то есть из награбленного, но еще не разделенного добра, также изгонялся; его высаживали на пустынный берег с ружьем, припасами и полным бурдюком воды. Приговоры выносил выборный суд. Пьянство, неисполнение приказов главаря, оставление своего поста наказывались удержанием части добычи. Когда два флибустьера затевали ссору, им запрещалось выяснять отношения на борту, но при ближайшей высадке на берег они могли разрешить свои проблемы при помощи сабли или пистолета в присутствии помощника капитана. Постоянно нарушаемое правило запрещало игры в кости и карты на борту судна.

Между экипажами и их главарями обычно составлялся договор, называемый по-французски *chasse-partie*. Вот как, по словам Оливье Эксквемелина¹, который долгое время

¹ Эксквемелинг Джон (так — по английской версии; по голландской — Александр-Оливье Эксквемелин; 1645 — 1707) — голландский лекарь, в молодости отправившийся в качестве служащего нидерландской Вест-Индской компании на острова Карибского моря; был захвачен пиратами, пережил много приключений, не раз его продавали в рабство; в конце концов ему, однако, удалось стать членом пиратско-

жил на острове Тортуга, выглядит один из этих актов, состоящий из шестнадцати параграфов. Это документ достаточно любопытный и заслуживает быть изложенным полностью:

«1. Если находящийся в плавании вооруженный корабль является общей собственностью экипажа, то первый захваченный корабль будет принадлежать капитану с частью добычи. 2. Если упомянутый корабль составляет собственность только капитана, то первый захваченный корабль будет принадлежать ему с двумя третями добычи; но он обязан сжечь тот из двух кораблей, который будет менее ценен. 3. Если корабль, принадлежащий капитану, погибнет при кораблекрушении, экипаж обязан оставаться со своим капитаном до тех пор, пока тот не добудет себе любым способом новый корабль. 4. Корабельный хирург получает двести экю¹ на свою медицинскую сумку, независимо от того, участвовал ли он в деле или нет и, кроме того, в случае участия, он получит часть добычи. Если ему не могут выдать ее деньгами, то он получит двух невольников. 5. Остальные офицеры получают каждый одну простую долю, за исключением отличившегося. В этом случае экипаж, собравшись вместе, должен большинством голосов назначить ему вознаграждение. 6. Тот, кто первый подаст сигнал, будь то днем или ночью, о появлении корабля-добычи, получит сто экю. 7. За потерю глаза во время сражения будет выплачено сто экю или выдан один не-

го братства, а потом и вернуться домой. Его книга о знаменитых пиратах Нового Света вышла в свет на голландском языке в 1678 году; в 1681 году был выпущен ее испанский перевод, а в 1684-м — английский (сделанный, впрочем, с испанского издания). В предисловии к французскому изданию (1686) утверждается, что Эсквемелинг еще трижды плавал в Вест-Индию, а в промежутках успел еще совершить паломничество в Палестину. На русском языке книга Эсквемелинга «Пираты Америки» вышла в свет в 1968 году (Москва, изд-во «Мысль»).

¹ Э к ю — старинная французская золотая монета. В XVII веке чеканились так называемые «золотые экю с солнцем» (на лицевой стороне таких монет изображались корона и солнечный диск над ней) весом около 3,3 г. Кроме того, в 1641 году началась чеканка серебряных экю весом около 26 г. Здесь речь идет именно о серебряном экю (в оригинальном тексте Эсквемелинга упоминаются испанские серебряные монеты песо, содержавшие 25,6 г чистого серебра).

вольник. 8. Потеря обоих глаз стоит шестьсот экю и шесть невольников. 9. Потеря правой кисти или руки будет стоить двести экю или два невольника. 10. Потеря обеих кистей или обеих рук будет стоить шестьсот экю или шесть невольников. 11. Потеря пальца или уха будет стоить сто экю или одного невольника. 12. Потеря одной ступни или одной ноги будет стоить двести экю или два невольника. 13. Потеря двух конечностей будет стоить шестьсот экю или шесть невольников. 14. Если береговой брат получит в какой-либо части тела рану, требующую интубации, ему выдадут двести экю и двух невольников. 15. Если кто-либо потеряет конечность не полностью, но она не будет действовать, он получит компенсацию, как если бы потеря была полной. 16. Всякий покалеченный имеет право потребовать оплаты в счет возмещения ущерба деньгами или невольниками, лишь бы род добычи позволил его удовлетворить. В противном случае он осуществит свои права на следующую добычу».

Ученики или новые матросы имели право только на половину доли добычи, и все подвиги вознаграждались независимо от доли добычи, предназначенной для каждого члена шайки.

Естественно, что братство по оружию играло огромную роль у этих людей, существование которых было сплошной опасностью. Эти сообщества группировались по два человека по симпатиям, как буканьеры. На борту, где было абсолютное равенство, царила, однако, строгая дисциплина. В том, что касалось маневров или сражения, каждый неукоснительно подчинялся капитану или вахтенному офицеру под страхом смерти. Жизнь флибустьеров во время походов была очень тяжелой и лишенной всяких удобств. Они ели дважды в день, в десять утра и пять часов пополудни. Еда состояла главным образом из меда и соленого или копченого мяса. Матросы группировались вокруг котла по семь человек. Офицеры имели тот же распорядок и садились к общему котлу как равные.

Некоторые из главарей славились неслыханной ловкостью, отвагой и смелостью, об их подвигах до сегодняшнего дня рассказывают легенды. Первым, кто приобрел известность в начале образования общества береговых братьев, стал моряк из Дьепа по прозвищу Пьер

Ле-Гран¹. Он захватил около мыса Тибурон, западной оконечности Санто-Доминго, вице-адмирала испанского флота, командовавшего кораблем с пятьюдесятью двумя пушками и с экипажем из четырехсот двадцати человек. У Пьера Ле-Грана была лодка с палубным настилом и двадцать восемь человек команды! Казалось, даже не думая о том, что на каждого его матроса приходится по пятнадцать испанцев, что враждебный корабль представляет собой почти неприступную крепость, он повернул на него. Флибустьеры поклялись победить или умереть. Дистанция сокращалась... Ле-Гран приказал хирургу просверлить отверстие в корпусе судна, чтобы оно, наполнившись водой во время абордажа, затонуло. Таким образом, для флибустьеров спасение было только в победе. Этот хирург, который, очевидно, стоил этой любопытной компании, без сомнения способный при случае всадить трепан² в череп, просверлил барку в тот момент, когда его сообщники, хватаясь за снасти, орудийные порты³, вельсы⁴, вскарабкались по бортам корабля и оказались на палубе. Первые испанцы, вставшие у них на пути, были безжалостно убиты. Потом эти двадцать восемь человек бросились с бешеной яростью в большую кормовую каюту. Они захватили врасплох весь офицерский состав, занимавшийся в кают-компании карточной игрой, нацелили ружья на каждого из офицеров, разоружили их, связали и оставили в качестве заложников, чтобы добиться капитуляции перепуганного экипажа. Уже начинало темнеть, и испанцы не увидели корабля, который мог бы привезти эту толпу демонов, хирург, отправив на дно лодку, вскарабкался на палубу и сражался как одержимый — суеверные испанцы могли принять это только за чудо.

Дерзкий удар был нанесен, флибустьеры вернулись на Тортугу с адмиральским кораблем, который представлял

¹ То есть Петр Великий (*фр.*).

² Т р е п а н — специальный хирургический инструмент для вскрытия черепа (бурав, коловорот).

³ О р у д и й н ы е п о р т ы — отверстия в борту корабля для производства артиллерийской стрельбы с нижних палуб.

⁴ В е л ь с ы — 1) надводные доски наружной обшивки деревянных судов, 2) надводный борт судна.

для них очень ценную добычу. Как и во время этого невероятного абордажа¹, несколько месяцев спустя принадлежащий флибустьерам двадцатипушечный фрегат не побоялся ввязаться в сражение против двух крупных испанских галионов. Флибустьеры сражались с врагом, которому они объявили беспощадную войну, то есть с испанцами. Устремившись навстречу двум кораблям, чтобы разделить их и сражаться с каждым поодиночке, флибустьеры приблизились к ближайшему судну. Дав несколько залпов, фрегат благодаря своему превосходству в скорости обогнал испанца и перебил его фок-мачту². Маневрируя таким образом со скоростью морской птицы вокруг этой неповоротливой баржи, фрегат послал в него серию залпов, смел его батареи от одного борта до другого, покрывая палубу убитыми и ранеными, а сам при этом не получил никаких серьезных повреждений. Второй галион прибыл на театр боевых действий, но при виде своего потерявшего управление и тонущего спутника удрал на всех парусах.

Чуть позже флибустьерские нападения приняли такой размах, что испанцы, владевшие большей частью Америки, решили принять энергичные меры, чтобы избавиться от страшных врагов, становящихся все более свирепыми. Однако все их усилия были бесполезны, и флибустьеры продолжали неистовствовать. Не довольствуясь атаками на море, последние стали высаживать десанты на берег. Бедствие не ограничивалось больше потерей нескольких кораблей, речь уже шла о богатых и населенных городах. Первым флибустьером, осмелившимся высадить десант, был Льюис Скот. Он напал на Сан-Франсиско-де-Кампече, разграбил и разрушил до основания несчастный город. Вслед за ним Джон Девис взял штурмом Никарагуа³, позже — высадился на Флориде и разграбил Сан-

¹ Абордаж — тактический прием морского боя гребных и парусных судов, сцепление атакующего корабля с вражеским судном для овладения им в рукопашной схватке.

² Фок-мачта — передняя мачта на многомачтовых парусных судах.

³ Так назывался город в устье реки Сан-Хуан (современный Сан-Хуан-дель-Норте) на территории нынешней Республики Никарагуа.

Аугустин¹. Потом Александр, по прозвищу Железная Рука, разбил испанцев в Бокас-дель-Драгон...²

Но самыми знаменитыми были Франсуа Нод, по прозвищу Л'Оллонэ Мишель Баск, Монбар Истребитель и Морган Красная голова. Л'Оллонэ³ стал флибустьером, промучившись какое-то время в качестве «кабального». Храбрый до безумия, но жестокий до свирепости, он совершил большое количество очень удачных плаваний и однажды высадился на Кубе, перебил множество испанцев и нагрузил огромные богатства на свои корабли. Вскоре, поскольку дерзость возрастала с каждой удачей, он осмелился напасть на город Маракайбо, защищаемый тысячным гарнизоном и окруженный грозными фортификациями. Против всякого ожидания он взял этот несчастный город, истребил жителей, которые не могли заплатить достаточно большой выкуп, методично разграбил дома, общественные здания, церкви, с которых снял даже колокола. Оставив разрушенный Маракайбо, Л'Оллонэ пересек лагуну и подошел к Гибралтару, расположенному довольно далеко от берега⁴, захватил его после жестокого боя и, чтобы заставить жителей расплатиться за их отважное сопротивление, утопил город в крови и поджег. Он не пощадил ни женщин, ни детей, на которых для забавы натравливал огромных псов, натасканных буканьерами для охоты на диких быков.

Имя Л'Оллонэ стало на суше и на море таким страшным для испанцев, что торговля, казалось, полностью прекратилась. Это за короткий срок могло привести к полному разорению их колонии, если бы такое положение дел продолжалось. Но час невзгод прозвонил для бесстрашного предводителя флибустьеров. Он только что разорил побережье Гондурасского залива и взял присту-

¹ Имеется в виду маленький городок Сан-Аугустин-де-Флорида.

² Пролив, ведущий из Атлантики в залив Пария и отделяющий остров Тринидад от материка.

³ Л'Оллонэ был родом из французского местечка Ле-Сабль-д'Оллон, откуда и прозвище.

⁴ Имеется в виду городок Гибралтар (точнее — Хибралтар), существовавший в те времена на восточном берегу озера Маракайбо, в 40 лигах от пролива, соединяющего озеро с Венесуэльским заливом. Все его население насчитывало около полутора тысяч человек.

пом город Сан-Педро, а потом принялся за полуостров Юкатан, где его окружили значительные испанские силы и взяли в плен с большей частью его сообщников. Испанцы, которые при таких обстоятельствах были союзниками с индейцами этого региона, отдали захваченных им. Л'Оллонэ и его товарищи были привязаны к деревьям и съедены живьем каннибалами.

Подвиги Монбара были таковы, что друзья и враги дали ему прозвище Истребитель. Выходец из знатной гасконской семьи с самого юного возраста мечтал стать корсаром, чтобы воевать с испанцами, которых ненавидел за их жестокость. Книги о покорении Америки, о пытках, применяемых к несчастным индейцам, приводили его в отчаяние, он мечтал отплатить победителям за их жестокость и освободить побежденных. В Монбаре было что-то от странствующего рыцаря, присоединившего к своему родовому имени прозвище Индейский Мститель. Лично очень бескорыстный, презирающий богатство, но страстно любящий славу, молодой гасконец способствовал обогащению своих компаньонов, охотно отказываясь от своей доли добычи.

Отец не хотел отпускать его в море, и тогда он сбежал, добрался до Гавра, нашел там своего дядю, который командовал военным кораблем, отправляющимся на Антильские острова, и присоединился к нему. Прибыв на Санто-Доминго, молодой Монбар, мужественно приняв участие в нескольких морских сражениях, сошел на берег, пока его дядя давал отдых своему кораблю. Воспользовавшись вынужденной остановкой, он во главе нескольких матросов присоединился к шайке буканьеров. Последних испанцы преследовали, как диких животных. Монбар решительно напал, несмотря на явное численное неравенство, на корпус, насчитывающий около двух тысяч испанцев и их индейских союзников, и проявил такую смелость, помноженную на стратегическую ловкость, что пять сотен врагов нашли свою смерть в этой стычке. Индейцы были единственными, кого он взял в плен. Монбар объяснил им, что он пришел освободить их от ярма угнетателей, отпустил на свободу и сделал из них в дальнейшем полезных и отважных помощников. Буканьеры единогласно объявили гасконца своим главарем. Между тем его дядя, атакованный четырьмя испанскими галионами и пустив два из них на дно, видя, что сейчас будет захвачен, взо-

рвал свой корабль. Эта трагическая смерть человека, которого он обожал, еще больше, если это только возможно, усилила ненависть Монбара. Он сражался то на суше вместе с буканьерами, то на море в рядах флибустьеров. Командуя двумя прекрасными кораблями, он вместе с командой, состоящей из испытанных моряков, наводил такой ужас на врагов своей отвагой и невероятным мужеством, что вскоре ни один испанский корабль не осмелился показаться в Гондурасском заливе и у берегов Юкатана. Монбар начал тогда опустошать побережья, жечь и грабить самые важные колонии испанцев: Сан-Педро, Пуэрто-Кабальо, Маракайбо, обращать в бегство флоты и армейские корпуса!

Вот как описывает его внешность Оливье Эксквемелин: «Живой, расторопный и полный огня, как все гасконцы. Роста он был высокого, имел благородную бравую осанку, смуглое обветренное лицо. Что касается глаз, то никто не смог бы сказать, каких они формы и цвета. Черные и густые брови смыкались над ними дугой, почти закрывали их и прятали, как под темными сводами. Говорят, что в сражении он начинал побеждать уже одним взглядом, а заканчивал силой рук. Пока другие с удовольствием рассматривали попавшие в руки богатства, Монбар радовался большому количеству лишенных жизни испанцев, поскольку рисковал жизнью вовсе не во имя добычи, а только ради славы и чтобы наказать испанцев за их жестокость».

Шарлевуа добавляет, что ни разу Монбар не ударил невооруженного противника. Глубокой тайной покрыта вся жизнь известного флибустьера, погибшего, очевидно, во время шторма.

Беспокойное население острова состояло из самых разношерстных элементов, живших группами в состоянии почти полной независимости. Правда, на острове Тортуге имелся «королевский комендант», но он, собственно говоря, не осуществлял никакой эффективной власти и находился здесь скорее для того, чтобы утвердить своим присутствием права Франции на владение землей. Впрочем, флибустьеры, буканьеры и жители, существуя как истинные бандиты, все же крепко держались за право оставаться французами и не хотели выглядеть личностями без отечества. Итак, остров был вроде бы французским по

названию и национальной принадлежности его обитателей.

Первым истинно французским комендантом истинно французской земли, который действительно сумел подчинить этих бунтарей, был Бертран д'Ожерон. Эта вовсе не легкая задача требовала энергии, такта и глубокого знания людей. Впрочем, все его прошлое давало ему, как никому другому, условия для успеха. После тщетных попыток колонизовать Мартинику он надеялся добиться большего на Санто-Доминго. Бертран плыл на остров с компаньонами, когда кораблекрушение отняло у него недалеко от Леогена¹ груз: оборудование и все припасы. Оставшись безо всего, он вынужден был расстаться со своими людьми и вести тяжелое существование с буканьерами, по-братски принявшими разорившегося дворянина. Живя и трудясь бок о бок с ними, он сумел изучить, понять нужды, стремления этих отважных людей и решил преобразовать в сильную процветающую колонию разношерстное сборище сухопутных и морских бандитов. Впрочем, некоторые из них жаждали отдыха и семейных радостей. Они-то и создали первое ядро из порядочных людей, которыми д'Ожерон окружил себя. Уверенный, таким образом, что будет поддержан в своем стремлении, он отправился во Францию, переговорил с министром, получил горячее одобрение и вернулся в 1664 году в должности губернатора.

Буканьеры, и особенно жители, уже обосновались на большом острове, когда перепутанные испанцы перебрались на его западную часть и основали несколько поселений. С самого начала д'Ожерон добился, чтобы из Франции прислали бедных девушек. По прибытии они вышли замуж за буканьеров, и те, став отцами семейств, тотчас утратили свою прежнюю суровость.

Одновременно поднялись колонии Птитанс, Ниппес, Фон-де-Негр, Анс-а-Во, Пор-Мариго и Кап². Новые брачные союзы заключались по мере прибывания новых транспортов, привозящих невест для жителей и буканьеров, последние становились оседлыми и также начинали зани-

¹ Леоген — городок на западном побережье острова Гаити, в 30 км к западу от Порт-о-Пренса.

² Кап — позднейший Кап-Аитьен.

маться сельским хозяйством. С другой стороны, д'Ожерон под предлогом посылки во Францию своего груза купил два корабля, но сделал это скорее для жителей, чем для себя. Каждый грузил на них свои продукты для мелких перевозок. По возвращении д'Ожерон публично выгружал привезенные товары; колонисты их принимали, в оплату требовалось только простое честное слово покупателя. Такое поведение открывало ему все сердца и кошельки. Около двух третей, или, по крайней мере, половина жителей, были приручены. Флибустьеры, достаточно многочисленные, всегда были непримиримыми и упорными в признании власти, которая могла бы помешать некоторым морским операциям в исключительно пиратской сфере. Комендант решил использовать их для завоевания целого острова. В 1673 году в очередной раз вспыхнула война между Францией и Испанией. Поведя неустоимых морских вояк против их векового врага, обнаруживая ценные качества воина и моряка и не щадя себя, губернатор завоевал одновременно для Франции флибустьеров и большую часть острова Санто-Доминго, но, мечтая завершить это завоевание и полностью изгнать врага с большого острова, д'Ожерон в 1676 году снова отправился в Париж, чтобы заинтересовать правительство своими проектами и получить недостающие средства. Почти сразу по прибытии Бертран умер от болезни, которую приобрел в Америке.

Бертран д'Ожерон умер бедным, сохранив репутацию добродетельного человека, заботливого сына своей родины, который никогда не думал скопить состояние, хотя сделать это ему бы не составило труда.

Его место в правлении островом Тортуга занял де Пуанси, его племянник, честный и мужественный, как и он, и обладающий такой же энергией и знанием людей.

Де Пуанси пришел на смену своему дяде в критических обстоятельствах. Ведь кроме испанцев, исконных врагов, были еще голландцы, большие охотники нападать на наши поселения, с которыми также не прекращались войны. К счастью, де Пуанси имел храбрых помощников. Он укрепил оборону множества пунктов на побережье, и буканьеры сняли с крюков свои ружья, бездействовавшие после исчезновения дичи, флибустьеры снова отправились в море и показали голландским морякам, что они достой-

ны своей репутации. Наше поселение, что было очень редко, смогло продержаться своими собственными средствами, не прибегая к помощи метрополии. К тому же какими бы страшными людьми ни были береговые братья, они сражались теперь за свои семьи и свои очаги под знаменем своей родины!

Положение улучшилось. Плантаторы обеспечивали существование колонии и могли даже экспортировать некоторое количество ценных продуктов, особенно табака, продажа которого давала значительную прибыль. Де Пуанси основал поселок Жакмель, и население нашей молодой колонии насчитывало уже восемь тысяч жителей, не считая черных невольников, привезенных из Африки.

Правительство шевалье де Пуанси продержалось только семь лет и преждевременно закончило свое существование со смертью этого честного и искусного администратора. Ему на смену пришел шевалье де Кюсси, такой же храбрый, как и его предшественники, и, как они, стремящийся обеспечить превосходство Франции на всем острове. В 1689 году де Кюсси перешел в мощное наступление, решительно атаковал город Сантьяго и взял его штурмом, несмотря на отчаянную защиту.

Последовавший вслед за этим сезон дождей помешал продолжить завоевание. Известно, что в тропиках в это время года вода с неба льет неделями и месяцами, пропитывая землю, переполняя реки, которые выходят из берегов и делают движение экспедиционного корпуса почти невозможным. Де Кюсси надеялся перейти в наступление тотчас после возвращения сухого сезона, но его опередили испанцы, располагавшие более многочисленной армией, и навязали ему сражение в долине близ Лимонада¹. Де Кюсси допустил неосторожность, приняв сражение в этих неблагоприятных условиях с бесстрашием, проявленным еще тогда, когда первым атаковал Сантьяго². Он был убит в бою, и вместе с ним погибли около шести сотен французов.

¹ Лимонад — сейчас это небольшой городок на северной прибрежной равнине, юго-восточнее города Кап-Аитьен.

² Сантьяго — здесь речь идет о городе Сантьяго в северной части острова Гаити, на территории современной Доминиканской Республики.

Храброго и несчастного де Кюсси сменил Жан-Батист Дюкасс, отважный баск, от простого юнги дослужившийся до капитана корабля, несмотря на небывалые трудности при продвижении человека, не имеющего знатных предков. Дюкасс, привычный к сказочным подвигам, к отважным, считающимся невозможными поступкам, был человеком ситуации. Назначенный правителем в 1691 году, он быстро разделался с испанцами и преследовал их до Ямайки. Став во главе флибустьеров, он сделал смелый бросок к этому прекрасному острову, опустошил его, захватил огромную добычу и с триумфом вернулся на Санто-Доминго. Спустя некоторое время испанцы в союзе с англичанами снова напали на наше владение. Дюкасс должен был отойти в глубь острова, вступить в партизанскую войну, неотступно преследовать их, бить поодиночке и заставить покинуть остров. Верный своему стратегическому принципу, состоящему в том, чтобы вести войну на территории врага, он отправился вместе с бароном де Пуанси в его экспедицию в Картахену. Храбрый баск возглавил большую шайку флибустьеров, принял активное участие в кампании, внес свой мощный вклад во взятие форта Бока-Чика и первый водрузил французское знамя над фортом Ильимани.

Рисвикский мирный договор (1697 г.), по которому Испания уступала Франции часть острова Санто-Доминго, положил конец этой волнующей борьбе и позволил снова заняться делами колонизации.

ГЛАВА 14

Французы в Гвиане. — Ла Равардьер. — Колониальные кампании. — Маркиз де Фероль. — Тюрго и Шанвалон. — Катастрофа на Куру. — Малуэ. Барон де Бесснер

Миф о стране Эльдорадо, который зажег воображение и более века возбуждал вожделения, постепенно рассеялся, поиски золота отошли на второй план, и отныне путешественники занимались только колонизацией.

Первые ее попытки можно назвать откровенно неудачными, если не больше, поскольку для колонизации этой страны бесконечных непроходимых лесов, не имеющей

других путей для проникновения, кроме почти несудоходных рек, для разработки прекрасных лесов, всевозможных рудников и огромного разнообразия природных богатств, необходимо было привлечь большое количество людей, жадных до работы и не знающих усталости. Но первых колонистов, прибывших на эти реки, к тому же в малом количестве, привлекали надежда на легкую наживу, большие доходы, которые можно получить без особых усилий. Это были люди без определенного рода занятий, набранные для новых колоний по притонам и значным местам, не приспособленные к тяжкому труду, но одержимые алчностью, поэтому для эксплуатации природных богатств приходилось прибегать к труду порабощенных аборигенов и ввозимых в страну рабов.

В 1604-м, а по другим сведениям в 1612 году, была организована первая французская экспедиция для колонизации Гвианы. Ее начальником назначили капитана де Ла Равардьера¹. Очарованный мощным течением Амазонки, он обосновался и укрепился на большом острове Мараньян, откуда португальцы не замедлили его изгнать².

Рекой, принявшей в 1628 году первых колонистов, прибывших в Гвиану, была Синнамари³. Двадцать шесть человек под командованием сьера Шантайя и сьера Шамбо набросились на огромные леса с дерзкой мыслью прорубить в них просеку. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Вторая экспедиция, состоящая всего лишь из четырнадцати человек, оставшихся от колонистов, пытавшихся освоить берега Синнамари, обосновалась на реке Кунамане с целью произвести здесь раскорчевки⁴. Затем в помощь им прислали около пятидесяти человек, потом еще шестнадцать. Но колония все же развалилась из-за постоянной нехватки рабочих рук и плохо выбранного места для ее строительства.

¹ Ла Равардьер (Даниэль де Латуш де Ла Равардьер; ок. 1570 — после 1631). В 1604 году посетил Гвиану, потом был назначен королевским наместником земель от Амазонки до Тринидада с титулом вице-адмирала Бразилии.

² Это случилось в ноябре 1614 года.

³ В исторических источниках указывается другая дата: 1626 год.

⁴ Именно эта группа колонистов прибыла в Гвиану в 1628 году под командованием капитана Отпена.

В 1633 году маленькая группа вынуждена была отступить на остров посреди реки Кайенна. Одна часть выбрала берег Ремира, другая укрылась на холме, носящем имя карибского вождя Сеперу¹.

В том же 1633 году несколько торговцев из Руана получили у Ришелье привилегию на торговлю и навигацию в странах, расположенных между Амазонкой и Ориноко. Новое подтверждение этих прав им было дано в 1638 году грамотой, в которой говорилось, что компании разрешается продолжить колонизацию земель от устья реки Кайенна до устья Марони, по направлению к мысу Норд² и обосноваться во всех странах, не занятых никаким христианским владельцем, между «рекой Ориноко, включая оную, и рекой Амазонка, включая оную». Эта грамота доказывает существование достаточно большого количества поселений до 1633 года. Первый полк был послан этой компанией, основанной под названием «Руанская» под командованием капитана Леграна. Второй, более многочисленный, прибыл позже, чтобы окончательно завладеть освоенными территориями, им командовал Понсе де Бретины³. Он появился 25 ноября 1643 года в устье Магури с двумя кораблями и тремя сотнями бродяг и отщепенцев на борту. В различных пунктах вдоль берега обитали несколько французов, жалкие остатки существовавших некогда по берегам рек колоний. Они говорили на языке племени галиби⁴ и переняли их привычки.

По прибытии Понсе де Бретины также обосновался на вершине холма Сеперу, построил форт и окружил его палисадом для защиты от возможных набегов индейцев. Вместо колонизации Бретины, охваченный истинным военным безумием, всех поставил под ружье и создал режим немыслимой тирании. Он истощил силы и энергию подчиненных на бесполезное строительство фортов и оборонительных сооружений. Голод, плохое обращение

¹ Это событие относится к 1634 году, а основание деревни и форта Кайенна — к следующему, 1635 году.

² Вероятно, мыс Нурти на северо-востоке Бразилии, к северу от дельты Амазонки.

³ Б р е т и н ы (Шарль Понсе, съёр де Бретины; ум. в 1645 г.) — французский колонист; действовал от имени Компании мыса Норд.

⁴ Г а л и б и — одно из племен гвианских карибов.

ожесточили толпу невольников. Они схватили Бретињи и заковали его в кандалы, но поскольку среди них не было никого, кто мог бы его заменить, то власть ему вскоре вернули, и он воспользовался ею для еще более свирепых бесчинств.

Вместо того чтобы подружиться с добрыми и миролюбивыми индейцами и, следовательно, легко подчинить их себе, этот кровожадный зверь мучил их без всякой нужды и стал первой жертвой своей нелепой жестокости. Индейцы ушли в леса и не кормили больше маленький отряд, которому угрожала теперь голодная смерть. Бретињи, намереваясь преследовать их, попал в засаду и был убит вместе с большинством своих людей. Сумели убежать и укрыться на вершине холма Сеперу только двадцать пять человек. Руанские компаньоны прислали помощь этой колонии только через два года после отправления экспедиции. Французу по фамилии Лафорест было поручено проводить в Кайенну сорок человек подкрепления. В конце шестой недели индейцы их перебили, за исключением двоих, сумевших пробраться в Суринам, где уже обосновались голландцы¹.

К концу 1651 года в Париже создается новая ассоциация под названием «Компания Эквinoxальной² Франции», состоящая из двенадцати членов, которые собрали капитал в восемь тысяч экю. Члены «Руанской компании», видя, что привилегия от них ускользает из-за невыполнения условий концессии, спешно отправили в Кайенну в феврале 1652 года шестьдесят человек, чтобы основать там новое поселение. Эта экспедиция возвела на холме Сеперу форт на развалинах прежнего, оставшегося от Бретињи, произвела корчевку леса, посадила маниоку и батат, короче, выполнила задачи колонизации. Однако новая компания получила от короля грамоту, отзывавшую за невыполнение условий концессии прежние, выданные членам «Руанской компании».

¹ В 1645 году будущая Французская Гвиана была свободна от колонистов; за четыре десятилетия попыток ее колонизации здесь погибли около шестисот человек.

² Эквinoxальный — букв.: «равноденственный»; равноденственными во французском языке называются приэкваториальные страны, в которых день все время равен ночи.

Парижская компания организовала, опять же опираясь на военных, экспедицию из восьми сотен человек. В момент отправления аббат Мариво, бывший душой предприятия, упал в Сену и утонул. Один из компаньонов месье де Руайвиль принял командование и тотчас, прямо в открытом море, стал претендовать на абсолютную власть. Его спутники не пожелали согласиться с подобными притязаниями, отделались от него, заколов в каюте и без всяких церемоний сбросив труп в море.

Отплыв из Гавра 2 июля 1652 года, два корабля с новой группой колонистов прибыли в Кайенну 30 сентября. Они опасались встретить сопротивление со стороны контингента, посланного «Руанской компанией», чтобы сохранить свои привилегии. Но перед численным превосходством вновь прибывших те смирились и вошли в состав экспедиции. Однако это новое предприятие закончилось так же плохо, как предыдущие. Отсутствие общности интересов между командирами, их бесконечное соперничество, а потом и ожесточение местных жителей, которых они стремились обратить в рабство, сначала сократило ряды колонистов, а потом вынудило их покинуть эти благодатные земли.

Так Гвиана была оставлена в покое европейскими колонизаторами до начала 1653 года. Голландцы, приведенные Спрингером, высадились в это время в Кайенне, никого не найдя, обосновались там на десять лет, показав, что можно сделать упорной работой, умным руководством и последовательностью осуществления замыслов. Они достигли замечательных и неожиданных результатов.

Однако Кольбер после провала руанской и парижской компаний искал более надежный путь для колониальной экспансии. Он предоставил новой ассоциации те же привилегии, что и предыдущим, то есть полную собственность на всю страну, расположенную между Ориноко и Амазонкой. Эта ассоциация, директором которой стал докладчик в государственном совете де Ла Барр, образовалась в 1663 году и получила такое же название, как прежняя парижская компания, то есть «Равноденственная Франция»¹.

¹ Автор не прав: эта компания стала называться Вест-Индской.

Новые колонисты вытеснили Спрингера и его людей, нашли распаханые земли, процветающее сельское хозяйство и последовали примеру голландцев, чтобы обеспечить будущее колонии. Но вмешалась война. Кольбер, чувствуя необходимость выработать общее направление для всех поселений, основанных вне континентальной территории, объединил французские колонии под управлением одной большой компании, Вест-Индской, которой королевской грамотой предоставлялись в собственность все острова и земли, населенные французами в Америке. Де Ла Барр был оставлен в своей должности, но в 1666 году, когда разразилась война между Францией и Англией, англичане захватили колонию, полностью разорили ее, несмотря на героическое сопротивление, и вскоре покинули, не основав там поселения.

Именно этим, 1667 годом датируются старинные архивы, находящиеся в различных хранилищах колонии. В эту эпоху правители не проживали в Кайенне. Они поселились там позже, в 1674 году, когда два иезуита отцы Жан Грийе и Франсуа Бешамель произвели первую разведку этих земель. Миссионеры проникли в глубь Гвианы к верховью реки Ояпок¹.

Бреданский мир позволил де Ла Барру снова завладеть Кайенной, и колония узнала новые дни процветания, к несчастью, слишком короткие. Голландцы, которым Людовик XIV объявил войну в 1672 году, стали под командованием адмирала Бинкеса² с флотом из одиннадцати кораблей перед островом и 5 мая 1676 года внезапно без боя овладели Кайенной. В очередной раз она была захвачена иностранцами. Они приложили немало сил, чтобы расширить ее форты и средства защиты, а заодно укрепить поселения, строительство которых было начато еще в мирное время на Ояпоке и Апруаге без ведома Франции. Но в том же году 17 декабря адмирал Эстре снова овладел колонией и стал ею управлять от имени короля, как другими королевскими провинциями.

После возвращения колонии прежним хозяевам опять началось заботливое возделывание земель. Какао, кукуру-

¹ Современное название — Ояпоки.

² В 1676 году Якоб Бинкес, командующий флотом Соединенных провинций, был еще вице-адмиралом.

за, индиго, хлопок, сахарный тростник приносили хороший доход Кайенне. К несчастью, религиозная нетерпимость прогнала вскоре из квартала Ремир большое количество евреев, приносивших колонии немалую прибыль. Большая часть их переселилась в Суринам и там обосновалась. В 1686 году в колонии увеличилось количество населения и выросло благосостояние. Этот период можно считать одним из самых благополучных в ее истории. Кайенна была на пути к процветанию, когда Дюкас, губернатор Санто-Доминго, решив атаковать Суринам, явился в Кайенну со своими флибустьерами. Он на вербовал здесь в свои ряды большое количество жителей и повел их в бой, но натолкнулся на хорошо организованную оборону и потерпел сокрушительное поражение. Флибустьеры не оправдали своей былой репутации и, быстро погрузившись на корабли, бросили большинство из своих кайеннских союзников, которые были взяты в плен. Голландцы отправили их потом на Антильские острова, и Кайенна потеряла в этой аванюре лучших своих колонистов; потеря была так ощутима, что на какое-то время колонизация приостановилась.

В 1677 году в Гвиане появляется один из очень редких, к сожалению, людей, созидательный гений которого сотворил чудо: маркиз де Феролль, одна из наиболее симпатичных, по-настоящему великих личностей нашей колониальной истории. Назначенный адмиралом д'Эстре адъютантом командующего войсками в Гвиане, он был повышен в должности и стал командующим, а вскоре душой колонии. Обладая терпением и энергией, он имел страстное желание более четко обозначить границы Гвианы и привлечь внимание к ее бесчисленным богатствам.

В июне 1677 года де Ла Барр поручил ему вместе с горсткой людей изгнать голландцев, построивших на реке Ояпок колонию, названную Оранье (Оранжевая)¹. Во время экспедиции маркиз увидел плодородные земли, изрезанные лесами и саваннами, которые простирались вдоль другого берега реки, и решил осмотреть эту обширную территорию и включить ее в доминион короля. Он проник

¹ Оранье — в честь принца Вильгельма Оранского (точнее: Виллем III Хендрик; 1650 — 1702), штатгальтера Нидерландов (с 1672 г.), будущего короля Англии, Шотландии и Ирландии (с 1689 г.).

в нее в 1688 году через Межакари и через область саванн. Португальцы, вторгшиеся в наши пределы, воздвигли там три форта: Арагуари, Дестену, Тожери. Из этого леса они выкачивали огромное количество какао, ванили и корицы. Влиятельные лица Португалии старались завладеть землями от мыса Норд до Амазонки вопреки их вековой принадлежности Франции.

Экспедиция дала маркизу де Фероллю точное представление об этих обширных районах и о той пользе, которую можно извлечь из каждого кусочка здешней земли. В 1692 году он начал прокладывать через девственные леса, реки и топи дорогу, ведущую непосредственно к португальским фортам. Этот гигантский проект был осуществлен за пять лет. Проложенный таким образом путь шел от реки Комте, пересекал горный узел, где находились истоки основных рек Гвианы, и доходил до бухточки Пара. С десятью офицерами, пятьюдесятью солдатами и несколькими носильщиками-индейцами де Фероль обрушился на португальцев и отнял у них все три форта. Он оставил гарнизон на позиции Макапы и вернулся в Кайенну только после полного освобождения этой территории.

Дальнейший ход колониальной истории протекал без особых событий вплоть до Утрехтского договора 1713 года, в ходе обсуждения которого встал вопрос, не решенный до сих пор, это «спорные территории». По статье 8 настоящего договора Франция отказывалась от собственности на земли мыса Норд и признавала в качестве северных границ Гвианы реку Жарус или Винсент-Пинсон. В течение более двух веков географы и дипломаты задают вопрос и не находят ответа, о какой реке идет речь. Португальцы и позже бразильцы считали, что Ояпок была единственной, которая отвечала этому назначению, тогда как для любого здравомыслящего человека ясно, что речь шла, конечно, о Арагуари. Этот договор оказал Гвиане плохую услугу. Фактически в тексте договора, сообщенного официально наместнику специальным посланием из Португалии, сеньор Жозе Дакунья Бесса название Ояпок умышленно заменил на Жарус.

Это покушение на территориальные права колонии добавилось ко всем невзгодам, которые в течение полутора веков терзали Гвиану и сделали таким медленным и таким тяжелым ее развитие. В 1716 году колониальная ад-

министрация совершила, однако, ценное приобретение. Несколько французских дезертиров, нашедших убежище в Суринаме, надеялись добиться помилования, доставив в Кайенну саженцы кофе. Благодаря этим людям Кайенна стала первой французской колонией, пристрастившейся к бурлящему напитку. Десятью или двенадцатью годами позже стали сажать какао. Но, несмотря ни на что, население к 1740 году выросло только до 5290 человек (566 белых, 54 вольноотпущенника, 4634 черных невольника и 36 индейцев).

Вскоре колонию постиг страшный удар.

Рассказы о Гвиане, услышанные герцогом Шуазелем¹, привели его к мысли об экспедиции, которая должна была по количеству участников и значению превзойти все предыдущие. Он хорошо оценил географическое положение этой колонии, очень благоприятное в эту эпоху плавания под парусами. Из ее портов флот мог в короткое время достичь Антильских островов, защитить наши владения или атаковать вражеские. Следовательно, место было очень удобным для основания большого военного и сельскохозяйственного поселения. Ничем не следовало пренебрегать для успеха предприятия. Жажда золота, надежда быстро добиться успеха, пример баснословного процветания колонистов Санто-Доминго привлекли большое количество эмигрантов. Каждый видел перед собой чарующие горизонты легкой беззаботной жизни. В путь отправились не менее пятнадцати тысяч колонистов! Место на берегу для первых поселений было выбрано удачно². Куру, расположенный на левом берегу реки того же названия, представлял собой песчаный и лесистый край, который и сегодня считается одним из самых здоровых курортов колонии. Старый колонист де Префонтен, отставной морской офицер, получил поручение приготовить место и построить необходимые жилища, но встретил

¹ Шуазель (правильнее — Шуазёй) Этьен Франсуа (1719 — 1785) — французский государственный деятель, военный и дипломат, в 1758 году был назначен государственным секретарем по иностранным делам, с 1761 года — госсекретарь по военным (1761 — 1770 гг.) и морским (1761 — 1766 гг.) делам.

² Экспедиция в Куру проходила в 1763 — 1765 годах; итогом ее были 12 000 мертвецов.

противодействие со стороны местных властей, с беспокойством наблюдавших за образованием у ворот Кайенны этой независимой колонии, грозившей очевидным соперничеством. Ему отказали в рабочей силе и инструментах, и, когда колонисты прибыли, ничего не было готово.

Руководить созданием колонии было поручено двум людям: де Тюрго, маркизу де Коммон¹, которому Шуазель доверил верховное командование экспедицией в должности генерального наместника, и де Шанвалону, юристу, назначенному на пост главного интенданта новой колонии. Шанвалон отправился с первым конвоем. Куча припасов, предназначенных для эмигрантов, была выгружена в Кайенне. Все помещения были заполнены. Складов не хватило, пришлось большое количество продовольствия оставить под открытым небом на волю переменчивого влажного климата. Интендант спешно отправился на место, намеченное для новой колонии, не переставая сожалеть о том, что оно отделено расстоянием более двадцати пяти морских миль от основного склада продуктов и материалов при отсутствии транспортных средств.

Прибыв туда, он увидел шумное и радостное оживление первых колонистов. Не думая о завтрашнем дне, они затеяли игры, организовали театральные представления, пока по приказу Префонтена негры строили пристанища в ожидании приближающегося сезона дождей.

Но эта преступная праздность вскоре была жестоко наказана. Пришла экваториальная «зима» с ее постоянными дождями, и вскоре эмигранты почувствовали, как их со всех сторон окружает нездоровая сырость, проникающая повсюду. Не хватало укрытий, а транспорты с людьми, которые должны были прибывать с равномерными интервалами, поступали непрерывно. Приходилось укрываться под деревьями. Продукты питания портились. Не замедлили объявиться болезни. Глубокое уныние охватило всех. И тогда раздался всеобщий клич «спасайся кто может», но бежать было некуда. Голод превратил всех этих людей в свирепых животных, лихорадочно

¹ Тюрго Этьен Франсуа маркиз де Сумон (1721 — 1789) — французский администратор и офицер. Известен как один из основателей Королевского сельскохозяйственного общества (1760 г.) и ассоциированный член Академии наук (с 1765 г.).

оспаривающих кусок сухаря. Смерть косила без жалости! Трупы множились. Де Шанвалон тщетно пытался остановить катастрофу. Все было против него, даже недостатки местности и неггибаемая суровость природы.

Между тем месье де Тюрго решился отправиться в Гвиану, куда прибыл в момент, когда катастрофа свирепствовала с наибольшей жестокостью. Зрелище таких бедствий заставило его позаботиться о самосохранении. Он не стал рисковать на зараженных песках Куру. Без сомнения, его совесть не была спокойна, и, не решаясь лишиться жизни во имя долга, он попытался свалить всю ответственность на беднягу Шанвалона, которого к тому же приказал арестовать. Последний и сам потерял голову. Безднадежность лишала его решительности. Он много суетился, но не действовал. Его сняли с должности и отправили в Мон-Сен-Мишель¹.

Месье де Тюрго довершил свои ошибки, отстранив коменданта колонии, не заменив его в момент, когда так было необходимо хоть какое-то управление. Отчаявшиеся колонисты не видели больше другого выхода, кроме смерти; и в отчаянии устремились навстречу ей, избавительнице от страданий. Месье де Тюрго вернулся во Францию и был встречен криками негодования. Комиссия по расследованию заклеила его позором, как он того и заслуживал. Этот приговор был лишь слабым удовлетворением справедливости.

Однако не все погибли в страшной катастрофе. Несколько эмигрантов из последних транспортов уцелели. В момент, когда уже начали появляться первые симптомы эпидемии, недостаток распаханых земель не позволил принять их на перенаселенных отлогих берегах Куру. Вновь прибывших переправили на острова Дьявола, которые с тех пор назывались островами Салю, что значит «спасение». Это название оправдано: большинство нашедших здесь убежище были спасены от эпидемии. Несколько эльзасских семей, посланных Хогвицем и Бес-

¹ Мон-Сен-Мишель — речь идет об аббатстве Сен-Мишель на одноименном островке у нормандского побережья Франции; кроме монастыря, там были и военные сооружения. Заключение Тюрго было очень недолгим.

снером¹, также были застрахованы от голода и заражения. Они ушли в глубь саванн и даже начали процветать.

Через три года после катастрофы, которая прервала во Франции исход колонистов, барон Бесснер, активный и беспокойный человек, задумал новый проект колонизации Гвианы. Он пользовался теми же приманками, что и его предшественники, расхваливал, что, впрочем, было справедливо, богатство и плодородие наших владений, приказал составить карты, где фигурировали многочисленные группы населения, что было ложью, упоминал о наличии золотых и серебряных рудников и утверждал, что единственная причина провала Тюрго — это отсутствие плана и плохое руководство. Если бы Шуазель, говорил он, следовал его, барона Бесснера, советам, катастрофу можно было предотвратить. Бесснер объявил, что он возобновит провалившееся дело с новыми средствами, собрав двести тысяч индейцев и двадцать тысяч беглых невольников из Нидерландской Гвианы, желающих стать колонистами... Он обещал прекрасное будущее тем, кто захочет участвовать в этом новом мероприятии, и опубликовал записки, всколыхнувшие многие умы.

Однако месье де Сартин², морской министр, не очень верил во все это, и не без причины. Он послал де Малуэ³,

¹ Бесснер Фердинанд Александр (1731 — 1786) — будучи артиллерийским капитаном голландской армии, перешел на службу Франции, потом подвизался в России и Швеции. В 1764 году восстановился во французской армии в чине полковника и был послан в Кайенну, где командовал гарнизоном; по возвращении получил чин «бригадир в колониях»; в феврале 1781 года отправился в Америку как губернатор Кайенны и Французской Гвианы; в том же году получил чин лагерного маршала.

² Сартин (Антуан Раймонд Жан Гюальбер Габриель де Сартин, граф д'Альби; 1729 — 1801) был назначен морским министром в августе 1774 года и оставался на этом посту очень недолго, поскольку навлек на себя монарший гнев за перерасход кредитов, выделенных на реконструкцию флота.

³ Малуэ Пьер Виктор, барон (1740 — 1814) — французский политический деятель; сначала — инспектор торговли с колониями, потом — комиссар на Санто-Доминго; по возвращении из Кайенны (1781) был назначен интендантом морского флота с местопребыванием в Тулоне; играл видную роль в последующей политической истории Франции, несмотря на неоднократную смену режимов.

главного морского комиссара, воочию убедиться в возможности осуществить проекты барона де Бесснера. Прибыв в колонию, новый распорядитель кредитов быстро узнал, насколько они несбыточны. Невозможно было найти внутри страны более десяти тысяч индейцев, разбросанных по деревням, где жили от двадцати до пятидесяти семей, а количество беглых негров сократилось до пяти или шести сотен человек. Даже если бы миссия Малуэ только помешала новому колонизаторскому психозу, и то она уже была бы достойна интереса. Но Малуэ сделал больше. Рядом с прозябающей в нищете Французской Гвианой Гвиана Нидерландская приносила с каждым днем все больший доход, и он решил изучить экономические процессы в этой колонии, чтобы применить их к нашей. Благодаря своей последовательности и волевой энергии он, конечно, вытянул бы Гвиану из маразма, в котором она прозябала, если бы плохое состояние здоровья, а также глухое противодействие, которое он встретил при реализации своих проектов, не вынудили его вернуться во Францию. В его делах ему очень помог Гюизан, швейцарский инженер, которому голландское правительство позволило перейти на службу Франции. Это тот Гюизан, который сумел приобщить наших колонистов к обработке низинных земель, осушил окрестности Кайенны и открыл исключительную плодородность затопленных отлогих берегов, где речные наносы непрерывно наслаиваются на создающий плодородие ил. Это стало настоящей революцией в методике сельского хозяйства. Но звездный час настал, когда Гвиана после открытия на ее территории золота перестала заниматься раскорчевкой земель и занялась более доходным, хотя и более рискованным, делом, а именно золотодобычей.

После отъезда Малуэ барон де Бесснер сумел восстановить свое прежнее влияние на умы и заставить принять свою точку зрения. Его назначили командующим. Никогда более свободное жизненное поприще не открывалось перед человеком для реализации его идей. По результатам можно судить о бездарности этого великого прожектера. Он жалко провалился, получил выговор от министра колоний и умер в конце года, может быть, даже в заключении, не осмеливаясь больше показываться на глаза тем, кого одурачил красивыми обещаниями.

А между тем грянула Французская революция. В это время в гвианском колониальном обществе были представлены три расы: европейцы, туземные индейцы и негры, привезенные из Африки, и три класса: хозяева, вольноотпущенники и невольники. Это социальное разделение не имело аналогии с тем, что было в метрополии. Среди европейцев были как своего рода аристократы: белая знать, владельцы сахарных заводов, так и простолюдины: мелкие коммерсанты, владельцы небольшой собственности и даже неимущие. Вольноотпущенники приближались к третьему сословию, и невольников можно сравнить с крепостными, которых ночь 4 августа сделала свободными.

Как и в других колониях, произошел раскол между двумя фракциями колониальной аристократии. Законом от 9 апреля 1790 года политические права были переданы без различия рас всем людям, достигшим возраста двадцати пяти лет, владельцам недвижимой или другого вида собственности. Простые белые, по большей части малоимущие, были лишены права голоса, и с их стороны прозвучал довольно странный протест: с одной стороны, против привилегии, зависящей от собственности, и, с другой стороны, против участия вольноотпущенных, обладающих собственностью, в политической жизни. Жинет Удлин, племянник Дантона, посланный в качестве чрезвычайного комиссара, обнародовал декрет Конвента, отменяющий рабство. Но, уступая жалобам местной аристократии, объединенной в колониальный совет, он решил, что колония погибнет, если крупные владения не будут защищены, и так организовал режим работы, что рабочие руки снова попадают под ярмо владельцев земли. Возникло энергичное сопротивление, и пришлось прибегнуть к наказаниям, чтобы добиться выполнения этого режима, который был не чем иным, как скрытым рабством. Реакция торжествовала день ото дня с большей силой, обязав негров оставаться при имени, покинутом по вынужденным обстоятельствам его владельцами. Возвращение прежнего положения вещей уже не было скрытым. Переворот 18 брюмера¹ снова отнял у черноко-

¹ Переворот 18 брюмера. — Брюмер был десятым месяцем революционного календаря Французской Республики (с 23 октября по 21 ноября обычного календаря). Восемнадцатого брюмера (9 нояб-

жих свободу, которая и была-то лишь номинальной, и вернул их в прежнюю кабалу.

Перед окончательным освобождением, дарованным чернокожим американцам революцией 1848 года, колонии еще предстояло выдерживать в течение восьми лет иностранное господство. Атакованная в январе 1809 года англо-португальским флотом, она была отдана без боя Виктором Гюгесом, тогдашним проконсулом Гваделупы. Договоры 1814 — 1815 годов вернули ее нам, но вступление во владение произошло только в 1817 году.

ГЛАВА 15

Французы на Антильских островах. — Пьер Белэн д'Эснамбюк. — Де Пуанси. — Дюэль Дюпарке. — Льенард де Л'Олив. — Уэль и де Буассере. — Комиссар Виктор Юг

В 1493 году в день святого Мартина Христофор Колумб открыл остров и дал ему имя Мартиника. Обитавшие на нем карибы называли его Мадiana¹. Испанцы, уже владевшие огромными территориями, не посчитали нужным создать здесь поселение, и местные жители мирно владели островом до 1625 года.

В 1625 году кадет из Нормандии, храбрый моряк, который за свои отличные действия получил звание «королевского капитана на Западных морях», Пьер Белэн, сьёр д'Эснамбюк², вышел из Дьепа на бригантине, вооруженной четырьмя пушками и несколькими камнеметами, с пятьюдесятью членами экипажа. В поисках приключений он направился в Новый Свет, и у тамошних берегов его атаковал испанский галион, вчетверо превосходящий размерами его бригантину. Пьер Белэн героически сопро-

ря) 1799 года. Наполеон Бонапарт произвел государственный переворот, установив диктаторский режим в стране.

¹ Остров Мартиника был открыт Колумбом в ходе его четвертого плавания, 15 июня 1502 года (вовсе не в день святого Мартина). Мадiana — только одно из местных названий острова. Были и другие, например, Мантинино, от которого и произошло более понятное для европейцев Мартиника.

² Белэн Пьер, сьёр д'Эснамбюк; встречается также написание Белэн д'Эснамбюк — род. в 1585 г., ум. в 1636 г.

тивлялся и смог ускользнуть, но, поскольку его корабль был серьезно поврежден, французский мореход был вынужден сделать остановку для ремонта на первой подвернувшейся суше: это был маленький остров Сент-Кристофер.

Заметив, что остров плодородный, а воздух здесь целебный, Эснамбюк решил тут и обосноваться. Когда карибы предательски напали на него, он объявил им войну на истребление¹. Избежав опасности с этой стороны, Эснамбюк занялся разведением табака, который должен был впоследствии составить основное богатство острова. Забив полный трюм, он отправился во Францию не только для того, чтобы продать этот прекрасный груз, но главным образом для того, чтобы добиться поддержки короны. Встретившись с кардиналом Ришелье, моряк рассказал тому о богатствах, которые можно извлечь из этих земель, и кардинал, поверивший ему, благоприствал созданию Компании Американских островов², целью которой было «заселить американские острова с привилегией эксплуатировать земли и рудники в течение двадцати лет за услугу предоставить эти острова во власть короля и отдавать ему десятую долю дохода».

Д'Эснамбюк вернулся на Сент-Кристофер и действительно основал несколько процветающих поселений. К несчастью, ряд пиратских вылазок, возможно спровоцированных, послужили предлогом для испанцев строго наказать французов. Адмирал Фадрике Толедо опустошил, как мы знаем, Сент-Кристофер. Жители спаслись внутри острова, потом часть из них укрылась на острове Тортуга и стала частью берегового братства, другие остались с Пьером Белэном д'Эснамбюком и попытались колонизовать соседние острова, особенно Гваделупу и Мартинику. На Гваделупе до него, как мы вскоре увидим, побывал один из его помощников, Льенард де Л'Олив, высаживавшийся даже на Мартинике и водрузивший там французский флаг, но, найдя берег слишком гористым, он ушел оттуда.

Первого сентября 1635 года д'Эснамбюк высадился на Мартинике со ста пятьюдесятью людьми, отобранными из

¹ См. примеч. к гл. XIII.

² Компания была создана в 1626 году.

жителей Сент-Кристофера, и с большим количеством продовольствия. Он договорился с карибами, приказал построить на реке Рокселан, ныне Сен-Пьер, обнесенный палисадом форт¹, вооружил его пушками и торжественно принял остров во владение 15 сентября от имени Компании Американских островов.

Организовав таким образом колонию, Пьер Белэн вернулся на Сент-Кристофер, оставив Мартинику под началом своего лейтенанта Жана Дюпона, который отбил атаки карибов, поддерживаемых местными жителями Сент-Винсента и Доминики в количестве 2000 человек, чуть было не захвативших форт, где укрылись колонисты.

Жан Дюпон, усмирив наконец Мартинику, высадился на Сент-Кристофере, чтобы дать отчет Эснамбюку о событиях, развернувшихся в новоиспеченной колонии. Его корабль, поврежденный штормом, был выброшен на Санто-Доминго, и испанцы взяли в плен бедного Дюпона. Д'Эснамбюк, не получая больше от своего подчиненного новостей, решил, что тот погиб в море. Тогда он назначил комендантом Мартиники, Сент-Люсии, Гренады и Гренадинов² своего собственного племянника Жака Диеля Дюпарке³.

Через некоторое время д'Эснамбюк умер, оставив заслуженную репутацию интеллигентного, храброго и верного человека. Его преемником в генеральном правлении Компании Американских островов стал де Пуанси, храбрый, честный и исполненный наилучшими намерениями моряк.

Именно тогда произошли события, которые обернулись трагедией и привели к миниатюрной, стремительной, но жестоко подавленной революции. Вот как это было. Трудности, очевидно административного порядка, встали между новым генеральным правителем де Пуанси и его подчиненным Дюпарке, комендантом острова Мартиника. Король, верховный судья по спорным вопросам, признал правым Дюпарке, снял с должности де Пуанси и назначил вместо

¹ На северо-западном побережье острова.

² Перечисленные острова составляют группу в цепочке Наветренных островов, отделяющих Атлантический океан от Карибского моря.

³ На самом деле замена Дюпона произошла 2 сентября 1637 года, то есть уже после смерти Белэна.

него Туази-Патроклеса¹. Последний, отправляясь занять свой пост на Сент-Кристофере, резиденции генерального правления, остановился на Мартинике и был принят со всеми почестями, полагающимися в его новом положении.

Пуанси, не желая оставлять свою должность, отказался признать Туази-Патроклеса, потом, узнав, какие почести воздал ему Дюпарке, разгневался и приказал последнему явиться на Сент-Кристофер под каким-то предлогом и в отместку вероломно заключил его в тюрьму.

Поскольку отсутствие Дюпарке продолжалось слишком долго, Туази-Патроклес, не имея функций генерального правителя, подумал, что, может быть, разумно в ожидании лучшего принять на себя обязанности правителя Мартиники, вакантные из-за вынужденного отсутствия их обладателя. Итак, он устроился на месте Дюпарке, ввел новые налоги, единовластно по собственному усмотрению управляя островом и восстановил всех его обитателей против себя. Так организовался заговор на его жизнь. В эту эпоху действовали прямо. Руководителем недовольных был человек по имени Бофор, бывший королевский перчаточник. Он был краснобаем да к тому же отличался прекрасной осанкой; у него оказалось множество сторонников. Его шайка устремилась на резиденцию правителя и, прокладывая себе дорогу, разрушала лавки, жгла дома, убивала. Короче, мятежники побеждали. Наиболее храбрые начали колебаться, спрашивая себя, что будет дальше. Те, кто всегда поддерживал компанию, то есть ее полномочного представителя, решили завлечь Бофора в западню. Прикинувшись, что готовы войти с ним в сделку, они ему назначили встречу на пляже. Бофор пришел в сопровождении двадцати вооруженных до зубов сторонников. Те, кто хотел отделаться от него, спрятали семнадцать надежных людей, очень ловких убийц, в месте, где заговорщик и его сотоварищи не могли заподозрить их присутствия. Один из противников мятежа предложил выпить за здоровье короля. Бофор принял предложение; принесли бутылки и стаканы... Каждый из семнадцати спрятанных человек уже держал на мушке по одному мятежнику. В момент, когда поднимали стаканы, раздался залп: Бофор и тринадцать из его товарищей упали замертво!

¹ Дата назначения — 16 ноября 1645 года.

Мятеж был подавлен одним ударом, а Туази-Патроклес, слишком счастливый, что так дешево отделался, подписал амнистию и был признан правителем Мартиники. Но это не устраивало шестидесятипятилетнего Пуанси. Если жители Мартиники признали власть Туази-Патроклеса, то они стали мятежниками против его, Пуанси, власти, и он жестоко покарает их за это. Не заботясь о том, что могут сказать о нем в Версале, старый морской волк вооружает пять кораблей с восемью сотнями человек на борту и 13 января 1647 года отдает якорь в виду Сен-Пьера. Жители Мартиники, которые сначала были так недовольны Туази-Патроклесом, почувствовали привязанность к нему с тех пор, как он обуздал заговор, организовались в ополчение и решили противопоставить силу силе. Вот-вот должна была политься кровь, и лишь тогда командир эскадры догадался предложить этим горячим головам обмен Туази-Патроклеса на Дюпарке, правителя на правителя — равноценный обмен! Хорошо! Правильно, Дюпарке!.. После всего случившегося почему бы и нет?.. Да здравствует Дюпарке!.. С почестями отпускают Туази-Патроклеса, который направляется на Сент-Кристофер, где Пуанси приготовил ему шумный прием. Дюпарке отправляют к его людям, которые с радостью его принимают...

И самое лучшее то, что двор утвердил все это, и Пуанси был оставлен на своем посту правителя, на котором и умер в 1660 году в возрасте семидесяти семи лет.

Вот почему мы говорим «его люди». Дюпарке, будучи человеком ловким и обладающим большими средствами, смог доказать Компании Американских островов, что их дело не стоит выеденного яйца и было бы бесконечно выгоднее найти покупателя и продать королевскую привилегию. Компания согласилась, а покупателем оказался сам Дюпарке, который уплатил сумму 60 000 ливров. За такую цену он стал полным хозяином Мартиники, Сент-Люсии, Гренады, Гренадин... Хорошая сделка, если площадь одной только Мартиники около ста тысяч гектаров!¹

¹ Контракт был выкуплен 27 сентября 1650 года, а права собственности Дюпарке («под суверенной верховной властью короля») утверждены 13 марта 1651 года.

Впрочем, Дюпарке сумел плодотворно использовать эти земли, которые стали очень процветающими. Он принялся выращивать на островах сахарный тростник и создал плантации, положившие начало огромному состоянию. Его правление длилось одиннадцать лет, и все это время колонисты на острове Мартиника процветали, несмотря на постоянные набеги карибов. Уважаемый своими подданными, Дюпарке умер и был искренне оплакан¹.

Сразу после его смерти снова поднялись карибы и были полностью истреблены в течение четырех последующих лет.

Дети Дюпарке получили от короля грамоты, подтверждающие владение всем достоянием и должностями их отца. Но, поскольку в конце концов в этих колониях начались беспорядки, двор решил отобрать власть у частных лиц и отдать ее новой компании.

Для этого на Мартинику заместителем губернатора был послан член тайного королевского совета Александр де Рувиль де Траси. Он прибыл на остров 1 января 1664 года², и после его визита корона выкупила владения наследников Дюпарке за 240 000 ливров, а потом уступила свои права только что созданной Вест-Индской компании, с привилегией в торговле и навигации в американских морях в течение сорока лет.

Однако эта привилегия действовала только десять лет. В декабре 1674 года Мартиника была снова присоединена к владениям французской короны.

Что касается Гваделупы, то она называлась Карукера, когда ее открыл Христофор Колумб 4 ноября 1493 года. Поскольку он обещал монахам монастыря Гваделупской Богоматери в Эстремадуре дать имя их покровительницы одной из открытых им земель, он назвал Карукеру островом Гваделупа³.

Понсе де Леон попытался создать там испанское поселение в 1515 году, но его спутники были убиты, а сам он с великим трудом избежал этой участи. Он был даже в

¹ Дюпарке умер в 1658 году.

² Ошибка: де Траси прибыл на Мартинику 1 июня 1664 года.

³ Испанское название острова — Гуадалупе (по местечку, в котором расположен монастырь); туземцы называли свой остров Турукейра.

группе французов, посланных в 1523 году Франциском I с миссионерами для цивилизации дикого населения. И только через сто лет Пьер Белэн д'Эснамбюк, обосновавшийся, как известно, на Сент-Кристофере, подумал о том, чтобы колонизировать соседние острова.

После путешествия во Францию д'Эснамбюк был назначен генеральным управляющим всеми этими островами от имени Компании Американских островов и сдал в аренду сроком на десять лет капитанам Льенарду де Л'Оливу и Дюплесси д'Оссувилю три из этих островов, а именно Гваделупу, Доминику и Антигуа. Л'Олив и Дюплесси прибыли в 1625 году из Дьепа на двух кораблях и привезли с собой пятьсот колонистов, обосновавшихся на западном побережье в устье маленькой речки. Построили форт на случай нападения карибов: так был заложен город Бас-Тер¹, ставший столицей колонии. Вскоре умер Дюплесси д'Оссувиль, и Льенард де Л'Олив, оставшийся один во главе управления, вел с карибами такую ожесточенную войну, что большинство вынуждено было укрыться на Доминике, а другие перебрались на другой берег реки Сале², в ту часть острова, которая называлась Большая Земля³.

В результате этого перемещения французские колонисты, внезапно лишенные поддержки со стороны местных жителей, впали в жесточайшую нужду. Новый губернатор Обер, присланный в 1640 году, понял ошибки своих предшественников и постарался их исправить. Он установил приятельские отношения с карибами и постепенно примирил их с белыми. Вскоре прибыло множество колонистов, способствовавших созданию новых центров земледелия. Были разбиты плантации, главным образом

¹ Бас-Тер (*фр.* Basse-Terre) — буквально: «низменные земли», поскольку город был заложен на низменной прибрежной полосе земли, у подножия горного хребта.

² Сале фактически является не рекой, а узким морским проливом, делящим Гваделупу надвое: на гористую западную часть и на более низменную восточную (или Гранд-Терр). Отсюда и название реки, переводимое с французского языка как «соленая».

³ Большая Земля (*фр.* Grande Terre) — полуостров, составляющий восточную часть Гваделупы и отделенный от западной гористой части равнинным перешейком, перерезанным с севера на юг рекой Сале.

табачные, хлопковые, какао, ямсовые, банановые и огородные, когда Оберу пришла мысль сажать сахарный тростник, доход от которого был значительно выше, чем от других культур, даже табака и хлопка.

Рост благосостояния был стремительным. К несчастью, Обер не смог присутствовать при реализации своего проекта, поскольку в 1643 году его место занял Уэль. Большая часть колонистов острова не были женаты. Уэль, чтобы привязать их к стране и доставить им радости семейного существования, вызвал на Гваделупу большое количество женщин брачного возраста. Все это были сироты, взятые из больницы Сен-Жозефа¹, которые охотно отправлялись, не думая о возвращении. Женщины нашли здесь себе мужей, и европейцы, привязанные теперь к своей новой родине семейными узами, окончательно закрепились в колонии.

Через некоторое время Компания Американских островов, поверив в жалобы на правление Уэля, послала ему на смену нового управляющего — генерала Туази. Но Уэль отказался признать его, помешал высадиться; начиная с этого момента на острове образовались две противостоящие партии, которые не упускали случая сцепиться.

Естественно, эти досадные распри мешали процветанию. Дела компании шли все хуже и хуже. К тому же компания, изнемогая под тяжестью налогов и больших расходов, была вынуждена продать свои поселения маркизу де Буассера и Уэлю. Как и при продаже Мартиники Дюпарке, сделка была заключена на сумму 60 000 фунтов при ежегодных поставках 600 фунтов готового сахара.

В течение первых месяцев 1653 года около пятидесяти голландцев, изгнанных из Бразилии португальцами по религиозным мотивам, обосновались на Гваделупе вместе с двенадцатью тысячами человек, включая солдат и их семьи и, наконец, черных невольников. Они построили сахарные заводы, и начиная с этого момента культура сахарного тростника стала здесь доминирующей. Но, не-

¹ Именем святого Иосифа (фр. вариант — Жозеф) было названо немало религиозных общин и объединений. Здесь, видимо, идет речь о женской общине сестер милосердия. Таких сестринских обителей (с принадлежащими им больницами) во Франции середины XVII века было две: в Бордо (осн. в 1638 г.) и в Ла-Флеш (осн. в 1643 г.).

смотря на рост населения и увеличение поверхности обрабатываемых земель, положение союза Уэля и Буассера не было блестящим. К тому же, опасаясь разорения, они из предосторожности приняли единственное решение, способное выгадать их из затруднения: принять предложение короны, желавшей перекупить их в собственность (1663 г.).

Кольбер уступил Мартинику Вест-Индской компании за 125 000 ливров. Но через десять лет дела этой компании пошли так плохо, что Людовик XIV отозвал ее концессию и присоединил Антильские острова к владению короны (1663 г.)¹.

В 1690 году англичане впервые покусились на Гваделупу; они осадили крепость, которая защищала Бас-Тер, и были изгнаны с острова маленьким гарнизоном форта, которому пришли на подмогу войска с Мартиники.

В 1703 году была совершена вторая, такая же безуспешная попытка, как первая. Война шла с переменным успехом, но в конце концов англичане были разбиты, и очень жестоко. В 1756 году Гваделупа процветала, но тут на остров напал английский адмирал Джон Мур с весьма значительными силами². Несмотря на ожесточенное сопротивление, французам, оказавшимся в оскудевшем меньшинстве, пришлось капитулировать, впрочем, на самых почетных условиях. Возвращенная Франции в 1763 году, Гваделупа принесла метрополии свои возросшие богатства и возросшую численность населения. В 1790 году ее торговый оборот достиг почти тридцати семи миллионов франков, а население выросло до 13 908 белых, 3149 вольноотпущенных и 90 139 невольников: всего 107 196 жителей.

Французская революция заметно повлияла на Гваделупу. Там происходили кровопролитные сражения между белыми и черными. В 1793 году капитан судна Лакрос сумел восстановить мир; и это было как раз вовремя, поскольку колония нуждалась во всех своих детях, чтобы защищаться от английского флота. Почти без боя адмирал Джервис и генерал Дандес овладели фортом Флер-

¹ На самом деле Малые Антильские острова были присоединены к королевскому домену в 1674 году.

² Эскадра адмирала Мура подошла к Гваделупе в январе 1759 года.

д'Эпе, фортом Сент-Луис, городом Пуант-а-Питр и даже городом Бас-Тер, который бездарный генерал Калло даже не подумал защищать.

Но успех этот оказался недолгим. Вскоре прибыла французская флотилия, доставив 1200 человек под командованием комиссаров Конвента Виктора Юга¹ и Кретьена и генералов Обера, Картье и Руйе. При поддержке местных сил французские войска смогли изгнать врага с Большой Земли. Потребовалось, чтобы адмирал Джервис прибыл с шестью линейными кораблями, двенадцатью фрегатами, пятью канонерскими лодками — всего с двадцатью тремя боевыми и шестнадцатью транспортными кораблями, чтобы помешать французам отбить Бас-Тер. В течение шести месяцев он бомбардировал из корабельных пушек Пуант-а-Питр, который к тому же опустошала эпидемия желтой лихорадки. Генерал Обер и комиссар Кретьен умерли. Генералы Картье и Руйе были убиты.

Второго июля англичане высадили на берег 2000 человек, которые захватили город. Но Виктор Юг, единственный из французских командиров оставшийся на ногах, отошел на небольшой холм и выжидал благоприятный момент для атаки. Когда появились англичане, он беспощадно обстрелял их из пушек, потом, увидев, что они дрогнули, скомандовал: «В штыки!» Англичане не смогли сопротивляться такой атаке, разбежались, бросив убитых.

Адмирал Джервис вынужден был отказаться от повторения попытки и отошел в британские владения. Юг, думая, что тот вскоре вернется, быстро организовал ополчение, в которое вошли и чернокожие, показавшие себя прекрасными воинами. Его предположения оправдались. Англичане появились в большом количестве. Но 6 октября Виктор Юг после серии стычек, когда победа была то на одной, то на другой стороне, окружил генерала Грехе-

¹ Юг Виктор (1770 — 1826) — французский колониальный администратор; сначала руководил военной службой снабжения на Мартинике; революция прогнала его во Францию, откуда он через несколько лет был послан Конвентом на Антильские острова, где принял деятельное участие в сражениях с англичанами; под его командованием были освобождены Гваделупа, Сент-Люсия, Дезирад, Мари-Галант и более мелкие островки; в 1799 — 1808 годах был губернатором Французской Гвианы.

ма в лагере Бервилль и взял его в плен с двумя тысячами английских солдат и матросов, тридцатью пушками и значительными трофеями.

И только в 1810 году Гваделупа неожиданно оказалась во власти англичан благодаря беспечности военного коменданта. Она снова стала французской 25 июля 1816 года¹.

ГЛАВА 16

Французы в Америке. — Лафайет. — Д'эстен. — Рошамбо

Завоевав огромную колониальную империю, к открытию большей части которой они оставались непричастными, англичане не разбогатели. Им пришлось выдержать множество войн, стоивших очень дорого, даже в случае победного конца, и понести всевозможные расходы, которые тяжелым бременем легли на бюджет. Их колонии, едва вышедшие из этого длительного периода завоеваний и с еще не сформировавшимся обществом, почти не приносили дохода, но очень дорого стоили метрополии, и Индские компании «еще не трясли деревьев, на которых росли рупии»², как живописно говорили индусы, задущенные налогами «старой лондонской дамы»; короче, денег не хватало.

Во всех странах мира, когда государству не хватает денег, оно торопится ввести новые налоги, и предпочтительно на самые необходимые предметы. Англия, много расходуя на свои колонии, решила полезным для себя собирать с них новую дань и ввела налог на чай³. Это требова-

¹ Англичане овладели Гваделупой в феврале 1810 года. Три года спустя остров был передан Швеции, но, поскольку шведы 30 мая 1814 года объявили о возвращении Гваделупы французам, англичане снова заняли остров и удерживали его до 25 июля 1816 года. В настоящее время Гваделупа — один из заморских департаментов Франции.

² Рупия — денежная единица Индии, появившаяся в XVI веке как серебряная монета; содержание благородного металла в рупии вплоть до 1893 года составляло около 10,5 г.

³ Разумеется, дело не ограничивалось «чайным» налогом. Англичане не раз пытались уже зажать свои американские колонии в финансовые тиски. Здесь достаточно упомянуть закон о гербовом сборе (22 марта 1765 г.), бывший попыткой ввести в Америке прямое налого-

ние оказалось непомерным для колонистов американских городов вообще и Бостона в частности, которые протестовали во имя соблюдения законности; затем, чтобы еще больше подчеркнуть свой протест, пятьдесят молодых людей, нарядившись индейцами, захватили корабль, нагруженный чаем, и сбросили ящики в море¹. Такова была, в нескольких словах, ничтожная причина, приведшая к образованию американской конфедерации.

Однако этот протест «инсургентов»², как называли недовольных из Бостона, встретил живую симпатию во Франции, где всегда не любили англичан, и каждый француз приветствовал новость о первом успехе бунта, известия о котором быстро разнеслись по всей Европе. Английский полк был разбит в Лексингтоне³, и генерал Гейдж осажден в Бостоне. Плантатор из Виргинии Джордж Вашингтон, старый полковник из ополчения, встал во главе 35 000 инсургентов⁴. Это уже не мятеж, а настоящая революция.

обложение. В ответ на подобное законодательное давление американские купцы не раз объявляли бойкот английским товарам. Что касается чая, то события развивались не совсем так, как описывает Л. Буссенар. Цена чая, продававшегося Ост-Индской компанией во всех британских владениях, включала в себя надбавку 12 пенсов с фунта, отчего американцы предпочитали более дешевый контрабандный голландский чай. В мае 1873 года лондонское правительство приняло так называемый «чайный закон», согласно которому Ост-Индской компании разрешалось ввозить в Америку чай без упомянутого дополнительного сбора. Это почти в два раза снижало цену на чай и разоряло посредников, покупавших чай на аукционах в Лондоне, а также купцов-контрабандистов. Почти все торговые люди указанных категорий были сторонниками бойкота английских товаров. Оттого-то второстепенное решение правительства метрополии вызвало волну возмущения за океаном.

¹ Это событие получило в истории название «бостонского чаепития». Произошло оно 15 декабря 1773 года. Американские патриоты выбросили в тот день в море 342 тюка с чаем.

² Инсургент — повстанец (*фр.*).

³ 19 апреля 1775 года повстанцы атаковали 700 королевских grenadiers, высадившихся с кораблей и под командованием подполковника Ф. Смита направлявшихся к городу Лексингтону.

⁴ Джордж Вашингтон был назначен Конгрессом главнокомандующим революционной армией 15 июня 1775 года.

Вскоре Бостон был взят¹, английский флот потерпел поражение перед Чарлстоном². Революция побеждала... Люди поднимались тысячами. Вскоре у Вашингтона уже многочисленная армия, недисциплинированная, плохо, а скорее, вовсе не вооруженная, но храбрая и неутомимая. Англия противопоставила ей 20 000 немецких наемников в качестве подкрепления существующим войскам.

В ответ на эту меру представители различных колоний собрались в Филадельфии и на конгрессе в памятную дату 4 июля 1776 года объявили независимость тринадцати колоний, составляющих впредь конфедерацию под названием Соединенные Штаты Северной Америки. Разрыв с Англией стал окончательным.

Ненависть к англичанам способствовала тому, что американская революция снискала себе огромную симпатию во Франции, и это воплотилось в форме, более ощутимой, нежели демонстративные протесты. Франклин³, прибывший в Париж как полномочный представитель молодой республики⁴, настаивал на активном крестовом походе и собрал множество приверженцев. Вскоре стали стекаться добровольцы. Вещь по меньшей мере странная и на первый взгляд парадоксальная, но самыми решительными сторонниками американской независимости положительно были те, кто по своему рождению, воспитанию должен был больше всего противиться установлению республики: дворяне, из века в век отличавшиеся приверженностью к монархизму.

¹ Бостон был сдан англичанам без боя 4 марта 1776 года.

² Это слишком смелое утверждение. Речь идет о неудачной попытке англичан высадить десант и овладеть городом (июнь 1776 г.). Подробнее с этим эпизодом любознательный читатель может ознакомиться в историко-приключенческом романе Рафаэля Сабатини «Каролинец» (см. Собрание сочинений, входящее в библиотеку журнала «Вокруг света». Москва, изд-во «Прибой», т. 8, 1994).

³ Франклин Бенджамин (1706 — 1790) — выдающийся американский общественный и государственный деятель, философ, дипломат, издатель, ученый и предприниматель; с ноября 1775 года был членом комиссии тайных сношений. Важную роль в сближении правительства Людовика XVI с мятежными английскими колониями сыграл известный французский драматург Пьер Огюстен Карон де Бомарше (1732 — 1799), о чем увлекательно рассказано в историческом романе Лиона Фейхтвангера «Лисы в винограднике».

⁴ Во Францию Бенджамин Франклин прибыл в декабре 1776 года.

Среди первых волонтеров¹ следует назвать прежде всего маркиза де Лафайета², девятнадцатилетнего богача-энтузиаста, имевшего двести тысяч ливров ренты (огромная сумма в ту эпоху) и уже три года как женатого на мадемуазель де Ноай. Он горячо увлекся этой идеей освобождения колоний и объявил, что хочет без промедления отправиться бороться за нее, не потеряв пыл даже после тяжелого поражения, постигшего вначале солдат американской революции, Лафайет как мог ускорил свой отъезд. Под мощным давлением семьи ему было вручено предписание, категорически запрещающее покидать Францию. Лафайет пренебрег этим запретом, исходящим от министра, оснастил на свои средства корабль, пересек границу Франции, переодевшись курьером, прибыл в Сан-Себастьян³, где его ждал корабль, и отправился в Америку 26 апреля 1777 года. Через пятьдесят дней он прибыл в Чарлстон, ускользнув от английских крейсеров, и сразу же направился в Филадельфию, где непрерывно заседал Конгресс.

Филадельфия, основанная сотней лет раньше Уильямом Пенном⁴, уже была городом с населением в 35 000 человек, суровым, работающим, не расположенным к увеселениям, с хорошо развитой торговлей — городом богатым, хотя и неудобным. Заседания Конгресса внесли некоторое оживление, контрастирующее с обычной монотонностью; теперь здесь можно было увидеть спешащих людей, шумных, иногда даже скандальных, найти волонтеров любого происхождения, любой наружности, прибывших из разных мест: охотников, одетых в кожу, полудиких гигантов, плантаторов, приехавших с собственным оружием и солидным багажом, фривольных, элегантных

¹ Волонтер — доброволец (*фр.*).

² Лафайет — Мари-Жозеф-Поль-Ив-Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Лафайет (1757 — 1834).

³ Сан-Себастьян — порт на севере Испании.

⁴ Пенн (1644 — 1718) — английский квакер и знаменитый адвокат, отстаивавший гражданские и религиозные свободы, впоследствии — колониальный администратор. Филадельфия была основана в 1682 году на землях, освоенных для британской короны отцом Пенна, известным английским адмиралом, также носившим имя Уильям (1621 — 1670); в честь этого флотоводца колония, а впоследствии и штат молодого государства стали называться Пенсильванией, то есть «Лесной землей Пенна».

и храбрых дворян из Франции, и среди них — всевозможных просителей, осаждающих Конгресс своими планами, проектами, просьбами о должности или назначении и вконец измотавших всех членов ассамблеи.

Совсем юный, без военного прошлого, если не считать воспитания, получаемого тогда молодыми людьми его возраста и социального положения, Лафайет, хотя перед отправлением из Франции ему была обещана высокая должность в армии инсургентов, рисковал не получить ничего. Его требования к членам Конгресса свидетельствуют о скромности, бескорыстии и желании быть полезным делу борьбы за независимость. Он попросился служить без жалованья в качестве простого солдата. Депутаты понимали, что они могут и должны сделать из этого молодого, полного энтузиазма человека нечто большее, чем примитивного оруженосца. Ему присвоили звание генерал-майора по решительной рекомендации Вашингтона, на которого молодой француз произвел очень сильное впечатление.

Главнокомандующий американскими вооруженными силами был тогда во власти мрачных забот, вызванных после первых успехов неудачами, преследовавшими одна за другой дело борьбы за независимость. Это был человек сорока пяти лет, родившийся в Бридж-Крик в Виргинии 22 февраля 1732 года¹. Первый свой воинский подвиг он совершил против французов, обосновавшихся на берегу Огайо, и показал в этом трудном деле смелость, осторожность, энергию и решительность. Ему тогда было только девятнадцать лет². Потом борьба за границы между англичанами и французами помогла ему развить врожденные качества воина и командира.

Успехи закончились, и начались неудачи. Вашингтон сердцем почувствовал, что Англия скоро нанесет тяжелый удар, и начал концентрировать силы, собирать их в кулак.

Лафайет своей юностью и благородным энтузиазмом

¹ Дж. Вашингтон родился на ферме, получившей впоследствии название Уэйкфилд.

² Упомянутый автором подвиг (разгром и взятие в плен небольшого французского отряда, которым командовал Жозеф Кулон) был совершен 28 мая 1754 года.

на какое-то время оторвал полководца от горьких мыслей, как будто вид этого молодого человека, олицетворяющего Францию, подсказывал ему возможность помощи, которую настойчиво просил Франклин и на которую едва осмеливался надеяться.

Прошло 4 июля. Отпраздновали первую годовщину провозглашения независимости, и национальное знамя, усеянное серебряными звездами, впервые было поднято под аплодисменты толпы, заполнившей Филадельфию и проследовавшей кортежем за членами Конгресса.

Два месяца спустя внезапно пришла дурная весть. Вашингтон, отступив за Делавэр, был разбит на Брэндивайне, протоке этой реки. В этом же сражении 11 сентября 1777 года Лафайет, который в глазах главнокомандующего вел себя как герой, получил ранение.

Это поражение не было неожиданным и никого не деморализовало. Главнокомандующего менее, чем других. Его осторожность, энергия, настойчивость приумножили и без того высокое доверие, которым он пользовался среди своих соратников по борьбе во имя торжества американской независимости. Тем не менее его задача скоро станет еще более тяжелой. Англичане, отказавшись от попыток непосредственно преодолеть энергию сопротивления северных штатов, решили ударить в самое сердце Конфедерации, напав на Нью-Йорк и Филадельфию и завладев центральными колониями.

После тщетных попыток защитить эти важные пункты, Вашингтон то и дело отходил за реки Делавэр и Гудзон, но всегда без потерь, не оставив на поле боя ни одного человека. 30 сентября англичане вошли в Филадельфию, за три дня до того эвакуированную Конгрессом¹.

Впрочем, англичане очень скромно оценивали эту победу, не питали особых иллюзий, что сумеют завладеть городом, где заседал Конгресс. Они знали на собственном опыте, что Вашингтон держится хорошо, и с беспокойством поглядывали в сторону Франции. Капитуляция Бургойна в Саратогe 17 октября² ухудшила положение их дел

¹ На самом деле войска генерала Корнуоллиса заняли оставленную Филадельфию 26 сентября 1777 года.

² Шеститысячный английский отряд под командованием генерала Бургойна двигался из Канады. 8 сентября 1777 года путь ему прегради-

и ускорила принятие решений на переговорах, которые ловко и с беспримерным упорством вел в Версале старик Франклин. Вся Америка с нетерпением и тревогой ждала результатов.

Тотчас из Бостона отправился фрегат, чтобы объявить во Франции об успехе в Саратого, и через несколько дней после его прибытия комиссары молодой республики вступили в переговоры с месье де Верженном¹. Несмотря на естественную поспешность, впрочем, вполне оправданную непрочным положением по другую сторону Атлантики, они длились семь полных недель и закончились, как известно, заключением союзнического договора, подписанного 6 февраля 1778 года между Францией и Америкой². Это была огромная услуга, оказанная нашей страной американской нации, которая одна, очевидно, не смогла бы долго продержаться против Англии. Франция щедро тратила свою кровь и свое золото, а в награду не получила ничего, кроме черной неблагодарности.

Спустя месяц после подписания договора был составлен флот из двенадцати линейных кораблей, четырех фрегатов и большого количества транспортов. Этим флотом командовал адмирал д'Эстен³, герой индийской войны⁴, заклятый враг англичан. Д'Эстен поднял свой флаг на «Лангедоке», девяностопушечном корабле, на котором

ла у высот Бейлис-Хайтс американская армия генерала Гейтса. Дважды англичане пытались прорваться, но в конце концов, отрезанные от баз снабжения и сильно ослабевшие, вынуждены были сдаться 17 октября в форте Саратого.

¹ В е р ж е н н (Шарль Гравье, граф де Верженн; 1717 — 1787) — министр иностранных дел Франции с 1774 года.

² Были подписаны договоры о дружбе и торговле, а также о военном оборонительном союзе.

³ А д м и р а л д' Э с т е н — Жан-Батист-Шарль-Анри-Эктор д'Эстен (1729 — 1794); автор повышает его в звании: у американских берегов д'Эстен был вице-адмиралом (точнее — «вице-адмиралом азиатских и американских морей»).

⁴ Имеется в виду война, которую вели за обладание Индией британские и французские колонизаторы; французам до этого противостояния принадлежала южная, полуостровная Индия. Д'Эстен отличился в ходе боев, но потом попал в плен и был отпущен под честное слово, поклявшись покинуть Индию и больше не служить там.

находился также Жерар де Рейневаль¹, первый уполномоченный Франции в США.

Адмирал начал операции, преследуя английскую эскадру, которая укрылась в бухте Сенди-Хук². Но, поскольку два главных корабля «Лангедок» и «Тоннан» имели слишком большую осадку, чтобы пройти по неглубокому фарватеру, д'Эстен должен был стать перед Род-Айлендом в заливе Наррагансет³, пока Лафайет и американские генералы высаживались на этом острове, расположенном вблизи континента⁴, и вели наступление в сторону Провиденса⁵. Д'Эстен обошел мели и вышел к фарватеру, который вел к Ньюпорту, главному городу острова (8 августа 1778 г.). Напуганные англичане сами подожгли пять фрегатов, два корвета и несколько складов, чтобы они не достались французам. Развивая свой успех, французский адмирал высадил свои войска 10 августа, когда появилась английская эскадра адмирала Хоу. Снова пройдя узким фарватером, д'Эстен предстал перед англичанами, чтобы предложить им бой. Но в ночь с 11 на 12 августа, когда обе эскадры встали в боевой порядок, налет страшный ветер и раскидал корабли. Ураган продолжался сорок часов. «Лангедок», потерявший мачты, лишившийся руля, полужатопленный, был встречен пятидесятичетырехпушечным линейным английским кораблем, которого пощадила буря. Несмотря на безнадежное состояние своего флагмана, д'Эстен защищался с такой энергией и мощью, что англичане, считавшие, что он уже

¹ Жерар де Рейневаль Жозеф Матиас (1736 — 1812) — французский дипломат, в то время был секретарем Верженна.

² Сенди-Хук — бухта в окрестностях Нью-Йорка, часть залива Лауэр-Бэй.

³ Залив Наррагансет на американских картах состоит из двух акваторий: Ист-Пэсидж (Восточный проход) и Провиденс-Ривер (река Провиденция).

⁴ Остров Род-Айленд был открыт в 1524 году Джованни Верраццано, сравнивший его по величине с островом Родос в Эгейском море, у берегов Малой Азии. В 1644 году это название было официально закреплено англичанами, назвавшими остров Род, то есть «подобный Родосу». Позднее название острова перешло и на прилегающую часть материка (современный штат Род-Айленд).

⁵ Провиденс — столица штата Род-Айленд.

в их руках, вынуждены были отойти с серьезными повреждениями. «Лангедок» удалось отремонтировать прямо на воде лучше, чем можно было ожидать, он присоединился к остальным кораблям эскадры и пришел на свою якорную стоянку перед Ньюпортом. Но, поскольку было действительно невозможно продолжать кампанию с довольно потрепанными кораблями, пришлось отвести эскадру в Бостон для ремонта.

Мог ли подумать храбрый моряк, не щадивший себя в бою, что по прибытии будет оскорблен бostonцами, которые обвинят его в измене!¹ Словно уже сейчас янки² демонстрировали свой чудовищный эгоизм, впоследствии ставший отличительной чертой этой нации, неспособной подняться над заурядной спекуляцией!

Произведя мощный бросок по направлению к Антильским островам, захватив три линейных корабля, двадцать торговых судов, д'Эстен атаковал Гренаду, вынудил капитулировать ее защитника лорда Макартнея, который сдался с 800-ми солдатами, 3-мя знаменами, 102-мя пушками, 16-ю мортирами³, 30-ю торговыми судами. Подошел флот лорда Байрона⁴, но слишком поздно, чтобы можно было помочь Гренаде. Д'Эстен, хотя и раненный, приказал атаковать английский флот и вынудил его, потерявшего управление, укрыться на Сент-Кристофере.

После этой блестящей кампании д'Эстен был призван в

¹ Уход эскадры поставил американскую армию в очень тяжелое положение. Она лишилась поддержки с моря и с кровопролитными боями начала отступать. Что касается французов, то они, так и не оказав существенной помощи повстанцам, в ноябре 1778 года отбыли в Вест-Индию.

² Янки — прозвище американцев, уроженцев Новой Англии (шести северо-восточных штатов).

³ Мортира — артиллерийское оружие с коротким стволом, позволяющее вести стрельбу навесным огнем по целям, расположенным за укрытием.

⁴ Байрон Джон (1723 — 1786) — прославленный английский мореплаватель и дед великого поэта; его кругосветное плавание, совершенное в 1764 — 1766 годах, вызвало в Англии огромный интерес к океаническим исследованиям и открыло эпоху научных кругосветных экспедиций европейских мореплавателей. Упомянутое в тексте сражение произошло 6 июля 1779 года.

Саванну¹, которой овладели англичане и где они надежно укрепились. Он прибыл в последние дни августа, высадив свои войска в ночь с 11 на 12 сентября 1779 года и 16-го потребовал у английского генерала Превоста, командовавшего обороной города, сдаться. Тот попросил двадцать четыре часа отсрочки. За это время к англичанам подошла ожидаемая подмога в количестве 10 000 человек, и генерал заговорил другим языком, объявив, что готов защищаться. Разгневанный обманом, неудержимый д'Эстен встал во главе своих гренадеров и повел их в атаку на город. Встреченный страшным огнем, он удвоил рвение, но, раненный в ногу и в руку, видя, что его люди больше не выдерживают, вынужден был отдать приказ об отходе².

Хотя это была относительная неудача, поскольку адмирал не поставил под угрозу выполнение всей операции, американцы, презрев всякую благодарность к д'Эстену за услуги, уже им оказанные, за его морские победы над англичанами, за эвакуацию Ньюпорта, обвинили французов в том, что те предали их и бросили!..

Выходит, эти торговцы, которые сами никогда не сражались, рассматривали нас как наемников!..

Короче говоря, если у Конфедерации дела шли ни шатко ни валко, то это вовсе не по вине французов, не щадивших своей крови, а из-за американского ополчения, плохо дисциплинированного, болтливового, к тому же плохо вооруженного, да еще и малооплачиваемого и всегда готового к бунту. Вашингтон и депутаты Конгресса, более склонные к благодарности и более дальновидные, оказывали нашим солдатам и уполномоченному Франции Жерару де Рейневалю всяческие знаки уважения, понимая, что тучи сгущаются и надежд на победу остается немного; если Франция не вмешается во второй раз, англичане могут победить.

Французский аристократ, принимавший к сердцу дела Америки, как если бы она была его собственной родиной, предложил Конгрессу тотчас пересечь Атлантику и вер-

¹ Саванна — морской порт в устье одноименной реки на атлантическом побережье США.

² После неудачной осады Саванны эскадра д'Эстена ушла к берегам Франции, оставив американскую армию генерала Бенджамина Линкольна в критическом положении.

нуться во Францию за помощью. Конгресс и главнокомандующий одобрили этот план, и Лафайет поднялся 6 января 1779 года в Бостоне на палубу фрегата «Альянс». С красноречием тем более увлекательным, что оно шло от сердца, он обрисовал королю Франции и его министрам положение наших союзников, сумел их заинтересовать, взволновать, очаровать и в конце концов добиться посылки новых сил. И министерство так постаралось, что 14 апреля все было готово.

Сорок шесть кораблей, из которых семь линейных, пять фрегатов, корветы, канонерские лодки вошли в состав флота, которым командовал шевалье де Терней, имевший под своим началом де Ла Грандьера, де Мариньи, Дестуша, Лаперуза¹ и Ла Клошетри. Сухопутные войска подчинялись главнокомандующему графу Рошамбо², генерал-лейтенанту французской королевской армии, герою Мастрихта³, Маона⁴ и Клостеркампа⁵, храброму и умному военному. Этот экспедиционный корпус включал в себя Суассонский и Бурбонский полки, состоящие из старых, надежных, закаленных в боях, неутомимых солдат, более корпуса волонтеров, осадную и полевую артиллерию, — всего 6000 человек.

Флот вышел в море 16 апреля 1780 года и бросил якорь на рейде Ньюпорта после семидесяти дней плавания. Можно было бы ждать, что прибытие этих храбрецов, этих отважных дворян, проделавших такой дальний путь, чтобы принести спасение «инсургентам», будет встречено овацией. Ничего подобного. Если обитатели Ньюпорта и не оскорбили, как жители Бостона, тех, кто прибыл пролить кровь за них, то построили весьма кис-

¹ Будущий начальник французской кругосветной экспедиции.

² Рошамбо — Жан-Батист-Донатьен де Вимёр, граф де Рошамбо (1725 — 1807), с 1761 года — лагерный маршал (чин в старой французской армии, соответствовавший бригадному генералу или современному званию генерал-лейтенант), с 1791 года — маршал Франции.

³ Имеется в виду осада этого голландского города и взятие его герцогом Морисом Саксонским в 1748 году.

⁴ Маон — порт на Балеарских островах в Средиземном море (на острове Минорка), возле которого французы в 1756 году разбили английскую эскадру, а потом захватили и сам город.

⁵ Клостеркамп — одно из сражений франко-прусской войны 1757 — 1758 годов.

лые мины, упрекнули, что их так мало. Потребовался весь задор начальника и солдат, бравая выправка и нестигаемая дисциплина которых резко отличались от того, что представляли собой оборванные ополченцы молодой конфедерации, чтобы победить уныние.

И только спустя некоторое время после высадки, как следует поразмыслив и понаблюдав, американцы отдали должное нашим воинам. К тому же помощь французов была более чем необходима. У англичан был перевес на юге; Чарлстон капитулировал в мае 1780 года; американцы, оставшиеся без помощи союзников, были разбиты по всему театру военных действий, они понемногу теряли территорию и с тревогой видели, что наступает момент, когда весь их прекрасный юг окажется в беспощадных руках прежнего хозяина.

Перед тем как приступить к активным действиям, Вашингтон и Рошамбо встретились в Хартфорде¹ и составили план кампании, которая на тот момент была преимущественно оборонительной. Французская армия, охотно атаковавшая, устроилась на зимние квартиры на Род-Айленде, в то время как американская армия не выходила за пределы Ньюпорта. Это бездействие, длившееся долгие месяцы, во время которых не хватало хлеба, топлива и жилья, было очень тяжелым для наших солдат, с трудом переносивших бездействие. Но приказ есть приказ, и они его выполняли с обычными самоотречением и мужеством.

Когда зима кончилась, получившие подкрепление англичане продолжили атаки в южных районах. Они уже вот-вот должны были овладеть Виргинией, когда Вашингтон откомандировал на ее защиту Лафайета во главе отдельной воинской части. Молодой генерал вполне подходил для этой сомнительной задачи. Благодаря чрезвычайной подвижности своих колонн он сумел быстрыми маневрами захватить противника врасплох, измотать его и окончательно привести в замешательство тактикой партизанской войны, единственной, которую можно было применить в подобных обстоятельствах.

¹ Хартфорд — город на правом берегу реки Коннектикут, столица штата Коннектикут.

После хорошего отдыха наши войска предприняли наступление, соединившись с войсками американцев. Поначалу они выгодно отличались от последних. Рядом с нашими отборными солдатами, свежевыбритыми, с напудренными косичками, в мундирах без единой пылинки, в начищенной до блеска обуви, со сверкающим оружием, слаженно шагающими, как на параде, ополченцы конфедератов имели жалкий вид. Люди, одетые в холщовые плащи сомнительной чистоты, с натянутыми на головы грязными войлочными шапками или шлемами из плохо выделанной кожи, вооруженные разношерстными ружьями, содержащимися с такой же небрежностью, как и одежда, походили на сборище бродяг. Добавьте к этому невежество офицеров, плохую дисциплину солдат, отвратительное снабжение и отсутствие транспортных средств...

Обе армии побратались в Филлипсберге¹, а потом объединились с большой выгодой для ополчения, которое в окружении наших старых отрядов быстро стало дисциплинированное и, главное, сплоченное. Проявив незаурядную находчивость, Вашингтон и Рошамбо прежде всего сделали вид, что угрожают Нью-Йорку², чтобы помешать английскому генералу Клинтону послать подкрепление в Виргинию. Тот попался на эту хитрость, оставил на месте свои войска и приготовился к защите, ожидая каждую минуту нападения.

Американские генералы выставили перед англичанином только небольшой подвижный заслон, быстрые маневры которого должны были создать иллюзию присутствия многочисленных сил. Пока они вели перестрелку, оба главнокомандующих направились форсированным маршем на Виргинию. 28 сентября они подошли к Йорктауну, маленькому городку, которому вскоре суждено было приобрести громкую известность. Там находилась английская отдельная бригада под командованием лорда Корнуоллиса, одного из самых искусных воинов Англии, неоднократно побеждавшего американских генералов, в

¹ Ф и л л и п с б е р г — город в штате Нью-Джерси на левом берегу реки Делавэр.

² Эти планы обсуждались на встрече Вашингтона с Рошамбо в мае 1781 года.

частности Гейтса и Грина. У него было 7000 солдат, 1000 матросов и 30 кораблей с 214-ю пушками. Франко-американская армия, насчитывающая около 16 000 человек (9000 американцев и 7000 французов), действовала открыто перед городом, защищенным прочными оборонительными сооружениями. В ночь с 6 на 7 октября 1781 года вырыли минную траншею. 14 октября, как только пробили брешу, два редута, прикрывающие левый фланг вражеской пехоты, были подорваны и захвачены стремительной атакой.

Положение генерала Корнуоллиса стало безвыходным, он капитулировал¹. Эта победа вызвала во всей Америке неслыханный энтузиазм. Торговцы сахаром, салом и хлопком расшевелились наконец и воздали должное отважным защитникам, которым были так обязаны. Они расточали им благодарности. Но, право, это недорого стоило, даже в стране, где время — деньги. Конгресс расщедрился до того, что предложил графам де Грассу² и де Рошамбо, которые, впрочем, ничего не просили, пушки, захваченные ими в Йорктауне. Это предложение, совершенно в духе конгрессменов, было преподнесено как национальная награда, и оба дворянина, люди хорошо воспитанные, прикинулись очень растроганными.

Хотя капитуляция лорда Корнуоллиса значительно пошатнула престиж Англии, война продолжалась. Прежние хозяева страны еще владели Северной Каролиной и Джорджией, откуда с имеющимися силами их было очень трудно вытеснить. Кроме того, они все еще удерживали Нью-Йорк, и их флот блокировал часть побережья. Но Франция, которая не могла оставить свою миссию незавершенной, послала новые войска, и вскоре было предпринято мощное наступление. В рамки настоящего произведения не входит рассказ о всей кампании. Для нас, французов, важно показать решающую роль, которую сыграла наша родина в освобождении американского на-

¹ Капитуляция армии генерала Корнуоллиса под Йорктауном произошла 19 октября.

² Грасс командовал эскадрой в составе 28 французских кораблей с тремя тысячами солдат на борту, прибывшей из Вест-Индии к Йорктауну.

рода, когда вся эгоистичная, трусливая Европа не осмелилась или не захотела пойти против Англии¹.

Остальное известно. Английское правительство, смирившись с потерей колоний, начало в 1782 году переговоры с целью выторговать удовлетворительный для себя мирный договор. 10 января между воюющими сторонами было подписано предварительное соглашение, в основе которого было признание Англией независимости США².

Французская кровь пролилась не напрасно: американцы стали свободными.

И когда десять лет спустя Франция, как всегда одна, сражалась во имя свободы народов в тяжелейшей борьбе, ежедневно грозившей гибелью, Джордж Вашингтон, президент молодой и уже мощной американской республики, спокойно наблюдал за ходом событий со стороны, держа по отношению к своему старинному союзнику эгоистический нейтралитет, что было не только неблагодарностью, но еще и забвением принципа солидарности, призванного объединять свободные народы.

И когда спустя семьдесят семь лет Франция в третий раз провозглашала республику³, как известно, в тяжелейших обстоятельствах, наследником Вашингтона на посту президента США был Грант⁴. Этот человек не только не

¹ Автор несколько преувеличивает роль французов. Во-первых, после заключения франко-американского союза в 1778 году в войну на море против англичан вступил испанский флот. Во-вторых, на полях Нового Света сражались добровольцы и из других стран Европы. Достаточно назвать самых известных из них, ставших генералами американской армии: поляков Тадеуша Костюшко (1746 — 1817) и Казимежа Пулаского (1747 — 1779), немцев Йоханна Кальба (1721 — 1780) и Фридриха Вильгельма Лудольфа фон Штойбена (1730 — 1794). И наконец, нельзя забывать, что европейцы только оказывали помощь, тогда как основную тяжесть борьбы вынесла молодая американская армия, необычайно быстро постигавшая военную науку, мужавшая в боях и набиравшаяся необходимого опыта.

² Переговоры заключились Парижским мирным договором, ратифицированным 3 сентября 1783 года.

³ Автор имеет в виду падение Наполеона III и провозглашение Третьей республики осенью 1870 года, когда Франция потерпела сокрушительное поражение в войне с Пруссией.

⁴ Грант Улисс Симпсон (1822 — 1885) — американский генерал, президент США в 1869 — 1877 годах.

оказал нам никакой моральной или материальной поддержки, но почти без колебаний после наших тяжелых поражений обратился с поздравлениями к прусскому правительству! И с чувством возмущения и боли французы узнали, что он после нашей окончательной капитуляции направил конгрессу послание, в котором выразил свои горячие симпатии прусскому правительству!

И не нашлось ни одного среди внуков тех, кто сражался рядом с д'Эстеном, Лафайетом и Рошамбо, чтобы выразить свой протест!

ГЛАВА 17

ШАТОБРИАН¹

Во Франции разыгрывалась великая революционная драма, и Шатобриана, поэта и мечтателя, который провел все свое детство в уединении среди лесов на песчаных берегах Бретани, непреодолимо потянуло к неизведанному. Под влиянием парадоксов Руссо о прелестях дикой жизни и нетронутой природы у него возникла идея отправиться искать красоту в одиночестве Нового Света, который после недавней освободительной войны вошел в моду; а поскольку поэт был страстным любителем путешествий и не испытывал материальных трудностей, он отправился в 1791 году в Северную Америку.

Ему было тогда двадцать три года.

Ступив на землю молодой республики, свой первый

¹ Ш а т о б р и а н (Франсуа-Рене виконт де Шатобриан; 1768 — 1848) — французский писатель и политический деятель; из Америки он вернулся в 1792 году. Свои впечатления о Новом Свете собрал в книжке «Путешествие по Америке», впервые изданной только в 1826 году в составе собрания сочинений писателя. В том же издании появился и задуманный за океаном роман «Натчезы», который в значительной части был уничтожен автором, — сохранилось только несколько фрагментов. Об американском путешествии напоминает еще одно произведение Шатобриана — повесть «Атала, или Любовь двух дикарей» (1801). Писатель еще однажды отправился в дальнее странствие, посетив святые места Греции, Турции, Палестины. Это свое паломничество он описал в книге «Дневник путешествия из Парижа в Иерусалим» (1811).

визит Шатобриан нанес Вашингтону, в окружении которого был тепло принят одним из французских героев Войны за независимость. Легендарный генерал жил в Филадельфии в очень простом доме, в жилище мудреца или человека, которому хватает здравого смысла пренебрегать всем тем, в чем он не испытывает потребности. Шатобриан рассчитывал найти римлянина героической эпохи, а увидел сурового пуританина¹, немного сухого в повадках и словах, что его, впрочем, вовсе не смутило.

Поэт вручил ему рекомендательное письмо, генерал ознакомился с ним и, поскольку еще не впал в грех неблагодарности по отношению к Франции, начал встречу в лирическом тоне.

— Я понимаю, месье, — сказал он молодому путешественнику, — что вам очень хочется полюбоваться делами рук ваших соотечественников.

— Я знаю, — ответил Шатобриан, — какую роль сыграла французская армия в последних событиях, но я знаю также, на помощь какому зажигательному и храброму вождю пришло наше дворянство. Перед тем как начать путешествие по Америке, я пришел поклониться ее освободителю.

— Не стоит думать, что Соединенные Штаты своим объединением полностью обязаны усилиям одного человека, скорее это заслуга опытного народа, пришедшего нам на помощь.

— То, что Франция совершила для вашей нации в пределах благоразумия, она пробует сегодня выполнить для себя самой, презрев всякую осторожность и поддавшись движению страстей.

— Вы не согласны с тем, что происходит в вашей стране, месье? Американцы не понимают этого чувства.

— Генерал, если бы американцам дать ключ от Бастилии, они бы, без сомнения, поцеловали его. Но во Франции наш энтузиазм не вознесен так высоко, мы бы побоялись запачкаться кровью, прикасаясь к этому зловещему символу.

¹ Пуританин — сторонник протестантской церкви в Англии и Шотландии; в переносном смысле — строго нравственный, избегающий всяческих излишеств человек.

— И напрасно боитесь. Не сопротивляйтесь народу, а руководите им. Месье Тюрго¹ взялся осуществить свой собственный переходный период, это оказалось ему не под силу. Вся нация должна подняться в этот час. Внушите себе, что если даже меньшинство французов встанут, чтобы победить несправедливость, их революционная вера восторжествует над оппозиционерами; и вы лучше поймете ваши интересы, служа все вместе делу освобождения.

— Расслоение усиливается день ото дня. Дворяне не смогут больше подбить народ на бесчинства.

— Если у вас образуются два лагеря, тогда все пропало!

— Генерал, не предвосхищайте события.

— Я поверю в ваше дело только в том случае, когда все французы будут бороться за одни принципы!

— Я верю вам, потому и удаляюсь.

— Куда вы направляетесь, месье? Долго ли собираетесь пробыть в Америке? Расскажите мне о ваших планах.

— Я прибыл в надежде продолжить географические открытия, начатые десятки лет тому назад двумя английскими путешественниками. Когда я тщательно обследую ваш северный континент, я отправлюсь по следам Херна² и Александра Макензи³.

— Как! Вы отваживаетесь отправиться в эти полярные районы Америки без помощи и поддержки?.. Очень смело!

— Легче открыть пролив на северо-западе, чем создать народ, как это сделали вы.

Вашингтон мог бы добавить: «Но две эти вещи не связаны между собой, и когда вы попытаетесь открыть этот пролив, то, возможно, измените мнение...»

¹ Здесь имеется в виду Анн-Робер-Жак Тюрго, барон д'Ольн (1727 — 1781), французский политический деятель, государственный секретарь по морским делам (июль 1774 г.), генеральный контролер финансов и министр без портфеля (1774 — 1776 гг.).

² Херн Самюэл (1745 — 1792) — английский путешественник, исследователь арктического побережья Канады.

³ Макензи Александр (1764 — 1820) — шотландец по происхождению, знаменитый исследователь канадского Северо-Запада (работал там в 1789 — 1802 гг.); его основной географический труд «Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану» переведен на русский язык.

Этим беседа ограничилась, и визит закончился.

«Такова, — добавил Шатобриан, — была моя встреча с этим человеком, давшим волю целому народу. Вашингтон спустился прежде, чем исчез звук моих шагов; я прошел перед ним, как один из многих; он был во всем своем блеске, а я совсем не замечен. Мое имя, возможно, не продержалось в его памяти даже одного дня. А я был счастлив, что его взгляд упал на меня, и чувствовал себя согретым на всю оставшуюся жизнь; *есть такое свойство во взглядах великого человека*».

Думается все же, что этот панегирик Шатобриана несколько надуманный, и с трудом верится в искренность приведенных слов, собранных во фразу, претендующую на афоризм. Шатобриан, хотя и очень молодой, был себе на уме и слишком самолюбив, чтобы впасть в ничем не оправданный фетишизм.

Он посетил Виргинию и Мэриленд, впрочем, несколько торопливо, как турист, потом Балтимор, Бостон и остановился на поле Лексингтонского сражения¹, которому посвятил такие напыщенные слова: «Я увидел, — говорит он, — поле битвы Лексингтона, остановился в молчании, как путешественник на Фермопилах², чтобы рассмотреть могилу этих воинов из Старого и Нового Света, погибших первыми, повинаясь законам Родины».

Замечательно сказано, только ложно по самой сути; вряд ли стоит идеализировать борьбу тех, кто хотел заставить платить, с не желавшими платить пошлину на чай, стекло и бумагу. Поскольку именно в этом и заключена сущность так называемой американской эпопеи.

Впрочем, Шатобриан, который так красноречиво пел «воины умирали, повинаясь законам Родины», не колеблясь вступил в борьбу с теми, кто во Франции немного

¹ Здесь произошло одно из первых сражений Войны за независимость (см. примеч. к предыдущей главе).

² Фермопилы — горный проход, соединяющий Северную Грецию со Средней. В ходе греко-персидских войн, в 480 году до н. э., этот проход героически оборонял от персидских полчищ отряд из 300 спартанцев под водительством царя Леонида. Спартакцы погибли, но задержали продвижение врага, дав возможность своим соотечественникам перегруппировать силы и отразить нашествие персов. Сражение у Фермопил на века стало примером воинского мужества и беззаветной любви к своей отчизне.

позже хотел подчиняться тем же самым законам. Он эмигрировал в Кобленц и так храбро сражался против народа, отстаивающего свои права, что был ранен при осаде Тьонвиля¹. Истина по одну, заблуждение по другую сторону Атлантики!

Затем путешественник поднялся по Гудзону и отправился в Олбани². У него было рекомендательное письмо к торговцу по имени Свифт, принявшему наилучшим образом молодого француза, который, в свою очередь, поделился с ним проектом исследований. Как человек практичный, Свифт, рассмотрев проект, внес в него многочисленные и очень существенные поправки. Предприятие переставало быть простой туристической прогулкой и превращалось в экспедицию, требующую серьезного материального обеспечения, знания множества индейских и эскимосских местных говоров, предварительной договоренности с испанскими и английскими факториями и, наконец, поддержки французского правительства. Без этого экспедиция могла закончиться только провалом.

Для Шатобриана все это оказалось слишком сложно и недоступно, и он вынужден был отказаться от своего грандиозного проекта, мысль о котором к нему часто возвращалась, даже во время его увенчанной славой старости. «Я не могу не думать о том, — говорит он по этому поводу, обращая взгляд к прошлому, — как бы изменилось мое жизненное поприще, если бы я достиг цели моего путешествия. Годы раздоров, с таким шумом раздавившие несколько поколений, в тишине пролетели бы надо мной, затерянным в этих диких краях на песчаных гиперборейских³ берегах, где ни один человек не оставил следа своей ноги, мир стал бы другим за это время. Вероятно, я никогда не имел бы несчастья быть писателем. Мое имя осталось бы неизвестным, или же с ним было бы связано одно из тех тихих преданий, которые не вызы-

¹ Тьонвиль — город на севере Франции, близ современной франко-бельгийской границы. Речь идет о событиях франко-прусской войны 1792 года.

² Олбани — город на реке Гудзон, столица штата Нью-Йорк.

³ Гиперборейский — то есть расположенный далеко на севере (от античного названия жителей крайних северных земель Европы — гипербореи).

вают зависти и предвещают не столько славу, сколько счастье. Кто знает, даже если бы я снова пересек Атлантику, не остался бы я в одиночестве с моими открытиями, как завоеватель среди своих завоеваний?»

Покинув Свифта, избавившего его от унижительного провала, а может быть и от худшей участи, Шатобриан пересек территорию штата Нью-Йорк, населенную тогда индейцами, и достиг Ниагарского водопада, оставив ставшее классическим и едва ли не самым прекрасным из когда-либо сделанных описание этого чуда природы...

«Мы пришли к краю водопада, который еще издали извещал о себе страшным ревом. Река Ниагара, вытекающая из озера Эри и впадающая в озеро Онтарио, образует стену воды высотой по перпендикуляру сто сорок четыре фута. От озера Эри до Онтарио река течет с крутым наклоном, и в месте впадения это уже не река, а море воды, стремительные потоки которой обрушиваются в зияющую пасть пучины.

Водопад разделяется на две части и изгибается, как подкова. Между потоками выдается островок, подрезанный снизу водой и нависающий со всеми его деревьями над хаосом волн. Масса потока, устремляющегося на юг, свертывается в огромный цилиндр, потом разворачивается в белоснежную скатерть, сверкающую под солнцем всеми цветами спектра; восточный рукав опускается в пугающую темноту сплошным водяным столбом. Тысяча радуг перекрещиваются над пропастью. Ударяясь о дрожащую скалу, вода отскакивает вихрями пены, напоминающими дымы огромного пожара. Сосны, дикий орешник, скалы причудливых форм дополняют картину. Орлы, увлекаемые потоком воздуха, опускаются, совершая круги над заливом, американские барсуки висят на гибких хвостах на концах свешивающихся веток и выхватывают из пропасти трупы разбившихся лосей и медведей».

Налюбовавшись на досуге этим грандиозным спектаклем, Шатобриан решил на рискованный шаг, доступный сегодня всем путешественникам, бродящим по миру с путеводителями Бредшоу¹ или Бедеке-

¹ Бредшоу Джордж (1801 — 1853) — английский издатель, который с 1839 года начал выпускать подробные железнодорожные расписания. В 1847 году вышел первый путеводитель Бредшоу по железным

ра¹ в руках, то есть спуститься к подножию водопада. Фантазия тем более странная, что игра, грубо говоря, не стояла свеч, поскольку пропадала всякая иллюзия, как за изнанкой великолепно задуманной декорации.

«...Поскольку индейская лестница была сломана, я решил, вопреки увещаниям моего проводника, отправиться к низу водопада в то место, где он падает со скалистого утеса. Присутствие духа не оставляло меня, несмотря на рев воды и пугающую пропасть, кипевшую подо мной. Я начал спускаться. Когда до дна оставалось сорок футов, стена стала гладкой и на вертикальной скале уже не было ни корней, ни трещин, куда можно было поставить ноги. Я повис на руках и не мог ни подняться, ни опуститься, чувствуя, что пальцы постепенно разжимаются, онемев от тяжести тела. Вряд ли кто-нибудь пережил то, что довелось мне за те десять минут, что я висел над пропастью Ниагары. Наконец руки ослабели, и я упал, но, придя в себя, обнаружил, что жив, похоже без серьезных повреждений, лежу всего в полудюйме от пропасти на голой скале, о которую непременно должен был разбиться, но когда холод воды начал пронизывать меня, я понял, что не все так хорошо, как показалось сначала. Я почувствовал непереносимую боль в левой руке, она была сломана ниже локтя. Мой проводник побежал за дикарями, которые с большим трудом подняли меня при помощи веревки, сплетенной из бересты, и взяли к себе...»

Едва оправившись после падения, Шатобриан устремился подробно осмотреть озера, где, впрочем, не узнал

дорогам Европейского континента; впоследствии фирма Бредшоу стала выпускать путеводители с подробным описанием достопримечательностей различных стран и городов.

¹ Имеются в виду популярные путеводители, выпускавшиеся фирмой, основанной в 1827 году в немецком городе Кобленце Карлом Бедекером. Первый путеводитель был выпущен в 1829 году (по Кобленцу), но широкая известность пришла к фирме в 1832 году, когда был выпущен путеводитель по Рейну от Майнца до Кельна. Путеводители Бедекера, вследствие всестороннего охвата достопримечательностей, богатства деталей и профессиональных комментариев стали образцовыми в этом виде литературы. Их название стало нарицательным для обозначения справочника для путешественников. С 1846 года фирма Бедекер стала выпускать путеводители на иностранных языках, прославившие ее во всем мире.

ничего нового, но счел себя обязанным с пафосом, иногда раздражающим и почти всегда гиперболическим, описать очень простые вещи и события, для которых было бы достаточно простого рассказа. Из района Великих озер он перебрался в штат Огайо¹, пришел по обыкновению в восторг от монументальных руин, ни происхождения, ни назначения которых он сам не понимал, но подробно объяснил человечеству в претенциозном стиле, увы! невежественного молодого человека!

Из Огайо он перешел в долину Миссисипи и проник в Луизиану, ставшую испанской, перед тем как на какое-то время снова стать французской, а потом войти посредством финансовых операций в американскую конфедерацию.

Вид заходящего солнца вдохновил его на описание, очень позабавившее исследователей и ставшее для них чем-то вроде забавного анекдота.

«Солнце упало за пологом деревьев, окружающих долину; по мере того как оно садилось, движения теней и света рисовали волшебную картину: там луч пробился через купола деревьев и блестел, как кроваво-красный рубин в темной листве; здесь свет разливался между стволами и ветвями и проецировал на газоны перекрещивающиеся колонны и подвижные сетки... Животные, как и мы, внимательно созерцали это величественное зрелище: крокодил, повернувшись к дневному светилу, выпускал из своей распахнутой пасти озерную воду красочными снопами; взгромоздившись на высохшую ветку, пеликан по своему восхвалял владыку природы, и лебедь поднимался над тучами, чтобы благословить его...»

Все это, надо признаться, очень красиво, величественно, возвышенно и мастерски написано. Но где же правда в этой напичканной преувеличениями картине? Крокодилы в природном состоянии ведут себя обычно не так, как эмблема городских фонтанов; пеликаны, а равно как и лебеди, как мы знаем, не имеют привычки читать, как послушные дети, молитвы по утрам и вечерам.

Писатель побывал у натчезов, этих страшных дикарей, убивших, скальпировавших и частично съевших несчаст-

¹ Штатом Огайо стало только в 1803 году, то есть значительно позже путешествия Шатобриана.

ных французских колонистов из форта Розали. Он познакомился с верховным вождем племени по прозвищу Солнце, уверявшим, что спустился с дневного светила, очевидно, одним из сыновей, внуков или родственников по побочной линии мадам Дюбуа, супруги бедного сержанта французской гвардии, которая, как известно, сама сделала себя вдовой.

Шатобриан описал интимную жизнь дикарей и рядом с абсолютно неверно представленной ролью женщины у североамериканских краснокожих начертал захватывающую картину подготовки к войне у этих первобытных людей, для которых она великое и, можно сказать, единственное занятие. Вот несколько не связанных между собой отрывков:

«...У дикарей вооружены все, мужчины, женщины и дети, но отряд воинов состоит обычно из пятой части племени. Пятнадцать лет — это возраст, когда индеец становится воином... Война для них более законное дело, чем для цивилизованных народов, потому что почти всегда объявляется во имя существования племени, которое ее развязывает, чтобы сохранить охотничьи угодья или земли, пригодные для возделывания. И именно эта причина, по какой индеец, стремясь выжить, занимается смертельным для себя ремеслом, создает непримиримую вражду между племенами, оспаривающими друг у друга пропитание для семьи...

Война объявляется необычным и страшным образом. Четыре воина, окрашенные в черное с головы до ног, проникают в глубоких сумерках к своему будущему врагу; пробравшись к дверям хижин, они бросают в очаг палицу, окрашенную в красный цвет, на ручке которой нанесены известные обеим сторонам знаки, указывающие на мотивы враждебности... Затем индейские глашатаи войны исчезают в ночи, как привидения, испуская знаменитый боевой клич «уооа». Этот звук образуется, если прижимать руку ко рту и часто-часто шлепать по губам, при этом вылетают вибрирующие звуки с диапазоном от глухих до звонких. Заканчивается клич чем-то вроде завывания, которое невозможно описать.

Война отменяется, если враг, слишком слабый, чтобы участвовать в ней, убегает; если же он чувствует себя сильным, то принимает вызов, и тотчас начинаются приготовления к выступлению.

На площади зажигается большой костер, и на огонь ставится военный «янычарский»¹ котел. Каждый воин бросает туда какую-нибудь, принадлежащую ему вещь. Затем устанавливают два столба, к которым подвешивают стрелы, булавы и перья, окрашенные в красный цвет. Столбы устанавливаются с северной, восточной, южной или западной стороны площади, в зависимости от географической точки, откуда должно начаться сражение.

Сделав это, воины принимают боевой медицинский препарат, сильнодействующее рвотное, растворенное в двух пинтах² воды, которое они должны выпить залпом. Молодые люди расходятся по окрестностям, но не уходят слишком далеко. Вождь, который руководит ими, натерев шею и лицо медвежьим салом и толченым углем, удаляется в парильню, где проводит целых два дня, потеет, постится и предается размышлениям.

Два дня уединения истекают, молодые воины отправляются, в свою очередь, к военачальнику: они объявляют ему о своем намерении отправиться в поход; хотя совет и объявил войну, это решение никого не связывает; выступление с войском только добровольное.

Все воины разрисовывают себя черной и красной краской так, как, по их мнению, можно сильнее напугать врага. Одни рисуют продольные и поперечные полосы на щеках; другие круглые или треугольные метки; кто-то вычерчивает на лицах змейки. На открытой груди и оголенных руках воинов пишется вся история их подвигов; специальные шифры отображают количество снятых скальпов, битв, в которых они участвовали, опасности, которых они избежали. Эти иероглифы, нанесенные на кожу синими точками, несмываемы и представляют собой наколки, прижженные сосновой смолой.

¹ Янычары — турецкая регулярная пехота, организованная в XIV веке. Основу янычарских формирований составляли дети покоренных народов (преимущественно славянских), отнятые у родителей в раннем возрасте и воспитанные в духе беспрекословного подчинения приказам командира, в духе беззаветной верности султану и Османской империи. Являлись наиболее боеспособной частью турецкой армии, часто использовались в карательных операциях по подавлению восстаний угнетавшихся османами народов.

² Пинта — здесь: американская мера жидкостей, соответствующая 0,47 л.

Воины, совершенно обнаженные или одетые в рубаху без рукавов, украшают перьями только прядь волос, которую оставляют на макушке. За кожаным поясом у них заткнут нож, чтобы раскраивать черепа; на том же поясе подвешена булава; в правой руке лук или карабин; на левом плече они носят колчан, наполненный стрелами, или рог с порохом и пулями...»

А вот еще несколько эпизодов, описанных Шатобрианом.

«...Во время этой оваии вождь поет вполголоса знаменитую песню смерти, которую запевают перед пыткой огнем...

Когда воин прощается со своей хижинкой, он останавливается на ее пороге. Если у него есть мать, то именно она первой выходит вперед. Он целует ее глаза и губы, затем подходят сестры, и он касается губами их лба; жена падает перед ним ниц, он желает ей добрых духов. Из всех его детей к нему приводят только сыновей; он прикасается к ним топором или булавой, не произнося ни слова. Наконец, последним появляется отец. Ударив сына по плечу, он произносит речь и приглашает его воздать честь их предкам.

На следующий день на ранней заре военачальник выходит из хижины и издает крик смерти... Лагерь поднимается и вооружается...»

Осведомив таким образом читателя о нравах, обычаях и практической жизни краснокожих Северной Америки, описав их охоту, войны, празднества, похороны, Шатобриан вывел на сцену их самих, сделав истинными героями романа, представил во всех деталях такими, какими увидел, или по меньшей мере такими, какими они должны быть в его представлении, поскольку в соответствии с милой привычкой всех поэтов он просто идеализирует этих страшных дикарей, и мы вынуждены смотреть на них сквозь призму его воображения.

Впрочем, не было ли это уже началом реабилитации этих ужасных мерзавцев, грабителей, воров, грязных, грубых каннибалов, воспетых гением, возвысившимся до доброты и сочувствия к ним?

БАРОН Д'УОГАН

Открытие золота в Калифорнии капитаном Суттером, гвардейским офицером Карла X, вызвало не только интенсивный поток эмиграции, но еще, как говорят американцы, *rush*¹, то есть массовое нашествие людей, сбежавших со всех стран на добычу драгоценного металла.

Суттер нашел в 1841 году первое золото; поставив мельницу на реке Ла-Фурш, он заметил желтые крупинки: вода, приводя в действие колесо, размывала землю и высвобождала из нее металл².

Новость тотчас распространилась по всей Америке, потом по всему миру, слухи росли, без сомнения преувеличенные, но по сути правдивые. Тотчас искатели золота нахлынули в долину Сакраменто. Очень быстро были сколочены значительные состояния благодаря открытиям, сделанным неопытными людьми случайно, и рассказы об этих изумительных удачах разошлись по свету, еще

¹ Стремительное движение, бросок, натиск (*англ.*). Наряду с этим основным значением в словарях приводятся и другие значения, в том числе «стремление к чему-либо, погоня за чем-либо». Именно в этом последнем значении возникло словосочетание «gold rush», переводимое на русский язык как «золотая лихорадка».

² Золото в Калифорнии было найдено 24 января 1848 года. Именно в этот дождливый день работник Джон Маршалл, углубляя водоотлив лесопилки на южном притоке реки Американ, впадающей, в свою очередь, в реку Сакраменто, нашел несколько крупинок золота. Владелец земли был швейцарский переселенец Йоханн Суттер (правильнее — Зуттер; американизированные имя и фамилия — Джон Саттер), бежавший за океан от преследований кредиторов и основавший в калифорнийской долине поселение Новая Гельвеция. Суттер не подозревал о размерах россыпи и не пытался ее разработать; он даже запретил своим работникам распространяться о находке. Однако слухи о золоте все-таки достигли Сан-Франциско, откуда к месту открытия поспешил профессионал-золотоискатель («проспектор») Айзек Хемфри. Через месяц, в начале марта, Хемфри уже намывал по 60 — 90 граммов драгоценного металла в день, а в мае 1848 года россыпи разрабатывались уже на протяжении 30 миль вдоль реки. Первое сообщение о «золотой лихорадке» опубликовала сан-францисская газета «Калифорниен» 29 марта 1848 года.

больше увеличивая алчность, толкавшую людей стремиться туда за удачей, как в колоссальный игорный дом.

Все слои общества приняли участие в этом безумии: торговцы, рабочие, адвокаты, лесорубы, матросы, врачи, землекопы, пахари, бедняки, мечтающие разбогатеть, богатые, которые хотели стать еще богаче, и бандиты, намеревающиеся собирать с золотых полей свою десятину за счет грубой силы.

Иногда выручка была значительной, но для золотоискателей она стоила тяжелого труда и большого риска. Давила усталость, неслыханные лишения, абсурдная дороговизна, а кругом подстерегали всевозможные опасности, не считая уже грабителей, от которых приходилось беспрерывно защищаться. А еще индейцы, озлобленные вторжением на их земли, скрытно подстерегали день и ночь пионеров золотодобычи и убивали их без жалости. Беда всякому белому, который имел неосторожность удалиться от обжитых мест. Внезапно из кустарников возникали монстры, бесшумно следуя по пятам, бросались на него с поднятым топором, рыча как сумасшедшие, убивали, если не могли захватить живьем, а в последнем случае держали у столба пыток, где он находил медленную жестокую и мучительную смерть.

Итак, нужна была твердая воля тем, кто оставил цивилизованную жизнь для лишений и опасностей поистине адского существования первых золотоискателей. Короткая биография, которую мы приводим в настоящей главе, является красноречивым и достоверным примером. Это биография барона Уогана.

Вот при каких обстоятельствах этот представитель одной из самых старинных и самых знатных семей Франции прибыл в Калифорнию всего лишь через девять лет после открытия Суттера.

«...Не совсем по собственной воле однажды утром, — вспоминал месть д'Уоган, — я сел на корабль, отплывающий в другой мир, в поисках фортуны, как Колумб — континента. Лишившись со смертью отца значительного наследства, исчезнувшего в нечестных руках, я должен был обеспечить моей дорогой жене существование, которое обещал, беря ее в жены, а моим детям воспитание и образование в соответствии со знатным и ко многому обя-

зывают именем, которое мне завещали Уоганы и Керхоенты, мои предки.

Итак, я не литератор, не профессиональный путешественник; я только искатель приключений, который во всем случившемся нашел, быть может, больше, чем искал, во всех отношениях...»

Месье д'Уоган отправился в конце 1850 года в Калифорнию с тремя компаньонами (двое из которых, как и он, бывшие офицеры Африканской армии, а третий доктор медицины), чтобы начать эксплуатацию недавно изобретенной машины для промывки золотоносных песков, которая обещала дать прекрасные результаты, по крайней мере, не хуже тех, о которых трубили все газеты, опубликовав на своих последних страницах подробные чертежи с разрезами, видом сбоку и спереди, сопровождаемые сногшибательной рекламой. Четверо компаньонов, высадившись в Сан-Франциско, где в ту эпоху проживало только 25 000 жителей, тотчас направились в Сакраменто, расположенный на левом берегу реки, носящей такое же название.

Они отправились на золотые россыпи Грасс-Валли, которые, как им сказали, были заброшены, установив свою ценную машину на тележку, запряженную четырьмя мулами. Этап за этапом, тщательно охраняя себя от мародеров, компаньоны прибыли в городок Невада-Сити и впервые увидели поселок золотоискателей.

«На дне лощины, казалось, развороченной ураганом, — говорит рассказчик, — из земли было выворочено огромное количество деревьев; среди глубоких рыгвин копошились золотоискатели. Склонившись над мотыгами, одни снимали слои золотоносной земли, которую потом относили на расстояние примерно в одну милю к маленькому ручью, где другие, зайдя по пояс в ледяную воду, промывали эту драгоценную землю в деревянных или железных лотках. По обе стороны лощины теснились жилища золотоискателей: палатки всевозможных форм и хижины из кедровых досок».

Посмотрев с любопытством на это зрелище, такое новое для них, и поняв, что их ждет впереди, они отправились в Грасс-Валли, куда и прибыли на следующий день.

Как люди, спешащие разбогатеть и уже охваченные золотой лихорадкой, они поторопились установить свою

машину, чтобы как можно быстрее ее опробовать. Компаньоны выбрали себе участок земли площадью в десять квадратных метров, на который имел право каждый старатель, прибывший на золотоносные земли.

«...Сказал ли я, — продолжает месье д'Уоган, — что главным элементом, заложенным в конструкцию нашей машины изобретателем, является ртуть? Каждый раз, когда золото проходит в непосредственной близости от нее, ртуть должна захватить его крупинки, затем мы пропускаем ртуть через замшу и кладем в карман золото, которое в ней останется. Так было задумано. Мы принялись за дело. Слишком долго рассказывать все подробности. Но дело в том, что ни одна пылинка золота не хотела соединяться с нашей ртутью. Поскольку золота хватало, земля была полна им, следовательно, плоха была ртуть.

Тогда мы вспомнили, что во время грозы между Панамой и Сан-Франциско мы одолжили упомянутую ртуть капитану парохода, когда тот пролил свою. Металл он нам, конечно, вернул, но, очевидно, подпорченный. Мы напрасно потратили этот день и несколько следующих.

Бессмысленно было обманывать себя дальше, наша машина ничего не стоила, абсолютно ничего!

Это открытие, надо признать, не принесло нам радости, ведь единственное, что заставило нас покинуть родину и предпринять столь долгое путешествие, это надежда на огромную добычу. Мои компаньоны были удручены, мне тоже нечему было радоваться; но, поскольку вся моя жизнь была дуэлью с судьбой, я мог более философски переносить это новое невезение.

Так как для существования нашей ассоциации больше не было повода, то она была распущена сразу, как только поступило предложение. Мы разделили оборудование, капиталы, еще остававшиеся в кассе, и разошлись. Мои друзья, не испытывавшие особого стремления к тяжелым работам по добыче золота, решили вернуться в Сан-Франциско. А я, в глубине души довольный, что представился случай окунуться в приключения и бросить вызов судьбе, к чему у меня решительно было призвание, пожал им руки, сердечно пожелал счастливого путешествия и удачи.

Я составил план своей собственной кампании. Мне очень хотелось проникнуть внутрь континента на знаме-

нитый Дальний Запад, по крайней мере, до Скалистых гор. Но для этого были необходимы многие вещи и среди прочего — золото. Итак, я решил еще на некоторое время задержаться в Грасс-Валли и собрать здесь достаточно золота, чтобы хватило средств для моей экскурсии.

Для этой цели я сначала купил хижину, затем позаботился об инструментах золотоискателя, которые достал у одного американца, возвращавшегося в Нью-Йорк, и выбрал себе участок в верховьях долины.

Моя хижина, не очень просторная, около восьми футов на восемь, совсем не изящная, но удобная, располагалась на берегу ручья, заросшего красивыми цветами. Кедр, не менее двадцати футов в диаметре у основания, служил ей контрфорсом¹, ветки заменяли каменную кладку; крыша из досочек того же дерева, наколотых топором и уложенных одна на другую ласточкиным хвостом, достаточно хорошо защищали меня от солнца и дождя, в середине возвышалась маленькая жестяная труба, глубокая сковорода составляла всю мою кухонную утварь и служила как для приготовления супа, так и поджаривания дичи. Что касается постели, то в ее роли выступал походный мешок, наполненный дубовыми листьями. В головах, как эгида², висел медальон с портретом моей жены, а на стенах оружие: прекрасный карабин и револьвер. За хижинкой я разбил садик, где посадил цветы и овощи из Франции, которые смог здесь достать, а рядом построил маленькую печь для выпечки хлеба, казавшегося мне очень вкусным. Золотоискатель, продавший хижину, уступил еще и сорок фунтов муки, которая, даже испортившись, имела огромное значение для такого любителя хлеба, как я.

Обустроившись таким образом, я занялся установлением добрососедских отношений. Примерно в миле от моего

¹ Контрфорс — местное усиление стены здания (или другой несущей конструкции) в виде выступа с наклонной или уступчатой внешней гранью; примыкает к стене с наружной ее стороны или соединяется со стеной аркой.

² Эгида — щит древнегреческой богини Афины Паллады, покрытый кожей козы Амальтеи (откуда и название, так как «айгос» по-гречески значит «коза») и украшенный головой чудовища Медузы Горгоны, отрубленной героем Персеем. В переносном смысле слово «эгида» давно стало символом защиты, покровительства.

жилища я обнаружил маленькое общество канадских золотоискателей французского происхождения, с которыми не замедлил завязать дружбу. Они почти не получили воспитания, но это были храбрые и честные молодые люди, я потом часто хвалил себя за отношения, которые у нас установились, благодарен счастливому случаю, когда невольно поспособствовал их удаче.

Я уже рассказал, из чего состояла моя постель. Итак, однажды, собираясь обновить свой тюфяк, я вышел с мешком и ружьем поискать сухой листвы и заметил заполненную ею яму, спустился в нее и, работая руками и ногами, набил полный мешок, после чего отправился пострелять дичи и вернулся в хижину уже глубокой ночью. Слегка перекусив, я бросился на постель и вскоре заснул.

Примерно в половине четвертого утра что-то разбудило меня, я снова начал засыпать, когда почувствовал, что в мешке, на котором лежу, что-то шевелится. Сначала я решил, что это крыса; но каков был мой ужас, когда я увидел, что имею дело не с четвероногим животным, а с рептилией; не с крысой, а со змеей!

Очевидно, по неосторожности я затолкал змею в мешок: вещь вполне возможная в это время года, когда, окоченев от холода, они свертываются в клубок и спят. Одним прыжком я отскочил от нее, но чудовище, забыв, что это я отогрел его, кинулось на подставленный мной штык и принялось кусать ствол ружья. Пришлось нажать на спусковой крючок, пуля буквально рассекла тварь надвое. Это была первая гремучая змея, которую я увидел в Калифорнии. Ее длина составляла четыре фута. Я отрезал ей хвост, на котором насчитал двенадцать маленьких роговых колец, издававших сухой звук при движении. Это как раз и были змеиные погремки».

Что предвещало такое начало?

Через некоторое время Уоган, намыв немного золота, занялся охотой, которая стала приносить ему большой и надежный доход. Он смело вступал в схватку с дикими животными, которые оспаривали у него дичь: койотами, пумами, медведями и другими не менее страшными хищниками, не испытывая при этом особого страха как человек, уверенный в своей отваге и ловкости.

Именно по совету одного из французов, виконта де Пиндрея, как и он искавшего здесь приключений, Уоган

почти полностью забросил поиски золота и занялся охотой. Для начала он убил оленя, голову которого украшали рога с десятью веточками, взгромоздил на своего мула Кади, отправился в Невада-Сити¹, чтобы продать добычу, как ему посоветовал месье де Пиндрей.

«Я, — продолжает он, — прибыл точно в час, когда золотоискатели возвращаются со своих участков на обед. Храбро шествуя посередине единственной улицы городка, я выкрикивал:

— Дичь! Дичь! По одному доллару за фунт!

Дойдя до конца улицы, я продал мяса на восемьсот франков. Видно, идея была неплоха. Но это еще не все. Два молодых человека из Нанта, содержавших таверну в Невада-Сити, купившие одну из задних ножек оленя, пригласили меня на обед и за десертом спросили меня, не хотел бы я регулярно поставлять им дичь, а они бы брали ее у меня по цене, о которой мы договоримся. Я принял предложение, если и не на целый год, как они того хотели, то по меньшей мере на то время, пока я останусь в Грасс-Валли. Сделка была заключена, а наше простое бретонское слово равноценно нормандскому акту на гербовой бумаге с печатью.

В этом городе, как на всех золотых приисках, золото и серебро, обращенные в деньги, практически не применялись; все торговые сделки, а также продажа продуктов питания оплачивались золотым песком. На прилавке каждого торговца стояли одни весы для товаров и другие, меньшие, для взвешивания песка. Каждый золотоискатель имел при себе кожаный мешочек вместо кошелька, в котором держал золотой песок, предназначенный для мелких покупок.

...Недели, месяцы протекали таким образом между работами на участке и развлечениями на охоте, приносящими мне, как ни странно, больший доход, чем золотодобыча. Потом настал момент, когда я не мог больше сопротивляться настойчивому желанию, толкавшему меня к пустынным восточным районам. Оставив хижину под присмотром канадцев и отдав мое небольшое состояние в их надежные руки, я ранним утром закончил свои последние приготовления в дорогу. Медвежьё шкуру и гамак, сло-

¹ Невада-Сити — городок на севере штата Калифорния, к северо-востоку от Грасс-Валли.

женные вчетверо, положил на спину моего мула и прикрепил при помощи ремня, туда же пристроил переметную суму с провизией и поверх всего уселся сам. Я бросил последний влюбленный взгляд на мой мирный эрмитаж¹, дорогие цветы, которые, возможно, скоро засохнут, лишенные моих усердных забот. Дружеское рукопожатие соседей-канадцев, — и со счастливым сердцем, наполненным предчувствием приключений, я отправился в дорогу.

На мне было нечто вроде плаща с капюшоном из шкуры койота, поскольку матросская рубашка из красной шерсти уже порядком поизносилась. В таком снаряжении я походил на Робинзона, недоставало только мехового зонтика. Я заменил его капюшоном и находил это бесконечно более удобным для движения или отдыха, во время бодрствования или сна».

...Проведя множество дней в пути, избежав опасностей при встрече с людьми и хищными животными, после bivачных ночей, проведенных около огня с карабином и револьвером в пределах досягаемости руки, в одиночку или со случайными попутчиками, охотниками или золотоискателями, как и он, барон Уоган пересек южную оконечность горной гряды, откуда стекает на запад река Гумбольдт² и, поднявшись между озерами Севир³ и Николлет, проник в горы Уа-Уа⁴. В эту эпоху по темным каньонам или ущельям гор, по гигантским лесам на их склонах обитало множество диких животных и не менее диких людей, принадлежащих к многочисленным племенам индейцев паюте⁵.

Именно здесь наш путешественник стал героем драматического приключения, рассказ о котором лучше даст читателю представление о том, что происходило тогда в этой части Северной Америки.

¹ Эрмитаж — здесь: уединенный сельский домик. (*Примеч. перев.*)

² Гумбольдт-Ривер стекает с гор Руби в Большом Бассейне (штат Невада).

³ Севир — озеро на западе штата Юта.

⁴ Уа-Уа — горы на юго-западе штата Юта.

⁵ Паюте — название, которое употребляется по отношению к шошонским племенам засушливых районов современных штатов Юта и Невада, а также соседних районов окружающих штатов; образовано от слов «па» («раh» — «вода») и «юта» (название одного из важнейших племен шошонов).

«Остановившись на ночь, — рассказывает он, — на берегу реки, которая, как выяснилось позже, оказалась притоком Грин-Ривер¹, я был разбужен таким страшным медвежьим ревом, что решил основательно подготовиться. На рассвете я перезарядил ружье, вложив закаленные железные болванки вместо свинцовых пуль; что-то носилось в воздухе, какое-то нехорошее тоскливое предчувствие, как бы предупреждающее: остерегайся!»

И оно не замедлило оправдаться. Уоган отправился в путь и к середине дня углубился в лес, пройдя немного по берегу реки, увидел на том берегу многочисленное племя индейцев, мужчин и женщин, последние несли детей, привязанных к их спинам. Люди в панике бежали, перебирались вплавь через реку и исчезали в лесу. По крайней мере, все мужчины, кроме троих; женщины, тяжело нагруженные, не могли поспеть за мужьями. Барон опять услышал тот страшный рев, который разбудил его среди ночи, и увидел, как огромными скачками приближается чудовищное животное грязного серого цвета, бегущее со скоростью галопирующей лошади. Это был серый медведь², самый страшный из животных Американского континента. Он бросился вплавь и почти нагнал женщину с двумя близнецами, орущими от страха. Уоган, находясь в ста двадцати метрах, выстрелил в медведя и попал ему в голову, но тот не остановился. Женщина смогла тем временем опередить животное и уже находилась недалеко от берега. Медведь, расвирепев, поплыл еще быстрее, когда второй выстрел в голову замедлил его движение. Женщину, едва спасшуюся от когтистой лапы, полумертвую от страха, выгачил из воды один из трех индейцев, ее муж, а медведь ожесточенно бросился на охотника. Два выстрела из ружья, сделанные на расстоянии одного метра в

¹ Грин-Ривер (исп. Рио-Верде; название с обоих языков переводится как Зеленая река) — правый приток реки Колорадо, протекающий по территории современных штатов Вайоминг и Юта.

² Серый медведь — гризли (*Ursus cinereus*). В прошлом веке господствовало мнение о необыкновенной свирепости этого животного, однако слухи о жестокости и коварстве серого медведя оказались сильно преувеличенными: он не опаснее хорошо известного в Европе бурого медведя. Некоторые американские охотники, например генерал Марси, более трех десятков лет проводивший в прериях с ружьем, утверждают, что гризли отнюдь не обделен чувством страха.

огромную пасть, не успокоили его. Зверь упал на спину, но одним прыжком вскочил, готовый опять кинуться на охотника, у которого уже не было времени перезарядить карабин. Ему пришлось схватить топор и нанести страшный удар, снеся медведю один глаз с куском черепа.

Медведь снова упал и опять поднялся, получил в упор два выстрела из револьвера в грудь, потом третий, вырвавший у него другой глаз. В этот момент Уоган смог перезарядить карабин и снова сделал два выстрела железными болванками. Зверюга, получивший, таким образом, семь выстрелов и один удар топором, испустил дух! Он весил около семисот килограммов и был более трех метров в длину. Его когти были не короче тридцати сантиметров, а сила и жизнестойкость оказались такими, что он не умер сразу, хотя сердце было пробито двумя пулями!

Благодаря мужеству французского охотника бедные индейцы, малые дети и женщина, были спасены. Они наелись до отвала мясом своего преследователя, и глава спасенной семьи, знавший несколько слов по-испански, обратился к Уогану с торжественной речью, закончившейся афоризмом: «У неблагодарности бледное лицо, но признательность — благодетель краснокожих».

«Я ушел, — продолжал рассказчик, — не зная, что ответить на такие рассудительные речи. Но двумя днями позже ответ легко нашелся, поскольку я был брошен в этой глуши и обворован вызвавшимся сопровождать меня в качестве проводника индейцем, тем самым, жену и детей которого я спас! И это не все: на следующий день на восходе солнца, когда я, не столько размышляя об этом индейском способе выражать благодарность, сколько вспоминая дорогую покинутую родину, внезапно был оторван от приятных мыслей свистом стрелы, вонзившейся в землю в шаге от меня... через несколько мгновений за ней последовала вторая и воткнулась в нескольких дюймах от моего плеча в ствол кедра, у которого я сидел, привалившись. Я спрятался за кустами и, осторожно высунув голову, увидел индейца, в котором узнал моего неблагодарного вора, выглядывавшего из-за скалы, стараясь обнаружить место, куда я спрятался. Красноватые наконечники его стрел свидетельствовали о том, что они отравлены; я быстро принял решение. Прицелился, и моя пуля поразила негодяя чуть выше правой подмышки. Он осел на ска-

лу и остался лежать там, свесив верхнюю часть тела и руки. Пока я вскарабкался к нему, цепляясь за выступы скал и корни, прошло достаточно времени, чтобы он смог прийти в себя. С проворством, удивительным для довольно серьезно раненного человека, он добрался до плато, где я не смог достать его вторым выстрелом; когда я, в свою очередь, ступил на плато, индеец был уже в четверти мили и убегал в долину».

На следующий день барон Уоган, озабоченный этим инцидентом, продолжал свой путь, когда шестьдесят индейцев, выйдя на тропу войны, о чем поведала раскраска их лиц, неожиданно окружили его и осыпали издала градом стрел. Всякое сопротивление стало безумием. Было лучше сдаться на милость победителей, чтобы не быть убитым на месте. По их раскраске путешественник узнал людей из племени индейца, раненного накануне, и эта встреча не обещала ничего хорошего. Но, доверяя своей звезде и разуму, он храбро стал ждать развития событий.

После двенадцатичасового пути, во время которого всякая попытка бегства была абсолютно невозможна, Уоган пришел в деревню, состоящую из многочисленных хижин, беспорядочно разбросанных по берегу реки. Сверившись с картой, он увидел, что эта деревня принадлежит большому племени тимпабачей, одной из ветвей паюте, живущих на берегах реки Сан-Хуан, впадающей в Колорадо. Путешественнику связали руки и проводили в хижину, где на циновке лежал индеец, раненный им накануне. Вождь, указав на раненного, спросил Уогана по-испански, узнает ли он этого человека и он ли ранил его в грудь. Барон честно ответил «да», и его преступление было доказано. Путешественника отвели в хижину совета, где собрались все вожди, чтобы его судить. Они пустили по кругу легендарную трубку, но, вместо того чтобы предложить ее пленнику, ему показали томагавк¹, испачканный кровью. Без сомнения, оружие палача.

Спустя достаточно длительное время, в течение которого Уоган сидел, не произнося ни слова, на корточках,

¹ Томагавк — каменный топор, распространенный первоначально только среди алгонкинских племен, населявших северные районы Северной Америки; после появления белых поселенцев превратился в эффективное боевое оружие — как рубящее, так и метательное.

индейцы ввели женщину, которую он тотчас узнал: это была спасенная им вместе с детьми от когтей серого медведя, супруга которой он ранил.

«Ее допросили, — рассказывает дальше барон о происшествии, — и я увидел, что бедная скво¹ жалеет меня, вместо того чтобы упрекать; я понял по ее глазам и жестам, что она пытается защитить своего спасителя насколько ей позволяет ее положение супруги раненого.

Я понял также, что она рассказывает сцену битвы с медведем и как я их спас от верной гибели. На лицах членов совета обозначилась доброжелательность, и после довольно оживленных дебатов большой вождь обратился ко мне с речью на испанском:

— Почему, бледнолицый, пришел ты в наши районы объявить войну тимпабачам? Пусть он отвечает! Великий вождь ждет, чтобы он оправдался, если может.

— Бледнолицый, — ответил я, — вовсе не объявлял войну; наоборот, на него напали, и он защищался.

— Тогда, — добавил он, — пусть он покажет рану, которую ему нанес агрессор.

— Я не получил раны, но я должен был защищаться, чтобы спасти мою жизнь.

— Бледнолицый не имел на это права; после того как он показал свою храбрость перед серым медведем, он должен быть милосердным и убежать от стрел тимпабача, которые не сумели его достать. Он пролил кровь, его кровь тоже должна пролиться. Большой вождь Рогатый Змей и его совет думают, что бледнолицый достоин смерти.

При этих словах индианка что-то сказала и, приподняв медвежью шкуру, закрывавшую вход в хижину совета, ушла. После ее ухода обсуждение в совете вождей возобновилось; в какой-то момент я поверил, что мнения на мой счет разделились; но вскоре, окончательно решив вопрос, большой вождь снова велел принести томагавк войны, положил его мне на голову, произнес несколько слов на каком-то индейском языке, устремив глаза на грубое изображение солнца, нарисованное на куске

¹ С к в о — общее для многих племен североамериканских индейцев название женщины.

березовой коры. Я решил, что мне вынесен смертный приговор.

Я подумал о родине и о любимых существах, с которыми приходилось навеки проститься.

В глубине хижины находилась дубовая колода, к ней меня привязали за шею кожаным ремнем, продетым в массивное золотое кольцо, внутренняя отполированная поверхность которого позволяла думать, что оно послужило не одной жертве. Принесли охапку сухого тростника, на ней улеглись множество туземцев, дымя и напевая монотонную нескончаемую песню...

Два дня и две ночи прошли, не внося никакого изменения в мое положение.

На утро третьего дня мое внимание привлек непривычный шум голосов, то удаляющихся, то приближающихся к лагерю. Ночью меня постоянно будило зловещее предчувствие; вскоре появились четыре вождя в величественном наряде, за ними следовала сотня воинов с волосами, украшенными орлиными перьями; одни были вооружены луками и щитами из твердого дерева, покрытыми шкурой серого медведя, окрашенной в различные цвета, другие — кремневыми ружьями. Большому вождю принесли томагавк войны, о котором я уже говорил, и он открыл шествие. Мне развязали ноги и вывели с веревкой на шее из хижины. Я понял, что час моей смерти пришел.

Как истинный солдат, я смирился и гордо шел в полной уверенности, что моя душа сможет соединиться с бранным телом. Индейцы моего эскорта сели на лошадей, покрытых попонами, богато украшенных шкурами медведей, пум и бизонов; все подвесили к удилам пучки волос, на которых еще оставались куски кожи с головы или даже целые черепа.

Огромный луг, окружавший вигвамы тимпабачей, был заполнен индейцами. Вскоре я обнаружил по разнообразию их нелепых нарядов, что здесь собрались представители нескольких племен: меня привел в центр этой саванны мой военный эскорт, вооруженный томагавками, с трудом отодвигавший толпу народа, с любопытством наблюдающего за событием.

В середине луга возвышалось нечто вроде покрытого травой пригорка, образованное стволом молодого раздво-

енного дуба; это был столб пыток; меня немедленно привязали к нему за ноги и за руки.

Я оставался в этом положении некоторое время, когда большой вождь подошел ко мне в сопровождении личности хотя и одетой по-индейски, однако явно европейского типа. Это был человек примерно шестидесяти пяти лет, высокого роста, с мощным торсом, с рыжей, очень длинной бородой, вопреки обычаю индейцев, которые свою выщипывали; одежда из невыделанной шкуры пумы добавляла дикости его физиономии; на ремне за спиной у него висел длиннотвольный карабин, из-за пояса торчали топор и револьвер.

— Присутствующий здесь великий вождь тимпабачей, — произнес незнакомец на хорошем английском языке, — поручил мне сказать, что он приговорил вас к смерти; его мудрость подсказала это решение по многим причинам: первая, и самая главная, та, что вы американец; вторая — это смертельная рана, которую вы нанесли на землях тимпабачей индейцу этого племени. Однако, принимая во внимание то хорошее, что рассказали о вас, он согласен оказать вам милосердие, применив к вам менее мучительные пытки, обычные при подобных обстоятельствах; жестокое наказание, я его не одобряю и, будучи индейцем в душе и англичанином по национальности, постараюсь его предотвратить.

— Я благодарю вас за чувства, которые делают вам честь, но скажите великому вождю, что он ошибается по поводу моей национальности: я вовсе не американец. Если я и ранил одного из его индейцев, то только защищая себя, и до глубины души задетый его неблагодарностью ко мне, спасшему его и его семью от зубов и когтей серого медведя. Впрочем, разве это не в природе человека — защищать свое существование, когда ему угрожают?

Не ответив мне прямо, мой странный собеседник сказал:

— Сэр, ваше положение очень меня печалит; у вас есть семья, которая будет скорбеть о вас, жена, мать, сестра, которые оплачат вашу смерть?

— Да, — ответил я, — и все будут испытывать глубокую скорбь, если не увидят меня вернувшимся к очагу предков; но не меньшую и оттого, что не будут знать, где и как я закончил свою жизнь. Если бы не это, то смерть не пугала бы меня; несчастья слишком хорошо научили меня

презирать ее. Когда я решился на это путешествие за Скалистые горы, я понимал, что рискую жизнью. Впрочем, я солдат и сумею показать варварам, что француз умеет умирать так же храбро, как индейский воин.

Произнеся эти слова, я заметил волнение в зрачках охотника на людей, казавшегося таким свирепым на первый взгляд.

— Я все испытовал, — сказал он мне, — чтобы добиться для вас помилования у индейцев, но большая часть совета против вас. Индеец, которого вы смертельно ранили, шурин одного из самых влиятельных воинов племени.

— Еще раз благодарю вас, — ответил я ему, — но позвольте мне перед смертью попросить вас о двух вещах. Первое — это сократить мою пытку; что касается второго... Так вот, у меня на груди портрет дорогого мне существа, моей жены, англичанки, как и вы, которую я оставил во Франции, когда отправился в Америку. Я не хочу, чтобы эта ценная реликвия была осквернена после моей смерти варварами... Конечно, когда-нибудь вы будете в Сакраменто или даже в Сан-Франциско; поискав, вы найдете там француза, достойного принять мою святыню с обещанием рассказать той, кому она предназначена, что я умер на золотых россыпях.

— Эта миссия для меня священна, — ответил он мне, — я нарочно отправляюсь туда и выполню вашу последнюю волю и обещаю честью английского дворянина и индейского вождя точно исполнить вашу просьбу.

— Тогда расстегните блузу, вы найдете этот медальон.

Попросив у меня разрешения открыть его, он устремил на него растроганный взгляд и сказал:

— Мне от всего сердца жаль, что вам приходится навсегда покидать эту женщину, печальный взгляд которой как будто заранее предвидел опасности, подстерегающие вас в этом опасном путешествии.

Несколько слезинок, скатившихся на мех моей одежды, были моим единственным ответом. Внутри металлического футляра, где я хранил это дорогое лицо, я написал свою фамилию. Прочитав ее, иностранец живо спросил меня, моя ли это фамилия и не англичанин ли я по происхождению.

— Да, конечно, и горжусь этим, — ответил я. — Мои предки, разделив судьбу Стюартов, покинули имения и

родину, чтобы сопровождать во Францию свою королеву¹. Их потомки стали французами!..

— Но тогда ваш предок — храбрый и верный Уоган, достоинства которого были воспеты Уэверли и который славно погиб за своего короля!..²

— Вы не ошиблись!.. Но вы сами, кто же вы, месье, вы, утешающий меня в этот высший момент и знающий род, от которого я самая скромная и последняя ветвь?

— Я англичанин, как вы уже знаете, такого же славного рода, как и ваш... Только мой отец, принадлежавший к младшей ветви, был беден, а бедность в такой стране, как Англия, груз очень тяжелый. Я покинул страну, приехал в Америку, и мои вкусы понемногу сблизили меня с индейцами. Я пришел к тому, что полностью сбросил с себя облик английского джентльмена и стал индейцем. Однажды племя табегаучей, которому я оказал некоторые услуги в войне против соседних племен, выбрало меня своим вождем. Я Леннокс, герцог Ричмонд, потомок сына герцогини Портсмутской и Карла Второго...³

¹ Наследница шотландского престола Мария Стюарт была выдана замуж за наследника французского трона Франциска II. Обручение произошло в 1548 году, когда молодой шотландской монархине было всего 6 лет. В том же году Мария Стюарт была с немногочисленной свитой перевезена во Францию. Очевидно, этот момент и имеет в виду герой очередного рассказа Л. Буссенара. (В 1569 г. Мария все же стала королевой Франции, но год спустя ее царственный супруг умер, и она вынуждена была вернуться на родину.)

² Уэверли — герой одноименного романа шотландского исторического писателя-романтика Вальтера Скотта (1771 — 1832). В XXVII главе романа упоминается капитан Уоган, который «отказался от службы у узурпатора Кромвеля, вступил под знамена Карла II, провел горсточку всадников из Лондона в горную Шотландию на соединение с Миддлтоном, поднявшим оружие за короля, и, наконец, пал смертью храбрых, сражаясь за своего государя» (*Скотт Вальтер*. Собрание сочинений в 20-ти томах, т. 1. Москва; Ленинград, 1960. С. 270). Однако Л. Буссенар и его герой неточны: жизнь и судьбу Эдуарда Уогана воспела в своих стихах героиня романа Флора Мак-Ивор.

³ Карл II Стюарт (1630 — 1685) — английский и шотландский король (с 1660 г.). Законных детей у Карла не было. Здесь речь идет о Чарлзе Ленноксе, герцоге Ричмондском. Ленноксы — очень древний английский род, но Чарлз получил эту фамилию (без прав на родовые земли) в 1672 году, после того как угасла мужская ветвь рода. Герцогиня Портсмутская — француженка Луиза-Рене де Керуайль (1649 —

Как только я узнал, что ваши предки пролили свою кровь во имя моих, я поклялся любой ценой помешать погубить вас. Вождь табегуачей не может спасти французского искателя приключений, жертву своего безрассудства, но потомок Ленноксов должен спасти потомка Уоганов!

Этот разговор продолжался меньше времени, чем мне потребовалось, чтобы рассказать о нем. Леннокс отошел, сопровождаемый главными воинами своего племени, и я остался один, привязанный к столбу смерти, спрашивая себя, каких новых демаршей я должен ждать от этого странного индейского вождя, и говоря себе, что, может быть, я стану предлогом и жертвой конфликта между прежде дружественными племенами.

Прошло еще около четверти часа, когда мои размышления внезапно прервал шум, доносившийся из лагеря и взволновавший окружающих меня воинов. Это были боевые кличи племен, готовящихся к битве, в чем я не сомневался. С возвышенности, где я был привязан к столбу, я мог все охватить взглядом; я отчетливо видел храброго Леннокса, собирающего вокруг себя людей племени, выбравшего его своим вождем, и стоявших спиной к лесу, тогда как тимпабачи оставались в центре долины.

Через несколько мгновений вожди каждого племени направились важно и торжественно к середине поляны, быстро переговорили между собой и по окончании этого короткого совещания все вместе направились ко мне, с Ленноксом во главе, и вернули мне свободу и жизнь. Красноречие правнука герцогини Портсмутской восторжествовало! А также воинственное настроение его племени напугало тимпабачей.

Конечно, тимпабачи очень хотели отомстить за смерть одного из них; но они значительно меньше хотели это сделать во вред себе, живым, и, все хорошенько обдумав, решили, что будет выгодным проявить милосердие.

Леннокс вытащил свой нож, перерезал путы, я упал ему на руки и сжал их с чувством признательности, понятным всякому.

1734), фаворитка Карла II (с 1671 г.); после смерти короля вернулась на родину.

Отныне я был свободен, и моя жизнь стала священной для всех индейцев этой области. Потом каждый наперегонки праздновал мое освобождение в бесконечном пиршестве, устроенном тимпабачами, внезапно ставшими моими друзьями. В течение четырех дней это был сплошной праздник, танцы, игры, всевозможные развлечения. Наконец пришло время уходить мне и всем приглашенным племенем, я попрощался с моим новым другом.

...Так встреча, действительно ниспосланная мне Провидением, с человеком, хорошо известным сегодня в Калифорнии своими приключениями и влиянием на индейцев, вырвала меня из лап ужасной смерти.

Леннокс на этом не остановился; благодаря его защиты я смог с полной безопасностью спуститься по Колорадо до Вёрджин-Ривер, подняться по этой реке и вернуться в золотonosный район и Грасс-Валли, где меня уже давно считали мертвым».

ГЛАВА 19

ТИХООКЕАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Как средство передвижения Тихоокеанская железная дорога имеет право на особое место в этой книге, специально написанной для путешественников. Эта дорога имела слишком большое значение для путешествий по Североамериканскому континенту, чтобы не рассказать о ее строительстве. Не забудем, что она была чудом эпохи; чудом, несколько забытым в наши дни, когда прогресс шагает быстрее пара, которое привело менее четверти века тому назад в восхищение целый мир.

Именно поэтому этот верный союзник путешественников должен найти свое место среди вереницы портретов самих путешественников.

Сначала посмотрим, как путешествовали до того, как двойная стальная лента Трансконтинентальной Тихоокеанской железной дороги связала Атлантический и Тихий океаны через всю огромную территорию США, а произошло это через четыре года после войны между Севером и Югом и за один год до франко-прусской войны. Послушаем, что говорит по этому поводу французский инженер Луи Симонен, о захватывающих путешествиях которого

мы расскажем после. Перед нашим выдающимся соотечественником стояла задача пересечь Америку с востока на запад.

«Представьте, — рассказывает он, — нечто похожее на многоместную дорожную карету в стиле Людовика XIV, поскольку американские экипажи так и не изменили форму с тех пор. Внутри девять одинаковых по стоимости мест: три впереди, три сзади, три в середине. На местах в середине пассажиров поддерживает только кожаная лямка, проходящая с одной стороны на другую поперек экипажа на уровне середины спины: очень неудобно. Багажа мало, очень мало, иногда совсем нет: рубашка из фланели (ее носили подолгу); пристежной воротничок, при необходимости — бумажные манжеты (их меняли только время от времени); платок и кое-какая другая одежда — следует ли перечислять?.. Носки были почти неизвестны американскому пионеру. Для чего тогда стеснять себя чемоданом? Для посылок предназначалась только задняя часть экипажа, где имелась подставка, на которую натягивалось вошеное полотно. Дилижанс тащили через равнину, монотонную, как море в штить, шесть лошадей, управляемых большими вожжами.

Со стороны кучера садились пассажиры, любители пейзажей. Через определенные расстояния, в среднем каждые десять миль, меняли лошадей. Большая часть станций, настоящих блокгаузов¹, были укреплены сооружениями из *adobe*, обожженного на солнце кирпича. Там и тут открывались бойницы. Внутри станций имелось также несколько траншей в качестве оборонительных сооружений для отчаянной защиты в случае, если не помогут стены. Часто совершали набеги многочисленные индейцы, чтобы поживиться».

Этот дилижанс, такой неудобный, ходивший некогда от Миссури до Калифорнии, имевший свое расписание и определенный маршрут протяженностью более восьмисот миль, назывался *Overland-Mail*² и служил в США почтовой каретой. Дилижансы перевозили огромное количество

¹ Б л о к г а у з — оборонительная огневая постройка (в те времена — каменная или дерево-земляная), обычно приспособленная для круговой обороны.

² Наземная (сухопутная) почта (*англ.*).

корреспонденции между восточными и западными штатами — официальных депеш, любовных писем, торговой, промышленной, сельскохозяйственной переписки, всевозможных ценностей: банковских билетов, простых векселей, переводных векселей — все это перевозилось без присмотра, часто без охраны, страховки, как попало, в бесформенных тюках; ценный груз с грехом пополам добирался до измученного ожиданием получателя.

Охрана, если была, состояла из нескольких хорошо вооруженных солдат, но чаще путешественники сами должны были не только заботиться о своей безопасности, но и защищать почту Соединенных Штатов.

Знаменитый путешественник Хепворт Диксон¹ однажды оказался в подобных обстоятельствах.

«Экипаж, — вспоминает он, — передвигался, запыленный и шумный. Через два часа мы проехали Форт-Райли, двумя или тремя часами позже остановились в Джанкшен-Сити. Этот так называемый город состоял из шести деревянных барачков. Вышли, чтобы поужинать. Нас ждали теплые лепешки, чай и помидоры. Час проговорили с хозяином.

— В путь! — кричит кучер, или кондуктор, как его здесь называют.

Мы торопимся, пояс застегнут, а за него засунут пистолет с большим количеством патронов. Ночь черна. Наш огромный дилижанс заменила легкая, поставленная на ужасные рессоры коляска меньшего размера, менее прочная, с несколькими полотняными лохмотьями вместо штор. Прекрасный экипаж для прерий, но не внушающий доверия путешественникам. Письма свалены в мешки, пришлось применить силу и изобретательность, чтобы они все поместились. Обитатели Запада слынут мастерами в таких делах. Они так хорошо выполнили задачу, что не верится, чтобы два человеческих существа могли втиснуться между сокровищами, доверенными почте, и стенкой экипажа. Но все возможно в этом мире. Скрестив ноги, просунув локти в ремни, мы смогли это сделать, правда с большим трудом. Ждем. Нас успокаивают, утверждая, что через несколько минут кто-то сейчас принесет еще несколько ценных посылок, но они не займут

¹ У.-Х. Диксону автор посвящает одну из последующих глав.

много места. Но что это? Экипаж готов к отправлению, а охраны не видно. Мы требуем объяснений, и служащий сообщает, что офицер, командующий в этом районе, не дает солдат. Штат очень маленький; индейцы волнуются, угроза со всех сторон; трудно удержаться на своем посту.

— Однако, — дополняет служащий, который очень хочет нам помочь, — дорога совершенно надежна; я уверен, что вчера уже отправили в долину несколько человек.

«Счастливого пути!»

И вот удача. Полоска света! Слава Богу, охрана!.. Нет, в моих длительных и бесчисленных путешествиях я не встречал ничего подобного этому Почтовому Национальному Большому Дилижансу Прерий. Он пересекает самый сомнительный район, тот, что создает наибольшую опасность для путешественника и торговца. Цивилизация и ее достижения очень далеки. Индейские племена вооружены. Итак! Все предоставлено на волю случая. Вперед, путешественники, прокладывайте путь! Умирайте, живите, устраивайтесь! Но мы англичане и способны себя защитить. Покажем наши револьверы, пусть думают, что мы умеем ими пользоваться. Доверимся нашему оружию и нашей храбрости.

«Ах! ах! дорога не слишком приятная», — сокрушается смотритель одной из станций.

Мы приветствуем его, готовые углубиться в ночь и пустыню.

— Впереди дикая прерия, — предупреждает он, — вы там не найдете никакого гарнизона. Правительство никогда ничего не сделает для нас, пока не произойдет какое-нибудь страшное несчастье и не откроет властям глаза... Что для них жизнь нескольких человек!

Слышим, как другой храбрец вскричал в момент отъезда:

— Да! Вот если этих месье скальпируют!.. Может, тогда администрация пошевелится хоть немного!..

В момент, когда мы преодолеваем один из длинных пологих хребтов Смоки-Хилс, мы видим отряд чейенов¹,

¹ Чейены (на языке индейцев сиу — «люди чужого языка»; самоназвание «дзи-так-тас», то есть «наши люди») — индейский народ из группы алгонкинов; делились на северных и южных чейенов. Язык алгонкино-мосанский, но он в значительной степени вытеснен к на-

которые держат путь по соседней возвышенности. Они все на лошадях и ведут в поводу запасных. Блеск их длинноствольных карабинов говорит о том, что они вооружены. У каждого краснокожего револьвер; у некоторых два или три пистолета, засунутых за пояс; почти у всех поперек седла ружье. Нас заметили и, кажется, собрались перерезать путь. Я обращаюсь к кучеру, рядом с которым устроился на сиденье.

— Кто эти индейцы?

— Клянусь честью, — ответил он тем особым неприкрытым тоном, свойственным людям Дальнего Запада, — они мне не нравятся.

Потом, поразмыслив, добавил:

— Я думаю, невозможно догадаться, чего они хотят; если не собираются нас зарезать, то подойдут, чтобы попросить милостыню; если это воры, то спрячутся в укромном месте, чтобы их не было видно; я полагаю, что эти парни ступили на тропу войны.

Вот несколько индейцев сбились в кучу, мы можем их пересчитать: всего их пятеро, и ведут они в поводу четырех лошадей. Индейская тактика заключается прежде всего в том, чтобы разведать, каковы силы противника, поскольку для индейцев до сих пор большее значение имеет количество врагов, чем их сила. Изобретательные в военной хитрости, они устраивали засады и редко осмеливались вступить в бой, когда темнота или другая причина мешала им просчитать все шансы на успех. Осторожность этих краснокожих была нам в этот момент на руку. Мы лучше задержали занавески, чтобы наши противники, которые видели лишь двоих на козлах, кучера и меня, не догадались, сколько вооруженных револьверами людей поджидали их внутри экипажа. Они знали, что обычно пассажир не сидит под обжигающим солнцем, если внутри почтовой кареты есть места. Но в данном случае места в карете были заняты мешками с почтой, о чем чейены и команчи¹, конечно, знать не могли. Пятеро краснокожих

стоящему времени английским. Современные чейены сильно метисированы. Их общая численность приближается к 8 тыс. человек, из них — примерно 4,5 тыс. представлены северными чейенами.

¹ Команчи (на языке индейцев юта — «враги»; самоназвание — «немена», то есть «настоящие люди») — индейский народ группы шошонов; современная численность — около 6 тыс. человек. В конце XVII

легко атаковали бы одного или даже двух белых, если только те будут почти безоружными, а сами дикари откроют огонь первыми. Итак, все прошло без сюрпризов, мы с облегчением увидели, как они один за другим проследовали по гребню, с каждым шагом все больше удаляясь от нас. Держа палец на курке револьвера, внимательно наблюдая за тем, что происходит вблизи и вдали, глядя в оба, мы продолжали путь».

Английские путешественники счастливо отделались. В подобных обстоятельствах дело не всегда обходилось миром, и мародеры часто бывали лишь осведомителями многочисленной банды, хорошо вооруженной, алчной, злобной и жестокой.

Непрекращающейся борьбе белых и краснокожих на этом бескрайнем пространстве посвящено немало незабываемых строк. Вы, надеюсь, читали романы Купера¹ или Ирвинга² о кровавых драмах, разграблениях станций, убийствах мужчин и женщин, из-за чего эти равнины Дальнего Запада долгое время оставались малонаселенными.

Янки, с их удивительным духом инициативности, сумели с изумляющей быстротой найти замену этому древнему средству передвижения, непригодному для ярких сторонников технического прогресса. Как мы увидим дальше, потребовались веские причины, чтобы на смену допотопному деревенскому дилижансу пришел локомо-

века переселились из восточных предгорий Скалистых гор на реку Норт-Платт, научились обращению с лошадьми и перешли к конной охоте на бизонов. В середине XVIII века племена дакота вытеснили их на юг, на реку Арканзас, после чего команчи заключили союз с уичита и кайова и стали наиболее могущественным племенем южных равнин. Они постоянно совершали набеги на соседние племена. В начале XIX века их численность доходила до 12 тысяч человек. В 1867 году расселены в резервациях.

¹ Купер Джеймс Фенимор (1789 – 1851) – американский писатель, автор приключенческих морских романов и знаменитой серии романов о колонизации белыми Северной Америки «Кожаный чулок».

² Ирвинг Уошингтон (1783 – 1859) – один из основоположников американской литературы. В своих поздних произведениях обращался к истории колонизации Северной Америки европейскими переселенцами (например, «Астория, или Анекдоты из истории одного предприятия по ту сторону Скалистых гор»). Одна из лучших книг писателя посвящена жизнеописанию Христофора Колумба (есть перевод на русский язык).

тив, позволяющий преодолевать с полной безопасностью за несколько дней путь от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

Инженер Джозеф Плам был первым, кто серьезно предложил в 1836 году в газете «Нью-Йоркский курьер» строительство железной дороги как средства для соединения Атлантических и Тихоокеанских штатов. Но в ту пору идея еще не созрела; строительство железных дорог и машинного оборудования было еще в зародыше и не позволяло найти быстрое и практичное решение. Предложение Плама сочли за эксцентричную фантазию. Однако война с Мексикой, уступка ее правительством обширных территорий Соединенным Штатам, открытие золота в Калифорнии, все это увеличило потребность в сообщении и заставило подумать о том, как его облегчить. Вспомнили о проекте Плама и пришли к заключению, что железная дорога между штатами, добывающими золото, и теми, что производят хлопок и зерно, найдет очень широкое применение для торговли и даст неисчислимые выгоды.

Однако обстоятельство, на первый взгляд непреодолимое, сначала заставило отступить даже самых ярых сторонников. Цепь Скалистых гор стала на пути локомотивов. Длинная серия исследований, произведенных по приказу правительства, показала наконец, что огромная горная цепь имеет на своем протяжении разрывы, вполне пригодные для прохода поездов. Так исчезло главное возражение, формальное, но вполне справедливое, против строительства железнодорожной линии.

Тогда инженеры представили на рассмотрение правительства Соединенных Штатов несколько проектов. В это время, а тогда шел 1861 год, военное превосходство южных штатов было бесспорным. Поэтому было предложено вести железнодорожную ветку вдоль тридцать второй параллели и соединить Шривпорт на берегу реки Ред-Ривер в восточном Техасе с Сан-Диего на побережье Тихого океана. Война между Севером и Югом помешала осуществлению этого проекта, созданного исключительно в пользу южных штатов. Но, несмотря на невероятные потери, понесенные из-за этой страшной войны, правительство не оставило идею Тихоокеанской железной дороги.

Инженер Томас Джуда, исследовавший ущелья Сьерра-Невады, сумел на собрании богачей Сакраменто убе-

дить их в необходимости принять современную трассу. Получив мощную поддержку, подкрепленную внушительными миллионами, инженер представил свои планы в Конгресс США, который их одобрил 1 июля 1862 года.

По декрету, подписанному президентом Линкольном, новый железнодорожный путь должен был идти на запад до встречи с «Сентрел-Песифик рейлвей»¹. И только после этой встречи начинался путь от Сакраменто на восток. Построенная калифорнийской компанией колея смогла, несмотря на бесчисленные препятствия, преодолеть один из перевалов Сьерра-Невады на расстоянии девяноста миль от исходной точки. Строительство началось с двух концов и шло с небывалым энтузиазмом.

Итак, прокладывали одновременно две ветки навстречу друг другу. Такой метод позволял вдвое сократить время завершения этой колоссальной работы.

Декрет под угрозой конфискации требовал полного окончания работ и начала регулярного движения по новой дороге 1 июля 1876 года. Кроме того, в 1869 году должна быть пущена в эксплуатацию Трансконтинентальная железная дорога!

Такая активность объясняется содержанием акта о концессии. Вместо того чтобы доверить производство работ одной компании, Конгресс сумел ловко воспользоваться принципом конкуренции. Две компании разделили между собой семьсот миль, отделявшие берега Тихого океана от уже существовавших железнодорожных линий на востоке страны. Государство предоставило им огромные кредиты и стимулировало соперничество между ними обещанием всевозможных доходов. Так, каждая законченная миля железной дороги давала право на участок земли, размер которого колебался в зависимости от трудности освоения. Размер горных участков в три раза превышал равнинные. Поскольку доля участия обеих компаний в строительстве дороги не была ограничена, то между ними, чтобы получить больше земли, развернулось соревнование за первенство. Но был еще один мощный стимул.

Калифорнийская компания, естественно, стремилась продлить маршрут Центрально-Тихоокеанской железной дороги как можно дальше на восток, тогда как ее сопер-

¹ Центрально-Тихоокеанская железная дорога (англ.).

ник «Юнион-Песифик», напротив, старалась отодвинуть в западном направлении точку стыковки, чтобы расширить таким образом свою эксплуатационную сеть. Поэтому на равнинных местах строили в среднем одно лье железной дороги в день — неслыханные темпы!

Железнодорожная линия начиналась в городе Омаха, расположенном на Миссури. В 1851 году по этой реке проходила граница цивилизации. Обширная территория, простирающаяся от ее западного берега до Скалистых гор, считалась охотничьими угодьями, оставленными индейцам. Белые не имели законного права устраиваться на этой земле, которую пересекали только две дороги для дилижансов. Несколько пионеров осмелились, однако, переправиться через Миссури на плотках и барках; они захватили на свой риск и гибель лучшие куски земли, особенно по краям речных бухточек и вблизи источников. За ними последовали другие, и тогда вспыхнула безжалостная война, из-за которой этот регион получил название Кровавый Канзас. Война эта в конце концов закончилась победой дерзких колонистов.

Построить железную дорогу в такой стране было очень нелегким делом. Если в Европе рельсы обычно прокладывали только для того, чтобы соединить между собой города или богатые многонаселенные провинции, то американские железные дороги пролегли в безлюдной глуши. Следовательно, приходилось издалека доставлять материалы, необходимые для строительства, на скорую руку сооружать жилье для рабочих, снабжать продовольствием передвижную колонну. Все эти трудности удалось преодолеть, и просто невероятно, с какой скоростью, качеством и почти математической точностью была выполнена гигантская работа.

Дадим слово очевидцу, корреспонденту большой американской газеты. Рабочие, по свидетельству репортера, разделились на бригады, каждой была поручена своя работа. Впереди шли лесорубы и землекопы. За ними инженеры расставляли вехи по трассе дороги, потом наступал черед укладчиков шпал, большинство среди которых составляли китайцы. Они тоже разбились на группы; одна, состоявшая из элитных рабочих, прокладывала шпалы в местах, где дорога образует уклоны и повороты; другая укладывала промежуточные шпалы и делала то, что

можно назвать засыпкой. Когда дорога была проложена, подходила широкая передвижная платформа, нагруженная примерно сорока рельсами и всеми необходимыми принадлежностями. На каждом краю этой платформы установлен подвижный цилиндр для облегчения загрузки рельсов. Эта платформа всегда держится наготове, и ее сопровождают десять человек — по пять с каждой стороны. Первый из рабочих укладывает на цилиндр рельс, который вытаскивают из вагона трое других, еще один подкладывает подушку, на которую рельс сбрасывают по команде бригадира. Эта команда «*down!*»¹ раздается дважды в минуту, и два раза в минуту железнодорожное полотно удлиняется на четыре метра, на длину одного рельса. Платформа-укладчик продолжает свой путь, даже не дожидаясь, когда рельсы закрепят. Забота по креплению предоставляется бригадам рабочих, следующим за платформой. Затем по только что проложенной дороге устремляются маневровые и строительные поезда, состоящие из больших вагонов длиной по восемьдесят метров — своего рода склады, кухни, столовые, спальни. Повсюду шум работ, удары падающих рельсов, звон молотов по костылям. Движение, жизнь, цивилизация пришли на землю, где навсегда обосновалась великая республика.

Железная дорога в десяти милях от Омахи подходит к реке Платт и долго следует вдоль нее. Наконец она пересекает эту реку по мосту длиной около километра и достигает станции Джулсберг, от нее идет к городу Шайенн у подножия Скалистых гор. Этот город, построенный пионерами незадолго до подвода железной дороги, находился в центре всех операций. Две ветки отходили от этого пункта, одна на юг, до Денвера, недавно построенной и процветающей столицы Колорадо², другая к северу, к границам Монтаны. После Шайенна железная дорога входит в ущелья Скалистых гор. Составы отцепляются от легких локомотивов, которые везли их по прериям, и прицепляются к более тяжелым и мощным машинам, при помощи которых они будут взбираться на крутые склоны.

¹ Здесь: бросай! (англ.)

² Денвер начал интенсивно застраиваться с середины 1860-х годов.

Все инженерное искусство состоит в правильном выборе маршрута, чтобы по возможности избежать тоннелей. Дорога огибает препятствия, выбирает самые доступные проходы и преодолевает по виадукам с небывалой дерзостью ущелья первых отрогов Скалистых гор. Затем она проходит по перевалу Эванса, расположенному на высоте более восьми тысяч футов над уровнем моря¹, а за городом Ларами выходит на плоскогорье. Очевидно, эта равнина была когда-то дном огромного озера, высохшего в результате вековых колебаний климата и превратившегося в плодородные степи.

Преодолев гористые пространства Вайоминга, железная дорога идет по территории штата Юта и приближается к восточному берегу Большого Соленого озера близ городка Огден². Эта станция связывает железную дорогу «Юнион-Песифик» с железной дорогой «Сентрел-Песифик». Сначала соприкосновение намечалось на пятьдесят три мили дальше к западу в Промонтори-Пойнт; но, договорившись между собой, обе компании остановились на Огдене. Однако именно в Промонтори-Пойнт, деревне, расположенной близ северо-восточного угла Большого Соленого озера, 10 мая 1869 года был положен последний рельс.

Один француз, месье Родольф Линдау³, известный путешественник, который находился тогда в Сан-Франциско, застал празднование этого события.

«Вечером 7 мая, — пишет месье Линдау в «Ревю де Дёмонд», — я отправился в Калифорнийский театр, чтобы в

¹ Свыше 2400 м.

² Огден — сейчас относительно крупный город с населением в 64 тысячи человек, важный железнодорожный узел и культурный центр. Город назван в честь торговца мехами канадца Питера Огдена (1794 — 1854), превосходного знатока Скалистых гор и большого друга индейцев.

³ Линдау Родольф (1829 — 1910) — немец, получивший образование во Франции и работавший журналистом в различных популярных парижских изданиях. Его опубликованное в 1863 году «Путешествие в Японию» сохраняет определенную ценность и в наши дни. Однако путешествующего литератора вряд ли стоит считать, как это делает автор, «известным путешественником», да это и не совпадает с тем смыслом, который вкладывали в середине и конце XIX века в слово «путешественник».

последний раз увидеть весь высший свет Сан-Франциско. Во время антракта занавес поднялся, и один из актеров в белом галстуке и черном костюме приблизился к рампе. Ему зааплодировали еще до того, как он открыл рот.

— Дамы и господа, — сказал он, когда установилась тишина, — дирекция Калифорнийского театра только что по телеграфу получила депешу с конечного пункта Центральной железной дороги о том, что последний рельс, тот, который соединит «Юнион-Песифик» с «Сентрел-Песифик» и завершит Великую Национальную Тихоокеанскую железную дорогу, будет положен в полдень.

Оратор замолчал, раздались восторженные аплодисменты. Он поблагодарил публику, как если бы эти знаки одобрения были предназначены ему лично, и удалился, излучая счастье. Его вызывали три раза и в конце концов осыпали цветами, без сомнения, предназначенными актрисе, которая должна была появиться в другой пьесе».

На следующий день, в субботу 8 мая, в полдень весь Сан-Франциско был взбудоражен. Праздновали окончание того, что в эти дни волнений называли не иначе, как «Большое Дело», то есть соединение «Сентрел» и «Юнион-Песифик». Это празднование, одновременно происходившее во всей Калифорнии, было, однако, несколько преждевременным. Со стороны калифорнийцев работа действительно была в некотором роде завершена. Телеграфные депешки объявляли, что точно в полдень в Промонтори-Пойнте положат последний рельс на последнюю шпалу «Сентрел-Песифик». Но в «Юнион-Песифик» последняя неделя не была такой лихорадочной, как у калифорнийцев. Юнионисты, главной резиденцией которых был Чикаго, а отправной точкой Омаха, должны были достичь точки соединения только через два дня. Было бы правильнее праздновать окончание строительства 10 мая; но у калифорнийцев была своя программа: закрытие банков и мастерских уже было объявлено, установлен порядок процессий, составлены речи, приготовлены банкеты, все было готово к 8 мая, и нетерпеливые, как дети, жители Сан-Франциско не желали больше ждать, даже сорок восемь часов, которые потребовались их соперникам, чтобы те могли достичь узловой точки.

«Итак, в этот день в городе царил праздник, — продолжает месье Линдау. — Дома были украшены флагами,

корабли расцвечены вымпелами сверху донизу; был произведен пушечный салют из ста залпов. Улицы запружены по-праздничному нарядной толпой; многочисленные кортежи, составленные из членов ассоциаций или гильдий мастеровых, обществ гимнастов, франкмасонов¹, волонтеров, механиков, пожарных беспрерывно сменяли друг друга. У пожарных были пальмовые ветви, может быть, потому, что они больше всех шумели. Они провели двадцать паровых помп, которые тянули упряжки из четырех лошадей, и машинисты соревновались между собой, кто громче и дольше заставит свистеть свою помпу. Этот шум немало способствовал тому, чтобы довести волнение до предела. Однако главные почести дня были предназначены новому локомотиву, выходящему из мастерских Сан-Франциско. Его поставили на платформу, которую тянули двадцать прекрасных лошадей серой масти, запряженных при помощи толстых железных цепей в пять рядов с каждой стороны. Два здоровых парня вели эту внушительную упряжку. На локомотиве собралось множество рабочих в спецодежде. Это выглядело очень эффектно, и толпа горячо аплодировала. Потом прибыли фальшиво играющие музыканты, распорядители праздника верхом на лошадях, смущенные и одновременно гордые тем, что привлекают всеобщее внимание, солдаты, ремесленники, члены Филармонического общества и так далее. Короче, половина города была представлена в этом кортеже, а другая половина толпилась по пути его следования. Вечером была всеобщая иллюминация.

Я присутствовал на всех праздниках с живейшим интересом; но что меня забавляло больше всего, так это отчеты различных калифорнийских газет. Преувеличения, которыми зарекомендовали себя американские журналисты, очень занимательны. Трудно раскрыть газету, чтобы не найти повода для смеха: некоторые редакторы особенно отличаются тем, что нанизывают пустые фразы и сыплют звонкими словами. Есть и такие, кто предпочтительно используют парадокс и выставляют напоказ гру-

¹ Франкмасон (в букв. перев. с фр. «вольный каменщик») — член религиозно-мистического братства, призывавшего к нравственному самоусовершенствованию людей и объединению их на началах братской любви.

бый цинизм; другие, наконец, пишут в тоне патетической буффонады¹, секрет которой существует только в Америке. По случаю большого национального события, каким стало открытие Тихоокеанской железной дороги, все журналисты сговорились устроить парад театрального патриотизма, которым они взапуски щеголяют в неслыханно циничных статьях. Редко, чтобы в подобных обстоятельствах не было кого-то, кто бросит камень в "дряхлые старые цивилизации Европы". Добавляя, что "им понадобились века, чтобы совершить то, что несколько бравых парней и предпринимателей свободной Америки развернули за считанные месяцы и закончили перед изумленными глазами всего мира". Можно прочесть фразы такого типа в большинстве американских газет с 8 по 15 мая 1869 года. Там же можно увидеть курьезные образцы эпистолярного стиля по поводу железной дороги: это поздравительные письма, которыми некоторые мэры, президенты торговых палат и другие видные лица обменивались между собой в тот период. Все это — высокопарная галиматья. Простоты — вот чего больше всего не хватает американской прессе...»

Пока в Сан-Франциско праздновали завершение строительства калифорнийского участка железной дороги, и газеты возносили до небес тех, кто его задумал и осуществил, в окрестностях Промонтори-Пойнта, в точке соединения двух участков огромной железнодорожной линии, работы продолжались с беспримерным пылом. Результаты последних месяцев не только превзошли все, что до сих пор было достигнуто в строительном деле, но и самые оптимистичные прогнозы.

В марте рабочие «Сентрел-Песифик» проложили за один день десять километров рельсов. Они назвали место, где вечером работа была остановлена: Челиндж-Пойнт, вынудив, таким образом, рабочих компании «Юнион» поступить так же. Последние не замедлили ответить на вызов еще более удивительной работой: им хватило рабочего дня, чтобы проложить одиннадцать километров. Со своей стороны калифорнийцы, не желая смириться с чьим-либо превосходством, когда речь шла о борьбе за

¹ Буффонада — вид театрального представления, основанного на преувеличенном (иногда — просто грубом) комизме.

скорость в строительстве национальной гордости, собрали все силы, которые можно было использовать в одном месте, и за одиннадцать часов работы уложили и закрепили, к удовольствию комиссии, которой было поручено наблюдение за работами, десять миль, то есть около шестнадцати километров рельсов. Этот беспрецедентный случай имел место 28 апреля 1869 года, руководил работами главный инспектор Чарлз Крокер¹. Очевидец, директор компании «Верхняя Калифорния», сообщает, что первые двести сорок футов рельсов были уложены за восемьдесят секунд; вторые двести сорок футов — за семьдесят пять секунд. Почти с такой же скоростью, с какой совершается неторопливая прогулка пешком.

Вот другие достоверные факты проявления этой ударной работы: поезд с двумя тысячами рельсов, то есть с двумястамидесятью тоннами железа, был разгружен бригадой китайцев за девять минут и тридцать семь секунд. Первые шесть тысяч рельсов были уложены за шесть часов сорок две минуты, и за это время, когда каждый рабочий выкладывал все свои силы, ни один из полутора тысяч не потребовал ни минуты отдыха. И самое главное, что все рельсы, составляющие вместе длину шестнадцать километров и весящие вместе около десяти тысяч тонн, были уложены только восемью рабочими, выбранными в качестве самых опытных и выносливых из десяти тысяч. В этот день вся работа выполнялась как обычно. Вагон, нагруженный железом, направляется в начало линии, доставляя рельсы, необходимые для продолжения пути. Его галопом тянут две лошади, запряженные цугом². Пустой вагон, который только что привез рельсы, отправляется ему навстречу. Это выглядит невероятно, поскольку два вагона, идущие в противоположных направлениях, не могут двигаться по одной железнодорожной колее. Однако нагруженный вагон продолжает свой путь, не замедляя хода; пустой вагон останавливается, и человеческие руки поднимают его и ставят рядом с линией. Нагруженный вагон проходит мимо, машинисты обмениваются криками «ура!» со своими коллегами.

¹ Крокер Чарлз — род. в 1822 г., ум. в 1888 г.

² В данном случае: запрячь лошадей одну за другой.

На границе готовой колеи два человека устанавливают деревянные башмаки перед вагоном, который тотчас останавливается. Четыре других рабочих, по двое с каждой стороны пути, тянут крючьями пару рельсов из вагона, укладывают ее и выравнивают на деревянных шпалах, уложенных заранее китайскими кули¹, которые с полным правом слынут за прекрасных землекопов. Затем вагон толкают вперед по только что уложенным рельсам, и та же операция повторяется. За укладчиками следует бригада рабочих, укрепляющих рельс со всей необходимой точностью при помощи заклепок и болтов. Эту работу, требующую большого опыта и ответственности, поручают механикам. Бригада китайцев следует за ними, чтобы закончить работу, которую те начали. Наконец, прибывает арьергард, также состоящий из китайцев, работающих под наблюдением ирландских и немецких смотрителей; вооруженные кирками и лопатами, они засыпают концы шпал землей и хорошо утрамбовывают, чтобы сделать их более устойчивыми.

В это время инженеры, инспекторы и помощники инспекторов работ мелькают тут и там. Их беспрестанно видят верхом, скачущими вдоль линии, что-то исправляющими, хвалящими и ободряющими, убеждающими, наконец, что все быстро и хорошо сделано. Впереди линии в открытом экипаже находились Чарлз Крокер, главный инспектор, и Стубридж, его первый адъютант. Озабоченные и внимательные, с лорнетками в руках, они следят за фронтом работ, как армейские генералы. В полдень они уже почти уверены, что все будет в порядке.

Губернатор Станфорд, президент Центральной железной дороги, потерял 500 долларов, поспорив с Минклером, начальником укладчиков рельсов, что его рабочие выполняют предложенную норму. Прибыл поезд-отель, состоящий из деревянных домов, установленных на колесах, где белые рабочие ели и спали. Китайцы составляли отдельную группу; но их обед, который они съедали на

¹ Кули — употреблявшееся в прежние времена в Китае название низкооплачиваемых рабочих; в конце XIX — XX веке применялось почти повсеместно для обозначения дешевых (чаще всего иностранных) рабочих рук, нанятых по контракту почти за бесценок для выполнения тяжелых работ.

открытом воздухе, также был приготовлен заранее; все, и кавказцы и азиаты, кидаются на еду с аппетитом, который бывает после хорошо выполненной работы. После обеда все возвращаются к работе с новым рвением. Дни еще довольно короткие, и солнце явно приближается к горизонту. Тени удлиняются и принимают фантастические формы; но строители дойдут до конца. Все кажется наэлектризованным; тяжелые массы железа подняты, перенесены, уложены и закреплены; гвозди, заклепки, болты, казалось, сами находили свои места; звенели молотки, а лошади носились широким самым резвым аллюром¹.

«Вперед, Джон Чайнемен!² Смелее, Пэдди!³ Вперед, вперед, не теряйте времени!» — кричат надсмотрщики, подбадривая людей на труд, как на битву; но в этом нет необходимости, и так каждый старается изо всех сил.

Внезапно все остановилось. Страшный шум, крики «ура!» слышались в начале линии. Все! Последние рельсы положены, и работа, заданная утром, выполнена до наступления темноты. Чуть ли не обнимаются кавказцы с китайцами. Чтобы представить себе все, что пришлось преодолеть в этот памятный день, следует помнить, что дело происходит в глуши, далеко от какого-либо города и вообще от жилья. Когда рабочие, собранные в этот день в одной точке в количестве полутора тысяч, оставили свою работу, чтобы поест в полдень, они были на расстоянии десяти километров от того места, где завтракали утром и оставили свой лагерный багаж. Провизия, палатки, утварь, инструменты, вещи, огонь и вода — все это переносилось вперед в полном порядке по мере продвижения работ на железной дороге. Эта армия рабочих регулярно снабжалась всем необходимым, чтобы питаться и иметь укрытие, и это в местах, где еще утром не было ничего.

Точка, где остановилась работа 28 апреля, была названа Виктори-Пойнт; этим хотели сказать, что в конце концов калифорнийцы победили юнионистов, не оставив им даже надежды на реванш. Однако последние не пали духом и

¹ Аллюр — один из видов поступательного передвижения лошади (рысь, галоп и т. д.).

² Чайнемен — китаец (с презрительным оттенком) (англ.).

³ Пэдди — шутовское прозвище ирландца.

продолжали работать с таким проворством, что 10 мая только на сорок восемь часов позже калифорнийцев они достигли конца своего участка и передовых сооружений Центральной железной дороги. Последний рельс, соединивший два отрезка великой магистрали, был уложен.

Между двумя концами линий оставили свободное место длиной около ста футов. Две бригады, состоящие из белых (со стороны юнионистов) и китайцев (со стороны калифорнийцев), пошли навстречу друг другу в полной рабочей форме, чтобы заделать этот пробел. В обоих лагерях отобрали лучших рабочих, и было отраднo смотреть, как ловко они выполнили свое дело. Особенно — китайцы, важные, молчаливые, готовые к работе, слаженно помогающие друг другу; они работали, как фокусники, отмечает очевидец.

В одиннадцать часов две бригады сошлись лицом к лицу. Два локомотива с каждой стороны двигались навстречу друг другу, чтобы струей пара произвести оглушительный салют. Одновременно комитет отправил в Чикаго и Сан-Франциско телеграфные депеши, адресованные ассоциациям газет западных и восточных штатов, в которых говорилось: «Будьте готовы принять сигналы, соответствующие последним ударам молота». Очень простым способом телеграфные провода главной линии, связывающие западные и восточные штаты, были подключены к системе электрической связи с тем местом, где будет забит последний стык. В Чикаго, в Омахе, в Сан-Франциско — в трех основных телеграфных бюро, наиболее близких к Промонтори-Пойнт, были готовы непосредственно связаться с Нью-Йорком, Вашингтоном, Сент-Луисом, Цинциннати и другими большими городами. Через них большая телеграфная линия сообщалась с системой электрической противопожарной сигнализации, установленной в этих городах. Итак, удар молота, сделанный в Промонтори-Пойнт, чтобы закрепить последний рельс Великой Тихоокеанской железной дороги, эхом разнесся по всем Соединенным Штатам¹.

Шпала, на которую укладывали последний рельс, была из благородного лавра, болт, соединяющий шпалу с рель-

¹ «Юнион-Песифик» и «Сентрел-Песифик» проложили совместно около 1800 миль (2900 км) железнодорожного пути.

сом, — из чистого золота, молоток — из серебра. Доктор Хаскнесс, депутат от Калифорнии, предоставил эти предметы Стенфорду и Дюрану.

— Это золото добыто в шахтах, а лавровое дерево спилено в лесах Калифорнии, — сказал он, — граждане штата дают их вам, чтобы они стали неотъемлемой частью дороги, которая соединит Калифорнию с братскими штатами, Тихий океан — с Атлантическим.

Генерал Саффорд, депутат от территории Аризона¹, предложил другой болт, сделанный из железа, золота и серебра.

— Богатая железом, золотом и серебром территория Аризона, — говорил он в свою очередь, — вносит свой вклад в предприятие, которое является символом объединения североамериканских штатов и открывает новый путь для торговли.

Последние рельсы предоставила администрация «Юнион-Песифик». Генерал Додж, депутат, указывая на них, произнес речь, которую закончил словами:

«Вы завершили дело Христофора Колумба... Эта дорога ведет в Индию!»

И наконец, последний, депутат от Невады, предложил третий болт, серебряный, и сказал:

«К железу Востока и к золоту Запада Невада добавляет свое серебро».

Стенфорд и Дюран, президенты обеих железных дорог, которым была предоставлена честь закрепить последний рельс, приготовились нанести последний удар. В то же мгновение следующая депеша ушла в Чикаго и в Сан-Франциско: «Все подготовительные работы закончены. Снимите ваши шляпы. Будем молиться». Чикаго, приняв эти слова от имени атлантических штатов, ответил: «Мы поняли и следим за вами. Все восточные штаты слушают вас». Через несколько мгновений электрические сигналы, повторяющие на всю Америку каждый удар молота, сделанный в этот момент в середине континента, сообщили гражданам, слушающим, как в религиозном экстазе, о завершении этого великого дела. Понять, что чувствовала в этот момент Америка, может только тот,

¹ В конце XIX века Аризона имела еще статус территории; штатом она стала в 1912 году.

кто присутствовал при этом. Звук шел из таинственных внутренних районов континента, оповещая мир об окончании грандиозной работы, задевал самые чувствительные струны человеческого сердца; были слезы волнения и радости. Наконец, в воздух взлетели шляпы, и разразились крики: «Ура! Да здравствует Америка! Да здравствует великая республика!»

В главных городах США событие было отпраздновано пушечным салютом из ста залпов, в Чикаго и во многих других местах прошли такие же праздники, как в Сан-Франциско. Отчет о празднике в Чикаго дает следующие подробности: процессия состояла из 813 экипажей, среди которых 19 двуколок, нагруженных дровами, 20 омнибусов¹, 15 пожарных насосов и 30 велосипедов. Хроникер не объяснил, почему двуколки были нагружены дровами и при чем здесь велосипеды.

В Промонтори-Пойнт в это время продолжали произносить речи и рассылать депеши. Как это всегда происходит в подобных обстоятельствах, говорили много хорошего и здорового, абсурдного и странного; потом шум поутих, и мероприятие, выйдя из области чувств, вступило непосредственно в практическую и торговую жизнь, чтобы стать предметом менее шумной эксплуатации деловыми людьми.

Сегодня точка соединения двух линий отмечена мачтой с национальным флагом. Золотой костыль, серебряные болты Аризоны и Невады исчезли, чтобы дать место обычным материалам. Что касается шпалы из лавра, то она была заменена шпалой из обычного дерева, поскольку первую как реликвию моментально растащили по кусочкам путешественники...

В нескольких милях от Промонтори-Пойнт железная дорога входит в пределы штата Невада, на унылую территорию, которая была бы еще и пустынной, если бы не богатейшие найденные на ней залежи серебра. Несколько вулканических горных цепей, среди которых хребет Гумбольдт, прерывают монотонность пейзажа. Дождя в этих районах почти не бывает. Редкие реки, которые там встречаются, не доходят до океана; они сбрасывают свои

¹ Омнибус — многоместная конная карета с платными местами для пассажиров, совершавшая регулярные рейсы в городах или между близкими населенными пунктами.

воды во внутренние моря, такие, как Большое Соленое озеро и озеро Гумбольдт¹, или исчезают в почве. Вирджиния и Остин основные города этой страны². В Вирджинии существует знаменитая серебряная жила, дающая массу руды в пятьсот миллионов кубических футов. За пять лет разработки она принесла добытчикам чистого серебра не менее, чем на пятьдесят миллионов долларов.

На выходе с территории штата Невада железная дорога встречает самое трудное препятствие на всей трассе — горный хребет Сьерра-Невада. Здесь пейзаж поражает воображение своим мрачным и грозным величием. Вдали виднеются громадные вершины, покрытые нетронутыми снегами. Дорога по мостам сомнительной прочности проходит над зияющими пропастями, глубину которых едва можно промерить глазом, а потом на многие километры тянется вдоль них; наконец, на протяжении около восьмидесяти километров ныряет в обшитые досками тоннели, почти сплошь прикрывающие все железнодорожное полотно, идущее через высокогорные районы Сьерры.

Эти тоннели или укрытия от снега — несомненная достопримечательность страны. Снега на высокогорьях покрывают землю слоем от трех до двенадцати метров. Чтобы не прерывать сообщение на зиму, требовалось защитить железнодорожные пути от заносов. И инженеры сумели это сделать, построив тоннели. На участках с меньшей угрозой, например, когда путь лежит по склону горы, защищенной от ветра, достаточно было приспособления соответствующей мощности для расчистки пути. Был сооружен огромный железный клин, формой напоминающий двойной лемех очень тяжелого плуга. Его ставили перед локомотивом, и он почти целиком исчезал в огромном валу снега, который гнал перед собой. Поезд почти не терял скорости, поскольку глубина сугроба не

¹ Соленое озеро Гумбольдт (или, по американской географической территории, «marsh», то есть «болото», «топь») характеризуется весьма скромными размерами и не может быть отнесено к разряду «внутренних морей».

² Вирджиния-Сити в наши дни представляет из себя небольшой городок недалеко от столицы штата Карсон-Сити; в нем постоянно проживает около 750 человек. Затерянный в мешанине хребтов Большого Бассейна Остин еще меньше: в нем едва наберется три сотни жителей.

превышала пятидесяти сантиметров; если слой снега вырастал до одного, двух или трех метров, ставили два, три или четыре локомотива, а в трудные моменты отцепляли вагоны, и локомотивы налегке летели на всех парах; но это не всегда помогало, известны случаи, когда конвои, измученные этой героической борьбой со стихией, вынуждены были отступать.

Эти огненные повозки, тянувшие за собой вагоны, в которых, развалившись, сидели белые, проклятые враги краснокожих, не пришлись по душе индейцам; они начали нападать на рабочих, занятых на строительстве железной дороги. Но после того как рабочие, а их здесь было великое множество, преподали им жестокие уроки, индейцы понемногу стали вести себя спокойнее. Когда началась эксплуатация и была снята охрана, индейцы снова стали нападать на поезда. Самые сильные и отчаянные требовали для себя чести сражаться с огнедышащим монстром. Верхом на лошадях они вставали на пути компактной группой, направив копыта на мчащийся на всех парах локомотив. Из тех соображений, что подступы к железнодорожному полотну на этой линии были свободны и на рельсы могло попасть все что угодно, локомотивы всегда оснащали устройством, подобным тому, что применяется для расчистки снегов в Сьерра-Неваде. Только оно было менее тяжелым и не таким громоздким. В Сьерре оно называлось снегоочистителем; в любом другом месте «погонщиком коров». Сейчас узнаете почему.

Первые же индейцы, храбрые, но наивные, естественно, были раздавлены, перемолоты, опрокинуты «погонщиком коров» и превращены в кровавое месиво, по которому прокатился поезд с беспощадным безразличием неодушевленного предмета. Урок был жестокий, и впредь воины таким образом не нападали на «огненную повозку, катившуюся сама по себе». Они изменили свою тактику: то провоцировали сход состава с рельсов, то набрасывали на пути всевозможные обломки, то снимали рельсы и шпалы. Порой они расстреливали на ходу поезда машинистов и механиков или открывали огонь по вагонам и яростно палили в пассажиров. Чтобы помешать этим зловещим развлечениям, против них предприняли несколько экспедиций, в которых янки знают толк. Уроки оказались такими жестокими, что отныне нападения на железную

дорогу прекратились. Теперь усмиренные индейцы приняли ее тем более охотно, что компания согласилась перевозить их бесплатно, но только на открытых платформах.

У железной дороги появились и другие враги, бессознательно виновные в многочисленных дорожных катастрофах. Это были бизоны, сейчас почти полностью исчезнувшие. В ту эпоху их было видимо-невидимо, они бродили стадами, насчитывающими иногда по несколько тысяч голов. Когда они шли, ничто не могло остановить их: горы, долины, реки, они проходили через все, не признавая никакой другой дороги, кроме прямой. Когда поезда встречались с их огромными стадами, пересекающими пути плотной массой, локомотивы вынуждены были останавливаться. Много раз безрассудные механики пробовали пробить себе проход при помощи «погонщика коров», как в снегах Сьерра-Невады, но бизоны противопоставили удару машины такую силу инерции, что поезд должен был откатиться назад, а то и вовсе остановиться среди небывалой мешанины из конечностей, внутренностей, костей и крови. Эти встречи, впрочем, доставляли радость путешественникам, которые, будучи хорошо вооруженными, чтобы отражать возможные атаки индейцев, с увлечением расстреливали бизонов, пользуясь случаем, чтобы скрасить часы ожидания волнующим спортом.

Расстояние от берегов Атлантического до берегов Тихого океана, составляющее пять с половиной тысяч километров, путешественники преодолевали в среднем за сто шестьдесят восемь часов; то есть за семь полных ночей и дней. Что, с учетом остановок, дает скорость примерно тридцать пять километров в час.

Пассажирам, чтобы проделать такой длинный путь через почти пустынную страну, нужны были соответствующие условия. Поэтому компания постаралась как можно лучше благоустроить вагоны, сделав из них настоящие дворцы на колесах. Днем купе служили салоном; ночью они превращались в удобные дортуары¹. Вагоны были широкие, высокие, хорошо проветриваемые и могли вместить пятьдесят человек. Сиденья располагались в два ря-

¹ Дортуар — общая спальня в закрытом учебном заведении (институте, пансионе и т. д.).

да, в середине оставался проход. При желании можно было ходить взад и вперед, поскольку сиденья могли откидываться вокруг их боковой оси. Имелись просторные и комфортные туалетные кабины и другие удобства, преимущества которых очень высоко ценили пассажиры; платформы соединяли вагоны один с другим, позволяя ходить из одного конца поезда в другой, и люди, желающие полюбоваться пейзажами, могли находиться на этих платформах, имеющих ограду такой высоты, что на нее было удобно опираться.

Новинка, с которой мы за долгое время свыклись, но тогда вызывающая восхищение в Старом и Новом Свете, — это вагон-ресторан, состоящий из кухни, столовой и иногда салона, где находились пианино и орган. Внутренняя отделка столовой была роскошной. Потолок блистал позолотой; зеркала в богато украшенных рамах помещались между дверями; разноцветные ковры покрывали пол; сиденья, украшенные подушками, обшитыми дорогими тканями, были из резного дерева. Путешественники могли здесь получить полное питание на американский манер, что вовсе не значит, что оно было отличного качества. Но это была обильная, разнообразная и не слишком дорогая еда.

Курить можно было только в некоторых купе, но повсюду иступленно жевали табак и сплевывали тошнотворную слюну с развязностью, свойственной янки. Избежать этого желтоватого болота под ногами не удавалось никому, так как очень демократичные американские вагоны имели только один класс.

Тихоокеанская железная дорога с самого начала, естественно, имела сторонников и противников. Первые любезно перечисляют бесконечный список товаров, которыми в течение года обменялись между собой города тихоокеанского и атлантического побережий. Опираясь на бесспорный факт, признанный экономистами, что пути сообщения способствуют созданию и быстрому развитию промышленности в областях, по которым они проходят, и одновременно благоприятствуют заселению пустынных местностей, они рассчитывали на такой поток пассажиров, чтобы его одного было достаточно для получения дохода от капитала, затраченного на строительство. Со своей стороны, противники Тихоокеанской железной дороги

объясняли свое неприятие тем, что на большей части своего протяжения линия проходит через пустыни, где сама природа противится быстрому и значительному росту населения. Они допускали, что мощные и процветающие поселения смогут со временем сгруппироваться в окрестностях Омахи, вокруг Большого Соленого озера¹ и на некотором расстоянии от Сан-Франциско и Сакраменто; но Большой Бассейн Северной Америки между Сьерра-Невадой и горами Уосатч, бесплодный район Горьких вод и большая часть плато, простирающегося от Скалистых гор до Миссури, — все эти обширные площади обречены, по их мнению, на постоянную скудость и запустение. Кроме того, они считают, что, вообще говоря, железнодорожная линия такой протяженности, как Тихоокеанская, чтобы быть достаточно загруженной, должна обслуживать населенные районы; и, связывая степень населенности и богатства мест отправления и назначения, они склонны считать, что компания после того, как обогатит своих директоров, закончит разорением.

Двадцать лет тому назад и те и другие были лишь рядом с истиной. Оптимисты — поскольку не дотягивали до правды, пессимисты — поскольку грубо ошибались. Тихоокеанская железная дорога не только не обанкротилась, но сейчас в США существуют еще две другие, не менее процветающие². Канада также захотела иметь собственную железную дорогу, которая и по сей день работает к удовлетворению населения и акционеров.

Вот чего никто не предвидел, так это того, что в США количество железных дорог растет даже в глухих местах, которые они оживляют, как артерии развивающийся организм. Нельзя точно предсказать, как пойдет развитие нации, удвоившей свою численность за сорок лет, погасившей за несколько лет долг в десять миллиардов долларов, которая сегодня только и умеет что делать деньги. Тем более никто не может предсказать, чем все это кончится.

¹ Большое Соленое озеро с трех сторон окружено пустыней.

² В следующую четверть века после окончания «Сентрел-Песифик» было проложено еще 4 железные дороги к Тихому океану, в том числе: «Нортерн-Песифик», «Грит-Нортерн», «Саутерн-Песифик».

УИЛЬЯМ ХЕПВОРТ ДИКСОН¹

Раз уж мы задержались на этом районе Америки, лежащем рядом с таким еще таинственным Дальним Западом и с месторождениями золота, в наши дни обедневшими, останемся здесь еще на некоторое время.

В предыдущей главе эпизодически уже упоминались два имени, когда речь шла о трудностях, подстерегающих путешественника, пересекавшего огромный континент до строительства трансконтинентальной железной дороги; это француз Луи Симонен и англичанин Хепворт Диксон. Проследуем сначала за одним из них, а потом и за другим.

Сначала Диксон, старший из них. Впрочем, ненамного. Только на девять лет.

Хепворт Диксон родился в 1821 году в Манчестере. Не будучи вундеркиндом², он был мечтательным, малообщительным ребенком, высказывавшим иногда остроумные идеи, которые удивляли и восхищали его старого дядюшку, эрудита и оригинала, воспитывавшего племянника в суровом одиночестве Овер-Дарвина. В пятнадцать лет подросток поступил в коммерческую школу, не столько для того, чтобы изучать торговлю, сколько ради изучения языков — этого сокровища, которое англичане так разумно открывали своим детям. Потом он занялся без малейшего интереса изучением права. Молодой человек был волен в своих поступках, поскольку

¹ Диксон Уильям Хепворт (1821 — 1879) — британский писатель, получивший известность сериями газетных репортажей, а впоследствии — книгами на исторические темы и биографиями знаменитых в британской истории лиц, увлекательно написанными, но содержащими много неточностей и ошибок. Не раз бывал в США, в том числе — с циклами учебных лекций. Большой популярностью пользовался его двухтомник «Белое завоевание» («White Conquest»), рассказывающий о путешествии автора по Штатам в 1874 — 1875 годах, где в числе прочего приводятся интереснейшие подробности жизни негров, индейцев и китайцев в США.

² Вундеркинд — в буквальном переводе с немецкого «чудо-ребенок». Так говорят про исключительно талантливых в какой-либо области человеческой деятельности детей.

на него ничто не давило, а приличный достаток давал ему абсолютную независимость. Через некоторое время он написал несколько вещей, которые были замечены и имели настоящий успех, а затем совершенно естественно с удивительной легкостью принялся писать. История, философия, даже полемика стали его привычными занятиями. Короче, еще совсем молодым Хепворт сделал себе имя в литературе.

И вдруг им завладел демон странствий. Писатель посетил Восток, Америку, Россию и привез из этих экспедиций семь или восемь блистательных томов удивительных повествований¹.

А теперь несколько отрывков, к сожалению, очень коротких, из его «Молодого американца».

«...К западу от Миссури, на площади около двухсот квадратных миль, встречаются леса, состоящие из ореха, дуба и американского ильма². Повсюду кусты и цветы, среди прочих ноготки, клевер, кувшинки в прудах, смолистая, с неприятным запахом трава и солнцевороты-гелиотропы³. Последние не похожи на подсолнечник, крупные растения с несколько примитивной или, скорее, привычной для глаза пышностью, которые сияют в сельских цветниках; это мелкие золотистые цветы, собранные в кисти, такие же многочисленные, как звезды на небе, и которые на больших участках блестят и переливаются волнами, как расплавленное золото. Воздух сладкий и горячий; небо голубое; маленькие белые облачка, очень подвижные, выделяются на яркой лазури и скрашивают ее бесконечную монотонность.

¹ Диксоном написаны следующие книги о собственных путешествиях: «Святая земля» (1865), «Новая Америка» (1867), «Свободная Россия» (1870), «Швейцарцы» (1872), «Белое завоевание» (1875), «Британский Кипр» (1879).

² Ильм американский (*Ulmus americana*) — дерево из семейства ильмовых, широко распространенное в Северной Америке, близкий родственник нашего вяза.

³ Во французском оригинале это место с описанием растений связано с игрой слов. «Солнцеворотом» (*фр. tournesol*) в просторечии называется целый ряд растений, поворачивающих свои цветки следом за движением солнца по небосклону, в том числе и обыкновенный подсолнечник, и несколько более изысканный гелиотроп.

По мере удаления от Миссури лесистые пейзажи исчезают. Равнина простирается направо и налево; не на чем остановиться взгляду путника: безграничность. В этом волшебном окружении, так хорошо описанном Фенимором Купером, на воображение действует странное очарование. Сердце и ноги становятся легкими, чувства обострены, бальзамический воздух затопил все вокруг; простая красота, величественный покой края восхитительно волнует. Но едва начинаешь, как говорят в этой стране, терять землю из виду, то есть начинаешь видеть вокруг себя только океан зелени без малейшей неровности почвы, без единого дерева, куста, пучка травы выше, чем соседние, которые поднимались бы над линией горизонта, чтобы разорвать эту надоедливую прямую линию, так тотчас тебя охватывает скука и уныние.

В недрах этого глубокого одиночества с таким мрачным однообразием, где не от чего отмерить движение, когда приходит ночь, возникает ощущение, что ты находишься на том же месте, где проснулся утром, и что весь путь, который ты проделал в течение прошедшего дня, был подобен кружению белки в колесе.

К усталости, скорее моральной, чем физической, после такого перехода добавляется фантасмагория миражей, постоянно возникающих перед глазами. Вдруг открывается вдали прекрасное озеро, сверкающее в лучах солнца, грациозные рощи, гигантское дерево, у которого легкий ветерок колышет густую и роскошную листву... Ускоряешь шаг... Видение исчезает... Вправо, влево, спереди, сзади только цветы и трава, трава и цветы!..

Никаких следов цивилизации. Здесь царствует дикая природа. Гремучие змеи скользят среди трав. Украдкой бесшумно пробегает волк. Неутомимо снуют муравьи. Совы и вороны насыщаются там и тут на трупах мулов, лошадей, жирных быков. Луговая собачка¹, этот комедиант пустошей, испускает нечто похожее на раскаты пронзительного смеха, потом, засовывая голову в нору, исчезает, радостно виляя хвостом. Гремучие змеи, волки, муравьи, совы, вороны и луговые собачки жили вместе в удивительном согласии».

¹ *Cynomys ludovicianus*.

Дальше сцена менялась: волнистые степи, раскаленные жарким солнцем; от земли поднимался золотой пар, рождавший фантастические видения; мертвенное спокойствие нависло над прериями.

Эти великолепные края, где заступ почти без труда входит в плодородную землю, где плуг может пропахать борозду длиной в десять лье, не натолкнувшись на камень, не лишены, однако, крупных недостатков, которые делают их колонизацию чрезвычайно трудной. Кажется, что эти места не созданы для того, чтобы здесь жили люди.

Первый недостаток — это резкий перепад температур; тропическую жару внезапно сменяют холода, приходящие с северными ветрами. Жара иногда достигает 40° Цельсия, а морозы достаточно свирепы, чтобы сковать более чем на метр в глубину воды Миссури и Миссисипи. Зимой за несколько часов температура изменяется на 35° Цельсия. Утром, например, светит солнце, жарко, на дороге тает снег. В полдень все меняется. Северо-западный ветер дует с такой силой, что путник рискует обморозить лицо. Вторым недостатком — засухи. Реки легко пересыхают от солнечного жара, и урожаи из-за отсутствия достаточной ирригации¹ крайне скудны. Необходимо бурить артезианские скважины. Но даже если колонисту удастся вырастить хоть один стебель маиса², мириады саранчи гудят в воздухе и пожирают на своем пути все зеленые листья и молодые побеги.

Однако американский поселенец, пионер Дальнего Запада, не отступил перед этими препятствиями. В силу дерзости ума и терпения он сумел открыть незадолго до строительства Тихоокеанской железной дороги торговый путь между двумя океанами; вскоре, может быть, удастся протянуть его по всей стране, где сейчас разбросаны далеко друг от друга одинокие ранчо³.

Этот необычный персонаж, смелый и жизнерадостный, сквернослов, в высшей степени услужливый, когда считает это полезным, ни во что не ставит свою жизнь и не

¹ Ирригация — искусственное орошение.

² Маис — мексиканское название кукурузы.

³ Ранчо — крупное фермерское хозяйство (по преимуществу — животноводческое).

очень дорожит деньгами. В войлочной шляпе с широкими полями, с развевающейся шевелюрой, нечесаной бородой, в брюках, заправленных в грубые кожаные сапоги, он идет, везя в фургоне, который тащит неуклюжий бык или мул с длинными ушами, жену, детей, инструменты и доски для строительства дома. У него вид неотесанного, грубого человека; но зато какой мужественный характер, гордый, неукротимый! Какая решительность и упорство!

Со скудными припасами приходил он в прерии, поскольку не мог погрузить слишком тяжелый багаж. Время прижимало, а делать надо все только своими руками. К счастью, у него была кукуруза. В едва возделанную землю крестьянин бросает благодатное семя, и через несколько месяцев, если не появится саранча, всей семье будет чем питаться.

Пионеры приходили на Дальний Запад с мотком бечевки в кармане и дюжиной кольшксов в руке; выбрав благоприятное место, вбивали в землю кольшксы, бечевкой намечали расположение будущих улиц и домов и говорили: здесь будет такой-то город. И действительно, в этих районах города рождались, как по взмаху волшебной палочки.

Так, Денвер, нынешняя столица Колорадо, которая насчитывала в 1892 году более 135 000 жителей, не существовал еще в 1860 году!¹ В то время золотоискатели в поисках золотых россыпей у подножия Скалистых гор, где-то между Санта-Фе в Нью-Мексико и фортом Ларами в Дакоте², останавливались на Саут-Платт. Они промывали песок ручья Черри³, притока этой реки, и, к их огромному удивлению, нашли там крупинки золота. Всегда немного удивительно, когда впервые находишь золото, даже если ищишь. Новость о счастливом открытии распространилась очень быстро. Пионеры, колонисты

¹ Денвер возник в 1858 году как путевая станция для снабжения старателей. Когда образовалась территория Колорадо, столицей ее стал соседний с Денвером город — Голден, но уже с середины 1860-х годов Денвер стал бурно разрастаться, и в 1867 году туда была перенесена столица. В 1870 году соединительная ветка на Шайенн связала Денвер с национальной сетью железных дорог.

² На самом деле Ларами находится в штате Вайоминг.

³ Черри-Крик впадает в Саут-Платт на территории современного Денвера.

последних западных штатов, по большей части недовольные или считающие себя таковыми, поспешили туда с толпой скваттеров¹, отчаявшихся, всевозможных авантюристов, которых было великое множество в штатах, омываемых водами Миссисипи и Миссури. Пока города еще не было, эмигранты останавливались в своих фургонах, за неимением другого укрытия. Вскоре были открыты новые золотоносные месторождения. Возбуждение в Колорадо достигло своего апогея, и все банкиры Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии готовы были послать своих агентов на эти рискованные предприятия, если не могли отправиться сами, чтобы действовать на местах.

За этим кочевым населением потянулось другое, более оседлое: трактирщики и торговцы, которые устраивали свои заведения в ужасающих деревянных бараках; оно, в свою очередь, стало приманкой для игроков, мошенников, грабителей, висельников, которых манила надежда разбогатеть любым путем, не опасаясь кары Фемиды². Будущий Сити в прериях³ был тогда страшным притоном, где на две хижины приходилось две винных лавчонки и одно значное место; воровство и убийство выставялось напоказ с наглым цинизмом.

Поскольку обычные юридические процедуры не применялись из-за отсутствия полисменов, шерифов⁴, тюрем и судов, жители должны были найти средства самим пресекать насилие и преступления. И они изобрели систему, которая не требовала тюрем, ничего не стоила и имела своим преимуществом то, что пугала злодеев быстротой возмездия и таинственностью, которая ее окружала. Это был тайный комитет, так называемый «Комитет бдительности», нечто вроде священной Фемы⁵, который действо-

¹ Скваттер — здесь: человек, незаконно (без разрешения властей) поселившийся на незанятой земле.

² Фемида — богиня правосудия в греческой мифологии.

³ Автор сравнивает здесь Денвер со знаменитым деловым кварталом в центре Лондона.

⁴ Шериф — должностное лицо (в Великобритании и США), выполняющее главным образом административные и судебные функции.

⁵ Фема (суд Фемы) — от средне-нижненемецкого «veme» (наказание). Такое название получил действовавший на основе обычаев и устных традиций суд в средние века в некоторых немецких землях: Вестфалии, Силезии и других. Членами суда Фемы могли быть только

вал почти таким же образом, как в средние века, и применял то, что называется судом Линча¹. Этот непреклонный комитет заседал по ночам; его приговоры исполнялись между полночью и двумя часами ночи, в те тихие часы, в которые всякий добропорядочный гражданин предается обычно сну. Когда лавочники открывали двери своих заведений, они обнаруживали труп, висящий на дереве.

В обществе с совершенной организацией суд Линча был бы чудовищным; но когда город только зарождается и, не имея защиты, может оказаться во власти опасных отбросов общества как Старого, так и Нового Света, Комитет бдительности становится его защитой. Впрочем, миролюбивым людям нечего было его бояться: вина должна была быть совершенно очевидной, чтобы таинственный судья рисковал своей жизнью, исполняя приговор, вынесенный преступнику.

Облагораживанием нравов столица штата Колорадо² особенно обязана двоим: губернатору Джилпину и шерифу Роберту Уилсону. Первый, пенсильванец по рождению, человек энергичного склада характера и возвышенного духа, высокоодаренный, организовал все службы нового штата и его неутомимой столицы. Что касается шерифа Роберта Уилсона, по кличке Великий судья Боб, одаренного геркулесовой силой, несмотря на маленький рост, то он отважно не щадил себя и энергично помогал Комитету бдительности в его нравственном деле.

«...Молодость шерифа прошла бурно, — продолжает Диксон, который жил некоторое время в Денвере и с любопытством изучал этот строящийся город, — но с возрас-

свободные люди. Судебные заседания проходили по особо регламентированному ритуалу. В XV веке суды Фемы организовались в тайные сообщества, отчего их стали называть еще и «тайными судами». Ликвидированы были только в конце XVIII века.

¹ Суд Линча — безотлагательная казнь подозреваемого без предварительного расследования и судебного процесса; этот вид самосуда назван в честь плантатора из Виргинии Чарлза Линча (1736 — 1786), впервые предложившего подобный способ внесудебной расправы; первоначально действовал во время войны американских колоний Англии за независимость; позднее суд Линча использовали главным образом для сведения счетов с беглыми рабами-неграми.

² Территория Колорадо была преобразована в штат в 1876 году.

том страстный игрок (впрочем, за ним водились грехи и похуже), остепенился.

На вид ему было не более сорока — сорока двух лет, маленького роста, плотно сбитый, с головой, напоминающей голову олимпийца Юпитера¹. Рассказы о смелых подвигах, которые ему приписывают жители прерий, леденят кровь. Он провел со мной несколько часов, говоря только о городе и провинции, куда пришел в погоне за счастьем.

— В Денвере, — рассказывает он, — убийство — это пустяк; по моральному кодексу страны — это всего лишь правонарушение. Лишь два или три года тому назад здесь не было ничего более обыденного, чем убийство, которое вообще не считалось преднамеренным действием. После драки почти каждое утро несколько трупов лежало перед домами, пользующимися дурной славой в городе. Заметим, что на главной улице на десять жителей насчитывался один притон, где любители находили свой любимый ликер, карты, музыку и все, что их возбуждало.

К полуночи игроки окружают рулетку, и, как всегда, начинается драка. У всех револьверы; вылетают пули, и самый медлительный или неловкий падает сраженный. Что касается причины ссоры, то она никого не волнует; одним проходимцем меньше, велико ли дело?! Для города это удача, и траур он не наденет. Человеческая жизнь здесь ничего не стоит.

Жена мэра Денвера сообщила мне, что из шестидесяти человек, погребенных на маленьком кладбище, ни один не умер естественной смертью. Мне это показалось чрезмерным, и я навел справки. Цифра едва ли была преувеличена. Драки на улицах шли непрерывно, и никто не думал положить этому конец.

— Вечером (это рассказывает Боб Уилсон) я был у себя в комнате, занимаясь писаниной, когда услышал выстрел: открываю окно, вижу, бедолага, сраженный пулей, корчится на мостовой. Его унесли приятели; никто из них даже не подумал преследовать напавшего, который так и остался неизвестен. Другим вечером, было уже очень поздно, когда два солдата остановились около колодца, находившегося прямо перед моим окном. «Смотри, — го-

¹ Ю п и т е р — верховный бог римского пантеона, позднее отождествленный с верховным греческим божеством Зевсом.

ворит один из солдат своему товарищу, — вот сапожник на пороге! Его только здесь не хватало».

Действительно, лавочка сапожника была открыта недалеко от нас. Другой открыл огонь; бедняга поторопился закрыть ставни. Пули пробили ставни и застряли в стенке. Солдаты даже не были наказаны. Меня это очень удивило, и я во всеуслышание заявил об этом; моего удивления никто не понял. Надо, чтобы какой-нибудь плут убил полдюжины человек, чтобы это вызвало беспокойство. Я видел одного злодея, имевшего на своей совести шесть или семь убийств, который мирно жил по соседству в Сентрел-Сити. Бедный малый! Не слишком ли его мучили угрызания совести за содеянное? Опрокинув стаканчик в кругу друзей, не жаловался ли, что устал от своего кровавого ремесла? Однажды, проезжая верхом по улицам города, он встретил приятеля и пригласил выпить. Когда тот отказался, он выстрелил в него. Да, в людном месте среди белого дня пуля пробила человеку сердце, а наш негодяй с комическим, почти шутивным выражением произнес: «Бог мой! Неужели мне суждено убивать кого-нибудь всякий раз, когда появляюсь в городе!»

Запоздало разъярившаяся толпа схватила неисправного бандита, тут же приговорила к смерти, оставив ему время только на признание, и, наконец, он отправился раскаиваться на верхушку знаменитой на всю страну виселицы, мрачного дерева, на подходах к Денверу, бросающего на город свою чудовищную тень.

А вот что еще мне сказал Великий судья Боб.

Утром он заметил, что недостает пяти хороших лошадей в коррале¹ Денвера. Уилсон, осмотрев место происхождения, заподозрил трех типов, недавно прибывших с рудников по горной дороге, игроков и негодяев, которых звали Броунли, Смит и Картер. Поискав этих героев во всех тавернах и значных местах, Уилсон, не найдя их, уже не сомневался, что они и есть истинные виновники, и бросился за ними в погоню.

И вот он с револьвером за поясом, вооружившись длинным охотничьим ножом, вскакивает на лошадь и несется галопом к дороге на Платт. Весна была поздняя, снег как раз начал таять. Вода стояла очень высоко. Уил-

¹ Корраль — скотный двор; загон для скота (исп.).

сон пустил свою лошадь вплавь и, держа револьвер над головой, переправился через реку.

Проскакав галопом ночь и день, в пятидесяти милях от Денвера, среди прерии, не ближе чем в пяти милях от какого-либо жилья, он заметил воров: Картер и Смит, оба верхом, держали еще по одной лошади в поводу.

Броунли, у которого не было в поводу лошади, замыкал шествие. День только начинался. Воры знали шерифа только по слухам. Тот завязал разговор с Броунли, явным главарем, и выдал себя за несчастного рудокопа, собирающегося добратся до Невады. Боб сопровождал их таким образом в течение восьми часов вплоть до полудня в надежде встретить дилижанс или какой-нибудь небольшой караван, достаточно сильный, чтобы мог оказать ему помощь. Но наступил полдень; никого не было видно. Представитель закона решил один выполнить обязанности жандарма, стрелка, комиссара и судебного следователя. Он, внезапно подтянув поводья лошади, резко остановился и, сменив тон и выражение лица, выкрикнул:

— Господа, хватит болтаться по степи! Мы возвращаемся в Денвер...

— Что?.. Ты что это там поешь? — прорычал Броунли, выхватывая револьвер из-за пояса. — Кто ты?..

Шериф не дрогнул и, тоже показав свой револьвер, ответил:

— Я Боб Уилсон. И я привезу вас в Денвер. Вы обвиняетесь в краже пяти лошадей. Сдайте оружие. Вас будут судить по закону.

— Судить! Ко всем чертям! — прорычал Броунли, поднимая пистолет. Усмешка еще блуждала на его устах, и он не торопился стрелять, когда скатился на траву с пулей в черепе.

На шум обернулись Смит и Картер и приготовились отстреливаться.

Но Смит, уронив револьвер, спрыгнул с лошади, чтобы его подобрать, а Картер, пораженный насмерть, упал в пыль.

— Вперед! — крикнул Уилсон Смицу, который протягивал ему руки, умоляя о пощаде. — Держи мою лошадь. Шевельнешься — застрелю! У меня точный глаз!

— Да, вы хорошо целитесь, — ответил бандит.

— Слушай внимательно! Я отведу тебя в Денвер с лошадьми. Если ты украл их, тем хуже для тебя; если нет, тем лучше. В любом случае тебя будут судить, и судить справедливо.

— Я подобрал, — вспоминал Уилсон, подробно описывая свое приключение, — три заряженных пистоleta и после зрелого размышления завязал их в свой платок, потом перезарядил свой револьвер, заставил Смита сесть на лошадь и привязаться ремнями. Трупы остались лежать на месте; украденных лошадей я отпустил на пастбище и повел свою добычу на ближайшее ранчо. Эта ферма в прериях принадлежала французскому колонисту, женатому на англичанке. После того как я назвал себя и объяснил цель моего визита, супруги принялись помогать мне.

Смита привязали к столбу; я отошел в сторону с хозяином, порекомендовав его жене вышибить пленнику мозги, если тот попытается освободиться.

“Она не промахнется”, — заверил муж.

Мы отправились на место расправы, выкопали яму для двух тел, поймав четырех лошадей, обыскав карманы воров и взяв вещи, которые могли установить их личность, вернулись на ранчо. Фермерша была на своем посту, и привязанный Смит плакал. Напрасно он расточал красноречие, чтобы убедить свою тюремщицу отпустить его на свободу; напрасно он взывал к ее состраданию, тщеславию, зависти, часовой в юбке оставался непреклонным. Наконец англичанка ему заявила, что, если он не замолчит, она сумеет надежно заткнуть ему рот. Дрожащий и бледный, вор ждал своей участи. За этим дело не стало: приведенный на следующий день в Денвер, он стал одним из плодов исторического дерева.

— И таким образом, месье, — закончил Боб Уилсон, — я вершил правосудие в Денвере».

Покинув эту страшную, но динамичную цивилизацию, которая сделала за несколько лет из Денвера город, похожий на всякий другой, Диксон отправился к индейцам, стоящим перед неизбежной альтернативой: подчиниться цивилизации и ее требованиям или исчезнуть.

Вот что он рассказывает об этих интересных племенах, которые скоро будут существовать только в легендах, с такой быстротой происходит их ассимиляция или полное уничтожение.

«У краснокожих, — пишет он, — как у всех диких орд, власть осуществляется стариками, кроме периодов войны; тогда бразды правления берут в руки самые храбрые и хитрые. О том, чтобы трудиться, не может быть и речи; они знают, что всегда были племенами охотников и воинов, повелителями стрелы и дубины, и были слишком гордыми, чтобы заняться каким-нибудь трудом — уделом женщин.

С последними обходились как с рабынями, они составляли часть движимого имущества индейца. Вся работа в доме и вне его лежала на них. Женщины вкапывали столбы, поддерживающие хижины, носили воду из источника, ходили в лес за дровами, выкапывали из земли съедобные корни, собирали желуди, готовили пищу, шили одежду, сушили скальпы, чинили навесы, несли детей во время переходов. Женщина обязана была полностью подчиняться мужчине; все в ней принадлежало хозяину; и в свободе дикой жизни не было ничего более обыденного, чем видеть краснокожего, меняющего свою жену на товар.

Естественно, индейские женщины, “скво”, как их называют, таковы, какими их сделало подобное положение. Если их хозяин жесток, они свирепы, если он нечистоплотен, они вызывают брезгливость; если он ведет беспорядочный образ жизни, они бесстыдны. На их лицах не отражается ничего, что раскрывает женщину. Застенчивые, стыдливые, они опускают глаза перед белым. Когда надо сделать какое-то гнусное или непристойное дело, его поручали скво.

Если надо было пытать врага, его отдавали в их руки; женщины проявляли при этом возмутительную жестокость. Они сдирали с несчастных кожу лоскутами, вырывали им ногти, дробили суставы пальцев, отрезали в один день руку, на другой — ногу, потом разводили огонь на животе и ходили вокруг, завывая.

Все племена охотились и воевали одинаково, верхом, с копьями, луками и стрелами. Питались исключительно мясом бизонов и одевались в их шкуры, которые дубили мозговым веществом. Эта же шкура шла на сооружение хижины или шалаша, которые обычно называются вигвамами. Для этого брали несколько тонких шестов, связанных у верхушки ремешком. На одной стороне низкий и узкий лаз, через который можно было забраться только ползком, заменял дверь. В центре хижины всегда горит

огонь, а на этом очаге и вокруг него — горшки и котлы для еды. Через отверстие, оставленное в верхней части хижины, выходит дым и поступает свет. Внутри по периметру лежат постели, сваленные в кучу одежды из бизоньей шкуры, которые одновременно служат покрывалами и матрасами, всевозможное тряпье, которым прикрывают тело. Возле одной стены собрана кухонная утварь. Повсюду царит неописуемый беспорядок. Вокруг хижин бегают полуголые дети, мальчики и девочки. Женщины, сев в кружок, шьют, престарелые матроны обрабатывают шкуры, пока мужчины курят и играют.

У краснокожих гортанный язык; они разговаривают также знаками. Очень любопытен их способ счета. Дойдя до десяти, начинают прибавлять по одному: десять и один, десять и два, и так до двадцати. Это число называется два-десять. Потом следует два-десять и один, два-десять и два до три-десять, то есть тридцать, до десять-десять, то есть сто. Они делят время на луны, которые обозначают так: холодная луна — январь; луна, когда самка бизона беременная, — февраль; луна, когда тает снег и прорастает трава, — март; луна зеленой травы — апрель; луна, когда телится самка бизона, — май; луна, когда теленок бизона начинает бегать, — июнь; луна, когда краснеют ягоды, — июль; луна фруктов — август; луна, когда бизон весь покрыт шерстью, — сентябрь; луна, когда у молодых бизонов вкусное мясо, — октябрь; луна, когда чернеет шерсть бизона, — ноябрь; наконец, луна, когда следует обрабатывать шкуры, — декабрь...

Краснокожий, — рассказывает дальше Диксон, — суверен и представляет себе, что пространство наполнено богами и духами, которые находятся рядом, когда он охотится или сражается. Его единственная вера — природа; он трепещет перед ведьмами и волшебниками, приписывая им высшее могущество. Религиозные обряды краснокожих немногочисленны и загадочны; танец — основная и наиболее обычная из церемоний. Фигуры хореографических сцен, которые сопровождаются пением и ударами в барабан, не обнаруживают какой-либо закономерности. Некоторые — гротескны и забавны, тогда как другие внушают опасение и страх. Среди последних следует назвать “танец скальпа”, которым празднуются победы; он исполняется ночью при свете факелов. Несколько молодых

людей входят в центр круга, образованного пламенем; они поднимают в воздух скальпы (кожа и волосы с верхней части черепа), остальные воины бегают вокруг, вопя самым устрашающим образом, прыгая одновременно на двух ногах и гневно потрясая оружием, с которым они, кажется, составляют единое целое. Во время этих прыжков, криков, иступленных гримас каждый воин конвульсивно растягивает мускулы лица, перекачивает с одной стороны на другую сверкающие, безмерно выпученные глаза и скрежещет зубами, как если бы он находился в пылу битвы».

Все эти причудливые сцены, которые описывают путешественники, вскоре останутся только в книгах. Сегодня у индейца почти нет случая отпраздновать победу. Опутанный со всех сторон сетями цивилизации, он чувствует себя во власти бледнолицых и со страхом смотрит, как мало-помалу исчезает самый надежный из его ресурсов, то есть бизон, которого американцы называют «buffalo».

Бизоны, по словам Диксона, в то время, когда они были, если так можно выразиться, домашними животными для краснокожих, бродили от Канады до берегов Мексиканского залива и от Миссури до Скалистых гор. В августе они собирались в бесчисленные стада; равнина была покрыта их черными спинами до горизонта. Это напоминало беспорядочную варварскую армию, пыль вылетала вихрями у них из-под копыт; раздавался глухой шум, подобный дальним раскатам грома. Но с прибытием в страну европейцев началось истребление этих животных тысячами; сами индейцы, попавшие в плен крепких ликеров новоприбывших, помогли этому истреблению¹.

Недалек момент, когда эти богатые стада останутся только в воспоминаниях, и триста тысяч дикарей, которые могли бы еще обитать на территории США, будут лишены средств к существованию.

Охота на бизонов была для краснокожего не только необходимостью, но и развлечением.

¹ Сейчас (март 1892 года) это истребление завершено. Всего лишь восемьдесят или девяносто особей осталось на территории США; запоздалая предусмотрительность людей заключила их в Йеллоустонском национальном парке, где они живут под охраной закона. (Примеч. авт.)

Оседлав одну из своих проворных и терпеливых лошадей, пойманных в прериях, он отправлялся на смертельную прогулку. Охотник освобождался от всего, что могло бы стеснять его движения, оставлял только грубый ремень длиной двадцать метров, который тащился по земле во всю свою длину, привязанный под подбородком лошади и переброшенный через шею животного; это повод, но прежде всего это запасное средство, которым всадник пользуется при падениях или в других непредвиденных случаях, чтобы поймать лошадь. У охотника в левой руке лук и столько стрел, сколько можно удержать в кулаке; в правой руке хлыст, он немилосердно хлещет им лошадь. Она, хорошо выдрессированная, сразу останавливается перед указанной целью, чтобы дать всаднику возможность уверенным выстрелом поразить бизона. Но как только пропела тетива, стрела вошла в волнистую шерсть, лошадь инстинктивно отскакивает, чтобы избежать рогов разъяренного животного, и направляется к следующей жертве. Таким образом, мчится с быстротой молнии через прерию эта дикая охота до тех пор, пока лошадь не устанет, и тогда охотник прекращает это рискованное занятие.

Жены охотника следовали за агонизирующими бизонами, приканчивали их и лучшие куски уносили в свои вигамы. Остальное оставалось на растерзание волкам, всегда следовавшим в большом количестве за стадами. Длинная грива закрывала бизону глаза и мешала различать предметы, что позволяло индейцу охотиться на них даже пешком. Охотник накрывался волчьей шкурой и продвигался на четвереньках, держа оружие перед собой. Если ветер не выдаст его, сбросив позаимствованную одежду, охотник легко подберется к бизону и убьет его без звука, чтобы не потревожить стадо. Соседи раненого, услышав его хрип, вряд ли поднимали хоть на мгновение свои волосатые головы, а если и поднимали, то почти тотчас снова опускали к земле, чтобы продолжать стричь любимую «бизонью траву».

Бизонов преследовали во все времена года, даже когда прерия была покрыта снегом, и охота на лошадях была невозможна. Гиганты с трудом передвигались по сугробам, а индеец привязывал к своим проворным ногам длинные полозья и бежал, чтобы проткнуть копьём бизо-

на, который зарывался в глубокий снег. Таким образом, без передышки и пощады продолжалась война на истребление против животных, составлявших украшение прерий. Никакой бережливости, никакой предусмотрительности; беспечный краснокожий жил одним днем, не заботясь о будущем; предаваясь своим причудам, он не ищет для них разумного обоснования и будет охотиться на бизона, пока последний из этих четвероногих не отдаст ему свою шкуру. Индеец как дикий зверь. Все, что он видит, должно попасть ему в зубы, но, даже умирая от голода, он не станет трудиться для себя или своей семьи...

...Неутомимый, любознательный Диксон, ничего не оставлявший без внимания, долго и тщательно изучал религиозные секты, которыми изобилуют США. Если католицизм насчитывает только одну восьмую приверженцев, то другие семь восьмых распределяются между протестантскими церквями, породившими там огромное количество разнообразных сект.

В этой путанице некоторые выделяются количеством своих приверженцев и местом, которое они занимают в истории США.

Первым по значению является пресвитерианство, еще и сегодня сохраняющее жесткие пуританские традиции и называющее себя «спинным мозгом Америки». Оно холодно и жестоко; его суровость доходит до чрезмерности; это религия инициативных и предприимчивых людей, коммерсантов и промышленников. Рядом с пресвитерианцами занимают существенное место конгрегационисты, имеющие большое сходство с предыдущими. Это образованные, увлеченные работой люди, противники роскоши; их культ обращается к разуму и никогда к сердцу. Затем следует епископальная церковь, сторонники которой относятся к богатым классам. Храмы их значительно богаче, чем у прочих сект. Методисты и баптисты, наоборот, встречаются среди ремесленников и простолюдинов; среди них очень много негров. Секты сами подразделяются на множество различных причастий. Назовем еще лютеранство, значимость которого растет с каждым днем за счет немецкой иммиграции;¹ квакеры или ами, эта секта,

¹ Иммиграция — въезд иностранцев в страну на постоянное жительство.

такая добрая и милосердная, несмотря на ее причудливость, всегда остается достойной уважения всех слоев общества; унитаристы и универсалисты, глава которых Шеннинг провозглашает высокомерное господство разума и демонстрирует одновременно самое ревностное соблюдение Евангелия.

Все эти секты возникли из различного толкования Библии, а такие, как кальвинисты и лютеране, занимаются этим с самого начала своего зарождения. Имеются и другие со своим источником вдохновения, «внутренним светом»; но, как всегда, на пути любых стихийных откровений, естественно, происходят самые удивительные и чудовищные эксцессы.

Эти возрожденческие или спиритуальные циклы, нечто вроде периодических религиозных кризисов, обычно дают толчок для образования новой секты или способствуют разрастанию уже существующих. И именно наиболее странным доктринам, наиболее деспотическим формам отдают предпочтение многие души, которым наскучил рассудочный холод и ничем не ограниченная свобода. Вот как в нескольких словах Х. Диксон описал одно из этих пробуждений, в котором он лично участвовал.

«...Американская религиозная горячка разражается в местах наиболее беспокойных и диких; очень часто на границах цивилизованных штатов, всегда в среде секты, проповедующей крайние взгляды. Современный ревивалист завоевывает паству теми же методами, что и его предшественники. Живя в обстановке приключений, довольствуясь грубой пищей, идет проповедник пешком по грязным дорогам, засыпая на куче листвы или на шкуре лани, разбивая лагерь среди волков и бобров, преследуемый индейцами, белыми из низших классов, неграми, проникая в тюрьмы, в кабаки, в игорные дома, изгоняя бедность, нужду и преступление. Если хотите, это фанатик; в нем говорит жар крови, а не холодный рассудок; его слово — судорога, красноречие — пронзительный крик; но если его разглагольствования вызывают улыбку философов и возмущают должностных лиц, то они трогают, волнуют рудокопа с почерневшим лицом, мощного лесоруба, крепкого фермера. Он совершает духовную работу и обтесывает камень души с силой, на которую не способен ремесленник.

Религиозные лагеря, такие, как я видел в глуши Огайо и Индианы, представляют весьма интересное зрелище. Здесь можно увидеть забавные сцены, вызывающие смех, или слезы трогательного усердия. Спокойным октябрьским днем я присутствовал на одном из этих “пробуждений”: тысячи желтых цветов и красные мхи ковром покрывали обширную равнину, выбранную для религиозного действия; листва дубов и платанов начинала коричневеть, клены горели темно-красным огнем, и ветви ореховых деревьев казались отлитыми из золота. На узловатых корнях и около старых вековых пней, среди весело гудящих насекомых и пролетающих молниями птиц раскинулось множество барачков и палаток. Этот лагерь фанатиков нельзя было сравнить ни с каким лагерем пастушеского племени на земле, равно как арабского, так и индейского; в некотором отношении он напоминал шумную ярмарочную площадь наших провинций.

Из двуколок и телег выпряжены лошади и привязаны к столбам или пасутся на свободе. В дюжине просторных палаток люди едят, пьют, курят или молятся. Одни развлекаются различными играми или отдыхают на траве; другие разводят огонь, готовят еду. Парни рубят дрова для очагов; девушки гурьбой идут за водой к соседнему источнику.

В центре лагеря проповедник с мертвенно-бледным лицом, стоя на обрубке поваленного дерева, произносит назидательную речь. Слушатели кажутся такими же разгоряченными и оживленными, как и он; по большей части это фермеры и фермерши, съехавшиеся отовсюду; там и тут — несколько негритянок, яркие шали и юбки которых не блещут чистотой, или группа краснокожих с перьями на головах и разрисованными лицами. Слушатели возбуждены не менее проповедника; и тот вещает с удвоенной энергией. Зажигательная речь оратора прерывается криками и рыданиями, его жесты встречают одобрения и стоны. Он, не давая себе передышки, продолжает режущим слух голосом бросать в толпу ураган молитв и библейских угроз.

Люди остаются сидеть вокруг вдохновенного миссионера; бледные, неподвижные, с молитвенно сложенными руками, сжатыми губами, у них вид грешников, подавленных отчаянием безнадежности. Женщины, воздев ру-

ки к небу, исповедуются во весь голос, кидаются на землю или падают в обморок, охваченные внезапным приступом истерии; на губах появляется белая пена, глаза вылезают из орбит. Индейцы, соблюдая обычное хладнокровие, взирают с презрительным видом на слабости белых женщин. Негры и их подруги раздражаются рыданиями и кричат в конвульсивном экстазе: "Слава! Слава Богу! Аллилуйя!"

Множество посетителей заболевали, а кто-то в лагере даже умирал. Свидетели, присутствовавшие на этих религиозных собраниях, говорят, что среди ужасов борьбы с грехом и страха смерти кажется, что бушуют все страсти. В самом деле, в лагере ревивалистов (возрожденцев) люди спорили, дрались и обхаживали находящихся рядом женщин. Возникали ссоры, лезвия длинных охотничьих ножей сверкали на солнце. Через восемь дней, иногда через месяц, пламя религиозного рвения начинало затухать и гасло. Атеисты начинали посмеиваться; равнодушные готовились вернуться к привычному образу жизни. Запрягали повозки; укладывали багаж и сажали женщин в двуколки. Кабатчик снимал свою палатку, и вся шваль отправлялась искать другое ярмарочное поле.

Любопытные исчезали один за другим, и наконец проповедник, надоевший своей аудитории, переставал вещать. Уже все сказано: оседлана последняя лошадь; последняя повозка отправилась в путь; вскоре останутся только обутленные головешки да несколько свежих могил, чтобы напомнить о странном сборище, возмущившем спокойствие леса...»

Среди других более или менее странных вероисповеданий Диксон называет религию шекеров, привлекающую его внимание не только своим названием, а, вернее, прозвищем, которое лучше, чем «трясуны», просто не переведешь. Дело в том, что их культовый обряд заключался главным образом в танце. Хотя этот культ зародился в Англии, шекеры имели церкви и последователей только в Соединенных Штатах Америки.

Вот в чем состоит их догма:

Наступило господство Неба. Иисус появился на земле. Установилась Божественная власть; следовательно, первородный грех исчез, небо примирилось с землей, проклятье не довлеет больше над трудом, произошло окончательное

искупление, ангелы возобновили прежнее общение со смертными. Но заметили это только шекеры. Только они осознают эти чрезвычайные изменения, умирают в миру, торопятся покинуть его и решительно войти в эту новую фазу их существования. Прежние соперничество, интриги, страсти, удовольствия — все забыто. Они убеждены, что когда умирают, то только меняют одежду и видимую грубую оболочку на невидимую и прекрасную реальность.

Итак, шекеры утверждают, что живут в компании с ангелами и ведут общение больше с мертвыми, чем с живыми. В своих жилищах, занятые работой, они видят вокруг себя толпу духов, слышат голоса, и их мечтательный взгляд, потерянный в пространстве, странное выражение лиц указывали бы на полное отсутствие рассудка, если бы не редкое здравомыслие, которое шекеры выказывают в обычных житейских делах.

Но особым отличием этих сектантов является обет целомудрия, который они клянутся соблюдать при посвящении. В их среде никто не женится, не рождаются дети. Мужчины и женщины живут парами, но парами абсолютно целомудренными. Что касается тех, кто пришел к ним семьей, муж и жена с детьми, то от них требуется отбросить все плотские мысли их предыдущего мирского существования; они отрекаются друг от друга и не являются больше супругами, а остаются только братом и сестрой. Среди верующих, как на Небе, чистая любовь требует, чтобы оба пола уединялись и чтобы чистая нежность овладевала душой, но не телом. Шекеры не придерживаются мнения, что безбрачие должно быть принято во всех странах, всеми обществами и на все времена; они понимают, что если бы все человечество соблюдало целомудрие, то мир опустел бы менее чем через век; но они утверждают, что супружество, как вино, побуждает людей совершать излишества. Это искушение, от которого мужчины и женщины, стремящиеся служить примером для себе подобных, считают необходимым избавиться.

Обряды культа шекеров не менее странные, чем их догмы; они начинаются с наставления пастора; собрание, которое остается стоять во все время проповеди, опускается на правое колено, чтобы вслед за проповедью услышать молитву. Затем мужчины снимают сюртуки и выстраиваются в цепочку по двое, за ними следуют в том же

порядке женщины, держа на руке белые салфетки, как горничные. Приняв такое положение, верующие приступают к движению. Этот танец сопровождается простой и веселой песней на античный манер. Ноги ударяют в пол, и в такт с ними колышутся руки.

Сначала, продолжает Диксон, посторонний едва сдерживает смех, но, увидев религиозную серьезность и небесное блаженство на просветленных лицах, он в конце концов начинает со спокойным удовольствием созерцать этот оригинальный обряд в его нарастающей экспрессии.

По мнению шекеров, танец как религиозный обряд не только позволителен, но и обязателен. Человек, говорят они, вторя святому Марку, должен любить Бога всем сердцем, всей душой, всем духом и всеми силами; следовательно, он должен танцевать. Вот их рассуждения:

Бог ничего не делает зря. Способность танцевать, так же как петь, была, несомненно, создана честью и славой Всевышнего; следовательно, ее надо поставить ему на службу, чтобы отвечать цели существования человека. Вы хотите активности в пороке, но почему пассивности — в службе Богу? Раз мы получили руки и ноги, эти активные и полезные части тела, не должны ли признать наши обязательства перед Богом, давшего их, развивая в выражении почтения, которое оказываем ему? «Бог обращен к сердцу», — говорите вы? Это правда, но когда сердце искренне и с усердием отдано на службу Богу, оно стремится активно повлиять на тело. Поскольку танцуют от радости, почему не танцевать от религиозного ликования и восторга?

Эти безобидные и интересные сектанты появились в 1787 году в Нью-Лебенене. Начиная с этого времени, секта прошла обычный путь развития благодаря обстоятельствам и природе новой религии. Мало-помалу чувства американского народа изменились по отношению к ним. Кончилось тем, что их стали уважать, любить и даже оказывать покровительство.

Вид Нью-Лебенена произвел очень яркое впечатление на Диксона. Это, по его словам, маленькая красивая деревня, расположенная в нескольких милях от истоков Гудзона на склоне прекрасного холма. Когда взбираешься на него, мягкие тенистые тропинки, благоухание шиповника, приятный шелест кустов и цветов, улыбающиеся,

немного меланхоличные лица встречающихся на пути девочек и мальчиков — все говорит о новом и неизвестном мире. Тут и там среди зелени выглядывают деревянные домики под соломенными крышами; доски обтесаны и отполированы, окна хорошо промыты, занавески девственной белизны, ставни и шторы чистые. Кажется, что все это только что построено. Душистый дым, пропитанный тысячами ароматов деревьев и луговых трав, плавает в воздухе. Это спокойствие рая.

Улицы такого сельского поселения обрамлены садами. Здесь огромная рига¹ из тесаного камня: чем Иерусалимский храм был некогда для израильтян, тем является эта рига для всех членов общины. Несколько пристроек предназначены для хлева и других нужд сельской жизни. Большой белый дом без каких-либо украшений: это церковь. Дальше жилище двух старших духовных лиц: старца Фредерика и старицы Антуанетты. Ресторанчик, кафе, таверна, тюрьма, театр; ничего бурного, ничего чрезмерного; никакой суеты, никаких криков; повсюду мир, труд, изобилие.

Обстановка внутри жилищ соответствует их внешнему виду. Ни пылинки — даже становится невмоготу. Паркет натерт до блеска, которому может позавидовать самая аккуратная хозяйка в Гарлеме. В углу находится кровать с очень белыми простынями и подушками в виде валиков, таз, кувшин с водой и полотенца; около кровати — маленький коврик; на столе из белого дерева — Библия на английском языке, письменный прибор, перочинный нож; у стен — четыре плетеных стула; наконец, плевательница. Вот и все. Легкость домов почти воздушная. У шекеров особая забота о вентиляции: изобилие окон, балконов; винтовая лестница приводит к флюгеру, около которого сделано отверстие, предназначенное для отвода спертого воздуха. Именно этим объясняется постоянное здоровье, царящее в секте.

Их единственное лекарство — свежий воздух, и, глядя на розовые щеки, свежий цвет лица обитателей, хочется думать, что они на истинном пути к здоровью.

Женщины спят обычно по двое в одной комнате; мужчины имеют отдельные комнаты. Пищу принимают сооб-

¹ Рига — помещение для сушки снопов, но иногда ригой называют и обычный сарай.

ща: первый раз в шесть часов утра, второй раз в полдень, третий — в шесть часов вечера. Еда простая и хорошо приготовленная: помидоры, картофель, местные фрукты, яблоки, персики, виноград, сушеные фрукты, конфитюры, пирожные и пироги всех видов; пьют они только воду, чай и молоко. Поскольку они не беседуют за едой, через двадцать минут трапеза заканчивается.

Нет ничего более простого и менее кокетливого, чем костюм шекера. У мужчин волосы коротко острижены спереди, а сзади оставлены длинными. Длинный, ниже колен, скюртук с одним рядом пуговиц и прямым воротником. На жилете, застегивающемся доверху, баски, спускающиеся на бедра. Из-под ворота белой полотняной рубашки выглядывает галстук. Брюки доходят до щиколоток, не закрывая обуви; на голове — шляпа с широкими полями. Женщины не более элегантны. Волосы у них подстрижены и муслиновый чепчик не слишком грациозно покрывает голову. Белая косынка наброшена на шею и плечи поверх узкого прямого платья, талия которого — под грудью. Неприталенный длинный рабочий халат ниспадает до пят, белые чулки и зашнурованные башмаки дополняют туалет.

Ритм жизни Нью-Лебенена спокойный, вежливый, легкий; когда приходишь сюда из суматохи обычного города, думаешь, что вошел в Эдем, так поражают нежность, спокойствие, строгое и благоразумное воздержание, которое царит в этой спокойной общине. Каждый очень занят и миролюбив. Никому не позволяется оставаться праздным, даже под предлогом учебы, созерцания, медитации или мечтания. Необходимо независимо от занимаемого ранга участвовать в общественных работах, возделывать землю, боронить, копать, ковать, строить, работать в саду, пересаживать, красить и т. п. Женщины занимаются только домашними делами. Кухня, работа горничной, которую они выполняют по очереди и каждая по месяцу; винокурение, изготовление вееров, экранов и разнообразных игрушек занимают все их время.

Для этой доброй и безобидной секты, для этих людей, которые отказались от мира и отреклись от всех общественных связей, природа стала всем: женщиной, другом, счастьем и семьей; они испытывают нежность к ней и отдают ей всю душу.

«Неверно, — говорит старец Фредерик, — рассматривать растение как неодушевленный предмет. Это существо, которое имеет свои потребности, желания, вкусы, склонности. Если вы его очень любите, оно умеет быть благодарным, если вы не обращаете на него внимания, все пропало. Я не знаю, одарено ли дерево интеллектом и узнает ли оно человека, но знаю, что оно наделено душой, чувствительной ко всему, что делают для него. Вы заботитесь о нем, оно, возможно, не знает этого, но чувствует, как ребенок, как женщина. Посмотрите на этот сад, мы посадили его не кое-как. Были выбраны лучшие черенки. Для каждого из них мы подготовили небольшую, со здоровой атмосферой и хорошим дренажем, тепличку. Черепица была положена так, чтобы обеспечить сток воды. Мы приготовили слой почвы из тщательно просеянной земли, защитили детство маленьких существ, нежно укрывая их землей, ничего не забыли для их счастья. Конечно, кто-то сочтет это лишней заботой и лишним трудом, но мы так любим наш сад!...»

В противоположность мормонам, шекеры вовсе не занимаются пропагандой; это сам Бог сделал свой выбор и привел избранных в общину. От новых адептов¹ требуется абсолютное отречение от того, что делает жизнь приятной и дорогой для остальных смертных. Нет больше семей, женщин, детей, любимых книг и забав, титулов, рангов, состояний, развлечений. Шекер отдает все, чем он располагает, его состояние вносится в общий фонд. Для него больше нет ни славы, ни роскоши, ни земных привязанностей. Работать на общину — вот все его будущее.

И поскольку мы случайно заговорили о мормонах, то следует сказать, что Диксон посвятил им превосходное исследование, к сожалению, слишком длинное, даже для того, чтобы дать из него несколько выдержек. Впрочем, доктрина известна. Это новая секта, созданная или по меньшей мере распространенная в США. Мормоны признают подлинной только одну определенную Библию, написанную, по их мнению, в эпоху короля Иуды Седесиа-са, то есть около 600 лет до Рождества Христова, пророком, прозываемым Мормон. Как эта мистическая Библия была найдена на американской земле, это вопрос, на который

¹ А д е п т — ревностный приверженец какого-либо учения или идеи.

сектанты пытаются дать ответ, возможно, не очень убедительный, но, как бы то ни было, они называют себя Святыми Последнего дня и утверждают, что спустились с Хеброна, как, впрочем, говорят они, и все аборигены Нового Света. Они допускают полигамию и общность имущества.

Знаменитая библейская рукопись в руках Джозефа Смита была подправлена, и возникла следующая легенда: ангел явился Джозефу Смиту и открыл ему, что начиная с восемнадцатого века человечество пойдет по ложному пути. Ему было указано место, где находятся металлические пластины с выправленными на них новыми законами, которые должны возродить человечество.

Чтобы прочесть и перевести эти законы на простой язык, ангел вручил Смиту два прозрачных как хрусталь камня; Уриус и Туммиус. Вооруженный этими предметами, Смит расшифровал мистический текст.

Таким образом была написана Книга Мормона, опубликованная в 1830 году в США и в 1841 году в Европе. Джозеф Смит, признанный пророком несколькими адептами, отправился на Миссури и основал там поселение, но в 1838 году был изгнан оттуда. Тогда со своими приверженцами он отправился в штат Иллинойс в Нову¹, то есть в Ла-Бель².

Разразился бунт. Обезумевшее население восстало против несчастного пророка, и он был убит вместе со своим братом Хайрамом.

Выдворенные из Иллинойса в 1846 году мормоны после одного из самых долгих, тяжелых и опасных странствий, истинного исхода, когда погибло великое множество их сподвижников, обосновались между Скалистыми горами и Сьерра-Невадой и в штате Юта к югу от Большого Соленого озера. Они заложили основание поселения, которое называли Рюш-д'Абей (Улей)³. Эта ко-

¹ Американская энциклопедия утверждает, что мормонов отправили в тюрьму Картэдж близ Нову.

² Это та самая колония, где Кабе сделал известную и плачевную попытку строительства социализма, провал которой был таким громким. (Примеч. авт.)

³ Автор приводит французское название колонии мормонов. На самом деле она в 1849 — 1951 годах называлась «The State of Deseret»; последнее слово в Книге Мормона означало «рабочая пчела». В 1851 году мормонское «государство» было включено в пределы города Солт-Лейк-Сити.

лония быстро развилась благодаря изобретательности мормонов, их необычайному трудолюбию, настойчивости, а может быть, и вере. Почувствовав в них угрозу из-за быстрого распространения их веры, американское правительство начало преследование мормонов.

Брайгем Янг, простой столяр, последователь Джозефа Смита, единодушно избранный мормонским папой¹, сумел среди всех этих бурь верно руководить сектой, которая еще сегодня, несмотря на ее странности, несмотря на преследования, а быть может, и благодаря им, рассматривается в США как сила, с которой следует считаться.

ГЛАВА 21

ЛУИ СИМОНЕН

Такой же проницательный, одаренный, неустрашимый, как англичанин Диксон, наш выдающийся соотечественник Луи Симонен опубликовал интересные, обстоятельные и поразительные обзоры по Северной Америке, отмеченные необычайной оригинальностью. Видный инженер, он принимал участие в рекогносцировочных² работах, предваряющих строительство Тихоокеанской железной дороги, затем посетил золотые россыпи, прошел континент во всех направлениях и кончил тем, что так ассимилировался в Америке, что его называли, впрочем, в наилучшем значении слова: «Американский марселец».

Как и Диксон, он заинтересовался индейцами и также предсказал их быстрое исчезновение в результате уничтожения или ассимиляции, за что янки не любят говорить о нем.

Его рассказ слишком хорошо дополняет то, что рассказал Диксон, чтобы мы отказали себе в удовольствии опубликовать его, не меняя ни единого слова, считая своим долгом сохранить всю его сочность.

«Итак, приговор индейцам вынесен, — сообщает он в своей прекрасной работе «Великий Запад США». — Они

¹ Официально Брайгем Янг считался президентом Совета Двенадцати Апостолов.

² Рекогносцировка — военный термин: выполняемая офицерами разведка (главным образом местности и обороны противника).

должны исчезнуть, чтобы уступить место белым. В Вашингтоне есть администрация, которая не имеет аналога ни в одной стране мира: Бюро по делам индейцев. Функционеры этого бюро осуществляют все связи с индейскими племенами. Здесь объявляется война, готовятся законы для краснокожих, отсюда руководят операциями по выселению, благодаря которым скрупулезные американцы обогатили английский язык гармоничным и почти ласковым словом *removals*, то есть перемещения.

Каждый год правительство посылает комиссаров с поручением договориться с краснокожими и положить конец войне на уничтожение. Некоторые из этих диких племен, делавары, чироки, семинолы, огазы, крики, чартозы, которые прежде жили во Флориде, Каролине, Алабаме, Джорджии и других штатах вблизи Атлантики и Миссисипи, кончили тем, что согласились поселиться в резервациях, называемых «Индийская территория».

Эта территория, владение которой гарантировано индейцам договорами, расположена к западу от штатов Миссури и Арканзас и к югу от Канзаса. Она занимает площадь в 44 154 240 акров¹ и заселена примерно 60 000 жителей. Одни занимаются сельским хозяйством, другие, оставшиеся в первобытном состоянии, промышляют только охотой. У этих индейцев есть школьные учителя, пасторы, врачи, мельники, кузнецы, присланные правительством Соединенных Штатов, и живут они в крытых домах. Чироки и крики имеют даже верхнюю и нижнюю палаты. У них есть также газеты и книги, написанные на их языке.

Среди краснокожих Индейской территории сегодня многие умеют читать и писать; некоторые получили высшее образование и стали настоящими джентльменами. Многие к тому же являются богатыми собственниками земельных участков, располагают солидными площадями возделанной земли или большим поголовьем скота, которым позавидуют большинство наших аграриев. Таким образом, постепенно стабильная жизнь смогла приобщить краснокожего к цивилизации, хотя второе поколение не теряет надежду объявить отдельным штатом то, что все еще называется Индейской территорией.

¹ Акр — земельная мера, применяемая в англо-американской системе единиц; равен 0,405 гектара, или 4047 м².

Племена, живущие в прериях: апачи, кайова, команчи, чейены, арапахо, объединенные под названием “пять народов Юга”, были вытеснены на новую территорию, на берега Ред-Ривер. Но северные племена, особенно те, которые своим слиянием составили большую нацию сиу, не хотели принять условий белых».

Во время путешествия Луи Симонена в Форт-Ларами в штате Дакота¹ как раз шли переговоры. Наш соотечественник, присутствовавший при переговорах индейцев-воронов с функционерами Бюро по делам индейцев, сообщает чрезвычайно любопытные подробности церемонии.

«Начало этого длинного и утомительного действия было назначено на десять часов утра. Индейцы, которые вообще никогда не торопятся, а время определяют только по солнцу, заставили себя немного подождать. Наконец они появились, наряженные в самые красивые одеяния, некоторые верхом. Одни перешли вброд реку Ларами, пока другие, сопровождаемые скво и паппусами (детьми), которые тоже хотели присутствовать на конференции, прибывали по мосту. Жена Медвежьего Зуба, одного из главных ораторов, восседала на лошади, как и ее муж, которого она никогда не оставляла. Индианки сидят на лошади по-мужски. Великий вождь Черная Нога, спустившись на землю, сделал знак воинам встать в один ряд. Костюмы у всех были разные: на одних — бизонья шкура поверх полотняной рубашки; на других — шерстяное покрывало и куртка из оленьей шкуры, украшенная бахромой, но без украшений из волос, которыми индейцы никогда не осмеливались хвастаться перед белыми.

В этот день скальпы остались дома. На одном — офицерский мундир, но не было штанов. К счастью, полы мундира были достаточно длинными. На головах у многих — черные войлочные шляпы на манер генеральских. Тулья шляпы на всю высоту украшена многоцветными лентами. У некоторых вождей на ногах красовались чулки и кожаные мокасины².

¹ Как уже упоминалось, Форт-Ларами расположен не в Дакоте (в то время еще не разделившейся на два штата), а в Вайоминге.

² М о к а с и н ы — мягкая кожаная обувь индейцев Северной Америки; у равнинных племен — с твердой подошвой и мягким верхом, у

На шеях — ожерелья, в ушах — серьги, сделанные из раковин и зубов животных. Не довольствуясь этими украшениями, один ворон добавил к своей шевелюре огромный шиньон¹, похожий на хвост, идущий от затылка до подошвы. Этот хвост не был разноцветным, как у великого вождя горелых (брюле), но зато был усеян круглыми серебряными пластинками небольшой толщины, полученными терпеливым обтачиванием американских долларов или других монет небольшого достоинства. Кружки шли, постепенно уменьшаясь в диаметре от головы до ног, и можно было догадаться по великой гордости вождя, носителя этого дорогого украшения, что он не отдал бы его и за большое царство.

Длинноволосый вождь был не единственным, кто приковывал к себе взгляды.

Один ворон с гордостью носил большую медаль, полученную в свое время в Вашингтоне из рук президента. Другой, за неимением официальной медали, повесил на себя мексиканский пиастр. В свою очередь, Белая Лошадь не забыл серебряную верховую, в честь которой он получил имя и изображение которой повесил на грудь. Туда же он присоединил не очень чистый квадратный серый полотняный мешочек, в котором бережно хранил зеркало. Как большинство краснокожих, он очень заботился о своем туалете и внешнем виде. Рядом с ним шагали Конец Кола Хижины, Человек Раненный Из Ружья В Лицо, Птица В Своем Гнезде — три знатных вождя, или воина народа воронов². Большинство лиц расписаны ярко-красной, желтой, синей красками.

Выстроившись в ряд, вожди запели торжественную песню (каждый своего племени), к которой примешивались несогласованные крики и иногда пронзительные вопли. Басы, баритоны и теноры не соблюдали в этом хоре никакого порядка, но тем не менее примитивная

восточных племен — шитые из одного куска замши со швом сзади и спереди.

¹ Шиньон — род женской прически: волосы, свернутые на затылке и скрепленные шпильками.

² Вороны (crow) — одно из основных племенных объединений индейцев прерий дакота; до начала контактов с белыми жили на севере нынешнего штата Вайоминг, вдоль границы последнего с Монтаной; относятся к языковой семье сиу.

дикая музыка очень гармонировала с типами певцов и с их окружением. Вожди статно выступили на одну линию, не обращая внимания на толпу, окружавшую их. Помещение, где проходило совещание, было большого размера, оно могло легко вместить 250 — 300 человек. Вожди воронов, рассевшись по рангу все вместе на скамьи, и комиссары, каждый из них — на отдельном сиденье, образовали круг; совершенная цивилизация предстала перед лицом совершенного варварства. В центре этого круга находился оратор. С одной стороны расположились переводчики и представители индейцев, с другой — стенографист, секретарь комиссии, репортеры из газет и т. п. Вошли жены и дети вождей и несколько женщин, среди прочих престарелые матроны¹, уселись на те же скамейки, что и вожди. Там были Бегущая Вода, Желтая Кобыла и Женщина Убившая Медведя. Паппусы (дети), совсем маленькие и даже грудные, часто возмущали криками и плачем спокойствие ассамблей², но никто не обращал на них внимания, особенно вороны.

Когда установилось молчание, доктор Маттеу, представитель правительства США у воронов, поднялся и сказал по-английски:

— Я имею честь представить комиссию по примирению с вождями народа воронов.

Потом, повернувшись к вождям, он произнес:

— Вот комиссары, посланные из Вашингтона, чтобы установить с вами мир. Слушайте то, что вам скажут, и вы узнаете, была ли ложь в моих словах.

Пока происходило это двойное представление, вороны издавали глухой крик «А'гоу!», который служил у индейцев прерий приветствием и знаком одобрения. В это время курительная трубка шла по кругу от одного к другому, а неподвижные, молчаливые вожди казались безучастными ко всему происходящему.

Тогда среди глубокой тишины председатель Тейлор поднялся и произнес речь:

¹ Матрона — замужняя свободнорожденная женщина в Древнем Риме. В новое время это слово используется для обозначения немолодой женщины, ведущей нравственный образ жизни, пользующейся уважением окружающих.

² Ассамблея — общественное собрание.

— Меня прислал, — сказал он, — Великий Отец, который находится в Вашингтоне, чтобы договориться с великим народом воронов об ограничении территории, где белые никогда не могут обосноваться и где народ воронов и его дети смогут жить в мире.

Он добавляет, что помыслы его правительства самые чистые и вороны получают лошадей, скот, одежду и все, что им будет нужно, чтобы стать такими же счастливыми, как белые.

Затем слово дали Медвежьему Зубу, тот пожал руку каждому из комиссаров и поблагодарил их за то, что те прибыли повидаться с его народом, а потом сказал, что вороны бедны и утомлены; в пути они страдали от холода, голода, недостатка воды, их лошади почти ослепли, пожаловался на бледнолицых, которые разъезжали по стране, опустошали деревни, убивали животных; подчеркнул, что его народ никогда не причинял вреда бледнолицым и даже много раз отказывался воевать против них в союзе с другими народами; в завершение добавил, что не хочет отказываться от кочевой жизни, и закончил, предложив свои мокасины президенту Тейлору, чтобы тот держал ноги в тепле.

Медвежий Зуб уступил место Черной Ноге, другому красноречивому оратору воронов.

— Когда у воронов нет стрел, они их делают при помощи куска железа; когда у них нет огня, они трут один о другой два кремня и поджигают таким образом дерево, чтобы согреться; когда им надо разрезать на куски мясо, они используют каменные ножи и при их помощи разделяют убитых на охоте животных. Все это вороны умеют хорошо делать; но если они отправятся в резервации, которые им укажут белые, они погибнут, поскольку не умеют ни управлять быками, ни пахать землю плугом. Поэтому им не нравится, когда говорят такие вещи. Пусть лучше их белые отцы дадут им лошадей и ружья, чтобы охотиться на бизонов, — и все будет хорошо. Великий Дух создал мужчину и женщину, чтобы они жили вместе: мужчину, чтобы охотиться, и женщину, чтобы работать. Мы ничего не хотим менять в этом положении.

Черная Нога одобрил затем то, что сказал Медвежий Зуб, и попросил комиссаров удовлетворить их просьбы.

После множества других речей, в которых индейские

ораторы все как один требовали ухода белых, в договор о мире внесли изменения и предложили вождям поставить под ним свои подписи¹, но никто не хотел подписываться без одобрения отсутствующих сиу. Предметом ожесточенных споров явились еще и дорога и форты на реке Паудер, которые индейцы желали оставить за собой. Медвежий Зуб добавил, что не все вожди воронов присутствуют на собрании и сидящим здесь не известны их намерения. Короче, провал был полный, и комиссии пришлось отложить переговоры до более благоприятного момента».

С Индейской территории, которую белые все больше урезали с бесцеремонностью, характерной для пионеров Дикого Запада, Луи Симонен вместе с одним тупицей-янки перебрался в Калифорнию и надолго остался там. В эпоху, когда он посетил этот красивый штат, во всех отношениях так счастливо одаренный природой: климатом, теплом, плодородностью, рудниками, золотая лихорадка свирепствовала еще достаточно сильно. Он обосновался на золотых приисках и смог на месте изучить это существование в атмосфере зависти, мрачной безнадежности, неслыханных лишений, неистовых оргий.

Но прежде чем мысленно последовать за Симоненом на участок, где суетится золотоискатель, обследуем вместе с ним Калифорнию с научной точки зрения. Потом посмотрим на ее красоты, и мы ничего не потеряем.

Новая, или Верхняя Калифорния граничит на севере с Орегоном, на востоке — с Аризонай и Невадой, на юге — с Нижней Калифорнией, с запада омывается Тихим океаном. На ее территории две горные цепи: Калифорнийские Кордильеры, или Береговые хребты, и на западе — Сьерра-Невада, которая, как указывает ее испанское название, представляет собой цепь крутых гор, покрытых снегом. Между этими горными массивами развернулась прекрасная широкая долина, самой природой предназначенная, чтобы по ней текли многоводные реки. Самая замечательная из них — река Сакраменто, которая течет с севера почти параллельно побережью и служит водосбором для нескольких озер и второстепенных рек. Ее глуби-

¹ Индейцы подписывали, ставя крест, черту пером или грубо рисовали животное, имя которого носили: медведь, волк, лось, черепаха, лошадь и проч. (*Примеч. авт.*)

на такова, что самые большие корабли могут подниматься по ней на расстояние до 300 км. Именно на этой прекрасной реке маневрируют пароходы, не имеющие соперников во всем мире по красоте, технической оснащенности и комфорту, которыми не без основания гордятся янки.

Эта чудесная провинция Соединенных Штатов отличается, как мы говорили, едва ли не самым благоприятным климатом в мире. Шесть месяцев в году — с конца апреля до конца октября — всегда чистое, без единого облачка небо. Воздух удивительно прозрачен, ночи ясны. «Дышать в этом краю, — утверждает Луи Симонен, — истинное наслаждение. Чужестранцу не надо приспосабливаться к климатическим изменениям, обычно таким вредным для здоровья».

Тем не менее с десяти часов утра до пяти вечера морской бриз приносит достаточно холодный воздух на берег, на песчаные дюны, окаймляющие берег. Этот ветер периодически вызывает похолодание, поэтому можно сказать, что, в сущности, на океанском побережье нет летнего сезона. Зима, или, если хотите, осень, здесь — самое приятное время года, поскольку именно в этот период ветер меньше всего дает себя знать.

Если жаркого лета на побережье не бывает, то во внутренних областях Калифорнии в течение трех или четырех месяцев, с июня по сентябрь, нередко термометр показывает в тени, особенно с полудня до трех часов вечера 40° Цельсия.

Раскаленная атмосфера освежается утренним и вечерним бризами, и ночью жара спадает до 25 и даже 22° Цельсия. Эти изменения происходят медленно, в некотором роде как часовые колебания барометра в экваториальных странах, и тело от них почти не страдает; но в разгар дня жара непереносима, особенно на юге страны, и ее воздействие имеет самое различное выражение.

Мебель трескается, обложки книг коробятся, как от огня. Самая легкая одежда стесняет. Вода приобретает в сосудах температуру, близкую к точке кипения; свечи плавятся; металлические предметы в жилищах, камни, лежащие на солнце, буквально обжигают руки при прикосновении. Зато ночью не бывает туманов, роса не выпадает, и все лето можно спать на открытом воздухе без опасения намокнуть.

К началу или к середине ноября внезапно приходят периодические дожди; таким образом, год делится на два сезона: сухой и дождливый, каждый из которых длится примерно по шесть месяцев. Дожди идут с ноября до конца апреля; они не такие сильные и непрерывные, как тропические, и после многодневного ливня нередко стоит хорошая погода с таким же чистым небом, как летом, и с умеренной температурой. Поля, опустошенные сильной жарой, начинают зеленеть. Март и апрель — это время цветов, и естественные луга, где трава поднимается почти в человеческий рост, насыщают ароматом воздух и радуют глаз. Это самое лучшее время года в Калифорнии, так как к концу мая зеленый ковер начинает исчезать.

Именно такому чередованию жары и влажности обязана Калифорния своим чудесным плодородием, которое удивляет и очаровывает впервые попавшего сюда путешественника. Что будет, когда эта прекрасная земля станет полностью освоена! Какой прекрасный источник богатства! Ведь на возвышенностях земли освоены еще далеко не полностью. В этих горных районах встречаются лишь огороды и фруктовые сады вблизи поселков и рудников и несколько ферм, где собирают урожай злаковых культур. В долинах, наоборот, сельское хозяйство очень развито и совершенно. Все, что земля может дать в жарких и даже тропических странах, растет на юге; сельскохозяйственные культуры стран с умеренным климатом можно найти в центре и на севере.

Изобилие и размер фруктов поражает воображение. Так груша, называемая Дюшес, достигает невероятного веса в три-четыре фунта, требуя половину меньше забот, чем во Франции.

Кустарник, называемый мансанилья¹, покрывает еще нераспаханные земли и чередуется с вереском, и вместе они заполняют оставшиеся свободными пространства между густо растущими, дикими каштанами. Мансанилья дает мелкие кисловатые плоды, используемые индейцами для приготовления путем ферментации сорта сидра, потребляемого за неимением такой любимой и медленно убивающей их водки.

¹ Мансанилья (исп. «яблонька») — а) сорт маслины с крупными плодами; б) дерево экваториальной Америки с ядовитым соком.

Вперемешку с вереском и каштанами там и тут растут сосны и дубы, используемые, особенно дуб, для отопления. В некоторых местах, главным образом на песчаных равнинах и необработанных плато, растет мыльная трава, по виду настоящий дикий лук, луковички ее образуют в воде пену, как мыло.

Наконец, среди дубов и на склонах гор появляется опасный кустарник йедра¹. Это ядовитое растение, оказывающее странное действие на организм при прикосновении к нему. Кожа краснеет, взбухает и даже покрывается прыщами. Взятый в рот лист йедры может отравить насмерть. Иногда ветер далеко разносит испарения этого вредного кустарника, и тогда целые города поражаются эпидемией неизвестного рода.

На некоторой высоте эта флора исчезает, и на самых высоких вершинах, на высокогорных плато появляются лиственницы, кедры, красные и белые ели. Последние используют в качестве строевого и мачтового леса. Среди них также попадаются гигантские секвойи². Эти деревья,

¹ Йедра — растение, которое американцы называют «гадючей травой» или «языком гадюки»; по-русски оно называется «кандык» или «собачий зуб»; это травянистое луковичное растение семейства лилейных.

² Автор рассказывает о секвойе (*Sequoia sempervirens*), которая считается высочайшим деревом современного растительного мира. В «Списке больших деревьев», опубликованном Американской лесной ассоциацией в 1961 году чемпионом среди секвой США названо дерево из Парка мамонтовых деревьев высотой 91,5 м при окружности ствола (на высоте 180 см) около 20 м. Однако известно, что в округе Гумбольдт (штат Калифорния) в 1956 году найдена секвойя, уходящая в небо на 110,8 м; позднее (1964 году) появилось сообщение еще о трех деревьях, достигающих почти такой же высоты и растущих в Роше секвой округа Гумбольдт. В Национальном парке секвой (округ Калаверас) обнаружено упавшее дерево, высота которого, по расчетам, могла достигать 120 м. Что касается мамонтова дерева, или гигантской секвойи (*Sequoiadendron giganteum*), то американский ботаник У. Фрай измерил упавшее дерево этого вида; его высота оказалась равной 105,8 м. Возраст самых старых секвой, по определениям ученых, равен 2200 годам, тогда как мамонтовые деревья-патриархи насчитывают до 3500 лет. Джон Мьюир писал в 1880 году, что насчитал у одной секвойи 4000 годовых колец, но проверить его подсчеты не удалось, потому что никто из последующих исследователей не смог отыскать этот пенёк.

самые высокие в мире, свидетельствуют о потрясающей древности того, что называют Новым Светом.

В прекрасной долине реки Йосемит сохранился лес, состоящий из этих колоссов растительного мира. По количеству годовых колец на пне одного из них, упавшего от старости или поваленного бурей, смогли определить, что исполин дожил до почтенного возраста — четырех тысяч лет.

Луи Симонен посетил этот лес и сам убедился, что деревья действительно таковы, как их представляют янки, эти мастера дутрой рекламы и преувеличений...

«Вскарабкавшись за два часа по извилистым тропинкам, мы пришли, — пишет он, — на вершину, где росли эти большие деревья. Невозможно представить зрелище, открывшееся перед нашими глазами; я стоял пораженный. Мы выглядели пигмеями рядом с этими гигантами: наши даже самые величественные дубы, самые высокие ели Альп и Пиренеев, эвкалиптовые деревья Австралии кажутся карликами, сидящими на корточках в их тени.

Их там шестьсот двенадцать штук, возвышающихся как гигантские колонны стометровой высоты. Когда их видишь, приходишь в восхищение! Но здесь хочется просто привести некоторые цифры, которые недавно опубликовала ученая комиссия, посланная администрацией штата, чтобы обмерить эти деревья. Гриззли — самое красивое, диаметром одиннадцать метров и сто десять метров в высоту. Первая ветвь на высоте семидесяти метров от земли. Все остальные деревья вокруг имеют примерно такие же размеры!

Но подумайте, сто десять метров! Это две высоты башни Святого Жака¹, которая возвышается на пятьдесят четыре метра над землей. Это выше, чем купол Дома инвалидов² с его высотой сто метров семьдесят сантимет-

¹ Имеется в виду колокольня готической церкви Сен-Жак-ла-Бушри, построенная в виде башни в 1508 — 1522 годах в Париже, в квартале мясников (современный сквер Сен-Жак). Сама церковь была разрушена в 1797 году. В новое время на вершукше башни расположилась метеообсерватория. Башня Святого Жака знаменита еще и тем, что здесь Паскаль проводил свои опыты по определению удельного веса воздуха.

² Имеется в виду не сам Дом инвалидов (1671 — 1708 годы, архитектор Ж. Ардуэн-Мансар), сооруженный для ветеранов королевской

ров, а башни Нотр-Дам¹ с их пятьюдесятью четырьмя метрами могли бы укрыться под первыми ветвями.

Одиннадцать метров в диаметре, это, если я не ошибаюсь, величина лучшего танцевального зала в Париже. Тогда представьте себе круглый салон, тридцать три метра в окружности, вырезанный в стволе одного дерева, и паркет этого салона сделан из единого куска! Удивительно, не правда ли? Мы долго ходили вокруг невероятного дерева, достойного эпохи титанов. К несчастью, индейцы прежде разбивали здесь свой лагерь, и их костры, зажженные у подножия многих деревьев, оставили на толстой коре широкие обугленные пласты. Большинство этих королей растительного мира, вечных, как их вечная зелень, выстояли против лет и пожаров. Однако некоторые упали; по одному из них мы прошли вчетвером в ряд по всей длине и насчитали шестьдесят восемь метров до первой ветки. Другое было охвачено огнем спустя некоторое время после падения; сердцевина дерева выгорела, тогда как кора толщиной в несколько футов, шишковатая и пропитанная влагой, осталась нетронутой. Мы въехали на лошадях в этот деревянный тоннель; у нас были рослые кони, да и сами мы люди высокого роста, но, подняв руки, не смогли коснуться свода над нами. Представьте себе четырех всадников в этой огромной бочке!..

Американцы окрестили эти деревья мамонтовыми. Да и действительно, эти колоссы в растительном царстве — то же, что исчезнувшие сегодня мамонты для животного мира. Гиганты имеют довольно странные клички: Мать и Дочь, Три Сестры, Муж и Жена, Старый Холостяк, Хижина Рудокопа, и т. п.

Один спекулянт совершил настоящее варварство, погубив самое замечательное из этих чудесных растений. В течение примерно месяца пятеро рабочих, вооруженных огромными сверлами, проделали множество отверстий вокруг основания и таким образом убили гиганта, можно сказать, уколом булавки. Этот способ обычно применяет-

армии на левом берегу Сены, в Париже, а его собор, перекрытый в XIX веке грандиозным куполом.

¹ Речь идет о башнях собора Парижской Богоматери, строительство которых закончилось в 1245 году.

ся в Калифорнии для валки елей. Калифорнийское законодательство, к счастью, приняло энергичные меры, чтобы помешать повторению преступления против природы: лес был объявлен национальным достоянием.

Рядом с этим чудом находится другое, не менее необычайное и уникальное — каскад реки Йосемит, низвергающейся отвесно тремя следующими одна за другой ступенями с высоты восьмисот метров. Ниагарский водопад насчитывает только триста метров в ширину, а высота не превышает пятидесяти. Объем сбрасываемой воды также не поддается сравнению, и именно это создает неповторимый эффект.

Каскад Йосемит занимает одно из первых мест среди природных достопримечательностей Америки.

Как видим, путешествия Луи Симонена по Америке были не просто деловыми поездками. Изучая страну с точки зрения промышленника и коммерсанта, он не упускал интересные подробности и вел записи, демонстрируя тем самым замечательную наблюдательность, позволяющую ему одновременно заниматься двумя совершенно разными вещами — искусством и техникой, и одно никогда не причиняло ущерба другому.

Эта способность, такая ценная у путешественника, видна также в той части его книги, в которой рассматриваются проблемы, связанные с золотом.

Как мы уже сказали, считается, что в Калифорнии золото было открыто только в 1848 году, и обязана она этим капитану Суттеру, или, скорее, одному из его рабочих, американцу по имени Маршалл¹.

В 1830 году Суттер был офицером королевской гвардии Карла X. Видя, что революция сломала его карьеру, он отправился в Америку и после различных бесплодных попыток прибыл в долину Сакраменто, где, получив от мексиканского правительства концессию на тридцать квадратных лье, занялся выращиванием скота; его дело, очевидно, стало довольно процветающим, поскольку в 1842 году у него уже было тысяча лошадей и три тысячи голов скота.

¹ Приводимый ниже рассказ об открытии золота в Калифорнии отличается от данного в начале главы XVIII, но больше соответствует истине.

Он продолжал свое занятие и не искал другого, когда в эпоху великого исхода мормонов, выдворенных из США в качестве врагов нации, два человека по имени Маршалл и Веннетт, простые рабочие-строители, обессиленные, нанялись к капитану Суттеру для строительства механической лесопильни. Лесопильня приводилась в действие течением маленького ручья, впадавшего в Саут-Американ-Ривер, протекавшую в местности, поросшей дубами, соснами, кедрами, где проживали несколько бедных индейских племен. Именно в этом ручье было найдено золото.

Об этом событии рассказывают по-разному. Одни считают, что во время первого спуска воды в только что вырытый канал изумленным глазам Маршалла предстал самородок, но рассказ, который лежит у меня перед глазами и принадлежит будто бы самому Маршаллу, повествует несколько иначе о появлении самородка. По словам почтенного мормона, с открытием, которым должны бы были воспользоваться его единоверцы, произошла вот такая история.

«Поскольку у нас была привычка сливать каждый вечер воду из лесопильни в отводной канал, я обычно спускался утром, чтобы посмотреть, не произошло ли за ночь какого-нибудь повреждения. К половине восьмого, помоему, 19 января 1848 года, не помню точно, какой был день, но где-то между 18-м и 20-м, я, как обычно закрыв вентиль, спустился в отводной канал, ближе к его нижнему концу. Там, на скале, примерно на шесть дюймов ниже уровня, до которого обычно доходит вода, я обнаружил золото.

В этот момент я был совершенно один. Отколов пару образцов, я внимательно осмотрел их. У меня в руках был минерал, который мог быть пиритом¹ или золотом. Они очень похожи, но первый очень блестящий и хрупкий, а второй — блестящий и ковкий. Положив образец на один камень, я стал бить по нему другим, минерал менял форму. Это было золото.

Четыре дня спустя я собрал около трех унций золота и мы вместе с капитаном Суттером проверили его азотной кислотой. Затем в присутствии капитана я сделал еще одну пробу: взял три серебряных доллара и уравновесил

¹ П и р и т — минерал, сульфид железа (FeS_2).

их на весах золотым порошком. Затем обе чаши весов опустил в воду, и этот простой опыт помог определить нам удельный вес и стоимость находки».

«Этот отрывок, — добавляет Л. Симонен, — который я перевел целиком и близко к тексту, является введением в “Пособие для золотодобытчиков”, маленькую брошюру, отпечатанную в Сан-Франциско в 1858 году. Рассказ, открывающий эту книгу, показался мне достоверным, и я без колебания признал за Маршаллом авторство строк, которые вы только что прочитали. Могут сказать, что он рассуждает о своем открытии, как человек с институтским образованием, и что его опыт с весами напоминает знаменитый опыт Архимеда. Но подобные факты не удивительны у американцев, людей здравого смысла и практической хватки. Как бы то ни было, несомненно, что именно Маршаллу Калифорния обязана открытием на ее земле золота. И возблагодарим святого того памятного дня за это счастливое событие, которое, впрочем, как мы это увидели, есть не что иное, как воля случая».

Несмотря на то, что капитан Суттер и Маршалл хотели сохранить открытие в тайне, им это не удалось. Последствия были неслыханными. Землю капитана Суттера захватила алчная, сильная толпа, которая, пренебрегая правом первого владельца, вскоре вытеснила его.

Как собственник капитан Суттер был разорен. Золото, находившееся у него под ногами и часть которого принадлежала ему, обогатило бы его, если бы, смирясь с обстоятельствами, он оставил скотоводство и земледелие и поддался горячке золотоискательства, поскольку находился в лучшем положении, чем другие. Но капитан не сделал этого и вскоре был вынужден оставить землю, которую сделал плодородной.

Рудничное законодательство Калифорнии — одно из самых простых и самых оперативных, и именно благодаря ему она смогла стать за несколько лет классическим штатом, занятым промывкой золота и добычей его из кварцевых жил.

Конгресс постановил, что золотоносные земли принадлежат всему американскому народу и запрещены любые концессии, не отвечающие законам управления золотыми приисками, установленными самими золотодобытчиками. Закон, касающийся права владения, может применяться

только к общественным землям с сельскохозяйственными угодьями и пастбищами, и никак не к землям, содержащим ценные металлы; они остаются в общем пользовании.

Золотоискатель, с киркой и лопатой на плече, с деревянным лотком для промывки золота в руках, ножом и пистолетом за поясом, отправляется на разведку участка, обследуя еще не разработанные земли и пески, богатые самородками. Найдя место, которое ему кажется подходящим, он отмечает свой участок и объявляет обществу запиской на английском языке, прибитой к врытому в землю столбу, что начиная от этой точки до другой соответствующей точки, расположенной на расстоянии ста пятидесяти футов, он намеревается начать разработку. Если в течение трех дней не последует никакой претензии, золотоискатель немедленно приступает к работе.

Сначала он роет яму, сухой колодец, в который кладет инструменты, чтобы не брать их обратно вечером, если на заявке еще не поставлена палатка. Инструменты оставляют, чтобы предупредить «джемпера». Так называют золотоискателя, который, набредая на заброшенную заявку, продолжает за свой собственный счет и вполне законно прекращенные когда-то работы. Колодец, всегда имеющий около двух метров в диаметре, квадратный или чаще круглый, занимает обычно почти всю площадь, так как запрещается выбрасывать извлеченную землю за пределы участка. Эксплуатация ископаемых богатств также предоставлена всему обществу, и земля никогда не должна быть в простое. Выигрывает тот, кто сумеет сделать лучше и быстрее.

Сначала земля захватывалась с полным произволом, и не было юридической власти, защищающей старателя. Однако существовал главенствующий повсюду общий принцип.

Так, всегда провозглашалось право личной собственности, которое, надо сказать честно, часто нарушалось; существовало право неприкосновенности границ, свободы действий, но без покушения на права соседа. Существовали обязанности перед обществом и взаимные обязательства, которые не позволялось нарушать даже тайком и без свидетелей.

Например, в глубоких подземных выработках право общности владений сохранялось и никогда не разреша-

лась горизонтальная проходка по золотой жиле под участком соседа, позже приступившего к рытью колодца. Грубая сила и хитрость, без сомнения, нарушали эти правила; часто именно они решали споры, да и не могло быть иначе при наличии такой ненадежной власти, как власть шерифа, осуществляющего свои полномочия только с одобрения масс, почти постоянно собирающихся на митинги.

Больше всех от нарушений страдали иностранцы. В некоторых местах американские граждане их едва терпели. Лучше всего относились к французам: они были более сильными и симпатичными. Но китайцы, чилийцы и мексиканцы испытывали жестокую несправедливость. Если они позволяли себе какую-нибудь слишком богатую находку, им намекали, что в шахтах, как в любом другом месте, судьба иногда продает очень дорого то, что, казалось, дала бесплатно.

Чтобы уравнивать права всех тружеников, было решено ввести налог на иностранцев. Этот закон не нанес ущерба золотоискателям или мелким объединениям, но он стал обременительным для компаний, объединяющих только капиталы, а не рабочие руки.

В Калифорнии золотодобытчиками называли всех рабочих — и тех, кто промывал золото на россыпях, и тех, кто добывал в кварцевых шахтах руду с использованием пороха. Однако существовала разница, и довольно существенная, между работой первых и вторых, являющихся настоящими шахтерами в подлинном значении слова.

Золотые россыпи представляют собой песчаные отложения, наносные земли, где золото, принесенное водными потоками, находится в большем или меньшем количестве, и его достаточно вымыть. Кварцевые шахты, напротив, это — рудное месторождение, где драгоценный металл вкраплен в твердую скалистую породу.

Самородные отложения золота находятся в Сьерра-Неваде, внутри кварцевых жил, где характер его вкраплений не оставляет сомнений в одновременности их образования в результате извержений вулкана, которые в незапамятные времена выбросили его из недр земли.

Трудно узнать, повторялись ли эти геологические катастрофы несколько раз; но металл несет на себе явные следы плавления, как сама страна — след вулканических

потрясений. Геологи считают, что, с одной стороны, скалы Калифорнии состоят из мягкой и рыхлой породы и не могут сопротивляться атмосферным воздействиям; с течением времени горы, оседая под собственной тяжестью, дробят скалы, и металл высвобождается.

Как бы то ни было, но после работы вулканов или оседания пород следующую задачу выполнили текучие воды, захватывавшие и разносившие это золото по долинам, образуя таким образом россыпные месторождения. Металл скатывался под действием вулканических толчков, сотрясающих землю. Он задерживался перед препятствиями, лежащими на его пути, или под действием законов тяготения перемещался вниз. Из-за своей тяжести золото, вкрапленное в породу или в самородках, даже после измельчения оставалось очень близко от места зарождения, тогда как более легкие, блестящие и тонкие чешуйки постоянно уносились потоками вод.

Обыденный и упрощенный промысел золотодобычи — промывание земли и песка; дробление кварца — это уже крупная индустрия. Два главных принципа добычи заключаются в том, чтобы копать и промывать, все остальное — производное от них. Промывка производится индивидуально или маленькими артелями вручную с помощью только простейших инструментов; дробление кварца требует больших капиталов для приобретения механизмов и оплаты наемных рабочих.

В принципе промывка была как раз работой для дикарей, которые использовали первые попавшиеся инструменты. Самым первым приспособлением было батте.

Батте — это нечто вроде большого таза из кованого железа или дерева, в который насыпают подлежащий промывке песок. Держат батте двумя руками, опускают в воду и покачивают. Легкие примеси уходят вместе с водой, и только чешуйки золота остаются на дне приспособления.

Батте было родоначальником люльки, или лотка. Оно состояло из трех частей, одной верхней, называемой сито, другой нижней — фартука, сделанной из простого куска полотна, прибитого к раме. Третья часть — корпус устройства — ящик с колодками снизу, в который входят две предыдущие. Мойщик держит одной рукой люльку, а другой рукой поливает водой камни и песок,

насыпанные на сетку. Вода уносит землю, и золото остается на фартуке.

Повторив операцию по промывке несколько раз, дно люльки, где застревают наиболее тяжелые частицы, очищают и пересыпают этот золотоносный песок в новый сосуд вместе с песком, собравшимся в батте. Затем вечером под пологом на жарком огне его поджаривают на сковороде, как кофейные зерна; земля и прилипшие к металлу частицы отделяются и превращаются в пыль.

Именно тогда становится видимым блеск золотых частиц. Эту смесь из пыли и металла провеивают, слегка дуя поверху, сор улетает, а песок, состоящий из магнитного железа и золота, остается лежать неподвижно. При помощи магнита убирают железо или вылавливают золото при помощи ртути.

По результатам этой операции подводился итог дня золотоискателя. Радость или грусть будет царить сегодня под пологом?

По берегам рек люльку заменил «Длинный Том», который получил свое название от американца по имени Том и его роста. Это было нечто вроде гроба двухметровой длины; один его конец представлял собой сито, а другой конец погружался в воду. Большими лопатами непрерывно бросали песок и воду на сито, расположенное над большим чаном с тремя отсеками. Первый останавливал наиболее крупные частицы металла, а те, что из него ускользнули, падали во второй; третий захватывал самые легкие с помощью ртути или без. Эту работу могли выполнять только пять или шесть человек, особенно когда за золотоносной землей надо было ходить подальше. Вместо того чтобы носить ее в мешках, использовали двухколесную тележку, в которую впрягали лошадь, и таким образом значительно сэкономили человеческие силы. «Длинный Том» позволял промывать большее количество земли, чем люльки или лотки, и вскоре стал таким же распространенным, как вышеописанные примитивные приспособления.

На ручьях использовалось также другое устройство, называемое рудопромывочным желобом, который представлял собой череду деревянных каналов, через которые пускали воды ручья, вместо того чтобы дать им течь по их прихоти в скалах и песках. Затем в это искусственное

русло бросали землю и щебень, и поток сам промывал породу, захватывая только отслоившиеся частицы, остальное медленно скользило, и постепенно задерживались все более тяжелые частицы металла, а в конце самые чистые смешивались с ртутью.

Таким, конечно, несовершенным способом, но достаточно быстро промывали большое количество земли. Для подобного устройства, которое изготавливают на месте в не обделенных лесом краях при помощи топора, пилы и нескольких гвоздей, не требуется капитала.

Калифорнийцы изобрели еще один способ разработки золотоносных пород: они используют струи воды колоссальной мощности. Длинные трубы из листового металла, герметично соединенные одна с другой, подсоединяют к резервуару, в который вода поступает от источника, подводят воду к подножию разрабатываемой горы. Вес воды выталкивает породу с огромной силой относительно узкой струей; под ее сильным напором глыбы земли обрушиваются и измельчаются, а через несколько мгновений, как сахар, тают холмы, для раскопки которых потребовалось бы сто человек и десять дней работы. Желоб, выкопанный заранее, вымощенный крупной галькой и залитый на всем протяжении толстым слоем ртути, принимающей на себя массу желтоватой грязной воды со склонов горы; по пути в несколько сотен метров чешуйки золота оседают, поглощаются ртутью и перемешиваются с ней, тогда как бесполезные частицы гравия, щебня, глины быстро уносятся искусственным потоком. Раз в месяц закрывается шлюз резервуара, замирают струи воды, поток прекращается, собирают насыщенную золотом ртуть и отправляют в лабораторию, где ртуть выпаривают, а чистое золото остается.

Итак, вода всегда является принципом и средством разработки золотоносных земель. Но как быть летом и особенно на золотых россыпях, где нет воды? Возникают многочисленные предприятия, которые, вместо того чтобы искать золото, начинают заниматься изобретениями и производством орудий труда для шахтеров.

Искусство организации и заключается в том, чтобы одновременно дать достаточно воды тому, кому ее не доставало, и забрать ее у того, кто имел ее в избытке. Большая группа промышленников, объединившись, завладела вы-

сокогорными источниками и направила их воды по искусственным руслам. По существу, это лишь только применение принципа, провозглашенного одним инженером: реки созданы, чтобы питать каналы.

Другие при помощи насосов поднимают речные воды, чтобы сбросить их в каналы, подобные тем, по которым под небольшим наклоном спускают воды горных источников, часто находящихся на очень удаленных высотах. Но ничто не останавливает деревянные акведуки на сваях; они преодолевают долины и вместе с проложенными в горах широкими желобами, хорошо сработанными из гончарной глины, дополняют систему каналов.

По этим искусственным руслам, покрывающим пространство во многие мили, по желобам или отводным трубам подается вода на золотые россыпи на всех уровнях. Каждый золотодобытчик делает свой водоотвод, естественный или с жестяными трубами, за свой счет или за счет водопроводной компании, и платит поденно по объему израсходованной воды. Одна и та же вода, которую бережно расходуют, часто используется неоднократно и быстро восстанавливает свою чистоту.

Чтобы заниматься водоснабжением, необходимо прежде всего иметь большие капиталы, которые идут на ежедневную оплату рабочих рук землекопов, лесорубов, строителей. Благо, дерево стоило лишь затрат на то, чтобы срубить и обтесать его. Только богатые могли позволить затраты на работы, требующие много времени, которые плохая погода прерывала, а часто и разрушала сделанное. Но законченные и пущенные в эксплуатацию сооружения давали огромную, просто невероятную прибыль.

Рядом с обычной разработкой золота путем промывания почвы существует более прибыльная и трудоемкая добыча из кварцевых жил.

Самородное золото, то, которое, не будучи подвергнуто вулканическому плавлению и размельчению, не было перенесено в золотоносный слой почвы в долинах или не просочилось в россыпи, покоится в кварцевых жилах в виде вкраплений мелких зерен. Именно это золото ищут в недрах земли, и именно оно стоит постоянной и регулярной добычи.

Необходимы большие геологоразведочные работы в виде бурения шурфов и рытья больших тоннелей, чтобы

удостовериться в наличии жил; как мы уже говорили, это под силу только крупным объединенным силам и капиталам: ведь необходимо двадцать — тридцать человек только для того, чтобы произвести изыскания.

После добычи кварцевой руды — процесса, иногда очень трудоемкого, кварц необходимо дробить. В принципе на некоторых шахтах использовали силу падающей воды для вращения мельничных жерновов. Но если зимой воды много, то летом ее недостаточно, а это и приводило к дорогостоящим сезонным потерям там, где жизнь и рабочие руки были чрезвычайно дороги. Следовательно, пришла пора обзаводиться паровыми машинами. Не было угля, но дров было всегда и везде в достатке. И теперь уже только паровые машины размалывали, превращали в пыль золотоносные породы.

Но не всем золотодобытчикам, извлекающим золото из кварца, по средствам иметь эти машины; да и тем, кто их имеет, не всегда удается открыть хорошую жилу, организовать бригады, достаточно мощные, чтобы пробурить колодцы и тоннели. И тогда владельцы механизмов предлагают свои услуги тем, у кого есть что молотить. Мельницы становятся центральными заводами: они производят мельничные работы для всех тех, кто им доставляет породу. Транспорт, конечно, дорого обходится тем, кто ведет добычу на удаленных разработках; но если жила богатая, она щедро оплатит деревянные дороги, проложенные от рудника до мельницы.

Чтобы закончить, приведем некоторые цифры, относящиеся к добыче золота в Калифорнии. Официальные публикации значительно занизили действительные цифры. Так, вместо трехсот миллионов франков, вырученных в 1858 году, из этих документов следует, что добыча золота и серебра принесла только сто сорок пять миллионов франков в 1871 году.

Добавив девяносто пять миллионов франков золотых и серебряных монет, отчеканенных в том же году Монетным двором Сан-Франциско, получим цифру двести тридцать девять миллионов франков.

Но если учитывать последние открытия очень богатых золотых и серебряных рудников, усовершенствованные средства, применяемые в настоящее время для их эксплуатации, многочисленные капиталы, инвестированные в

горную промышленность, то цифра четыреста миллионов, представляющая современную доходность рудников Калифорнии, не будет преувеличена.

Пусть даже двести тридцать девять миллионов, разве это не превосходно для страны, которая не только обеспечивает себя всем необходимым, но и экспортирует большую часть даров своей земли? Можно ли это сравнить с той порой, когда шахты давали ей триста миллионов, которые надо было обменивать на предметы первой необходимости?¹

ГЛАВА 22

Поль Тутен. — Стефан Жуссен. — Карлье. — Барон де Мандат-Грассей

Перед тем как оставить США, будет интересно показать читателю, чем стал за сто лет этот народ, политической эмансипации которого мы помогли когда-то в порыве энтузиазма, ничем не оправданного ни тогда, ни впоследствии.

Современные путешественники, изучавшие по другую сторону Атлантики эту странную цивилизацию, упрямо восхваляемую только потому, что она исходит из так называемой свободной страны, предоставляют нам по этому поводу очень интересные и красочные документы.

Поль Тутен, искрящийся остроумием руанец, написал маленькую книжку под названием «Француз в Америке», полную задора, веселья, лукавства и искренности, которая стоит того, чтобы о ней подробно рассказать и дать из нее некоторые выдержки.

¹ Всего в Калифорнии за сто сорок лет добычи (с 1848 года до середины 80-х годов нашего века) добыто около двух тысяч тонн россыпного золота; пик добычи пришелся на середину 1850-х годов, когда добывали в среднем по 80 тонн золота в год, а в 1853 году добыли даже 94 тонны! Рудное золото в Калифорнии было открыто в 1850 году (Голд-Хилл близ Грасс-Вэлли). Общее количество добытого в этом штате золота превышает 3300 тонн, однако последний «всплеск» добычи отмечен в 1948 году, когда было получено из недр земли 13 тонн благородного металла. Потом добыча резко пошла на спад, и сейчас Калифорния уже не относится к золотодобывающим штатам.

«Впечатление, которое производит эта страна, — говорит Поль Тутен, — решительно странное. Эта Америка с ее любовью к рекламам, театральным патриотизмом, звуковыми штампами, митинговыми ораторами, похожими на зазывал, самовосхвалением, доходящим до безумия, если не глупости, броскими плакатами, которые можно увидеть даже на спине прогуливающегося человека, правда, получающего за это плату, “большие аттракционы”, спиритические знаменитости, необычная неутомимость, подвижность, скорее беспорядочная, чем обоснованная, перед лицом которой всякий европеец, только что ступивший на ее берег, всегда спрашивает себя: “Что, сегодня праздник?”, намеренная эксцентричность, цель которой по большей части привлечь внимание и приманить клиента, огромные предприятия, которые распространяют акции, как шарлатаны пузырьки с лекарством, эмансипированные женщины, выставляющиеся напоказ как достопримечательность, врачи, достойные не более чем титула костоправов, города, похожие на барачные лагеря, Америка со всем этим производит впечатление гигантской ярмарки.

...В этой стране не имеет значения, чужак ты или близкий сосед, поскольку здесь свирепствует борьба за выживание; если у тебя затруднения, никто не поможет из них выпутаться; если ты упал, то рискуешь долго пролежать на земле; если жив — хорошо, умер — не важно! Место есть только для сильных. Течение уносит слабого, и никто не протянет ему руку: каждый думает о себе, этого достаточно. Даже не надейтесь в этой стране озлобленной индивидуальности на знаки внимания, мелкие услуги, за которые скудными чаевыми широко платят в остальном мире. Вы все обязаны делать сами — нести посылки, найти дорогу, если потерялись, и чистить свою обувь.

Отель, где я остановился, “Тремон-Хауз”, огромный; мне говорили, что в нем сто пятьдесят комнат. В американском городе на видном месте стоит не церковь и не мэрия, а отель: все живут там, даже местные. Не правда ли, очень характерно для этой поспешной и как бы временной цивилизации?

Цены здесь очень высокие — тридцать франков в день, но даже за эти деньги не надейтесь, что слуга почистит вам ботинки, и не думайте, что носильщик мнит о себе

меньше, чем вы. Гордись, тебя обслуживает свободный человек! Что касается стола, то он просто отвратителен. Судите сами: вам дают огромную карту, в которой перечислены по меньшей мере шестьдесят блюд; вы можете попросить их все, это не стоит ни одного сантима сверху. Однажды я позволил себе фантазию заказать двадцать. Я сделал заказ, меня посадили одного за круглый стол, вокруг которого легко разместились бы десять человек; через полчаса ожидания появляются заказанные блюда, каждое на отдельном маленьком блюде, и на все только одна тарелка. Поскольку я француз, то, конечно, требую, чтобы мне блюда подавали постепенно и с отдельным столовым прибором, — напрасный труд: официант не намерен подчиняться моим фантазиям, если он белый и, следовательно, ровня мне. Если он черный, он идиот. Волей-неволей пришлось смириться. На одну тарелку мне кладут порцию со всех блюд: суп из стручкового перца, пирожное, жаркое, конфитюр, ломтик хлеба с маслом, пикули, горчицу, консервы, картошку, арбуз, рагу, сыр, огурцы, пудинг, помидоры, жареные устрицы, галантин¹ и крем; и едят вместе или по очереди одно блюдо за другим эту чудовищную мешанину. Если хочешь выпить, тебе принесут ледяную воду, кофе с молоком, но высшая изысканность, верх хорошего вкуса состоит в том, чтобы разбить в стакан сырые яйца и разбавить их содовой, потом проглотить ужасную желтую смесь: меня пытались убедить, что этот варварский напиток восхитителен; мне даже предложили его попробовать, я заявил, что верю на слово.

Клянусь всем моим соотечественникам, держа руку на желудке, все это неудобоваримо. Надеюсь, что моя откровенность не приведет к дипломатическим осложнениям, но мне трудно простить Америке, что меня здесь так плохо кормили.

Насытившись, что, как вы сами понимаете, не занимает много времени, вы имеете возможность посмотреть, как американцы едят, — вещь действительно очень любопытная, но описанию поддается с трудом. Они едят быстро, поспешно, стремительно; они торопятся, они спешат скорее закончить! Абсолютно так же, как накапливают со-

¹ Г а л а н т и н — заливное, студень.

стояние на Бродвее. Янки ест бодро, увлеченно, усердно; он занимается этим старательно, для него обедать — не удовольствие, а работа: он ест и пьет до пота на лбу. Вилка, нож — это инструменты, помогающие успешно завершить работу, которую он делает в этот момент. И, смотрите, он усердно трудится над бифштексами, проглатывает, не ощущая вкуса, — все, он кончил, обжора!..»

Можно до бесконечности цитировать эту книгу; жаль, не хватает места.

Поль Туген только что нам показал, как живут в Америке; другой путешественник поведает, как там женятся. Это Стефан Жуссен, опубликовавший недавно том¹, полный сочных подробностей и оригинальных наблюдений. Его литературный дебют имел вполне заслуженный успех.

Известно, что женитьба в Америке не окружена ни формальностями, ни гарантиями, как в Европе, особенно во Франции. Прежде всего благословение родителей совершенно необязательно, и будущие супруги умеют очень хорошо обойтись без одного, закон этого не требует.

«Вы хотите жениться? — пишет Стефан Жуссен. — Нет ничего проще. Идете в мэрию, заходите в отдел регистрации браков и обращаетесь там к служащему:

— Я бы хотел получить лицензию.

— Отлично, месье; впишите ваше имя и имя вашей будущей супруги и выкладывайте доллар.

Эта маленькая операция закончена, вам после клятвы на Библии, что вы еще не женаты и достигли совершеннолетия, выдают розовую или голубую бумагу, в зависимости от того, какой сегодня день. Теперь вы можете предстать перед любым пастором. Заслуживающий уважения пастор — человек очень нелюбопытный; он не будет спрашивать, кто вы и откуда явились. Как я уже имел честь доложить, это настоящий джентльмен, который не имеет привычки вникать в ваши личные секреты. Он видит только одно: два человека разного пола, а это значит, что они могут воспроизводить себе подобных. Кроме того, есть перспектива получить несколько полновесных долларов, которые возблагодарят его святое пасторство; большего он не спросит и поспешит соединить вас. Дело сделано.

¹ «Янки, конец века». (Примеч. авт.)

Ситуации, которые возникают из этих скоропалительных браков, иногда невыразимо причудливы. Так, известен человек, женатый пять раз; поскольку каждый штат имеет свои, отличные друг от друга законы, то можно очень легко жениться в различных штатах и иметь в конце своей карьеры небольшой симпатичный гарем.

Этот акт бракосочетания, который для нас один из наиболее важных в жизни, совершается иногда в Америке самым странным образом.

Однажды молодая романтическая мисс объявляет, что она выйдет замуж только за человека, способного похитить ее оригинальным способом. Некоторое время спустя она отправляется купаться на самый модный пляж и, как опытная пловчиха, заплывает далеко от берега. Вдруг она чувствует, как ее хватают сильные руки, оборачивается и узнает одного из своих обожателей, который, несмотря на ее крики и мольбы, взваливает ее себе на спину и уплывает прочь в открытое море к заранее нанятой лодке, в которой уже находится пастор. Там оба в купальных костюмах получают брачное благословение, пока безутешная семья делает им на пляже отчаянные знаки. Церемония закончена, они возвращаются вплавь, и месье, теперь женатый, сообщает о счастливом событии опешившим родителям.

Другая история. Перед моими глазами уведомительное письмо о свадьбе китайца с молоденькой и красивой мисс, из которого я узнал, что свадьба будет происходить в доме матери невесты. Хонг, китаец, о котором идет речь, обладатель достаточно большого состояния, предпочел европейский костюм и был бы настоящим американцем, если бы не отказался наотрез пожертвовать своими длинными волосами, заплетенными в косичку. Мать девушки решительно воспротивилась этому союзу, но дочь, всем сердцем привязавшаяся к косе сына Небесного императора, объявила, что убежит с ним, и мать вынуждена была согласиться.

Теперь — свадьба на велосипеде. У одного месье, большого любителя велосипеда, был постоянный соперник, оспаривающий его рекорды в скорости. Этим соперником была девушка. Однажды месье налетел своим стальным конем на камень. Кульбит на полной скорости, страшный удар, потеря сознания, велосипедист очнулся от прикосновения белых ручек своей соперницы-велосипедистки. Так он нашел родственную душу.

— Не хотите ли вы стать моей женой?

— Договорились, — ответила его новая подруга.

Оставалось только назначить день и час и выздороветь как можно скорее.

Все готово. Час настал.

— Джек, — говорит невеста, — не могли бы вы сделать мне одолжение? Я бы хотела венчаться на велосипеде.

— Я не осмеливался просить вас об этом, — говорит глубоко взволнованный жених со слезами в голосе.

Несколько дней спустя среди многочисленной и сочувствующей аудитории протестантский пастор благословил союз двух влюбленных, которые, каждый на велосипеде, вступил под своды церкви в сопровождении шаферов и подруг невесты, горевших желанием последовать такому прекрасному примеру.

На выходе трехколесный велосипед поджидал супругов, которые тотчас же отправились в большое путешествие через равнины великой республики».

Другой путешественник, Карлье, приводит случай, когда проводник железнодорожного поезда, слишком занятый, чтобы выкроить хотя бы один день для своей свадьбы и тем не менее не желая оставаться холостяком, нашел счастливый выход. Он устраивает невесту и пастора в вагоне и занимается своими служебными делами, то есть готовит поезд к отправлению. Поезд трогается, жених присоединяется к своей невесте и пастору, последний соединяет их узами брака. Таким образом, от одной станции до другой обряд бракосочетания был завершен, и проводник не потерял ни минуты своего рабочего времени.

Ну и чтобы закончить эту тему. Двое вступающих в брак направились вместе к пастору, который должен был их обвенчать. На пути была река, случаю было угодно, чтобы поток, вздувшийся от дождя, не позволил молодоженам переправиться на другой берег. Молодые люди, сильно огорченные, решили было вернуться обратно, но заметили на другом берегу прохожего. Они окликнули его и объяснили как смогли цель своих хлопот. Прохожий оказался человеком услужливым. Он сходил за пастором, и тот не замедлил явиться.

Обменялись издали несколькими словами, потом свернули бумагу с разрешением, привязали к ней камень и, рискуя утопить в реке, бросили сверток почтенному

пастору, который, с важным видом приступив к произнесению привычной формулы, вскричал своим хорошо поставленным голосом:

— Очень хорошо, дети мои; вы можете идти к себе: вы женаты в соответствии с обрядами церкви.

Разумеется, что такие неординарные способы заключения брака чрезвычайно редки, но достаточно того, что закон позволяет их, чтобы показать, насколько этот порядок способствует заключению скороспелых, комичных, плохо подобранных браков, так часто кончающихся разводами, правда, сопровождаемыми не более сложными процедурами.

Что бы стало со всеми этими беднягами, так необдуманно вступающими в брак, если бы не было возможности исправить положение! Выход так же доступен, как и вход. Вы достаточно пожили вместе и хотите развестись? Нет ничего проще.

Как и для заключения брака, отправляетесь в мэрию и говорите служащему:

— Месье, я бы хотел развестись.

— Отлично, месье, с вас два доллара.

Это дороже, чем за вступление в брак, но не важно.

— Очень хорошо, месье; вот два доллара, а вот также мое заявление.

Дело сделано. Вы предстаете перед судом, который объявляет вас разведенным. И ничто вам не мешает, пока вы еще там, вернуться в мэрию и сказать:

— Теперь, когда я разведен, я готов снова жениться; дадите мне разрешение?

— Конечно, месье, с вас один доллар...

«Так, однажды, — рассказывает Жуссен, — в штате Коннектикут дама девятнадцати лет, едва выслушав постановление суда о разводе, пошла за разрешением на брак и менее чем через час снова вышла замуж. И еще я знаю одного парня, который обещает к старости иметь хорошую коллекцию браков».

И после этого пытаться запретить мормонам иметь несколько жен! Что касается меня, то я не очень понимаю разницу между этими двумя системами. Менять супругов каждые пятнадцать дней или иметь несколько всегда одних и тех же, которым сохраняют верность, — не знаю, что больше достойно осуждения...

...Заканчивая эту главу, автор глубоко сожалеет, что имеет возможность процитировать только несколько строк из описаний путешествия барона Мандат-Грансея, который опубликовал три изысканных тома о современной Америке и американцах¹. Тем не менее следует позавидовать у него портрет ковбоя, сделанный с натуры.

«...Ковбои, по-нашему, “коровьи парни”, садятся на поезд. С их высокими фетровыми шляпами, украшенными тусклым золотым шнуром, огромными сапогами с мексиканскими шпорами и поясом, украшенным револьверами кольт, патронташами и большими ножами, они выглядят как настоящие бандиты, однако ведут себя прилично; но увы! не всегда. Несколько недель тому назад пьяный ковбой захотел, очевидно, предаться одному из своих любимых видов спорта. Он выбил пулей из револьвера сигару у безобидного соседа. Охранник тут же пристрелил ковбоя сзади из пистолета. Тело выбросили через дверь, и на этом все было кончено.

Эти ковбои — язва Запада. Набранные обычно среди людей слишком ленивых, чтобы работать на рудниках или фермах, проводящие свою жизнь в прерии, верхом на лошади днем и ночью, следуя за стадами, постоянно ведя войну с индейцами, они появляются в городе только в дни заработной платы, неизменно напиваются и нагоняют страх на жителей, которые, впрочем, наилучшим образом используют их. Газеты и романы полны описаниями их подвигов. Время от времени сообщается, что компания ковбоев овладела пограничным городом и разграбила его или что просто, охваченные приступом веселья, они согнали всех жителей на площадь и заставили несколько часов танцевать перед ними, стреляя по ногам недостаточно ловких. Потом в один прекрасный день жители создают комитет по защите, который наугад хватает трех-четырёх ковбоев, вешает их на первом попавшемся дереве, пока другие в это время недалеко продолжают совершать свои подвиги. В остальном наилучшие в мире ребята, обожаемые хозяевами салунов, для которых их визиты — большая удача».

¹ «Истребление буйволов». «У дядюшки Сэма». «В Скалистых горах». (Примеч. авт.)

И вот так это все происходит самым прекрасным образом в лучшем из новых миров... Да здравствует молодая Америка!

ГЛАВА 23

ФРЕДЕРИК ВИМПЕР

Как большинство его соотечественников, англичанин Фредерик Вимпер¹, человек огромной энергии и нерастраченной жизнедеятельности, искал, куда разумно и плодотворно приложить свои способности, не востребованные до сих пор. Уверенный в своей силе и выносливости, он задумал длительное исследование севера Британской Колумбии и тогда еще мало известной Русской Америки. В этот момент стоял вопрос об уступке Россией Соединенным Штатам обширной территории, что в действительности и произошло чуть позже, и присоединении Британской Колумбии, до тех пор — отдельной колонии, к Канаде. Кроме того, было много разговоров об открытии золотых рудников Карибу, поговаривали о том, чтобы связать Америку с Сибирью кабелем, проложенным под водой. Короче, весь этот регион по тем или иным причинам был в центре всеобщего интереса, и проект путе-

¹ Вимпер (Уимпер) Фредерик (1838 — ?) — после упоминаемых в книге экспедиций на остров Ванкувер и на Аляску поселился в Калифорнии, работая корреспондентом многих американских газет. Выпустил несколько книг: «Путешествия и приключения на территории Аляска» (1868), «Волнующие истории о море, его опасностях и морских приключениях» (1878 — 1880), «Герои Арктики» (1881), «Рыболовный промысел в разных странах мира». Первая из названных книг была использована Жюлем Верном в первой части его приключенческого романа «Цезарь Каскабель». Отрывок из нее под названием «Русская Аляска» издан на русском языке в 1872 году. Гораздо большей известностью пользовался младший брат Фредерика — Эдуард Уимпер (1840 — 1911) — горюсходитель, художник и писатель, совершивший немало первовосхождений на сложнейшие вершины Альп и южноамериканских Кордильер, а также исследовавший труднодоступные северные районы Гренландии, откуда он привозил ценнейшие коллекции ископаемых растений и животных. Выпустил ряд увлекательно написанных книг о своих путешествиях, проиллюстрировав их собственными рисунками и акварелями.

шества Вимпера органично вписался в проблему, занимавшую тогда умы. Может быть, именно это и определило его выбор и побудило высадиться в начале 1862 года в Виктории, откуда он отправился 16 марта того же года в Карибу¹.

Карибу, Эльдorado Британской Колумбии, из которого собирались сделать счастливого соперника Калифорнии, — горнопромышленный и, без сомнения, очень богатый район. Компания добывала до двух тысяч восьмисот унций² золота за день. Вимпер сам держал в руках двести унций, собранных за восемь часов одним старателем. Это поразительные результаты, представленные на суд публике без малейшего объяснения, дали ошибочные представления о действительной производительности шахт этого района. Как заметил Вимпер, эксплуатационные расходы были очень высоки; шахта начинала давать доход только через два или три сезона. Но этот период еще надо было продержаться. Самые необходимые продукты, например хлеб и мясо, продавались в то время по доллару за фунт, и рабочие руки стоили очень дорого, в среднем десять долларов или пятьдесят четыре франка за рабочий день.

Даже наиболее отважные пионеры, даже те, кто предварительно закалился тяжелым трудом на калифорнийских залежах, не все сумели добиться успеха. Печальный конец горняков, открывших Уильямс-Крик, самую богатую долину Карибу, показывает, как трудно, даже в самых благоприятных условиях, добиться успеха в этой стране. Один из них, немец Вильгельм Дитц, раздавленный работой и лишениями, дошел до крайности и вынужден был жить за счет благотворительности. Другой, шотландец, умер в лесу от голода. Его труп, обнаруженный спустя несколько дней его товарищами, носил на себе следы страшной агонии, рука еще судорожно сжимала оловянную флягу, на которой несчастный пытался концом ножа нацарапать страшный рассказ о своих страданиях.

¹ К а р и б у — горная система в Британской Колумбии к западу от главного водораздельного хребта Скалистых гор, отделенная от последнего долинами рек Фрейзер (с севера) и Норт-Томпсон (с юга).

² У н ц и я — мера веса; аптекарская (ювелирная) унция равна 31,103 г.

Такова была страна, в которую храбро устремился молодой исследователь. Ему посчастливилось повстречать на станции Гоматео известного инженера Альфреда Уоддингтона¹, который на свои средства решил построить дорогу в Карибу и приехал проверить, как идут начавшиеся работы. Объединенные сходством вкуса, одинаковым бескорыстием и любовью к неожиданностям, англичане очень скоро подружились.

Когда они прибыли на место, где в глухом лесу остановились работы, Вимпер, решив посетить ледник, отправился туда вместе с краснокожим проводником. Дialect чинук², единственный, который понимали индейцы, чудовищная смесь английских, французских и туземных слов, не имеет эквивалента понятию «ледник». Вимпер попытался объяснить его, применив слова *hiou ice*, *hiou snow*, скопление льда и снега; тщетная надежда. «Моя ситуация очень напоминала случай с сановником епископальной церкви, который, решив однажды возвестить Евангелие индейцам, начал свою речь словами: «Дети леса!» К сожалению, его переводчик не нашел необходимых слов, и протестантский пастор был оскорблен, услышав в его переводе такое помпезное обращение: «Многочисленные маленькие люди среди стволов деревьев!» Я не больше преуспел в объяснении с моим гидом».

Намучившись, Вимпер вынужден был вернуться в город, где нашел старого индейца по имени Теллот, более сведущего в лингвистике. Последний согласился его сопровождать. После чрезвычайно трудного перехода через густой лес, после нескольких дней изнурительного пути путешественник оказался перед ледником. Он определил ширину ложа близ края ледника примерно в четыре лье. Но кверху ледник существенно расширялся. Молчание, царившее среди гор и леса, делало еще более ощутимым

¹ Уоддингтон Альфред Пендерилл (1801 – 1872) – писатель и железнодорожный предприниматель.

² «Диалект чинук» – язык индейцев народности чинук (или шинук) из группы пенути, проживавшей к северу от реки Колумбия, стал основой так называемого «шинукского жаргона», основного средства межплеменных сношений и торговли, которым пользовались все индейцы тихоокеанского побережья от Калифорнии до Аляски включительно.

движение льдов. Обломки скал и камни устремлялись вниз с такой силой, что могли бы раздавить наблюдателя, слишком поглощенного этим странным и величественным зрелищем. Снег, покрывавший ледник, быстро таял и превращался в ручьи, которые искрились на солнце; наконец, ноздреватые расщелины между блоками льда разбивали прозрачные как хрусталь потоки. Чрезвычайная жара придавала работе вод двойную активность. Вдали последние лучи солнца золотили величественные пики, снега которых питали ледник.

«Проведя целый день, — говорит Вимпер, — в созерцании этого любопытного зрелища, я очень поздно вечером вернулся в свой лагерь, где нашел Теллота. Он встретил меня с улыбкой, которая ясно свидетельствовала: по его мнению, было чистой глупостью потратить столько усилий, для того чтобы увидеть лед и камни. Вид моих рисунков, казалось, заинтересовал его, но не смог вывести из упрямого, привычного для него молчания. В манерах этого человека было что-то свирепое; я тогда мало обращал на это внимания. Мне бы следовало поскорее понять, какие зловещие планы кроются под этой темной сдержанностью».

На следующий день Вимпер вернулся обратно и нашел своего друга Уоддингтона вместе с двадцатью рабочими, занятыми работами по строительству дороги. Он провел рядом с ним два дня в приятном душевном общении, потом спустился до устья Гоматео с депешами, которые инженер ему дал, чтобы отвезти в Викторию. Вимпер погрузился затем в лодку индейца Клейоча — легкое каноэ из кедрового дерева, — в котором он не побоялся бы пуститься и по морю, и высадился через шесть дней в Виктории.

Примерно через неделю после его прибытия пришла страшная весть, ошеломившая его и повергшая в оцепенение целую нацию. Уоддингтон и четырнадцать его служащих были захвачены среди леса индейцами и убиты с неслыханной по своей жестокости изощренностью¹. Мерзавцы досыта напились еще теплой крови своих жертв, как вампиры, и сожрали их сердца! Только трое смогли

¹ В рассказе Вимпера что-то напутано. Альфред Уоддингтон умер у себя дома, в канадской столице Оттаве, 26 февраля 1872 года.

избежать страшной смерти и принесли, тяжело раненные, страшную новость.

Необходим был урок, чтобы предотвратить повторения подобных жестокостей. Этого категорически требовало как спасение будущей колонии, так и безопасность многочисленных колонистов, обосновавшихся на уединенных фермах в долине или в лесах. В подобных обстоятельствах, беспрецедентных для того времени, правительство приняло энергичные меры. Корпус морских пехотинцев, усиленный добровольцами, набранными в окрестностях, был послан, чтобы отомстить за погибших. Сами индейцы, у которых эта резня вызвала благородное возмущение, присоединились к европейцам. Губернатор лично руководил поисками, но только часть замешанных в убийстве была захвачена, потом предана законному суду и повешена. Среди них находился Теллот, старый индеец, провожавший Вимпера к большому леднику. Допрошенный о причинах его ненависти к европейцам, которые до того осыпали его благодеяниями, он ответил, что строящаяся дорога проходила через охотничьи угодья аборигенов, и старейшины племени решили не допустить, чтобы белодолицые захватили страну.

Месяц спустя после этих страшных событий Вимпер добился участия в экспедиции под руководством шотландского натуралиста Роберта Брауна¹ на остров Ванкувер, тогда еще мало известный, хотя там и располагалась столица провинции Виктория. В состав экспедиции входили двенадцать человек, среди которых инженер по имени Лич, охотники, рудокопы и несколько индейцев. Маленький отряд прошел на канонерской лодке «Грепплс» вдоль восточного берега острова и высадился в устье реки Кауичан², разделившись на три части. Одни отправились под руководством натуралиста, другие — с инженером, а Вимпер, сопровождаемый рудокопом по фамилии Мак-Дональд, решил идти по реке Кауичан. Они соорудили плот из досок и столбов, взятых из заброшенной хижины, связав их веревками, служившими для упаковки одеял. За

¹ Браун Роберт — род. в 1773 г., ум. в 1858 г.

² На острове Ванкувер есть озеро Кауичан, из которого вытекает одноименная река; в ее устье есть порт Дункан; очевидно, о нем и идет речь.

неимением сверл два компаньона, чтобы не очень затруднять себя, пробили отверстия для шпилек, прострелив деревянные детали из пистолетов.

«Река, — пишет Вимпер, — в сущности, представляла собой ряд порогов, отделенных один от другого почти стоячими водными плесами, и наши мускулы ждало тяжелое испытание. Шесты почти нигде не доставали до дна, но не легче было удержать плот и около берега. Когда мы выходили на стремнину, наша водная прогулка, хотя и не лишенная опасностей, принимала самые смешные обороты. Мак-Дональд, этакий Геркулес с короткими конечностями, весивший не менее трехсот фунтов, выполнял обязанности рулевого. Течение было дополнительным фактором риска к достаточно тяжелому грузу, который нарушал равновесие нашего углового плота, поэтому корма часто уходила под воду на глубину в несколько футов, а нос при этом задирался вверх самым экстравагантным образом. Мы представляли собой весьма любопытное зрелище, когда плот, уносимый течением со скоростью два-три лье в час, держался в воде почти вертикально, а два исследователя цеплялись за его края, один — полузатонувший, другой — повисший в воздухе, и оба изо всех сил старались с комичной безнадежностью занять более приемлемое положение. Нет необходимости говорить, что каждую минуту наш плот нырял в водовороты так, что перед становился задом, и наоборот».

Это фантастическое плавание через три дня привело исследователей в Виак, маленькую деревеньку недалеко от моря на западном берегу острова. Потом все члены этой разрозненной экспедиции воссоединились в Порт-Сан-Хуан¹. Тем, кто шел по суше, было не легче, чем добравшимся по воде. Все измучились и очень устали; и Вимпер заключил: после десятидневного перехода через лесистые возвышенности путники смогли убедиться, что в подобной стране проселочные дороги являются всего лишь иллюзией, а иногда могут превратиться в настоящую ловушку.

¹ Порт-Сан-Хуан — бухта на южном побережье острова Ванкувер, единственной гаванью в которой является Порт-Ренфру.

Шлюп, посланный навстречу путешественникам из Виктории, отвез их вскоре обратно, после того как они достигли цели.

...На следующий год Вимпер, обладавший невероятным запасом энергии, а также исключительной жаждой деятельности, напросился на участие в так называемой телеграфной экспедиции, организованной для изучения трассы прокладываемого подводного кабеля. Полковник Балклей, назначенный ее руководителем, принял путешественника наилучшим образом и взял его с собой. Для Вимпера это была давно желанная okazия посетить Новый Архангельск, или, как его теперь называют, Ситку, главный город территории Аляска, которую русские уступили США. Бегло осмотрев остров Баранова, где находится этот красивый, а сейчас поистине очаровательный город, увидев Камчатку и ее столицу Петропавловск и чукчей, скитающихся по ледяным берегам Берингова моря, он отправился в Форт-Нулато, одну из станций, созданных для торговли пушной прежней русско-американской компанией, сегодня называющейся «Пушная компания Сент-Луис».

Зима прервала едва начавшиеся исследования и заперла в форте путешественников на весь холодный сезон.

«В порту, — рассказывает Вимпер, — возвышаются две сторожевые башни, отдельно стоящие от складов и жилых домов. Он окружен прочным палисадом, на ночь ворота всегда закрываются, поэтому индейцы не могут проникнуть в него в большом количестве. Такова простая мера предосторожности в целях предотвращения резни, подобной той, которая в 1850 году опустошила мирную факторию.

Во время этой зимовки стояли страшные холода. В течение ноября и декабря я пытался сделать несколько набросков форта и окрестностей, но это было очень трудно при температуре -34° Цельсия. Мне неоднократно приходилось прекращать работу, прежде чем удавалось закончить малюсенький набросок; едва нанеся на бумагу пяток мазков кистью, я был вынужден делать несколько интенсивных движений, чтобы согреться, или бежать к печке. Несмотря на эти предосторожности, у меня с рук несколько раз слезала кожа; однажды я обморозил левое ухо, которое потом раздулось до размеров головы... Понятно, что в такой ситуации я не мог сделать ни одной

акварели, тем не менее не оставил попыток и принес с собой горшок, полный воды, которую нагревал на маленькой печке, но опыт был не настолько удачным, чтобы мне захотелось повторить его. Однажды, забыв, где нахожусь, я развел краски водой, которую держал около печки, и, смочив маленькую кисточку, начал по памяти рисовать эскиз в альбоме. Еще до того как кисточка коснулась бумаги, она покрылась слоем льда и лишь оставила на листе царапину. Холод странно действовал на наши продовольственные припасы: все сушеные яблоки, насыпанные в мешок, образовали одну сплошную массу, которую можно было разрубить только топором; то же произошло и с патокой... А вот мясные консервы при подобной температуре могли храниться бесконечно. В случае осады их можно было использовать для обстрела.

...Когда наконец наступил ледоход, Вимпер и его компаньон погрузились на байдары, легкие лодки из кожи, чтобы подняться по Юкону, еще забитому льдами. Это был тяжелый переход, требующий изнурительной работы, но он вознаграждал Вимпера зрелищем, которое перед ним открыла сама река. «Могу ли я, — говорит приведенный в восторг путешественник и художник, — описать великолепие этой реки, которую мои спутники сравнивали с Миссисипи!» В Нулато, то есть в двухстах лье выше своего устья, Юкон от одного берега до другого имеет ширину более половины лье; чуть дальше он образует лагуны, раскидывающиеся иногда более чем на два лье и усеянные бесчисленными островками. Его длина не меньше поражает воображение. Члены телеграфной экспедиции поднялись по ней на расстояние шестисот лье, и когда они остановились на отдых, то были еще далеки от ее истока; что касается притоков Юкона, то каждый из них в Европе считался бы крупной рекой. Рассматривая этот огромный водный поток, орошающий территорию размером в несколько королевств, Вимпер понял наивную гордость обитателей ее берегов. «Мы не дикари, — сказали они русскому переводчику, — мы — индейцы Юкона!»

Забравшись на такое расстояние от Нулато, русские, находя предприятие слишком рискованным, вернулись обратно. Только Вимпер, один из его друзей по имени Долл, хозяин байдары Курилье и два индейца продолжили этот трудный и опасный подъем по реке.

В течение трех недель они бесстрашно двигались вперед, и вместе с длинными июньскими днями внезапно наступила жара, вызвавшая бурный рост растительности. Постепенно Вимпер достиг места впадения реки Мелозекаргут¹, и там в тени было 22° Цельсия. Он спустился к Невикаргуту, красивому селению индейцев племени того же названия. Там путешественники пополнили и обновили свои припасы, купили великолепную партию мехов, наняли новую байдару, отдохнули два дня и продолжили плавание, осмотрев мимоходом устья рек Тушекаргут² и Танана, селение Нуклукайетт, и прибыли наконец после неслыханных тягот и опасностей к месту слияния Поркьюпайна и Юкона, где находится Форт-Юкон, цель этого нелегкого путешествия.

Через пятнадцать дней честно заработанного отдыха, не желая быть застигнутым при сплаве к низовьям Юкона холодами, которые иногда бывают очень ранними, Вимпер дал сигнал к отправлению. Чтобы облегчить основную лодку, он достал еще две, связал цепочкой, и вскоре караван уже спускался по течению со скоростью от тридцати до тридцати пяти лье в день. На лодках установили маленькие палатки, чтобы укрываться от солнечных лучей, и таким образом отправились по течению, без труда, без усилий, лишь время от времени поворачивая штурвал. Остановку делали два раза в сутки, чтобы приготовить еду, и шли днем и ночью.

Отважный путешественник без затруднений достиг форта Нулато, потом — морского берега близ острова Святого Михаила³, где сел на корабль и отправился в Сан-Франциско.

ГЛАВА 24

ГРАФ ДЕ РАУССЕТ-БУЛЬБОН

Рассказ, который вы сейчас читаете, заимствован из героических времен конкистадоров. Это подлинная история француза, трагически погибшего при попытке возоб-

¹ Видимо, современная река Мелозитна.

² Видимо, современная река Тозитна.

³ Современное название — остров Стюарт.

новить в середине XIX века подвиги Писсаро и Кортеса и чуть было не основавшего империю на развалинах старинных испанских владений в Мексике.

Этим французом был граф Гастон де Рауссет-Бульбон¹, которого президент Санта-Анна² приказал расстрелять 12 августа 1854 года в Гуаймасе.

С внушительной внешностью, гордой походкой, остроумный, храбрый до безрассудства, преданный до наивности, Гастон де Рауссет-Бульбон, охваченный благородными стремлениями, вынужден был вступить в борьбу не только с людьми, но и с подлыми интригами, в которые был втянут, как лев, опутанный сетями. Умея постоять за себя перед людьми, он пал жертвой коварства, в котором мексиканцы, эти индейско-испанские метисы³, соединившие в себе коварство одних и вероломство других, не знают себе равных.

Неординарный характер Гастона де Рауссет-Бульбона с самого нежного возраста позволял увидеть, каким станет взрослый мужчина. Высокомерный, капризный, злой, властный, вспыльчивый, он не мог терпеть принуждения, когда считал, что прав, но вспышки злобы кончались очень быстро, он внезапно опять становился любезным, приятным, ласковым, великодушным, экспансивным и добрым до слабости. Гастон, с колыбели лишенный матери, провел юность в Гаскони у бабки и деда, пока его отец оставался в своем родном Авиньоне. За сложный характер он в семилетнем возрасте получил прозвище Волчонок. Не получив однажды удовлетворения своих капризов, мальчик убежал из замка, и нашли его только к ночи в трех лье от дома. Через два года отец отправил Гастона во Фрайбург к иезуитам⁴, надеясь, что их строгость справится с маленьким бунтарем. После первого же наказания

¹ Рауссет-Бульбон Гастон Рау, граф де (1817 — 1854).

² Санта-Анна Антонио Лопес (1797 — 1876) — мексиканский генерал и политический деятель, в 1833 — 1846 годах президент, а в 1852 — 1856 годах диктатор Мексики.

³ Метис — потомок от смешения различных человеческих рас.

⁴ Швейцарский город Фрейбург (Фрибур) с 1580 года стал одним из центров иезуитского ордена в Европе. В том же самом году здесь возникла Верхненемецкая иезуитская коллегия, преобразованная позже (в 1889 г.) в Католический университет.

Волчонок снова сбежал и провел две ночи в лесу, где его нашли умирающим от холода и голода. Он не желал вернуться в колледж, но его все же отправили туда силой. Там Гастон оставался в течение восьми лет, так и не позволив себя сломить. Ему было чуть меньше семнадцати, когда он покинул воспитательное учреждение. Наказанный за нарушение дисциплины стоянием на коленях, юный гордец предпочел быть исключенным, чем подвергнуться такому унижению. Когда он достиг восемнадцатилетия, отец, человек старого уклада жизни, без сомнения придерживавшийся достойных уважения, но устаревших традиций минувшей эпохи, предоставил ему свободу. Этот старик, холодный, сурового нрава, носивший в своем сердце траур по двум королям, не мог жить рядом с таким буйным молодцем, испытывая полную несовместимость во всем. Он дал сыну отчет по опекунству, и тот отправился в Париж.

Жизнь кипит в нем. Страстный любитель всяких физических упражнений, неустрашимый наездник, великолепно владеющий шпагой и пистолетом, обладающий приятным голосом и талантом рисовальщика, пишущий даже стихи, он бросился в парижский мир, где красивое, гордое и задумчивое лицо, элегантность и приличное состояние обеспечили молодому человеку отличный прием. Вскоре он был на всех праздниках и начал проматывать свое состояние с очаровательной беззаботностью. Так, в порыве фантазии молодой повеса оставил однажды свою виллу в Отейе, купил пароход и три месяца провел на Сене со скрипками и отличным поваром, взятым из какого-то посольства. Позже он купил дом в Руане, прожил в нем три месяца, вернулся в Париж и устроился в прекрасном особняке на улице Риволи. Стихи, найденные в его бумагах, весьма характерные излияния неуравновешенного юнца, свидетельствуют о лихорадочном состоянии мятущейся души, постоянном беспокойстве, доминанте этого неустойчивого темперамента.

В 1845 году, когда графу Гастону де Рауссет-Бульбону было двадцать восемь лет, это постоянное чрезмерное возбуждение, это непрерывное легкое порхание по жизни стали его утомлять. Как говорят в скверных романах, он вел разгульную жизнь и ему прискучили светские удовольствия. Молодой человек решил сделать что-нибудь

полезное и затеял основание колонии в Алжире. Смерть отца, сделавшая Гастона владельцем хорошего состояния, позволила организовать там обширное сельскохозяйственное предприятие. Но хотя Гастон так и не распрощался с любовью к роскоши и склонностью к мотовству, устраивал блестящие охоты на диких животных пустыни, доходящие до эксцентричности, принимал участие в военных экспедициях, в пышных кортежах, он все же преуспел в делах даже тогда, когда события 1848 года его разорили.

Хотя революция и унесла большую часть его состояния, молодой граф с энтузиазмом ее приветствовал. Он давно потерял веру в монархию, и новые идеи нашли в нем горячего пропагандиста. Обратив в деньги остатки своего состояния, Гастон де Рауссет поспешил в Авиньон.

Дискуссии в клубе, статьи в газете «Либерте», которую он основал и возглавлял в течение года, полные огня и страсти, снискали ему небывалую популярность. Когда этот граф показывался в клубах Воклюза, одетый в черное, в белых перчатках, простые люди криками приветствовали его и сбегались, чтобы видеть и слышать своего кумира. В Авиньоне, как позже в Сан-Франциско или Соноре, выдвигая свою кандидатуру, выполняя грубую ремесленную работу, жестоко сражаясь во главе своих сторонников, он всегда сохранял эту изысканность, которая возвышала его над толпой, всегда оставался джентльменом, независимо от размера своего состояния.

К сожалению, Гастон де Рауссет-Бульбон провалился на выборах в Законодательную ассамблею и в 1850 году вернулся в Париж полностью разоренным. Это было то самое время, когда Калифорния многим кружила головы — только и говорили о колоссальных состояниях, нажитых в кратчайший срок бедняками, не имевшими ничего, кроме пары собственных рук. Граф, как его отныне стали называть, сел на английский пароход и высадился 22 августа 1850 года в Сан-Франциско. Поскольку у него не было никаких припасов, то первое время пропитание ему обеспечивал карабин. Затем он сделался рыбаком, потом занялся разгрузкой кораблей, выполняя весело, с достоинством тяжелую работу грузчика и честно зарабатывая на жизнь. Вскоре граф объединился с одним фран-

цузом, чтобы создать собственное докерское¹ предприятие, которое могло дать значительные доходы, так как большая часть рабочих рук была занята на приисках, когда неожиданная конкуренция убила зарождающуюся отрасль. Тогда компаньоны пригласили третьего и занялись торговлей скотом. Они отправлялись за двести лье за стадом и, пригнав его, продавали животных на мясо в Сан-Франциско. Но еще раз вмешалась конкуренция, убившая торговлю в самом начале. Да, поистине трудно пришлось этому молодцу на золотой земле Калифорнии!

Но пока он боролся таким образом с судьбой, в его голове рождались новые проекты и фатально вели его к трагической развязке. Мексика, терзаемая политическими разногласиями, совершенно распалась и территория за территорией входила в состав США. К тому же, с другой стороны, достаточно многочисленная французская эмиграция в Калифорнии, рассеянная, неоднородная, влачила жалкое существование. Объединившись, она могла бы добиться успеха. С этой целью уже предпринимались некоторые попытки, в том числе под командованием виконта Пиндрея, пришедшего в Сонору во главе ста пятидесяти человек. Но Пиндрей был убит, его отряд рассеялся. Замысел де Рауссет-Бульбона заключался в том, чтобы захватить во владение какую-нибудь область страны, прочно обосноваться, привлечь туда эмигрантов и создать зону французского влияния, противодействующую уже опасному американскому вторжению.

С этой целью граф договорился с богатым банкирским домом в Мехико и основал компанию «Ресторадора». 17 февраля 1852 года Мексиканская республика уступила этой компании рудники Аризоны, очень богатые, неразрабатываемые из-за соседства апачей. Рауссет-Бульбон, заручившись письменным обязательством генерала Агилара, губернатора Соноры, обязался облегчить разработку и изгнать из провинции наводнивших ее опасных дикарей. Предприятием заинтересовались самые высокопоставленные лица, население Соноры считало его огромным благом, и граф получил официальную поддержку мексиканского правительства. Итак, все шло наилучшим образом.

¹ До кер — портовый рабочий, грузчик (фр.).

Располагая солидными рекомендациями от чиновников, граф собрал отряд из 270 человек, которые 1 июня 1852 года высадились в Гуаймасе под приветствия местного населения.

Но за это время сформировалась конкурирующая с «Ресторадорой» компания и стала претендовать на владение рудниками Аризоны. И во главе этой новой компании, вступившей в борьбу за уже отданные прииски, стояли как раз те, кто поддержал Рауссета при создании «Ресторадоры»! В Мексике, этой классической стране коррупции и вероломства, подобная вещь никого не удивляет. Лица, о которых идет речь, были просто-напросто куплены акционерами новой финансовой компании и, бессовестно поправ закон, не позволили графу с его отрядом выступить из Гуаймаса. Преданному еще и полковником Хименесом, который сопровождал его в качестве представителя компании «Ресторадора», графу оставалось только выгащить шпагу или опозоренным вернуться в Сан-Франциско.

Тогда он написал заинтересованным лицам в Мексике срочные письма; надежный человек был отправлен в Сан-Франциско за подкреплением, другой отправился в Масатлан¹ с той же целью, а отряд отступил 23 сентября к Эрмосильо. 29-го он стал лагерем в Сан-Лоренсо и на следующий день — в Маделене, где каждый год происходили большие праздники, которые позволили французам устанавливать связи со всей Сонорой.

Рауссет получил уведомление, что ему грозит обвинение в мятеже; но одновременно ему было сделано предложение от имени местных властей северных поселений штата, ожесточившихся против своего правительства, которое отдало индивидуальным предприятиям деньги, предназначенные для охраны Соноры от индейцев.

Чувствуя себя уверенно с внезапно предложенной ему поддержкой, обещающей гарантию материального благополучия, Рауссет-Бульбон, к тому же подталкиваемый его людьми, больше не колебался. Он форсированным маршем отправился на юг с отрядом в двести пятьдесят три человека, из которых сорок два были на лошадях; артил-

¹ Масатлан — порт на тихоокеанском побережье Мексики в штате Синалоа.

лерия, обслуживаемая двадцатью шестью людьми, почти все моряки, имела два камнемёта и два бронзовых орудия малого калибра. Эта маленькая, плохо одетая, но хорошо обученная, хорошо вооруженная армия, управляемая отважными командирами, продвинулась к Эрмосильо. Ступая почти босыми ногами, brave солдаты прошли за семь дней пятьдесят две испанские лиги, или около трехсот семидесяти километров¹.

Эрмосильо с 12 000 душ населения, защищенный укрепленным мостом и стенами, обороняемый индейцами, национальными гвардейцами и регулярными войсками, послал парламентаров к Рауссету, чтобы с кастильским хвастовством заставить его отойти. Тот пожал плечами, выгасил часы и холодно сказал:

— Сейчас восемь часов; через два часа я атакую город; через три часа буду в нем хозяином.

Вот что он сделал. Город, атакованный с десяти точек с невероятной отвагой, был захвачен. У Рауссет-Бульбона было убито семнадцать человек и двадцать пять ранено. Мексиканцы потеряли около двухсот и оставили в руках победителя много имущества и пленных.

Эта победа, получившая в Старом и Новом Свете огромный резонанс, была, против всех предположений, бесплодной. Влиятельный человек, который должен был послать мексиканским союзникам сигнал к восстанию, обманул ожидания. Там ждали напрасно, и в момент, когда Рауссет начал действовать самостоятельно, его сразила болезнь, возможно от яда. Армия тихо отошла к Гуаймасу; умирающего графа унесли на носилках. За три недели, которые потребовались для его выздоровления, мексиканское правительство сумело организовать, и всякая помощь стала невозможной; Рауссет вынужден был вернуться в Сан-Франциско, где его восторженно приняли.

Тем временем со всех сторон вспыхнуло восстание, но слишком поздно. Генерал Санта-Анна, который только что снова захватил власть, призвал графа в Мехико, обещал ему исправить несправедливость своих предшественников, попросил у него карту, осыпал ласковыми словами

¹ Одна испанская лига равняется примерно 5,6 км, а значит, расстояние в 52 лиги составит около 290 км.

и отложил до бесконечности выполнение своего обещания. Заключается первый договор и аннулируется под ничтожным предлогом; Рауссет теряет терпение; тогда ему предлагают полк в мексиканской армии. Он гордо отвечает, что просил не милости, а справедливости. Санта-Анна рассердился, и не менее рассерженный на диктатора граф учинил против него заговор вместе с недовольными генералами. Его собирались арестовать, но француз, вовремя предупрежденный, ускользнул. После возвращения в Сан-Франциско он занялся вербовкой новых сторонников для второй экспедиции, нашел капиталы и приготовился для нового десанта в Сонору. В разгар этих хлопот Рауссет узнал, что Санта-Анна продал Сонору американцам. Это перевернуло все его планы. Но и это еще не все, судьба угрожала ему другими и более страшными разочарованиями. Один негодяй, которому он доверил свою переписку с участвующими в его заговоре генералами, предал его и передал все письма диктатору. Рауссет тотчас был объявлен вне закона, и сразу же были аннулированы договоры, заключенные с акционерами его будущей компании в Соноре. Но тем не менее он решил бороться до конца, надеясь, что переворот, который произошел в Эрмосильо, поправит его дела.

С большим трудом он смог собрать 300 человек, преодолел с ними 800 лье, отделяющие его от Гуаймаса, сумел ускользнуть от крейсеров и в момент, когда его собирались арестовать в Сан-Франциско, высадился в Соноре. Он нашел спокойно обосновавшихся в казарме Гуаймаса нескольких своих соратников, опередивших его. Город был абсолютно спокоен, и мексиканские отряды проявляли явную симпатию к французам. Но эта гармония недолго длилась. Графу довелось вести дела с преемником генерала Ианеса, тот сначала был очень любезен, но самые абсурдные, умышленно распространяемые наветы привели к возникновению частых и бурных ссор. Несколько французов было убито, а другие, атакованные на виду у всех, были вынуждены защищаться от мексиканских солдат, прибывших из глубины страны для укрепления гарнизона. Наконец наступил момент, когда уже нельзя было бездействовать, и Рауссет, видя, в какой постоянной опасности находятся его соратники, отдал приказ атаковать казарму, чтобы предупредить события.

Несмотря на стремительность яростной атаки и сверхчеловеческую отвагу, маленький отряд, страшно поредевший, был разбит. После трехчасовой битвы, в которой он потерял сто человек из трехсот, Рауссет, окруженный многотысячным противником, был схвачен.

Отправленный во французское консульство, он был помещен вместе со своими соратниками под надзор вице-консула Кальво. Потом начались переговоры между последним и генералом, который в конце концов согласился сохранить жизнь всем пленным французам. Спустя час они были разоружены и заключены в городскую тюрьму. Что касается графа, то в тот же вечер его забрали из консульства, передали суду военного трибунала и приговорили к смерти, несмотря на протест консула!

Мексиканский капитан, которого он когда-то брал в плен в Эрмосильо и с которым обращались очень уважительно, пытался защитить его перед трибуналом, призвав на помощь все свое красноречие. Все было напрасно.

— Я слишком беден, — сказал ему Рауссет, пожимая руку, — чтобы достойно вознаградить ваши усилия... Сообразовите принять от меня этот скромный сувенир... Это самое ценное из того, что у меня есть.

И он надел ему на палец свое кольцо, старинную семейную драгоценность, с которой никогда не расставался.

Граф выслушал без видимого волнения приговор, написал весточку своей семье, составил завещание и мужественно стал ждать рокового момента.

Двенадцатого августа 1854 года полковник вошел в его камеру, где он спал глубоким сном. Было пять часов утра.

— Это произойдет сегодня, месье граф, — сказал он, приветствуя заключенного.

— Сейчас?

— У вас есть один час.

— Хорошо!

Рауссет-Бульбон тщательно привел себя в порядок, причесал бороду и свои прекрасные волосы, надел чистое белье и твердым шагом отправился на место казни, обмахиваясь соломенной шляпой, поскольку уже было очень жарко. Он прислонился к стене, выронил шляпу, распахнул рубашку на том месте, где билось его сердце, и приказал стоящим перед ним солдатам:

— Ну что же, храбрецы, выполняйте свой долг: огонь!

Потрясенные его удивительным спокойствием, солдаты волновались, стреляли не целясь и промахнулись!.. Он остался стоять, прямой, гордый, среди дыма. Многочисленная толпа закричала: «Пощады!..» Несколько женщин упали в обморок. Бросились к губернатору и получили от него приказ — «кончать». Раздался второй залп, и французский граф Гастон де Рауссет-Бульбон упал замертво.

Ему было тридцать семь лет.

ГЛАВА 25

ГАРИБАЛЬДИ

О личности Гарибальди по-разному судят люди, принадлежащие к различным политическим партиям. Но следует напомнить, хотя политика тщательно изгнана из этого повествования, что мы, французы, никогда не забываем, что итальянский патриот любил Францию и пришел ей на помощь в скорбные часы вражеского нашествия. Именно поэтому память о нем всегда будет дорога нам, и мы считаем своим долгом посвятить героическому партизану несколько взволнованных строк, как цветок, уважительно положенный на могилу друга, который, как известно, собрал свои первые армии в Америке.

Гарибальди родился в Ницце 4 июля 1807 года¹ в семье моряка и с детства проявлял склонность к активной жизни. Сначала его прочили в торговый флот, но он вступил в партию «Молодая Италия», устраивал заговоры, был в изгнании, потом окончательно обосновался в Южной Америке, где не без основания считал, что сможет плодотворно использовать свою энергию и активность. Это было в 1836 году². Ему тогда было двадцать девять лет.

Надо было жить. Гарибальди, прибыв в Рио-де-Жанейро, нашел нескольких соотечественников, изгнанных как и он, и смог с их помощью купить маленький корабль, на котором совершал каботажные плавания из

¹ Ницца в то время принадлежала не Франции (как сейчас), а Сардинскому королевству.

² Точное время прибытия Дж. Гарибальди в Южную Америку не установлено; оно приходится на интервал декабрь 1835 года — январь 1836 года.

Рио в Кабу-Фриу. С скромная торговая деятельность длилась девять месяцев. В это время республиканское движение стало особенно массовым в штате Риу-Гранди-ду-Сул¹. Его руководителем был Бенту Гонсалвиш да Силва. Уступив настояниям своих соотечественников, Гарибальди предоставил помощь и свой корабль Гонсалвишу да Силва, который принял их с благодарностью. Маленький корабль был тайно вооружен и, едва покинув Рио-де-Жанейро, поднял флаг новорожденной республики. Гарибальди стал ее частью. Для начала он захватил большую палубную лодку, которая значительно увеличила морские силы восставших.

Ему тотчас поручили командование всеми морскими силами, если только можно так назвать два или три жалких каботажных суденышка, вооруженных несколькими пушками малого калибра. Гарибальди сумел быстро увеличить свой флот за счет мелких судов, находящихся в окрестностях; он укрыл их в озере Патус и посадил на них итальянцев, быстро обучившихся навигационным маневрам, обращению с оружием и специальной тактике абордажа.

С тех пор легендарный итальянец непрерывно и неустанно вел борьбу с врагами партизанскими методами, в которых он был большим мастером. Однажды на суше, когда он стоял один на посту, его атаковал отряд кавалеристов. Гарибальди был окружен, но разрядил в осаждающих все оружие, которое находилось в его распоряжении; одежда была продырявлена ударами пик, но он казался неуязвимым. На шум этой неравной битвы прибежали матросы, по счастью находившиеся неподалеку, чтобы помочь командиру. Их было только тринадцать против шестидесяти бразильцев. Они дали отпор, несмотр-

¹ Речь идет о движении «фаррапус», как презрительно окрестили его аристократические круги Бразилии. «Фаррапус» по-португальски означает «оборванцы». Плохо одетые, нередко ходившие в лохмотьях бедняки южного бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул в 1835 году подняли вооруженное восстание и провозгласили демократическую республику, просуществовавшую свыше десятка лет. Восстанием руководил офицер бразильской армии Бенту Гонсалвиш да Силва (1788 — 1847). Он был взят правительственными войсками в плен (1837), но бежал, снова вернулся в охваченный огнем гражданской войны штат, где стал первым (и единственным) президентом республики Пиратини.

ря на их малочисленность, с такой энергией, что осаждающие отступили.

Провоевав внутри огромной бразильской империи, Гарибальди был заблокирован на озере Патус с двумя из своих кораблей бразильским императорским флотом. Поскольку совершенно невозможно было пройти по фарватеру и он не хотел потерять свои корабли, то Гарибальди задумал следующую экспедицию, настолько же дерзкую, насколько оригинальную. Он приказал своим морякам построить грубые, но очень прочные дороги и приспособил их для рам, пропущенных под кили кораблей еще под водой. Сделав это, он запряг по две сотни быков в каждый корабль и протаскил их через лес на расстояние двенадцать лье до маленькой речки Капиори, а оттуда провел корабли в океанский залив.

Достигнув лагуны, он дождался подходящего момента, чтобы возобновить борьбу. Именно тогда, воспользовавшись временным бездействием, он смог наконец-то удовлетворить нежное стремление своего сердца, взяв в жены юную дочь этой страны, знаменитую Аниту, которая стала затем неразлучной подружкой во всех его делах¹.

Достойная подружка героя, которого она выбрала, Анита последовала за суженым на корабль, когда началась самая острая и ожесточенная борьба. Императорский флот вошел в лагуну. Гарибальди сопротивлялся с неукротимой энергией против десятикратно превосходящих сил. Потом, когда потерял половину своих людей, увидел, как вокруг него упали двенадцать офицеров, а его корабль, изрешеченный ядрами, грозил пойти ко дну, он сумел спастись, бросившись в шлюпку вместе с женой и оставшимися в живых сподвижниками, и добрался до берега.

Флот был разбит, но борьба продолжалась на суше с неслыханным упорством. Через некоторое время про-

¹ А н и т а — Анна-Мария Рибейру да Силва (ок. 1821 — 1849) познакомилась с Джузеппе Гарибальди в 1839 году стала матерью двух его сыновей; в декабре 1847 года уехала в Италию, где вступила в отряд мужа. В 1849 году Анна-Мария сражалась в должности офицера при обороне Римской республики. После падения Рима гарибальдийцы выступили на защиту республики в Венеции. Во время этого изнурительного перехода мужественная супруга предводителя республиканцев умерла (4 августа 1849 года).

изошел скорбный эпизод, героиней которого стала храбрая спутница Гарибальди. Однажды с горсткой людей он атаковал пятьсот солдат императорских войск. Как всегда, Анита держалась около него верхом на лошади в самой гуще боя. Превратности яростной битвы разлучили ее с супругом. Она очутилась в центре толпы неприятелей, требовавшей, чтобы она сдалась. В ответ она вонзила шпоры в бока лошади, та бешеным скачком вынесла ее. Анита открыла огонь из пистолета и прошла сквозь скопище врагов как смерч. Шквальным огнем пытались прервать это дерзкое бегство. Бесстрашная наездница осталась целой и невредимой; пуля пробила ее шляпу и срезала прядь волос, но смертельно раненная лошадь споткнулась, рухнула и увлекла всадницу за собой.

Злоба и сердечная боль, когда она увидела себя плененной и разлученной, может быть надолго, с Гарибальди, заставили ее решиться на побег, смелость которого обескуражила врагов. Уверенная, что ее супруг жив — его не нашли на поле битвы, — она воспользовалась моментом, когда никто не обращал на нее внимание, вскочила на взнузданную лошадь и ускакала на ней в лес, чтоб никто не смог и не осмелился ее преследовать, проделала через запутанные заросли двадцать лье, без пищи, в одежде, превращенной колючками в лохмотья, и после нескольких дней невыразимых тревог нашла убежище в маленькой колонии.

Через несколько месяцев она родила своего старшего сына Менотти, у которого на голове был шрам, образовавшийся, говорят, при падении его матери с лошади в описанном нами драматическом эпизоде. К 1843 году Гарибальди решил покинуть Риу-Гранди. Война за убеждение переродилась в конфликт личных амбиций, и это не отвечало никоим образом его идеалам республиканизма. Составив план, он погрузился на корабль и отправился в Уругвай, разоренный тогда аргентинскими бандами.

Принятый как освободитель, он, не мешкая, встал во главе флота и, потерпев сначала неудачу из-за малочисленности личного состава, все же сумел прорвать блокаду Монтевидео.

Поскольку на море ему больше нечего было делать, он принял на себя командование итальянским легионом, ко-

торый вместе с французским, возглавляемым полковником Тибо, пришел на помощь молодой республике.

Вспомнить подробно вылазки, безнадежные атаки, беспорядочные перестрелки, в которые постоянно ввязывался этот непобедимый легион — это значит начать славную, но бесконечную повесть. Тем не менее стоит рассказать об одном блестящем военном эпизоде, взятом наугад из сотни других, не менее замечательных. Посланный за три сотни лье, чтобы выбить противника, присутствие которого беспокоило целую страну, Гарибальди всего лишь с восьмьюдесятью четырьмя итальянскими легионерами и пятьюдесятью всадниками в течение восьми часов сражался против полутора тысяч человек, не уступая ни дюйма земли.

Когда пришла ночь, маленький отряд героического партизана уменьшился наполовину! Оставшиеся в живых, падающие с ног от усталости, едва добрались до Сальто, где Гарибальди устроил свою штаб-квартиру. Раненых посадили по двое, по трое на лошадей, которых смогли найти, и до предела измученные товарищи вынуждены были поддерживать их с двух сторон. Наконец 8 февраля 1846 года они прибыли в Сальто.

В честь этой славной победы правительство Уругвая приказало написать эту дату золотыми буквами на знамени легиона. Французский адмирал, комендант корабельной стоянки Рио-де-ла-Плата, счел за честь адресовать поздравительное письмо итальянскому патриоту, в котором говорилось, что «такие подвиги бросают новый отблеск на солдат великой армии Наполеона».

Когда Гарибальди вернулся в Монтевидео, выполнив свою миссию, правительство присвоило ему звание генерала. Итальянский патриот скромно отказался от этой чести, но позже вынужден был согласиться по просьбе общества. Кроме того, ему предложили земли и стада для него и его легионеров. Он ответил просто, что итальянцы в Монтевидео взяли в руки оружие, повинувшись только зову свободы. Он наотрез отказался от всякого вознаграждения.

Как видно, его храбрость равна его бескорыстию; лучше не скажешь, и хорошо, что это известно.

Вскоре он вернется в Италию, куда его позвали письма друзей и где в течение более двадцати лет будет играть весьма значительную роль.

АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ И ЭМЕ БОНПЛААН

Фридрих Генрих Александр барон фон Гумбольдт родился в Берлине 14 сентября 1769 года. Он происходил из богатой и знатной померанской семьи¹. Его отец, военный врач прусской армии, умер совсем молодым, отличившись в Семилетней войне. Мать была бургундка по происхождению. Юный Александр до четырнадцати лет воспитывался в замке Тегель около Берлина и проявлял такие способности к наукам и трудолюбие, что изумлял всех своих близких.

«Среди причин, — говорит он, — которые могут привести нас к изучению естественных наук, мы можем назвать случайные и кажущиеся мимолетными впечатления юности, которые часто решают всю нашу дальнейшую судьбу... Если бы меня попросили сказать, что внушило мне мысль отправиться в тропические районы, я назвал бы прекрасные описания островов Южного моря, сделанные пером Георга Форстера²».

Уроки одного из его самых любимых учителей, Йоахима Кампе, автора «Немецкого Робинзона»³, придали большую отчетливость его детским мечтам и определили дальнейшую судьбу ученого. Воображение и любовь к природе развивались в ребенке, соперничая с горячей любовью к науке, благодаря домашнему образованию, данному Христианом Кантом, членом Академии наук и государственным советником Пруссии. Когда Александр достиг четырнадца-

¹ Померания — область в тогдашней Восточной Германии, вдоль побережья Балтийского моря; после Второй мировой войны значительная ее часть вошла в состав Польши.

² Форстер Георг (1754 — 1794) — немецкий писатель, ученый, революционный деятель; вместе со своим отцом Иоганном Рейнгольдом принял участие во втором кругосветном плавании Дж. Кука, о котором немецкие ученые оставили содержательные записки; о Форстерах автор упоминает в разделе «Океания».

³ Кампе Йоахим Хайнрих (1746 — 1818) — немецкий языковед и детский писатель; здесь речь идет об обработке знаменитого романа Д. Дефо, вышедшего под названием «Робинзон Младший» в 1779 — 1780 годах (в двух томах).

тилетнего возраста, его вместе с братом Вильгельмом¹ отправили завершать образование в Берлин. С 1786 по 1788 год он учился в университете Франкфурта-на-Одере, а затем отправился в Геттинген, где занялся, можно сказать, исступленно изучением филологии, истории, анатомии, физиологии и естественных наук. Совсем еще юный, он обладал уже обширными знаниями, и его имя получило известность в научных кругах. В конце 1790 года, после путешествия в Англию и Голландию, Гумбольдт отправился в Гамбург изучать языки вместе с Бушем и Эбелингом. Вскоре его мать, встревоженная тем, что сын слишком долго не был дома, вознамерилась приучить его к оседлому образу жизни, для чего отправила сына учиться в Горную академию во Фрейберг для усовершенствования знаний по геологии. Академию Гумбольдт окончил через год и был назначен в 1792 году горным ассессором и обербергмейстером франконских² княжеств и маркграфства Байройт. В 1796 году умерла мать. Глубокая сыновняя привязанность до того времени заставляла скрывать, как тяготили его необходимость сидеть на одном месте и невозможность реализовать давно выношенные в душе проекты. Отыгнне, оставшись один, Александр Гумбольдт продал свои владения в Пруссии и отправился в Париж.

Радужно принятый учеными, составлявшими гордость этой лихорадочной эпохи, работая бок о бок с Араго³ и Гей-Люссаком⁴, очень уважаемый за свои обширные знания, он легко добился от Директории разрешения присоединиться к экспедиции капитана Бодена, который собирался предпринять кругосветное плавание. Именно там он познакомился с Эме Бонпланом⁵, который должен был сопровождать капитана Бодена в качестве натуралиста. Этой экспедиции помешали войны в Германии и Италии. Видя, что их планы рухнули, ученые отправились в Испа-

¹ Гумбольдт Карл Вильгельм (1767 — 1835).

² Франкония — область на юге Германии, в Баварии.

³ Араго Доминик Франсуа (1786 — 1853) — один из крупнейших французских ученых XIX в., астроном, физик, член Парижской академии наук, политический деятель.

⁴ Гей-Люссак Жозеф Луи (1778 — 1850) — знаменитый французский ученый; работал в областях физики и химии.

⁵ Бонплан Эме — настоящая фамилия ученого: Гужо.

нию, надеясь оттуда попасть в ее южноамериканские владения. Это был конец 1798 года.

Бонплан родился в Ла-Рошели 22 августа 1773 года и, следовательно, был на четыре года моложе Гумбольдта. Он служил военным хирургом в республиканском флоте, но к тому времени, когда судьба свела его с прусским ученым, ставшим затем его неразлучным другом, уже оставил службу и был свободен. Прекрасно принятые испанским правительством, натуралисты получили все желаемые разрешения и даже возможность бесплатно переправиться на фрегате «Писарро», который отправился из Ла-Коруњи 5 июня 1799 года.

Посетив Канарские острова и совершив классическое восхождение на пик Тенериф¹, они прибыли 16 июля в порт Кумана², столицу страны, которую тогда называли Новой Андалузией.

Друзья провели несколько недель в Кумана, собрали ботанические коллекции и проверили приборы. Первым результатом этой проверки для Гумбольдта было точное определение положения Кумана по широте и долготе посредством астрономических наблюдений. До того времени этот город на картах находился по меньшей мере на полградуса южнее.

Бонплан, страстный ботаник, восхищенный пышностью флоры, собрал гербарий, накопив настоящие сокровища, пока Гумбольдт с его универсальным образованием и ненасытной жаждой знаний изучал все, что попадало в его поле зрения: землю, людей, животных.

Из Кумана оба друга, умножая свои труды и производя многочисленные метеорологические наблюдения, отправились в Ла-Гуайру³ вдоль побережья и прибыли в Кара-

¹ Пик Тенериф. — Речь идет о вулкане Тейде (3718 м) на острове Тенериф.

² Куманá — порт на востоке венесуэльского побережья; был главным городом образованной в 1568 году провинции Новая Андалузия (Нуэва-Андалусиá), однако ко времени высадки А. Гумбольдта этой провинции уже не было: в 1762 году, после отделения Гвианы, она была преобразована в губернаторство Кумана.

³ Ла-Гуайра — порт на побережье Венесуэлы, в паре десятков километров севернее Каракаса, столицы страны.

кас в январе 1800 года. Они пробывали там некоторое время и, пройдя по многим инстанциям, увеличили и без того уже большой численный состав экспедиции.

Из Каракаса ученые отправились в Пуэрто-Кабельо, вскарабкались на горы, сжимающие долины Арауки, и достигли заросших травой равнин, местами покрывавших огромные пространства, известных под названием льяносов. Они приближались к Ориноко.

Именно в степных реках Венесуэлы натуралисты впервые увидели электрических угрей, рыб с такими необычными и опасными свойствами.

Отсюда они добрались до одного из притоков Ориноко Апуре и по нему спустились в индейской пироге. Путешествие становилось все более трудным, мучили лихорадка, надоедливые тучи комаров, лишения, утомление.

Продолжая неустанно свои исследования, друзья смогли проверить гипотезу, выдвинутую Буашем четырьмя годами раньше, относительно сообщения между Ориноко и Амазонкой. Они отправились по Риу-Негру, притоку Амазонки, проследовали по ней на сотню лье и обнаружили на левой стороне приток, направляющийся на север, поднялись по его течению и после долгого и утомительного плаванья вошли непосредственно в Ориноко. Этим природным каналом была река Касикьяре, которая действительно соединяла две огромные американские реки, вытекая из Ориноко в трехстах километрах от ее истока и впадая в Риу-Негру, приток Амазонки.

Это плавание длилось семьдесят пять дней в индейской пироге как по Ориноко, так и по Риу-Негру и Касикьяре. Оттуда друзья направились к побережью, но не смогли идти дальше из-за английской блокады, прервавшей всякую связь с морем. Они были вынуждены ждать два месяца с августа по октябрь и отправились в Гавану, куда прибыли в конце года. Здесь ученые надеялись присоединиться к экспедиции капитана Бодена, чтобы вместе с ней обогнуть мыс Горн, пересечь Тихий океан и достичь Австрало-Азиатского архипелага. Поняв, что этот проект никоим образом нельзя осуществить, друзья решили вернуться в Южную Америку и в Картахене сели на корабль.

Гумбольдт хотел дополнить как можно более подроб-

ным орографическим¹ исследованием результаты своей предыдущей кампании, носившей главным образом гидрографический характер. Верный Бонплан продолжил бы свои ботанические исследования и, как всегда, оказал бы начальнику экспедиции ценную помощь своей увлеченностью, гуманной философией и крепкой дружбой. Из Картахены в Боготу друзья решили отправиться по реке Магдалене. Они любовались по пути одним из самых красивых, после Ниагарского, водопадом Текуандана, от которого поднималась колонна водяной пыли, видная из Боготы.

Ученые посетили горную цепь Киндио², вулкан Попаян³, Парамо⁴ д'Альмагер, плато Лос-Портос и 6 января 1802 года прибыли в Кито.

Здесь они в два приема взобрались на вершины Пичинчи, возобновили свои опыты по определению состава воздуха, электрическим, магнитным и физиологическим явлениям, поднялись на малоизученные вершины вулкана Котопахи⁵ и пять месяцев провели в Кито, оттуда отправлялись в разные стороны на поиски исторических документов, собираемых со страстью истинных исследователей.

Следующим местом их паломничества стала Лима, откуда путешественники морем приплыли в конце декабря 1802 года в Гуаякиль, добрались до Акапулько и, пройдя через Таско и Куэрनावаку, прибыли в апреле в город Мехико. Ученые более года прожили в этой любопытной стране, которая тогда называлась еще Новой Испанией, а вскоре вернула свое исконное название — Мексика. Среди прочих они посетили рудники Морана⁶, единственный

¹ Орография — описание форм земной поверхности и их взаимного расположения.

² Киндио — горная цепь в Колумбии, составная часть Центральной Кордильеры в Колумбийских Андах, между 1 — 2° з. д. и 4 — 5° с. ш.

³ Неточность автора: Попаян — колумбийский город, а вулкан недалеко от него называется Пурасе (4646 м).

⁴ Парамо — здесь: голая степь (другое значение этого слова — безлюдная, холодная местность) (*исп.*).

⁵ Вулкан Котопахи (5897 м) расположен к югу от Кито.

⁶ Имеется в виду месторождения серебра Реаль-дель-Монте-и-Моран в мексиканском штате Идальго (к северу от столицы страны Мехико).

порог Реглы¹, совершили восхождение на вулкан Хорульо², один из интереснейших в Новом Свете, потом на Толуку³ и Пероте⁴, откуда проследовали до Халапы, потом до Веракруса, откуда морем отправились на Кубу. С Кубы они перебрались в США, потом вернулись во Францию 9 июля 1804 года. Это прекрасное путешествие, такое плодотворное по всевозможным результатам, и до того времени единственное в летописи науки, длилось без перерыва почти пять лет!

Гумбольдт привез материалы для своего бессмертного труда «Путешествие в экваториальные районы», гениальный памятник стиля и эрудиции, делающий честь не только его Родине, но и человечеству, поскольку этот ученый, величайший ум которого вмещал в себя невероятно разносторонние знания, был еще и хорошим поэтом. «Наука будет неполной, если она не сможет нравиться по форме и вызывать желание читать», — напишет он однажды, и никто лучше, чем он, не обладал этим ценным даром блестящего стилиста, такого редкого у ученых. Гумбольдт долгое время жил во Франции, хорошо знал и любил французское общество, наши обычаи и язык и оплакивал (редкое и ценное явление для неэмоциональных пруссаков) беды нашей страны. Он обладал великолепным чувством языка, к тому же прекрасно писал на французском, лукаво говоря по этому поводу: «Когда сущность вещей суха, я чувствую, что мои фразы становятся тевтонскими».

В 1829 году, хотя ему было уже шестьдесят лет, Гумбольдт без колебаний предпринял большое путешествие с целью исследования Центральной Азии, продлившееся не

¹ Регла — река в штате Идальго. Речь идет об ущелье, дно которого выстелено базальтовыми столбами, образующими широкий амфитеатр, где находится красивейший водопад Регла, образованный реками Исатла, Уаска и Сан-Хосе; ширина водопада — 116 м при высоте в 6 м.

² Хорульо (Хуруго) — вулкан в штате Мичоакан, на равнине между городами Толука и Колима; его высота составляет 760 м.

³ Толука — вулкан Невадо-де-Толука (4373 м), в полусотне километров юго-западнее Мехико-Сити.

⁴ Пероте — вулкан Кофре-де-Пероте (4282 м) на востоке Мексики, в сотне километров западнее порта Веракрус.

менее шести месяцев, во время которого он легко переносил все тяготы нелегкого пути.

Он вернулся в Берлин, где окончательно обосновался, и занялся публикацией великолепной научной энциклопедии «Космос», известной и признанной во всем мире.

Александр Гумбольдт умер в 1859 году, дожив до девяноста лет в славе и почестях, через год после своего друга Бонплана, в жизни которого было столько тяжелых и бурных событий.

А теперь в нескольких строках расскажем о жизни верного соратника знаменитого автора «Космоса».

Бонплана назначили управляющим замка «Мальмезон», его заботам были поручены сады и оранжереи императрицы Жозефины. Он жил как простой и добрый человек, страстно влюбленный в естественную историю, среди обожаемых им растений, любимый всеми и особенно уважаемый Наполеоном, ценившим его непреклонную честность, общеизвестное бескорыстие и страстную привязанность. После смерти той, которая была императрицей Жозефиной, доброй, нежной креолки, безжалостно пожертвованной интересам династии, после окончательного падения империи Бонплан, раненный в самое сердце невзгодами, обрушившимися на его благодетелей, захотел вернуться в Америку, хотя не испытывал нужды, и правительство режима Реставрации оставило ему пенсию, назначенную императором. В 1816 году в Гавре ученый сел на корабль, идущий в Буэнос-Айрес. В этом городе он прожил некоторое время, даже занял место профессора и преподавал естественную историю для многочисленных и усердных слушателей.

Но бедный ученый, забравшийся в такую даль в поисках спокойствия, не смог найти его. Против него, человека в высшей степени доброго и безобидного, начали затеваться мелкие дразги, он предпочел retirоваться и подал в отставку, чтобы вернуться к милой его сердцу жизни ботаника, блуждающего среди красот американской флоры. Бонплан поднялся по Паране и поставил своей целью посетить провинцию Санта-Фе, Гран-Чако, а также Боливию, когда безжалостная судьба привела его на территорию, оспариваемую Парагваем и Аргентинской

конфедерацией¹. Он, очевидно, чувствовал себя в безопасности, когда произошел инцидент, полностью разбивший его жизнь.

В это время Парагваем управлял Франсиа², образец тирана, недоверчивое животное, автократ, недоступный для добрых чувств, для сантиментов; лишенный всякого интеллекта, он терроризировал маленькую республику и запер ее, как монастырь.

Франсиа видел в натуралисте шпиона на содержании у своих неприятелей, или, как он говорил, авантюриста, покушающегося на монополию Парагвая на траву-мате, или местный чай. 3 декабря 1821 года он приказал отряду из четырехсот человек ночью переправиться через Парану. Солдаты неожиданно напали на маленький мирный отряд ученого и яростно атаковали его. Некоторые слуги были убиты, другие ранены, а Бонплан получил удар саблей по голове, который едва не стоил ему жизни. Против всякого права и справедливости, поскольку земля, на которой он находился, была по меньшей мере спорной, Бонплан был уведен в кандалах в Санта-Марию, в полудикую местность в середине парагвайской территории. Несмотря на его протесты и просьбы, Франсиа упрямо отказывался увидеться с ним и продержал ученого у себя на виду около десяти лет на ограниченном пространстве, откуда тот не мог уйти под страхом смерти!

Без каких-либо средств Бонплан сумел своим трудом и терпеливой находчивостью поддерживать свое скудное существование и в конце концов даже сумел улучшить его, занимаясь врачеванием, приготовлением лекарств и давая людям, живущим по соседству под строгим надзором диктатора, агрономические советы.

Его доброта, милосердие, мягкость были неисчерпаемы, и имя ботаника осталось у бедняков Парагвая священным и

¹ В XIX веке Аргентина не раз меняла свое название и конституционное устройство, по мере того как побеждали то унитаристские, то конфедералистские тенденции.

² Франсиа — Хосе Гаспар Томас Родригес, более известный как Доктор Франсиа (1766 — 1840); парагвайский политик, объявивший себя диктатором в 1814 году и пожизненно сохранивший верховную власть.

почитаемым, как настоящего апостола. Незаконное лишение свободы Бонплана вызвало возмущенный протест в ученом мире, но напрасно император дон Педру¹ вступился за него, напрасно Шатобриан, тогда министр иностранных дел, просил предоставить узнику свободу, а один добросердечный француз месть Грандуар передал самому страшному Франсиа коллективную просьбу членов Французского Института² об освобождении Бонплана. Все эти инстанции добились только одного: его тюрьма стала еще более тесной, а заключение более тяжким.

Ах! Если бы Бонплан был английским гражданином! И вот животное, называющее себя Верховным, терроризирующее маленькую республику, уже видит британский флаг, развевающийся на гафеле³ крейсера, слышит рев ядер и вынуждено открыть двери тюрьмы!

Двенадцатого марта 1829 года его превосходительство Верховный, посоветовавшись с Боливаром⁴, соизволил сообщить Бонплану, что тот свободен. Бедный ученый готовится к отъезду и прибывает на границу. Но это еще не конец, поскольку Франсиа не хотел выпустить свою добычу. Невольника еще допрашивают, на него давят, пытаются запугать, заставить признаться, что он шпион Франции или Аргентинской республики. И вот в нищете прошло еще двадцать тревожных месяцев, прежде чем Бонплан смог покинуть проклятую территорию.

¹ Дон Педру I (1798 — 1834) — император Бразилии (1822 — 1831 гг.) и король Португалии под именем Педру IV (с 1826 года).

² Французский Институт — сообщество пяти академий: Французской академии (осн. в 1634 г.), Академии художественной литературы и рукописей (осн. в 1663 г.), Академии моральных и политических наук (осн. в конце XVIII в.), Академии наук (осн. в 1655 г.) и Академии изящных искусств (осн. в 1795 г.); общее количество членов Института составляло в XIX веке 225 человек.

³ Гафель — наклонное дерево, укрепляемое нижним концом к мачте судна для привязывания верхней кромкой косого паруса. К гафелю крепится фал, служащий для подъема флага.

⁴ Боливар Симон (1783 — 1830) — генерал и политический деятель, один из руководителей борьбы испанских колоний за независимость в начале XIX века; его роль в этой борьбе отмечена почетным титулом — Эль Либертадор (Освободитель); с 1821 года был президентом Колумбии, представлявшей тогда федерацию впоследствии самостоятельных государств — Венесуэлы, Колумбии и Эквадора.

Его карьера была сломана, состояние потеряно, пенсия вычеркнута из книги государственных долгов. Он не получил никакого возмещения. У правительства времен Реставрации¹, казалось, были более важные дела, чем забота о старом слуге наполеоновской империи, и оно как бы даже не обратило внимания на то, что самодурство парагвайского тирана наносило оскорбление самой Франции.

Бедный, старый, уставший, одинокий ученый не захотел вернуться в Европу. Он нашел себе убежище на левом берегу реки Уругвай, в бразильском городке Сан-Боржа, где обосновался, занимаясь наукой и оказывая беднякам медицинскую помощь. Вдали от мирской суеты, окруженный любовью, он позволил себе спокойно стареть среди цветов и птиц...

Французский путешественник Демерсей, проезжая по стране, посетил его в 1851 году и в следующих выражениях описал свою встречу с ним:

«Пробыв несколько часов под непрерывным дождем, я больше походил на бандита, чем на географа, выполняющего важное поручение; мои огромные высокие сапоги, пропитанные водой, спускались винтом на пятки, где болтались большие железные шпоры. Пончо², похожее на то, что носят негры, выпачканное красноватой глинистой грязью, едва прикрывало плечи; обязательная сабля била по ногам. Французский слуга, сопровождавший меня, походил на калабрийского³ разбойника и вполне мог напугать своим видом нашего хозяина. Но было достаточно нескольких слов, чтобы в глазах Бонплана, пристальных и удивленных, появилось другое выражение. Вечером я остановился в его доме, и через несколько часов мы стали друзьями, как будто были знакомы лет двадцать...»

Добрый обаятельный старик, тогда восьмидесятилетний, но полный жизни, бодрости и веселья, по-отечески

¹ Реставрация — период в истории Франции, в течение которого власть находилась у восстановленной на престоле династии Бурбонов, свергнутых Великой французской революцией (1814 — 1830); конец режиму Реставрации положила июльская революция 1830 года.

² Пончо — накидка из шерсти или плотной ткани с отверстием в середине для головы.

³ Калабрийский — относящийся к Калабрии, области на юге Италии.

принимал французов, приехавших повидаться с ним. Удивительная память позволяла ему воскресить в обстоятельствах и полных очарования беседах все подробности его удивительной жизни, охватывающей три четверти века, и наполненной невероятными событиями.

Он тихо умер 11 мая 1858 года бедным, заброшенным, но все-таки счастливым в стране солнца и цветов¹.

ГЛАВА 27

ДОКТОР КРЕВО

Написав имя этого несчастного путешественника, трагически погибшего в полном расцвете сил, славы и таланта, понимаешь, какой трудной и болезненной для автора становится задача рассказать об этом человеке. Исчезновение этой личности, такой верной, такой откровенно симпатичной, было для него тем более жестоко, что он лично мог оценить выдающиеся качества Жюля Крево во время длительного переезда из Франции в Гвиану. Крево отправлялся в третье путешествие вместе со своим храбрым другом Лежанном, выдающимся фармацевтом. Случай соединил нас на борту, и в течение трех недель мы почти не разлучались. И к страшной боли, которую мне причинила его смерть, как французу, как приверженцу науки и гуманизма, добавляется простая человеческая жалость к товарищу, ставшему другом, так трагично закончившему свою прекрасную жизнь.

Теперь послушайте короткую биографию этого сердечного человека, хорошего француза и пламенного патриота. Жюль Крево родился в Лоркине (департамент Мерт) 1 апреля 1847 года. Бретонец, ставший лотаринжцем², у которого война 1870 года, как говорил он, вырвала кусок сердца. Блестяще выдержав экзамены на бакалавра, Жюль после года изучения медицины в Страсбурге приехал в

¹ В 1854 году губернатор аргентинской провинции Коррьентес Хуан Пухоль назначил Бонплана директором провинциального музея, расположенного в городе Санта-Ана; там Бонплан и умер 11 мая 1858 года.

² То есть жителем Лотарингии, исторической области на востоке Франции, вошедшей после поражения французов в войне 1870 — 1871 годов в состав Германской империи.

Брест, в школу морских медиков. «Именно там, — пишет Лежанн, который предоставил нам собранные им ценные документы, — я познакомился с ним в 1867 году, и мы стали товарищами по учебе. В нашу школу его привлекли желание посетить малоизученные районы, уверенность, что удастся посмотреть мир; одним словом, это были опасности и волнения морской жизни, ибо он любил опасности, и можно сказать, что они были его стихией».

Жюль Крево был маленький, коренастый, необычайно энергичный, с высоким лбом и пламенем в глазах. Привычка больше задавать вопросы, чем говорить самому, выдавала в нем человека жадного к знаниям. «Он был прекрасным товарищем, — продолжает Лежанн, — и я не могу себе представить, чтобы Жюль когда-нибудь мог кому-то отказать в услуге. Крево обладал острым умом и веселым нравом; его речи, точные, остроумные, никогда не были злыми».

Назначенный помощником врача, 24 октября 1868 года, он начал свою карьеру на транспортном судне «Церера» и смог бросить взгляд на наши колонии в Сенегале и на Антильских островах.

В момент, когда разразилась война 1870 года, Крево, отчаявшись после первых неудач, кипел нетерпением и давно уже искал случая найти применение своей отваге и горячему патриотизму. Наконец он смог добиться назначения в четвертый морской батальон в Шербуре. Во Фретвале¹ этот батальон был истреблен, его командир убит и Крево взят в плен, когда ухаживал за ранеными. Молодой медик, сумев убежать, отправился в Бурж², где поступил в распоряжение военного министра и предложил себя для самых трудных, самых опасных поручений. Гамбетта³, хорошо разбиравшийся в людях, оценил его

¹ Фретваль — городок на реке Луар, притоке Луары (департамент Луар и Шер). Возле этого города 14 — 16 декабря 1870 года французские войска под командованием генерала Шанзи отчаянно сражались против наступавших немцев.

² Бурж — столица исторической области Бери в Центральной Франции; в настоящее время — центр департамента Шер.

³ Гамбетта Леон (1838 — 1882) — французский адвокат и политический деятель; во время франко-прусской войны 1870 — 1871 годов член правительства Национальной обороны.

смелость и преданность и отправил с приказами сначала в Орлеан, занятый неприятелем, потом в осажденный Салин. Раненный в Шаффхуа 24 января 1871 года пулей в правую руку, доктор вернулся на свой пост в морские батальоны и покинул их в апреле, чтобы вернуться в Брест.

Двадцать восьмого октября 1873 года Крево получил должность врача второго класса, взошел на борт «Ламот-Пакета», с экипажем которого участвовал в кампании на Южной Атлантике, и стал на якорь в Ла-Плате, которую в следующий раз увидел снова только для того, чтобы там умереть. По своем возвращении во Францию он представил в Геологическое общество наблюдение, доказывающее, что его проницательность распространяется не только на медицинские материи. С давних пор рассматривали отполированные и покрытые бороздками огромные каменные блоки в пампасах Аргентины как эрратические валуны¹, перенесенные ледником. Ему не составило труда доказать, что эти камни по своему составу не отличаются от местных пород и должны быть отполированы и изрезаны на месте мощными потоками воды, с огромной скоростью перемещавшей бесчисленные обломки. Безапелляционным аргументом стало то, что некоторые из них даже не отделены от материнской породы, и доктор Крево постарался сфотографировать их.

В 1876 году он выдержал конкурс на звание врача первого класса. С давних пор все его мысли были обращены к Гвиане. Ученый знал, что вот уже двести лет многочисленные путешественники напрасно пытались проникнуть в район предполагавшегося расположения знаменитого Эльдorado, к горам Тума-Хума, от которых воды оторвали горстку крупинок, таких желанных для старателей.

Почему бы ему не попытаться сделать то, чего до сих пор никто не смог? Ни у кого не было больше, чем у него, энтузиазма и священного огня. Он молод, хорошо закален как физически, так и морально, налицо все благоприятные условия.

¹ Эрратические валуны — сглаженные и окатанные обломки и глыбы горных пород, часто имеющие так называемые ледниковые борозды (царапины, штриховку, полировку), занесенные ледниками далеко от места их коренного залегания.

«Что еще надо? — продолжает его биограф Лежанн. — Немного денег». На помощь пришла колония. Его снаряжение было минимальным. Стараясь не обращать на себя внимание, он имел больше шансов пройти. Путешественник уже собирался отправиться в путь, когда на острове Салю разразилась эпидемия желтой лихорадки и потребовала его присутствия. Преданность доктора своим больным, хладнокровие перед страшным бедствием были вознаграждены крестом Почетного легиона. Болезнь настигла его одним из последних, едва не погубив.

Чуть поправившись, Крево вернулся к своим проектам и начал готовиться к отъезду. 9 июля он оставил Кайенну и поднялся по Марони до страны племени бони¹, где нашел красивого могучего негра² Апату, ставшего его постоянным и преданным спутником. Экспедиция достигла гор Тума-Хума ценой таких тягот и лишений, что вздрогнешь, подумав о них. Потом они спустились по Жари до Амазонки, совершили одно из самых невероятных путешествий, о котором когда-либо слышали в этом районе, хотя сначала даже старые гвианцы отказывались верить в его успех.

А теперь дадим слово самому путешественнику, чтобы сохранить всю прелесть его повествования.

«...Один взгляд на карту, — сообщает Крево, — и становится ясно, что низовья Жари, как и гвианских рек, пригодны для судоходства, а среднее течение усеяно бесчисленными скалами, позволяющими проходить только пирогам. Это или пороги, где вода бежит просто с бешеной скоростью, или отвесные стены, прорезанные водой в кварците, по которым устремляются вниз водопады.

Чтобы преодолеть все эти препятствия, приходится перетаскивать лодки через камни и крутые холмы, совершая тяжелую и часто рискованную работу.

Один из этих водопадов мы называли «Безнадежность» потому, что, остановившись перед этим препятствием, подумали, что преодолеть его невозможно. Индейцы ру-

¹ Бони — одно из племен негров Марони; в начале XX века в него входило около 500 человек; как и два других негритянских племени (парамака и юка), бони активно смешивались с креолами.

² Негритянских рабов в Гвиану в больших количествах начали завозить голландцы (с 1667 г.).

куйены¹, которых мы наняли как проводников, бросились врассыпную, заметив опасность. Эти водопады так страшат индейцев рукуйенов, что они совершенно отказались от торговли с бразильцами, обосновавшимися в нижнем течении. Индейцы предпочитают подняться к бухточке Ку, пересечь часть гор Тума-Хума, чтобы купить нож стоимостью в один франк, отдав за него гамак из хлопкового волокна, изготовление которого потребует от них нескольких месяцев работы.

Апауани совершенно пустынная местность; на реке Ку живет одна небольшая семья (около тридцати человек) индейцев оямпи, которых рукуйены называют калайуас, потому что прежде те имели связи с португальцами, которых рукуйены называют этим именем. Нас уверили, что есть еще несколько маленьких семей оямпи, рассеянных по притокам, впадающим в Жари ниже бухты Ку. Верхняя Жари занята индейцами рукуйенами, которых так называют потому, что они причесываются при помощи «руку», но их настоящее название уаяна. Отсюда, без сомнения, произошло название Гуайана² или Гвиана, страны, в которой они обитают.

Рукуйены, обычаи и язык которых мы изучали, принадлежали к большой народности карибов, абсолютно диких представителей которых еще можно встретить на Ориноко и Апуре.

Рукуйены сохранили все обычаи карибов, за исключением каннибализма. Большинство среди них незлые люди, но они опасны, если двинутся на уаякулетов³ Верхней Марони и индейцев бухты Куари, которые, хотя и принад-

¹ Р у к у й е н ы (правильнее — рукуйен) — индейский народец, обитающий на юго-западе Французской Гвианы (ок. 500 человек) и в соседних районах Бразилии (ок. 100 человек). В наши дни этнографы чаще называют рукуйенов «уаяна» (или «ояна»). Стоит отметить, что автор приводит неверное объяснение названия племени. На местных наречиях словом «руку» обозначается кустарник ачиоте, из семян которого индейцы делали красную краску для раскраски тела.

² Отсюда и современное название бывшей Британской Гвианы — Гайана.

³ У а я к у л е т ы . — Речь идет о народе вай-вай (или уай-уай), относящемся к группе карибов и обитающем на севере Бразилии и в Гайане; их общая численность — около 900 человек.

лежат к той же семье, но совершенно от них изолированы из-за войн с соседями.

Не странно ли обнаружить по меньшей мере в ста лье от побережья Французской Гвианы людей, которые еще находятся на уровне каменного века? Таковы уаякулеты, ужас негров бони; они настолько дикие, что еще не умеют строить пироги.

На карте мы отметили скалы и главные съедобные растения, которые можно найти на Жари. Если золото и почти чистое железо (гематит)¹, встречающиеся в верховьях реки, трудны для добычи, то в нижнем течении можно в достатке найти природные богатства растительного происхождения, заслуживающие интереса производителя. Сарсапарель², каштаны или бразильский орех, копаиба, приносят хороший доход. Но наиболее интересным является каучук, млечный сок гвианской гевеи (креольская сиринга), очень распространенной на низменных землях нижнего течения Жари.

Крево закончил свое путешествие 9 ноября. Принятый за беглого каторжника властями Белена, что лестно для их проницательности, он был отправлен на родину обособовавшимся здесь добрым французом Д. Барро, который дал ему деньги, необходимые для возвращения.

Едва вернувшись во Францию и вылечившись от глубокой анемии, которая чуть было не погубила его, доктор Крево отправился во второе путешествие, более длительное, трудное и рискованное, чем первое, предмет его давней мечты. Он легко добился от морского министра второго задания и отправился из Франции 7 июля 1878 года. Прибыв в Гвиану 28 июля, путешественник снова взял с собой храброго Апату, который с нетерпением ждал его и с радостью к нему присоединился.

¹ Гематит (он же красный железняк) — важнейшая из руд железа; однако его нельзя, вопреки мнению автора, считать «почти чистым железом»; подсчитав молекулярный вес гематита (Fe_2O_3), легко определить, что железа в нем содержится семьдесят весовых процентов. В природе гематит встречается в ассоциации с другими минералами, что заметно снижает концентрацию элементарного Fe. Богатые гематитовые руды содержат 55 — 65 % железа.

² Сарсапарель (сассапарель; Smilax) — род вечнозеленых колючих, лазающих при помощи усиков лиан, семейства лилейных.

Во время этого путешествия главным было исследование реки Ояпоки и сплав по Пару, который он совершил в пироге, несмотря на пороги и водопады. Затем ему пришла мысль пройти по Амазонке до отрогов Анд.

«Поднявшись по Ояпоки и спустившись по Пару, — рассказывает он, — мы замыслили проплыть на пароходах по Амазонке, которые поднимаются по этой большой реке почти на восемьсот лье в глубь Американского континента.

В пути бразильский морской офицер, капитан Таварес, член Парижского географического общества, пригласил меня совершить экскурсию по реке Иса, или Путумайо¹, притоку Амазонки, длина которого составляет не менее четырехсот километровых лье².

Я принял его предложение и высадился в устье Токантинса³ вместе с Апату, набрал экипаж, купил лодку, но вот в момент отплытия мой компаньон заболел и индейцы покинули меня.

«Эта река, — говорят они, — очень нездоровая, полна насекомыми, которые преследуют путешественника днем и ночью; сезон неблагоприятный (январь), берега затоплены, течение быстрое, нужно пять месяцев, чтобы достичь верховий».

После экскурсии по Амазонке, где я изучил способ приготовления кураре у индейцев тикун⁴ на Жавари, я вернулся в Пара⁵ с намерением возвратиться во Францию. Я уже взял пассажирский билет на английский корабль, когда узнал, что маленький пароход «Кануман» должен вскоре подняться по реке Иса. Он зафрахтован, чтобы принять груз хины, собранный компанией Р. Рейеса в от-

¹ Иса, или Путумайо — этот приток Амазонки в Бразилии называется Иса, а в Колумбии — Путумайо. Жавари — правый приток Амазонки, служащий границей Бразилии и Колумбии.

² Километровое лье — видоизмененная старинная французская мера длины; в этом случае лье было приравнено целому числу километров (4 км), в отличие от географического (4,44 км) и морского (5,55 км) лье.

³ Токантинс — крупный правый приток Нижней Амазонки.

⁴ Тикун (тукуна) — индейский народ, живущий в Бразилии, в низовьях реки Иса (около 5 тыс. человек), а также в соседних районах Перу (до 10 тыс. человек) и Колумбии (около 1 тыс.).

⁵ Пара — старое название бразильского города Белен.

рогах Восточных Анд, в верховьях Исы и Жапуры¹. Я занял место на борту 29 марта 1879 года, и 15 апреля 1879 года в семь часов вечера мы подошли к устью Исы...

Населения на берегах этой реки было немного. Мы не насчитали более двух сотен в хижинах, встречавшихся тут и там. Индейцы района Верхней Амазонки, как и Гвианы, расселились по большой реке, чтобы укрыться на ее притоках; рыбная ловля и охота здесь были легче, и их не беспокоили белые, стремившиеся эксплуатировать и поработить аборигенов.

Время от времени эти дети природы вступают в деловые отношения со сборщиками сарсапареля или какао, но они не бывают продолжительными. Наступает момент, когда дикарь, поменяв свой каменный топор на нож или клинок, находит общество белого непереносимым и возвращается в лес. Большую трудность в распространении промышленной цивилизации среди местных жителей Южной Америки составляет отсутствие честолюбия. Индеец, у которого есть один нож, не сделает ничего, абсолютно ничего, чтобы иметь другой.

“Кануман” отправился из Пара 29 марта, нам потребовалось пятьдесят дней, чтобы пройти от устья Амазонки до предгорий Анд.

Не удивительно ли, что пароход заходит в глубь континента на расстояние двух тысяч трехсот тридцати шести миль, то есть около четырех тысяч трехсот двадцати шести километров? Пятьсот тридцать шесть миль отделяют Пару от Санту-Антониу в устье Исы. Еще бы четыреста километров — и мы бы попали из Атлантического океана в Тихий.

Я был рад немного отдохнуть, поскольку завершил тяжелую работу. Вынужденный выскакивать из гамака в пять тридцать утра, я каждый день проводил по двенадцать часов на палубе под жгучим экваториальным солнцем, постоянно занятый измерением углов, и рисовал малейшие неровности почвы. Апату помогал мне в этой работе; я показал ему большое дерево, очень известное на Исе, которое рукуйены и туземцы Верхней Амазонки называют «океима» (*Bombux seibo*). Отметив

¹ Жапура — левый приток Амазонки, начинающийся в Колумбии.

его положение по компасу, Апату следил за ним до момента, пока мы не пройдем мимо. Таким образом, я не мог ошибиться в точках отсчета. Он же приносил мне блюдо соленой пираруку и рис, составлявшие почти все мои ужины.

Имея отменное здоровье, я чувствовал в себе силы подняться по Исе не только до того места, где она становится непроходимой для пироги; я хотел вернуться по Жапуре, одному из самых больших и наименее известных притоков Верхней Амазонки.

Весь мой экипаж состоял из Апату и молодого индейца по имени Доминго, нанятого мною на Амазонке; нужно было еще несколько человек, чтобы преодолеть эту огромную реку, где природа и люди объединились против дерзких пришельцев, посягающих на их тайну. Мне удалось нанять метиса по имени Санта-Круж, которого сопровождали два еще диких сильных индейца с реки Сан-Мигель¹. В момент отплытия мне сообщили, что мой проводник разбойник, который только что убил англичанина на Напо. Представитель Компании Р. Рейеса, без сомнения опасаясь, что откроется их секрет использования хинного дерева, постарался воспрепятствовать моему переходу из верховий реки Иса. Он приказал своим агентам не давать мне лодок и людей. Но мы решились на переход, даже если бы нам пришлось стрелять в белых, которые показали себя более дикими, чем индейцы.

Апату сделал открытие: карихоны² называют огонь “тата” и воду “туна” точно так же, как жители Гвианы. Люди, имеющие поразительное внешнее сходство с рукуйенами, были в восторге, услышав, что мы говорим на их языке.

Я нанял двоих, согласившихся следовать за мною до водопада Араракуара; каждый получил тесак, топор и несколько метров ситца.

Четырнадцатого июня в полдень мы увидели, что река сузилась, и глухой шум предупредил нас о приближении к большому водопаду. Мы подошли к Араракуаре, назы-

¹ Речь идет об эквадорско-колумбийской реке, правом притоке Путумайо.

² К а р и х о н ы (правильнее — карихона) — народ южной группы карибов, проживающий в Бразилии.

ваемому так, потому что его берега из песчаника, как бы уставленные столбами, выточенными водой, служили пристанищем для длиннохвостых попугаев ара, которые отдыхали здесь, как на больших деревьях.

Аракуара не была простым ущельем. Этот узкий коридор заканчивался огромным водопадом высотой около тридцати метров.

Не найдя лодки у подножия водопада, мы вынуждены были погрузиться на плот, который построили из стволов очень легких деревьев, называемых “бальса”¹. Мы расположили стволы в два слоя; и сверху построили хижину, где разместили багаж и сами могли удобно укрываться.

Плот имел не прямоугольную, а трапециевидную форму, с меньшей стороной спереди, чтобы он легко рассекал воду. Для этого было достаточно поставить толстые концы стволов назад, немного их раздвинув, а тонкие концы плотно пригнать один к другому. Крепление, а это очень важная операция, было произведено при помощи гибкой и очень прочной лианы, которая в изобилии растет в здешних лесах. Мы попрощались с нашими проводниками, которым надо было только перейти гору, чтобы найти хорошую пирогу, а нас ждал спуск по реке на судне совершенно новом как для меня, так и для Апату. Вскоре ниже по течению мы увидели скалы; они образовали пороги и даже маленькие водопады, к которым мы подступились не без страха, но наш плот показал себя наилучшим образом; зарывшись сначала немного носом — достаточно, чтобы окатить нам ноги, но не намочить багаж, который располагался на решетке, — он выпрямился и помчался, не касаясь скал. Через три часа мы повстречали трех индейцев, которые согласились проводить нас в их деревню, расположенную на реке Арауа.

Карихоны называли этих индейцев китотосы, что значит “враги”.

Я допустил большую неосторожность, отправившись с Апату в пироге, которую мы вели на большом расстоянии

¹ Бальса — одно из самых легких деревьев; 1 дм³ бальсовой древесины весит 120 г; удельный вес бальсы равен 0,12, что в восемь раз меньше, чем у воды; название бальсового дерева (*Ochroma lagopus*) взято из испанского языка, где оно означает «плот», что определяет основную область использования этого дерева в прошлом.

от плота, где оставили наших спутников, но мы были вынуждены принять такое решение, поскольку у нас кончались продукты.

Однако эта прогулка показалась нам очень интересной: мы пополнили наши припасы, купили хорошую лодку, имели случай наблюдать за пиршеством каннибалов.

Некоторое время спустя мы прошли перед устьем большого притока, называемого Жари. Эта река не только имеет такое же название, как та, которую мы уже описали, рассказывая о Гвиане, но ее обитатели карихоны говорят на том же языке и имеют такие же обычаи, как рукуйены гвианской Жари.

Мы достигли маленькой деревни карихонов, устроившейся на левом берегу Жапуры, навигация по которой значительно более легкая, чем по всем остальным притокам нижнего течения Амазонки. У этой реки есть несколько своих крупных притоков, в частности — Опапори.

Плавание в нижнем течении очень утомительно; днем нас одолевали мухи, ночью комары, и почти постоянно — проливные дожди, из-за которых реки вышли из берегов. Мы с трудом находили места для ночевки, не затопленные водой.

Устье Жапуры образует огромную дельту, такую же сложную, как у Ориноко. Мы плыли среди низких болотистых островов, где несколько рыбаков построили хижины на сваях высотой три-четыре метра. Они ловили главным образом пираруку¹, которых сушили на солнце, и черепах.

Наш проводник показал нам очень интересные географические детали; это устье Ауати-Пиорини, которая ведет к Амазонке. Вода здесь черная и течение слабое; сначала мы подумали, что это водосброс Жапуры, но проводник показал нам, что вода идет из Амазонки.

Девятого июля в пять часов вечера мы достигли деревни Каикара на Амазонке.

¹ Пираруку, или арапайма (*Arapaima gigas*) — крупнейшая из речных рыб бассейна Амазонки; относится к отряду араванообразных; достигает четырех с половиной метров в длину и двухсот килограммов веса.

Нам потребовалось только сорок три дня, чтобы спуститься по этой большой реке от истоков до устья и сделать ее топографическую съемку, не пропустив ни одного участка».

Вернувшись во Францию после такого прекрасного, такого плодотворного на географические, антропологические, ботанические, геологические открытия путешествия, Крево остался здесь только на несколько месяцев. Уже популярный, снискавший себе добрую славу не только среди ученых, но и в обществе, которое его оценило, ученый хотел сделать еще больше. Он добился третьего поручения и отправился в путь 6 августа 1880 года со своим коллегой и другом Лежанном, матросом Франсуа Бурбаном и Апату, которого он привез с собой. Именно в этой поездке автор рассказа познакомился с ученым на «Лафайете», судне Трансатлантической компании.

Двадцать седьмого августа Крево со спутниками высадились в Барранкилье, в Колумбии.

«Моей первой задачей было, — пишет он, — обследование Гопеса, притока Ориноко. Зная, что эта река находится поблизости от Апуре, с которой я познакомился во время предыдущего путешествия, я решил подняться по Магдалене как можно дальше, сделать бросок до Апуре и оттуда, направляясь к северу, поискать истоки Гопеса.

Таким же образом я сумел отыскать Жапуру, идя от Исы. Я заранее предвидел, что путешествие по суше от Апуре к истокам Гопеса не будет длительным, поскольку в первом случае мне потребовалось только шесть часов хода.

Из-за того что всю экваториальную Америку покрывают огромные леса, дожди здесь обильнее, чем в любой другой части земного шара, реки текут почти соприкасаясь.

От порога Хонда река называется Верхняя Магдалена. По этому участку редко поднимаются на лодках; предпочитают восемь дней пути на спинах мулов месяцу плавания. Но представилось счастливое обстоятельство: только что пустили маленький пароход выше порога, чтобы попытаться наладить навигацию до Нейвы.

Узнав, что этот участок реки мало изучен, я счел полезным сделать его подробную трассировку. Нам потребовалось пятнадцать дней, чтобы проделать путь в сто

пятнадцать лье. Скорость парохода не превышала пяти-шести миль в час, мы могли двигаться только с прибылью воды и, когда вода уходила, каждый раз садились на мель. Чтобы преодолеть некоторые перекаты, приходилось оказывать помощь машине, заводя тросы на берег, и мы продвигались вперед, накручивая их на судовую лебедку.

Русло Верхней Магдалены отличается двумя особенностями, которые затрудняют навигацию. Оно то слишком широкое, и в этом случае глубина реки не превышает метра; то сужается, проходя по ущельям с отвесными песчаниковыми стенами; тогда вода глубока, но течение такое быстрое, что необходима скорость в восемь узлов, чтобы преодолеть его.

Наше плавание было бы очень скучным, если бы мы не были постоянно заняты. Лежанн описывал свои впечатления, делал эскизы, производил метеорологические наблюдения; Франсуа Бурбан увязывал наш багаж для перевозки по суше и изготавливал противомоскитные сетки; Апату, привычный к моим географическим работам, оставался целый день на палубе рядом со мной. Его помощь позволяла мне принимать пищу, не опасаясь сбить ориентировку компаса. Пока я ем классическое колумбийское санкочо¹, Апату глядит на дерево, которое я ему указал как ориентир, по которому я определял азимут². Когда мы выходили на траверс³ ориентира, он меня предупреждал; я брал другой угол и наспех заканчивал скромную трапезу...»

Животное, которое больше всего занимает путешественника на всем протяжении Магдалены, это кайман. Нет песчаного пляжа, на котором бы не лежали дюжины этих страшных тварей. Несколько пассажиров, не жалея свинца, посылали в них пули, скользившие по коже, как по броне корабля.

А дальше исследователь столкнулся с затруднением, связанным с поиском дальнейшего маршрута. Благодаря

¹ Санкочо — здесь: похлебка с мясом и овощами.

² Азимут — угол между плоскостью меридиана точки наблюдения и вертикальной плоскостью, проходящей через эту точку и наблюдаемый объект; отсчитывается от точки севера в направлении на восток.

³ Траверс — направление, перпендикулярное курсу корабля.

сведениям, полученным от хинейрос — сборщиков хинной коры, — Крево имел представление о многих реках, находившихся на небольшом расстоянии от Нейвы и направлявшихся, как казалось, на северо-восток. Эти реки, думал Крево, должны быть истоками одного притока Ориноко. В этой стране считают, что они образуют реку, называемую Гуаяберо, или Гуавьяре¹. К берегу подступают стеной вечнозеленые псидиумы², которые здесь встречаются в огромном количестве. Впрочем, никто не знает ни ее приблизительного объема, ни направления.

«Нам посоветовали, — продолжает Крево, — отправиться по этому пути, так как Гуаяберо, кажется, самая большая река после Апуре, уже исследованной нами, которая стекает с восточных склонов Анд».

Доктор Крево нанял мулов, чтобы перевезти багаж и людей в горы. «Я не буду распространяться, — вспоминает он, — о перипетиях путешествия в горах. Скажу только, что мои спутники, вынужденные оставаться в седле по десять часов в день в течение двух недель, должны были проявить недюжинную силу воли и энергию в этом испытании. Поскольку ни один из них не имел навыка в верховой езде, то выход отряда из Нейвы не был триумфальным. Простим местных жителей, которые во всеуслышание предрекали, что с такой командой мы далеко не уедем.

На четвертый день похода мы пришли в маленькую деревню Коломбия, которая служила складом для хины, собранной в этом районе. Лежанн совершил экскурсию в Пуэрта-дель-Сьело (то есть Врата Неба), где один из наших соотечественников, бежавший от Коммуны³ и живущий отшельником, выращивал хинное дерево на высоте 2000 м. Я разговорился с генералом Лусио Рестрепо, стоявшим во главе хинной компании. Он пришел в восторг, когда я ему рассказал, что прибыл сюда с намерением спуститься по Гуаяберо.

Четырнадцатого октября мы преодолели Восточную

¹ Гу а я б е р о — один из истоков Гуавьяре; начинается в Восточной Кордильере, в 40 км восточнее Нейвы.

² П с и д и у м — родовое название гуайявы (*Psidium guajava*), вечнозеленого дерева из семейства миртовых, достигающего 6 м в высоту; его ароматные кисло-сладкие сочные плоды используются в пищу.

³ Имеется в виду Парижская коммуна 1871 года.

Кордильеру на высоте 1970 м; я не видел ничего более величественного, чем бескрайний горизонт, который предстал перед нами. Что может быть приятнее для глаз, чем это огромное море зелени, которое лежало у наших ног!

Двадцать пятого ноября в полдень багаж погружен на плот, пирога привязана сзади. Мы приближаемся к торжественному моменту нашего путешествия; сердца трепещут, сейчас мы бросимся в эти воды, которые понесут нас через Американский континент.

Апату не хотел покинуть порт, не оставив память о нашем переходе. Я написал на дереве:

Четыре француза
Двадцать пятого октября 1880 года.

Все заняли места на плоту; мы отдали швартовы и вот отправляемся в неизвестность. Не имея возможности управлять нашим судном, мы пустили его плыть по течению. Сначала мы шли медленно, но после сотни метров река немного сузилась и образовалась стремнина; нас потащило с головокружительной скоростью, нечего было и думать о том, чтобы остановиться. Палатка, которая должна была укрывать нас от знойного солнца, зацепилась за ветки и была тотчас снесена. Вскоре несколько бревен, вырванных ударом о ствол дерева, уплыли по течению. Плот сильно накренился в мою сторону. Апату пытался остановиться, набрасывая веревку на ветку, но неудачно нас продолжало нести с еще большей скоростью. Нельзя было терять ни минуты, поскольку уже половина багажа плавала в воде; плот полностью расшатался, еще немного, и он рассыплется. Необходимо причалить любой ценой.

К счастью, река расширилась; течение было еще сильным, но воды менее глубокие. Апату прыгнул в воду и, напрягшись изо всех сил, остановил наше потрепанное судно.

Прошло всего двадцать минут, как мы покинули порт!

Пирога также была в плохом состоянии, поскольку была слишком истонченная огнем при строительстве. На дне у нее была трещина, и она набрала столько воды, что едва могла нести двоих. Ее останки были выброшены на пляж, и следовало немедленно подумать о строительстве

нового плота. Апату увидел на другом берегу те же деревья с легкими стволами, которые колумбийцы используют для строительства плотов на Магдалене.

Мы устроились на ночлег на мокром песке. Апату подвесил свой гамак к ветке над маленьким ручьем. Мы начали засыпать, когда он явился с гамаком в руках. Негр решил сменить квартиру, когда услышал плеск воды прямо под собой. Что это — выдра, кайман или змея боа? Темнота была такой глубокой, что Апату смог разглядеть только хвост, который с силой бил по воде. Соседство невиданного животного нас тоже не оставило спокойными. Тем не менее мы вытянулись на песке бок о бок. Но Лежанн и Апату, которые расположились по краям, держали ружья под рукой, готовые по тревоге немедленно взяться за них.

Ночь прошла, к счастью, без осложнений. Как обычно, мы встали днем; Франсуа разжег огонь, приготовил кофе, и вскоре мы принялись за работу.

Лежанн снимал кору с бальсы, чтобы сделать дерево еще легче. Апату и Франсуа разрезали стволы на нужную длину, пока я сушил багаж на каменистом пляже. Я обнаружил, что вчерашнее кораблекрушение нанесло нам значительный ущерб; один из хронометров намок и не замедлил остановиться; у Лежанна больше не было пальто; я погоревал об одной из моих фланелевых рубашек; Франсуа потерял брюки, а Апату — две пары прекрасных туфель, привезенных из Парижа; это было меньшее из наших несчастий, поскольку он умел обходиться без обуви. Наш шоколад пришел в негодность; рис, маис, немного сухарей, которые мы привезли, полностью размокли, но стоявшее в зените солнце не замедлило все это высушить. Главное, что все наши пятьсот патронов были в хорошем состоянии; мы хранили их в коробках из белой жести.

Днем мне пришлось оказывать помощь бедному Апату, который, утомившись в борьбе с водной стихией, нечаянно нанес себе удар тесаком, раскрыв ногу до кости, а у Франсуа лицо так распухло от укусов комаров, что он едва мог приоткрыть веки.

Но болеть было некогда; необходимо как можно скорее выбраться из этих прибрежных районов. В два часа мы отправились в путь. Новый плот, который был шире,

казалось, лучше перенесет плавание; к тому же мы его облегчили, сняв укрытие, предназначавшееся для того, чтобы можно было спрятаться от солнца.

Через некоторое время после отплытия Апату, стоявший спереди, был отброшен силой инерции, когда плот натолкнулся на препятствие, и упал в реку. Это было опасно для менее опытного пловца; но мы увидели, что он вынырнул сзади плота, ухватился за него и спокойно поднялся.

Вскоре нам пришлось остановиться, чтобы подождать Апату, который отправился в пироге разведать путь; эта мера предосторожности была необходима, так как река, усеянная множеством островов, образовывала пороги, а может быть, и водопады. На повороте, в момент когда мы еще видели спокойную реку, перед Апату уже бурлила пенящаяся вода.

Это были первые большие камни, перекрывающие ложе Рио-Лессепс. Апату прыгнул в пирогу, бросил швартов на дерево, и мы остановились в тот момент, когда нас бросило на препятствие.

Надо было разгрузить багаж и перенести его на расстояние двести метров, к месту, куда мы подведем плот, после того как переправимся, удерживая его на канатах. Эта утомительная операция длилась не менее трех часов.

Валуны, составляющие препятствие, были глыбами песчаника, скругленными водой, которые когда-то упали с очень крутого берега. Этот песчаник составлял только основание берега, он выступал из-под более чем десяти-метрового слоя глины, замечательной своими красными, как кровь, пятнами.

Наш плот расшатался, и, что пугало меня гораздо больше, Апату подхватил лихорадку, Франсуа на исходе сил, у Лежанна ноги и руки так распухли от укусов комаров, что он едва может пошевелить ими. За ночь, проведенную нами под проливным дождем, у меня начался приступ печеночной колики: это маленький сувенир от моих предыдущих путешествий. Мы утешались в наших бедах только надеждой достичь вскорости более приятных районов.

Апату отправился в лес за лианами, чтобы пришвартовать плот; Франсуа очень эффективно помогал ему в этой операции, так как, прослужив в качестве матроса первого

класса во французском морском флоте, он легче, чем кто-либо, умел приготовить прочные связки. В это время я делал топографическую съемку при помощи компаса, тщательно нанося на схему главные вершины Анд, от которых мы еще недалеко отошли; я определил также высоту солнца при помощи теодолита, а Лежанн занимался барометрическими и гипсометрическими измерениями, а также измерял температуру воздуха. Эти наблюдения очень тяжелые не столько из-за солнечных лучей, от которых мы могли укрыться только под деревьями, сколько из-за мошкар, донимавшей без передышки с шести часов утра до шести часов вечера. Наш лагерь находился непосредственно перед порогом, казавшимся нам очень сложным; в полдень мы погрузились, и наши страхи вскоре оправдались.

Плот швырнуло с такой силой о ствол дерева, что он разбил лодку, которая находилась сбоку. Это была большая потеря для нас, поскольку теперь мы лишились возможности разведать дорогу и переносить швартовы, чтобы останавливаться, теперь мы были полностью представлены капризам воды, которая могла сбросить нас в бездну.

Мы подумывали о строительстве новой лодки, но поблизости не было подходящих деревьев, и Апату, больному, обессиленному, понадобилось бы более восьми дней, чтобы выполнить эту работу.

За это время мы исчерпали бы большую часть нашего продовольствия, и нам грозила бы голодная смерть. К тому же нам всем не терпелось увидеть людей, будь они даже людоедами, как на Жапуре.

К часу пополудни река стала немного спокойнее; впервые у нас выдалась минутка передышки, чтобы закурить. Течение становилось все более ровным, нас не преследовала больше опасность налететь на заросли бамбука, нависавшие над рекой. Мы заснули в надежде, что с этого момента плавание будет спокойным. Апату, менее беспечный, чем я, опытным ухом различил шум переката в тишине ночи. Это ниже по течению по камням проносилась вода. Еще немного, плот понесло и с силой ударило о препятствие — полузатонувший ствол дерева; Апату, никогда не садившийся, вылетел вперед, и плот прошел над ним.

Он поспешил вернуться на свой пост и продолжал следить за всей этой неразберихой, чтобы по возможности уберечь нас от опасности. Я сидел сзади него, упершись о ящики, с тетрадью и компасом на коленях, и с трудом, из-за большой скорости движения, делал топографическую съемку реки. Вдруг я вижу огромный, наклонившийся поперек реки почти вровень с водой бамбук, но надеюсь, что Апату сейчас приподнимет его, чтобы пропустить под ним плот, но у того уже не хватает времени. Апату прыгает через дерево, а я просто не могу последовать за ним, и этот огромный и очень твердый ствол прижимает меня к ящикам; я чувствую, как он раздирает мне живот, грудь, подбородок, нос; тетрадка вырвана из рук; я выглядел так, будто бы меня пропустили через блюминги. Очевидно, я бы потерял сознание, если бы у меня не пошла носом кровь, что и привело меня в чувство. Бамбук не причинил вреда Лежанну, укрывшемуся за ящиками, но сбросил в воду Франсуа.

Чуть дальше в нескольких метрах от нас на берегу мы увидели капибар¹, которые не проявили ни малейшего удивления, видя, как мы проплывали мимо. Прошло уже много времени с тех пор, как мы последний раз ели мясо, поскольку были полностью во власти реки и не могли остановиться тогда, когда хотели. Лежанным выстрелом убил одного из этих животных.

Мы на мгновение остановили плот, чтобы Франсуа мог подобрать добычу. Едва Апату привязал канат, как течение, которое было чрезвычайно сильным, притопило плот и грозило разорвать лианы, на которых крепился швартов. Я не хотел уходить, пока Франсуа не присоединится к нам; но Апату, не видя Лежанна, подумал, что тот упал в воду; он отпустил швартовы и прыгнул на плот. И вот мы мчимся со скоростью около четырех миль в час, оставляя Франсуа среди непроходимого леса без оружия, даже без ножа. Через четверть часа течение немного ослабевает, и

¹ Капибара, или водосвинка (*Hydrochoerus capybara*) — млекопитающее из отряда грызунов, напоминающее по сложению и щетинистой шерсти свинью; обитает по берегам рек и озер; довольно неуклюжа на суше, но прекрасно плавает; питается водными растениями и корой молодых деревьев, наносит ущерб побегам сахарного тростника и плантациям других культурных растений.

Апату, прыгнув в воду, несет швартов на землю, и мы высаживаемся на каменистый берег. Прошел час, а Франсуа не подавал признаков жизни. Наконец мы увидели его выше, ощупывающего дно и пытающегося перейти реку.

— Несчастный, — крикнул ему Апату, — не переходи здесь, течение сильное, ты сейчас утонешь!

Мы заставили его спуститься ниже, чтобы поискать брод и перейти к нам, а сами ждали его под деревом, когда прибежала собака, дрожа и лая. Лежанн шлепнул ее по носу, чтобы заставить замолчать. Вскоре мы поняли, что ее напугало. Я, определяя высоту солнца, бросил взгляд на хронометр, потом поднял глаза и заметил ягуара, смотревшего на нас с беззаботностью домашней кошки. Я тихонько предупредил Лежанна, и мы подошли к нему поближе. Лежанн шел впереди с единственной пулей большого калибра в карабине; Апату следовал за ним с тесаком, а я, не имея ничего лучшего, вооружился большим камнем, который подобрал на берегу. Мы сделали шесть шагов; Лежанн выстрелил, и животное, осев, испустило дух. Я срезал у него когти и осмотрел шерсть и зубы. Нам попалось животное, которое рукуйены называли маракай. Без сомнения, отсюда название озера Маракайбо в Венесуэле.

Мы очень беспокоились за Франсуа. Апату посоветовал попробовать вместе с плотом перебраться на другой берег. На первом повороте реки мы увидели нашего товарища, пытающегося перейти ее по шею в воде. Проплывая мимо, Апату бросил ему канат с привязанным на конце камнем; камень улетел, канат остался. Тогда я схватил шест, бывший у меня под рукой, и протянул его Франсуа; тот схватился за него изо всех сил, и вот он на плоту. Спустя час мы пришли к устью большого правого притока, впадавшего под прямым углом. Его ширина равнялась примерно одной трети ширины основной реки. Очевидно, это была Унильо, истоки которой хинерос видят в предгорьях Анд рядом с верховьем Нейвы.

Четвертого ноября мы увидели каймана на пляже; Апату позвал его гортанным криком; животное плавало прямо под нами и, отойдя на пятнадцать метров, исчезло под водой. Апату, находившийся с моей стороны, приготовился дать хороший удар веслом по носу дураку, позволившему себе попасть в западню, но кайман не появлялся.

Мы искали его с моей стороны, когда он внезапно всплыл с широко открытой пастью прямо перед носом Лежанна и оцарапал ему лицо, захлопнув свои огромные челюсти, издавшие звук закрывшегося чемодана. Я посоветовал Апату не звать больше кайманов, оказавшихся более дерзкими, чем те, которых мы видели в наше предыдущее путешествие.

Девятого ноября мы прибыли ко входу в ущелье, в которое нас и снесло течением... Это ущелье было милостивым к путешественникам, которые очень нуждались в отдыхе, и мы остановились здесь на полдня...»

Потом они возобновили спуск и прошли перед устьем Арьяри, берущей свое начало в обширных прериях Сан-Хуана на восток от Боготы¹.

«Эта река, — отмечает Крево, — считается продолжением Гуавьяре и составляет только треть от главной реки. Но она очень интересна тем, что на ней нет порогов и, следовательно, можно переправлять продукты из восточных предгорий Анд, тогда как Гуаяберо или Рио-Лессепс абсолютно не пригодны для этого. Никто до нас не спускался по ней, и я думаю, что не найдется больше сумасшедших, чтобы пройти по нашим следам. Какое счастье остаться целыми и невредимыми; ведь месяцем раньше, то есть в сезон дождей, слишком высокие воды разбили бы нас о скалы, а месяцем позже во время засухи нам не хватило бы воды для плавания. Эта река впадает в ста пятидесяти лье от того места, где мы спустили на воду плот, и нам потребовалось семнадцать дней, чтобы пройти этот путь».

Через некоторое время Крево вместе с Лежанном и Апату спустились по течению Ориноко. Здесь их поджидала печальная весть: они узнали о смерти, несмотря на самую преданную заботу и квалифицированную помощь, Франсуа Бурбана, последовавшей от укула колючего ската.

Третьего марта 1881 года экспедиция пришла в устье Ориноко, и вскоре после этого Крево и Лежанн вернулись во Францию, а Апату отправился в Кайенну.

...Крево, вернувшийся на родину больным и измученным, казалось, решил положить конец, по крайней мере на

¹ В действительности Арьяри (приток Гуавьяре) начинается на Восточной Кордильере, к югу от Боготы.

время, своим исследованиям. Но этот неутомимый человек не мог долго оставаться на месте. Через несколько месяцев он снова погрузился на судно и отправился в Южную Америку с мыслью подняться по Паране и достичь притока Амазонки. Его сопровождал художник Рингель, лицензиат наук Билле и рулевые Ора и Дидело. Но по прибытии в Буэнос-Айрес доктор Себельо и Морино рассказали ему, какой интерес представляет исследование реки Пилькомайо, притока Парагвая, которая пересекает север Гран-Чако¹ и служит в некотором роде пограничной линией между Боливией и Аргентинской Республикой².

Тотчас Крево решил ее обследовать. Аргентинское правительство предоставило в его распоряжение двух матросов, а боливийское правительство взяло на себя расходы на мулов для переезда из Тарихи в Сан-Франсиско-де-Солано на реке Пилькомайо.

И теперь в нескольких словах, как эта экспедиция из двенадцати сильных, храбрых и хорошо вооруженных людей была перебита в самом начале.

За несколько дней до того, как Крево перешел границу Боливии, произошел инцидент, о котором рассказал Артур Туар и которому исследователь не придавал значения, совершив тем самым роковую ошибку. У коменданта Касы были украдены лошади, подозрения пали на индейцев племени тоба, и против них была устроена вылазка. У них убили десять человек и столько же взяли в плен, в том числе несколько детей. Тоба ожесточились и поклялись отомстить первым белым, которых они встретят. Крево знал это, но, не колеблясь ни секунды, отправился в путь, говоря:

— Если погибну, значит, так тому и быть! Но если не рисковать, то ничего не узнаешь.

Девятнадцатого числа в девять часов утра он отправился в Сан-Франсиско-де-Солано. 20-го экспедиция без инцидентов достигла Белья-Эсперансы, но тоба следовали

¹ Гран-Чако — равнина в Южной Америке; южная ее часть принадлежит Аргентине, северная является предметом спора между Боливией и Парагваем.

² Пилькомайо является пограничной рекой главным образом для Аргентины и Парагвая, тогда как аргентино-боливийская граница по этой реке тянется всего лишь на три десятка километров.

за маленьким отрядом по обеим берегам Пилькомайо. 22 числа Крево один провел ночь среди тоба, численность которых росла беспрерывно. 26-го их было уже более двух тысяч. 27-го экспедиция достигла песчаного пляжа, и индейцы предложили путешественникам рыбу и барана. Крево спустился первым с Билле, за которым последовал художник Рингель. Едва они сделали несколько шагов, как тут же на них набросилась толпа тоба и убила ударами «моканос» (палиц) и ножами. Молодой Себалос, опытный рулевой Ора и аргентинский матрос Бланко, которые находились в последней лодке, поспешили к месту событий. При виде опасности, которая им угрожала, они бросились в воду, чтобы достичь противоположного берега. Бланко и Ора ускользнули от индейцев. Молодой Себалос был схвачен одним тоба, который собрался его убить, когда его перехватил другой индеец и защитил. Себалос видел, как упали Крево, Рингель и Билле. Сразу же после страшного убийства индейцы захватили багаж, оружие, припасы исследователей, потом подожгли лодки и пустили на волю вод. Что касается жертв, то их разрезали на куски, и каждый из вождей отнес свою часть соплеменникам в качестве победного трофея. Их месть была удовлетворена. «Они, — свидетельствует А. Туар, — зарезали свои жертвы точно на том месте, где за несколько дней до этого жители Каизы перерезали их соплеменников».

Туар и есть тот храбрый француз, который на свои средства предпринял расследование обстоятельств гибели экспедиции Крево и привез, кроме печальных и достоверных подробностей, опубликованных в «Тур де монд», несколько предметов, принадлежащих героическому исследователю.

ГЛАВА 28

М. МОРИНО

Страшная смерть доктора Крево показала, что индейцы, которые часто охотно позволяют белым жить среди них, иногда нападают без видимых причин.

Чаще всего это месть и расправа над белыми, невиновными в насилии, совершенном другими белыми над индейцами.

Так произошло с топографической экспедицией Пас Сольдана¹, которой было поручено исследовать Жавари. Сопровождал экспедицию капитан корвета Хорес Пинто. На экспедицию, поднимающуюся по реке в лодке, неожиданно напали дикари из прибрежных племен, осыпав градом отравленных стрел. Хорес Пинто был убит вместе с другим членом экспедиции, а Пас Сольдан, раненный в ногу, вынужден был пойти на ампутацию.

Эти индейцы чинили возмездие, которое пало, как всегда, на невинных.

Морино, аргентинского ученого, пригласившего Крево обследовать Пилькомайо, чуть было не постигла та же участь, но, попав в плен, он по счастливой случайности смог бежать.

Морино исследовал тогда север Патагонии. Большой вождь, предупрежденный специальными гонцами о прибытии исследователя, принял его в парадном одеянии, восседая на лошади, бока которой были украшены серебром.

«Он произнес, — рассказывает Морино, — длинную речь и, трясая мою руку четверть часа, заверил через переводчика, что хочет быть моим другом и принимает, хотя и не любит, христиан. Вождь пригласил меня в свою палатку и угостил обильной порцией жареной конины. Тогда же я рассказал о мотивах моего визита.

Я слышал о его знатности, отваге и хотел лучше узнать, чтобы стать его другом; будучи также любознательным, я хотел собрать образцы растений и насекомых, а потом отправиться в Чили, чтобы оттуда вернуться на родину. Я подарил ему свой карабин (так как знал, что он все равно его отнимет), свою резиновую одежду, несколько теплых плащей, шляпу, бусы и серьги для его четырех жен.

Мой визит доставил ему удовольствие. Вождь сообщил, что со мной никогда не будут грубо обращаться на этой земле, но он не может позволить мне пройти в Чили, не зная, какие мысли таятся в глубине моего сердца, поскольку я могу солгать, как всегда делают белые, и разведать тропинки в горах, чтобы прийти с армией и напасть на них. Я поставил свою палатку рядом с его и на сле-

¹ Пас Сольдан. — Возможно, имеется в виду перуанский ученый Матео Пас Сольдан (1814 — 1876).

дующий день дал ему бутылку коньяка, а в ответ получил самые горячие заверения в нашей дружбе, после чего он добросовестно напился.

Жить белому у этих дикарей не сладко, — вспоминает Морино, — особенно в отношении питания. Обычно ему предлагают на деревянном блюде сырые легкие и почки, плавающие в еще теплой крови. Очень почетное блюдо состоит из требухи и рубца овцы или гуанако¹, всегда сырых. Вождь, — продолжает Морино, — желая сообщить своим воинам о моем прибытии и проектах, собрал большой совет в уединенной долине около реки Квем-Квем-Фрук, вдали от женщин, которые никогда не вмешиваются в дела мужчин. Пятьсот индейцев, присутствовавших на этом совете, все время демонстрировали боевые приемы, чтобы поразить иностранца ловкостью и смелостью.

Это был воинственный шабаш, длившийся около десяти часов. Совет старейшин, услышав о моей просьбе пройти в Чили, отклонил ее, сказав, что не доверяет белому; вождь Чакуайаль высказал свое мнение, что христианин вполне может иметь вместо человеческого сердце броненосца...

Кинчаола, который вел церемонию, заявил, что у меня четыре сердца, к тому же подозревал что-то плохое под моими очками. Мне удалось наглядно объяснить ему, что мы братья и, хотя у меня белый цвет кожи, я родился на той же земле».

Благодаря терпению и дипломатии исследователь смог продолжить свое путешествие и стал первым белым, который от океана прошел по берегам Рио-Негро² до ее истоков в Андах.

«...— Патагонцы, — рассказывает дальше Морино, — перестали пользоваться луками. Их оружие — это копье, булавы да несколько ружей, которые они смогли добыть в

¹ Гуанако (*Lama guanachus*) — животное рода лам семейства верблюдовых, распространенное вдоль горной цепи Анд. В результате интенсивной охоты гуанако был сильно истреблен и в наши дни сохранился лишь в малонаселенных горных районах.

² Рио-Негро образуется слиянием двух рек: текущего с севера Неукена и текущего с юга Лимая. В дальнейшем выясняется, что действие происходит именно на берегах Лимая.

Кармен¹ или Пунта-Аренас. Добрые и гостеприимные, они позволили себя измерить; и я могу сказать, что, хотя они не гиганты в полном смысле слова, это племя самого высокого роста из известных до сих пор.

В среднем их рост достигает 1,852 м, но женщины значительно ниже. Говорят, что название «патагонцы» дано им за очень большой размер ступней, это совсем неверно², их следует причислить скорее к числу народов, имеющих самые миниатюрные ноги. Они сами называют себя ахокнекенке, то есть «люди юга». Патаговец в своей кухне еще более нечистоплотен, чем араукан; паразиты водятся в изобилии; собаки, очень многочисленные, иногда оближают мясо, предназначенное для людей».

Теперь мы подходим к событию, которое чуть было трагически не завершило путешествие и которое было, что бы там ни говорили, ответом коренных жителей на захват группы индейцев-грабителей аргентинскими отрядами.

«Индейцы пришли от имени Чегуека и предложили мне написать письмо аргентинскому правительству, чтобы оно отпустило на свободу захваченных в плен индейцев. Я был не в том положении, чтобы сопротивляться, хорошо зная, что, избежав первой ловушки, мы неизбежно попадем во вторую, поскольку индейцы приняли все меры предосторожности, чтобы не позволить нам улизнуть.

Вынужденный отказаться от сопротивления, я решил пойти на хитрость, притворившись, что не знаю, какая судьба меня ждет; под предлогом, что мне необходимо послать моих спутников к большому начальнику, отправил троих из моих людей с коллекциями к Бови.

Я написал аргентинскому правительству, изменив на противоположное содержание, продиктованное мне вождем: то есть, что не следует отпускать никаких пленников, поскольку был уверен, что индейцы никогда не вернут мне свободу, а я надеюсь сбежать.

¹ Очевидно, речь идет о городе Кармен-де-Патагонес в низовьях Рио-Негро.

² Это и в самом деле неверно. Ф. Магеллан назвал этих индейцев «патагонцами» («людьми с огромными ногами») за неуклюжий вид их ног, обернутых большими пучками соломы в целях защиты от холода. Самоназвание патагонцев — ахокнекенке («люди юга»).

На следующий после отправления курьера день с Рио-Негро пришел индеец.

Он убежал из аргентинского лагеря, где уже погибли многие из его арестованных соплеменников, и сказал, что их все время убивают. Большой совет собрался в Квем-Квем-Трен. Там старые вожди одобрили поведение Чегуека относительно меня и решили занять все проходы, близкие к христианским постам...

...Боевыми приемами, сопровождавшими этот совет, индейцы демонстрировали готовность к битве, и не раз я видел в нескольких сантиметрах от моей груди острие копья в руках свирепого индейца; не один камень, пущенный из пращи, просвистел у моего уха. Вождь Нокучиек не хотел присутствовать на этом совете; у него были напряженные отношения с Чегуеком из-за высокой цены, которую тот запросил у него за смерть своего зятя, убитого в палатках Нокучиека. Однако он велел передать, что не понимает, почему пленников не убивают. Перед советом послали за колдунами, и, когда мы вернулись в Калькуфу, мы нашли там одного из них с помощниками. Колдун провел три дня в кустарнике, произнося свои заклинания.

На третий день он объявил, что знакомые духи принесли ему новость, что я написал в письме губернатору, чтобы тот не давал свободу индейцам, а убил их. Ненависть к христианам, естественно, выросла. Мачи сказал, что он считает мою смерть необходимой, поскольку многие индейцы уже погибли и бесполезно дожидаться возвращения остальных. Он приговорил меня к разрезанию живьем, чтобы предложить Богу мое сердце, как это делают сейчас с быком.

Чегуек воспротивился тому, чтобы жертва была принесена немедленно. Он считал, что следует дожидаться возвращения гонца. Они принесли в жертву быка и его внутренности. От меня, впрочем, скрыли причины, выдвинутые колдуном, и Чегуек соизволил объявить мне, что он не убьет меня сам, но не может противиться тому, чтобы другой великий вождь совершил жертвоприношение.

После молитв была большая оргия, во время которой мне непрерывно угрожали смертью.

Я занимал маленькую палатку вместе с солдатом, настоящим храбрым гаучо, а вокруг нас бесновались более сотни пьяных индейцев. Утрак и проводник принимали

участие в празднике. На следующий день опасность возросла; я решил спастись. У меня с собой был флакон гидрата хлорала от моих невралгий, и я влил его в ликер двум моим индейским стражам; тогда мы смогли отойти от лагеря, солдат и я. Проводник не пожелал присоединиться к нам, так как в этот момент колдун пел в нескольких метрах от моей палатки, и он считал, что тот сейчас догадается о нашем бегстве: итак, пришлось вернуться в палатку. На следующий день колдун ушел, для проводника больше не было препятствия. Мне удалось отвлечь на мгновение охранника, и в начале ночи, когда индейцы ели, мы убежали. Воспользовавшись темнотой, мы за три часа достигли берега Кольон-Кура, расположенного на расстоянии тысячи пятисот метров. За следующие три часа мы построили маленький плот из бревен и спустили его на воду. Наше путешествие длилось две ночи и семь дней среди порогов и почти затопленных островов, до момента, когда не стало больше сил, и, совершенно изможденные, мы покинули плот. Мы прошли еще около сорока километров по суше без обуви по камням, кактусам и кустарникам и достигли Неукена¹, где были хорошо приняты передовым постом аргентинских солдат, которые нас уже разыскивали.

В мае месяце я вернулся в Буэнос-Айрес, поскольку мое здоровье было сильно подорвано и я опасался тифоидной лихорадки».

Конец

¹ Неукен — город у слияния одноименной реки с рекой Лимай.

Буссенар Л.

Б 92 Приключения знаменитых первопроходцев. Америка.;
Пер. с фр. – М.: Ладомир, 1997. – 436 с.

ISBN 5-86218-334-5

ISBN 5-86218-022-8

Перевод крупнейшего произведения классика приключенческой литературы, в котором рассказывается о наиболее интересных эпизодах биографий известнейших завоевателей, путешественников, мореходов.

В данный том вошли приключения в Америке.

ЛУИ БУССЕНАР

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ.
АМЕРИКА**

Редактор

С. Н. Газарина

Технический редактор

О. С. Александрова

Корректор

Г. Н. Володина

Компьютерная верстка

А. В. Юшина

ЛР № 063160 от 14 декабря 1993 г.

Сдано в набор 08. 12. 97. Подписано к печати 06. 03. 98. Формат 84х108 1/32.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Печ. л. 14.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз. Зак. № 3455

ООО «ВРС»

Научно-издательский центр «Ладомир»

103617, Москва, К-617, корп. 1435

Отпечатано с оригинал-макета

в полиграфической фирме «Красный пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16

ISBN 586218334-5

**В состав собрания романов Л. Буссенара
вошли следующие произведения:**

СЕРИЯ 1

- т. 1.** Ледяной ад. Без гроша в кармане.
- т. 2.** Приключения в стране львов. Приключения в стране тигров. Приключения в стране бизонов. От Орлеана до Танжера.
- т. 3.** Десять миллионов Рыжего Опоссума. Французы на Северном полюсе. Ягуар-рыболов.
- т. 4.** Похитители бриллиантов. Части 1,2.
- т. 5.** Похитители бриллиантов. Часть 3. Канадские охотники.
- т. 6.** Необыкновенные приключения Синего человека. Части 1, 2.
- т. 7.** Необыкновенные приключения Синего человека. Часть 3. Гвианские робинзоны. Часть 1.
- т. 8.** Архипелаг чудовищ. Беглые узники гвианской каторги. Колония белых цапель. Виктория-регия. Барометр. Театр в Экваториальной Африке. У экватора. Семейство тигров. Протокол.
- т. 9.** Бенгальские душителы. Капитан Сорвиголова.
- т. 10.** Гвианские робинзоны. Части 2,3.

СЕРИЯ 2

- т. 1.** Из Парижа в Бразилию по суше.
- т. 2.** Адское ущелье. Сын парижанина. Закон возмездия. Первые эполеты.
- т. 3.** Тайны господина Синтеза.
- т. 4.** Кругосветное путешествие юного парижанина. Железная рука.
- т. 5.** Приключения парижанина в Океании. Изгнанник. Побег. Чайник раджи.
- т. 6.** Охотники за каучуком.
- т. 7.** Десять тысяч лет в ледяной глыбе. Борьба за жизнь. Подвиги санитарки.

- т. 8.** Остров в огне. Приключения маленького горбуна.
- т. 9.** Террор в Македонии. Том-укротитель.
- т. 10.** Жан Оторва с Малахова кургана. Под барабанный бой.

СЕРИЯ 3

- т. 1.** Секрет Жермены.
- т. 2.** Подвиги Бамбоша. Торпедоносцы адмирала Курбе.
- т. 3.** Бессребренник среди желтых дьяволов. Мексиканская невеста.
- т. 4.** Капитан Ртуть. Воздухоплаватели.
- т. 5.** Приключения знаменитых первопроходцев.
Кн. 1. Африка.
Кн. 2. Северный полюс. Океания.
- т. 6.** Приключения знаменитых первопроходцев.
Кн. 3. Америка.
Кн. 4. Азия.
- т. 7.** Новые приключения парижанина. Господин «Ничто».
- т. 8.** На охоте. Письма крестьянина.
- т. 9.** Банда поджигателей.
- т. 10.** (Дополнительный. Название будет объявлено позже.)

«Ладомир» готовит к выпуску:

Ф. БЛЮШ

Людовик XIV

В увлекательно написанной романизированной биографии, составленной ведущим современным французским историком Ф. Блюшем, подробно описывается жизнь Людовика XIV, прозванного Великим, с момента его рождения и до кончины. Со страниц книги перед читателем предстает колоритная фигура самого знаменитого в христианском мире тех времен короля во всех его человеческих проявлениях, покровителя литературы и искусства, ценителя красивых женщин и государственного реформатора. Блюш блестяще описал жизнь французского двора, мастерски изобразил страсти, интриги, победы и поражения, которыми жило окружение Короля-Солнце. Книга читается на одном дыхании.

АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ

Аргонавтика

СЕРИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

В книге рассказывается о полном необычных приключений походе на корабле «Арго» 55 греческих богатырей-мореходов под предводительством Ясона в царство царя колхов Эета, чтобы вернуть в Элладу чудесное золотое руно.

«Ладомир» готовит к выпуску:

КОРАН

Второе (первое — 1995 г.) исправленное и существенно дополненное издание нового смыслового перевода Корана, осуществленного известным востоковедом, профессором М.-Н. О. Османовым на основе глубокого изучения Священного писания мусульман с привлечением наиболее авторитетных мусульманских комментариев и других источников.

Перевод публикуется параллельно с оригинальным арабским текстом. В приложениях приводятся обстоятельные комментарии и не издававшиеся ранее на русском языке причины ниспосланий аятов, без которых смысл многих из аятов остается неясным.

Во втором издании учтены критические замечания и пожелания, высказанные представителями крупнейших мусульманских общин России, теологами и научными работниками.

Перевод М.-Н. О. Османова считается на сегодняшний день наиболее удачным.

Издание выполнено как высокохудожественное, адресовано как верующим, так и всем, кто хочет ознакомиться с подлинным текстом и понять истинный смысл главной книги ислама.

Любые книги «Ладомира» можно заказать
наложенным платежом по адресу:

103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ «Ладомир»

Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт

«Ладомир» готовит к выпуску:

Серия «Неизвестный Фенимор Купер»

В 20-ти томах

Серию составят современные переводы мало-известных российскому читателю романов:

«Долина Виш-тон-Виш», «Гейденмауэр, или Бенедиктинцы», «Палач, или Аббатство виноградарей», «Домой», «Дóма», «Два адмирала», «Блуждающий огонь», «Вайандотте, или Хижина на холме», «На суше и на море», «Майлс Уоллингфорд», «Сатанстоу», «Землемер», «Краснокожие», «Кратер, или Вершина вулкана», «Джек Тайер», «Дубовая роща, или Охотник за пчелами», «Морские львы, или Кораблекрушение охотников за тю-ленями». В собрание войдут также обширная «История морского флота США», очерки и публицистические произведения.

М. НАКАЯМА

Лучшее карате

В 11-ти книгах

Международный спортивный бестселлер, изданный в 33 странах, в котором подробно описаны и детально проиллюстрированы основные принципы и приемы каратэ, методы достижения совершенства. М. Накаяма (черный пояс 9-й дан), автор этого базового учебника — профессор, шеф-инструктор Японской ассоциации каратэ (1955 — 1987), соратник основателя современного каратэ Г. Фунакоши.

«Ладомир» готовит к выпуску:

Д. ОБОЛЕНСКИЙ

Византийское содружество народов.

Шесть византийских портретов

Димитрий Оболенский — крупный ученый-историк, византист, пристально занимающийся проблемами стран византийского круга, влияния Византии на славянские народы, на их культуру и развитие. Взаимопроникновение культур народов этого региона в Средние века капитально исследовано автором в одном из его основных трудов под названием «Византийское содружество народов». Книга «Шесть византийских портретов» носит несколько более популярный характер, она написана проф. Оболенским на основе прочитанных им лекций и представляет интерес для самого широкого круга читателей. На примере судеб шести значительных фигур, сыгравших большую роль в становлении христианской культуры славянских народов, автор знакомит читателя с целым комплексом проблем периода упадка и заката Византийской империи. Через деятельность Климента Охридского, Феофилакта Охридского, Владимира Мономаха, Саввы Сербского, митрополита Киприана и Максима Грека высвечиваются целые пласты истории Руси, Болгарии, Сербии, Македонии и сопредельных им стран. Изложенные в доступной форме и просто хорошо, с литературной точки зрения, биографии снабжены в то же время огромным библиографическим материалом.

«Ладомир» готовит к выпуску:

А. РАДКЛИФ

Итальянец

СЕРИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Первое на русском языке научное издание одного из лучших романов Анны Радклиф (1764 – 1823) – английской писательницы, с именем которой собственно и связывается расцвет «готического» романа. Радклиф мастерски создавала атмосферу «ужасного» и «таинственного», подчиняя ей сюжет и даже пейзаж; непременными персонажами романов писательницы являются, помимо молодых героев, злая тетка-интриганка, мрачный злодей, разбойники и монахи, а основными мотивами – необычные путешествия, загадки рождения, неожиданное наследство, а также целая серия тайн (таинственные звуки, вещие сны, предзнаменования и прорч.).

К. ИШЕРВУД

Рамакришна и его ученики

Кристофер Ишервуд (1904 – 1986) завоевал литературную известность в тридцатые годы романами о Берлине, о падении Веймарской республики и становлении нацизма. По одному из его романов в 1966 году был поставлен мюзикл «Кабаре», послуживший впоследствии основой для знаменитого фильма. Начиная с 1939 года Ишервуд поселяется в Калифорнии и изучает веданту под руководством Свами Прабхавананды, последователем которого становится. Он пишет в эти годы ряд книг, переводит вместе с Прабхаванандой «Бхагавадгиту». Позднее он опишет годы пребывания в ашраме в книге под названием «Мой гуру и его ученик». В книге «Рамакришна и его ученики» рассказывается о жизни и учении легендарного индийского философа-мистика.

«Ладомир» готовит к выпуску:

Т. ДЕ КВИНСИ

Исповедь англичанина, любителя опиума

СЕРИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Опиум, пришедший с таинственного и притягательного Востока, был окружен в XIX веке ореолом чудодейственного зелья. В медицине он использовался в качестве единственного тогда эффективного болеутоляющего средства, а в литературе служил способом мотивации всевозможных «чудес». Де Квинси эту легендарность одновременно разрушил и упрочил, потому что, пожалуй, со времен «Робинзона Крузо» не было в английской литературе произведения с оттенком необычайности, которому бы столь послушно доверялись читатели. «Исповедь» (1822) начинается воспоминаниями о юности де Квинси. Он рассказывает о бегстве из школы, о скитальческой жизни в Уэльсе и Лондоне. Нужда и лишения, расшатав здоровье автора и подорвав его душевные силы, способствовали, по его мнению, началу его болезни – опиомании. Затем воспоминания оттесняются наркотическими видениями и сами порою приобретают фантастический оттенок. «Дитя, видевшее ад», – так охарактеризовал де Квинси Т. Карлейль, познакомившийся с ним в его преклонных годах и поразившийся его физической миниатюрности, хрупкости в сочетании с размахом ума, силой духа. «Исповедь» оказала влияние на Э. По, Ш. Бодлера, Ж. К. Гюисманса, русских декадентов. В «Приложении» будет опубликован этюд де Квинси «Убийство, как один из видов изящных искусств».

«Ладомир» готовит к выпуску:

А. П. КАМЕНСКИЙ

Мой гарем

СЕРИЯ «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Трагически погибший в сталинском концлагере беллетрист А. П. Каменский (1876 — 1941) приобрел в начале XX века громкую славу как проповедник полной свободы и естественности человеческих и, в частности, сексуальных отношений.

В сборник включен его знаменитый роман-бестселлер «Люди» (1910), герои которого проделывают над собой рискованные эксперименты, проверяя в парадоксальных ситуациях разные облики любви, похоти и страсти. В циклах его рассказов, включающих скандально нашумевших «Леду» и «Четырех», легкий юмор, фриivolность сочетаются с проповедью разрушения устаревшей «мещанской» морали, воспеванием свободного чувства и красоты человеческого тела. Легкая, изящная проза Каменского не ищет ответов на трагические «мировые вопросы», для нее величайшая мировая ценность — любовь не требующая каких-либо моральных, социальных или прочих обоснований.

«Ладомир» готовит к выпуску:

АРИСТОФАН

Комедии

СЕРИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Комедии издаются в классических переводах Адриана Пиотровского (1898—1938). Тексты переводов заново сверены и унифицированы в соответствии с оригиналом. К переводу сохранившихся комедий прилагается выполненный М. Л. Гаспаровым специально для настоящего издания перевод многочисленных фрагментов из недошедших пьес, а также впервые переведенные В. Н. Ярхо античные свидетельства о жизни и творчестве Аристофана.

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

VII—III вв. до н. э.

СЕРИЯ «АНТИЧНАЯ КЛАССИКА»

Настоящее издание заполняет пробел, существующий в представлении широкого круга читателей о древнеэллинской поэзии. В двухтомник входят соответственно представители трех поэтических жанров в их развитии за пять столетий: послегомеровский эпос во всех его разновидностях от Гесиода до Риана, элегия и ямб от Архилоха до Каллимаха, мелика от Алкмана до гимнов III в. и анонимных земледельческих и застольных песен. Впервые специально переведена значительная часть текстов, включая новейшие папирусные открытия. Собранию текстов предшествует большая вступительная статья В. Ярхо и сопутствуют обстоятельные комментарии.

«Ладомир» готовит к выпуску:

А. Я. МАР

Женщина на кресте

СЕРИЯ «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Анна Мар (1887 — 1917) — одна из наиболее скандально знаменитых русских беллетристок начала XX в., известная своей экстравагантной жизнью, многочисленными возлюбленными и наделавшим много шума самоубийством. В ее нервной, эротически-утонченной прозе описаны взлеты и падения любовного чувства, необычные страсти, быт аристократической богемы и тайны католических исповедален. Современному читателю впервые удастся познакомиться с полным, без цензурных изъятий текстом ее романа «Женщина на кресте» (1916) — женским вариантом романа Захер-Мазоха «Венера в мехах». Повести «Невозможное», «Идущие мимо» раскроют красоту полнокровной любви женщины нового XX в.

Т. МОР

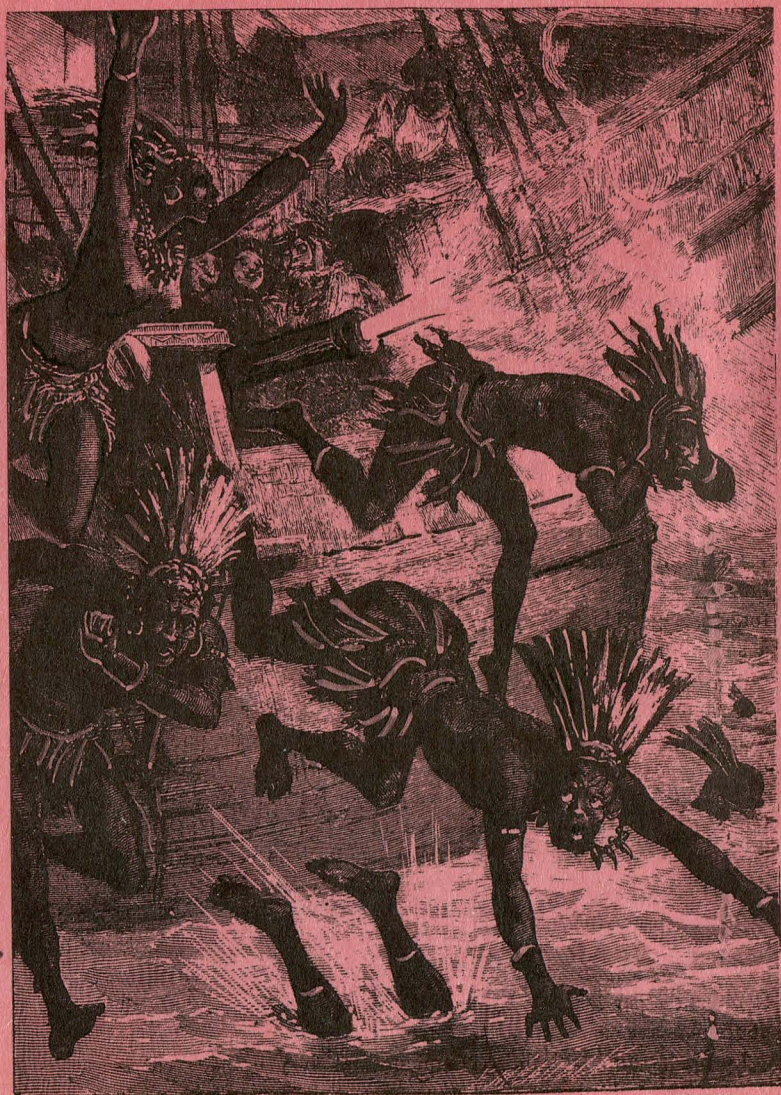
Эпиграммы. История Ричарда III. Утопия

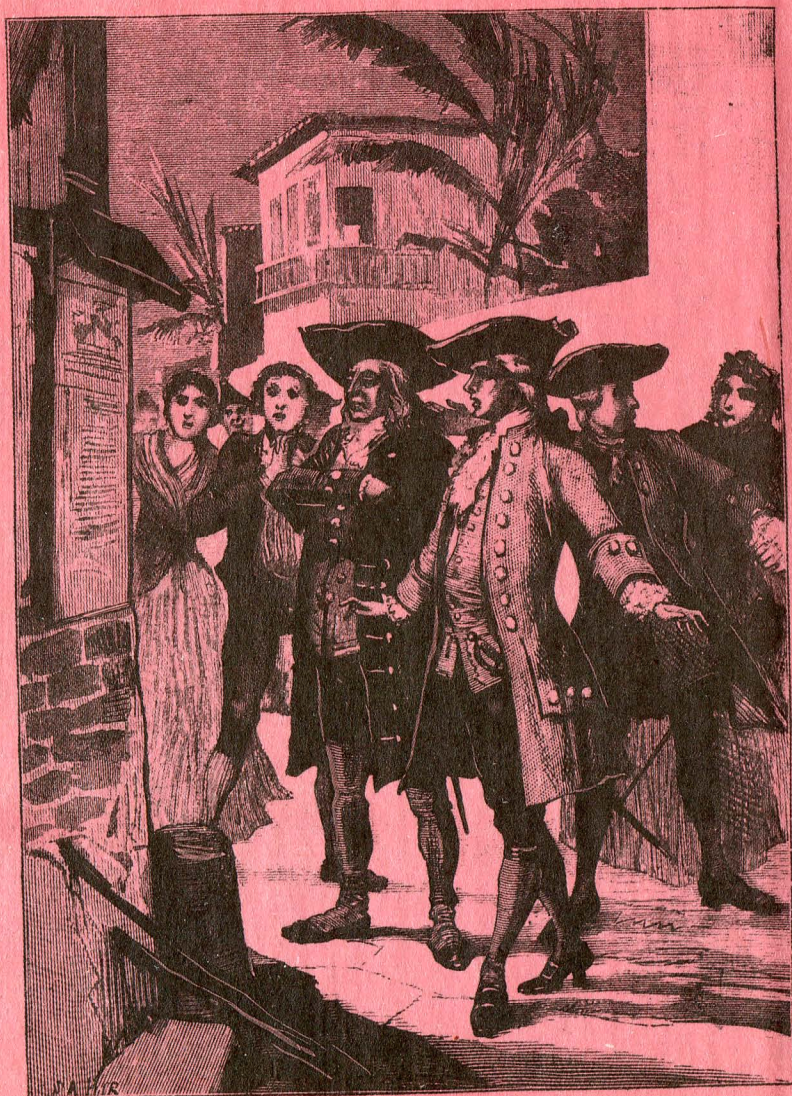
СЕРИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

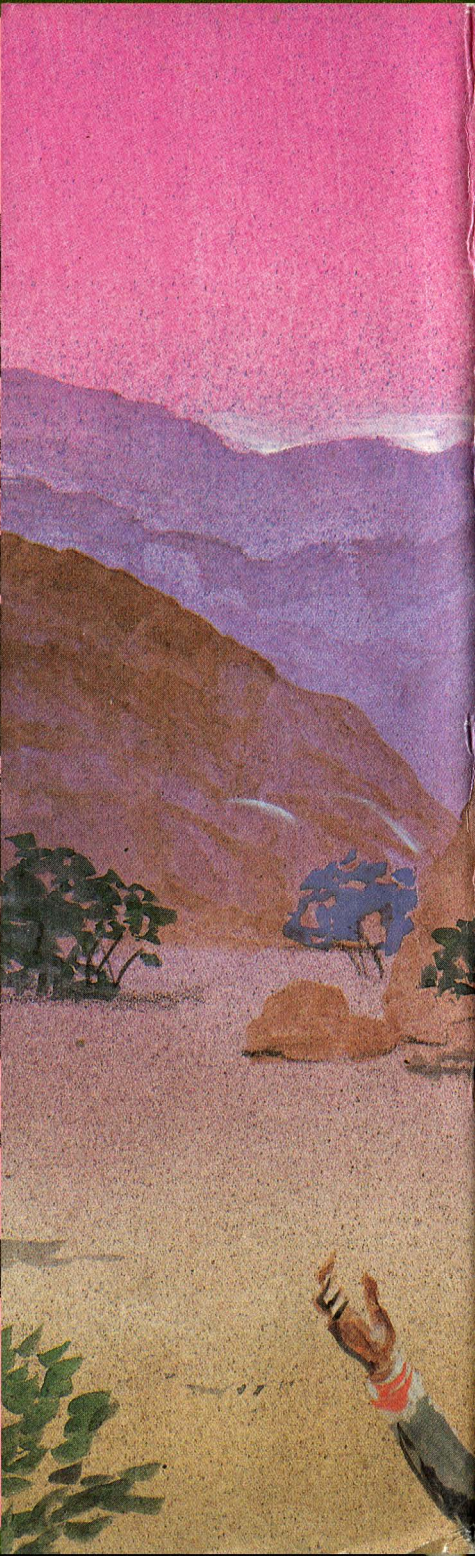
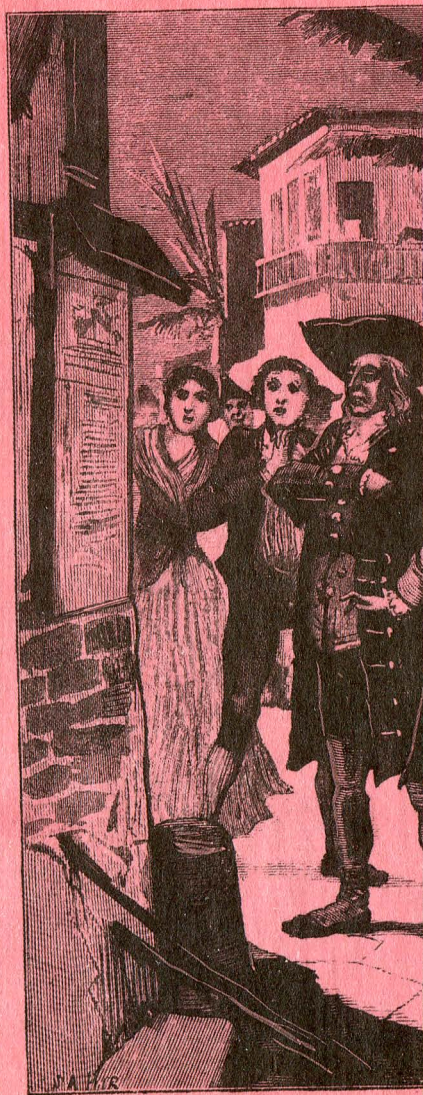
В сборник вошли все основные произведения Томаса Мора (1478—1535) — выдающегося писателя-гуманиста, мыслителя, юриста, политика, богослова и лорда-канцлера Английского королевства.

Второе, дополненное и исправленное издание.

**Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)**

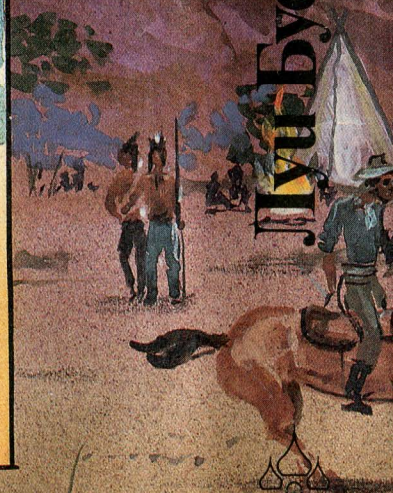
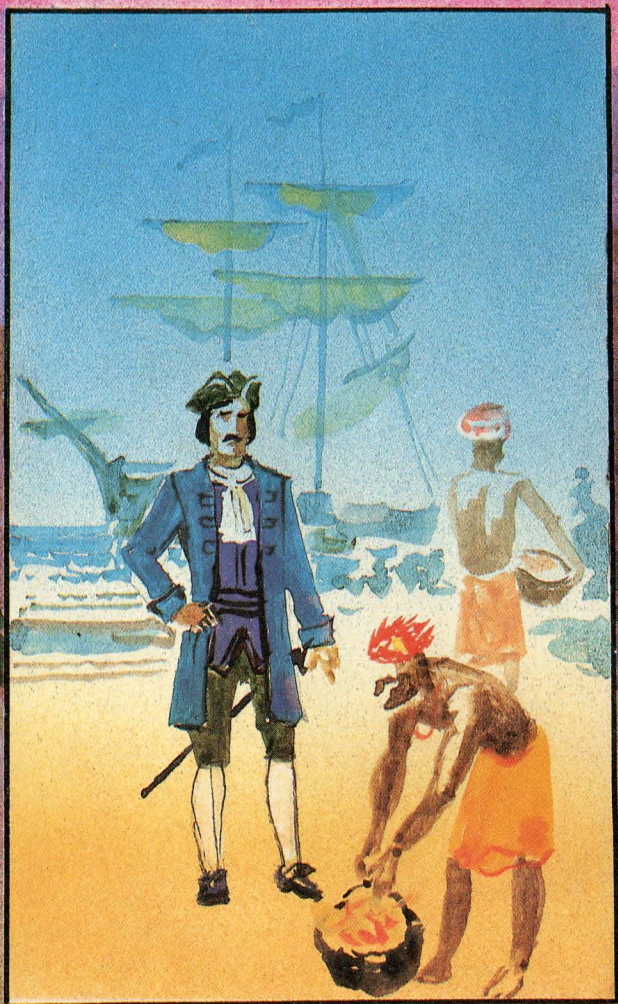

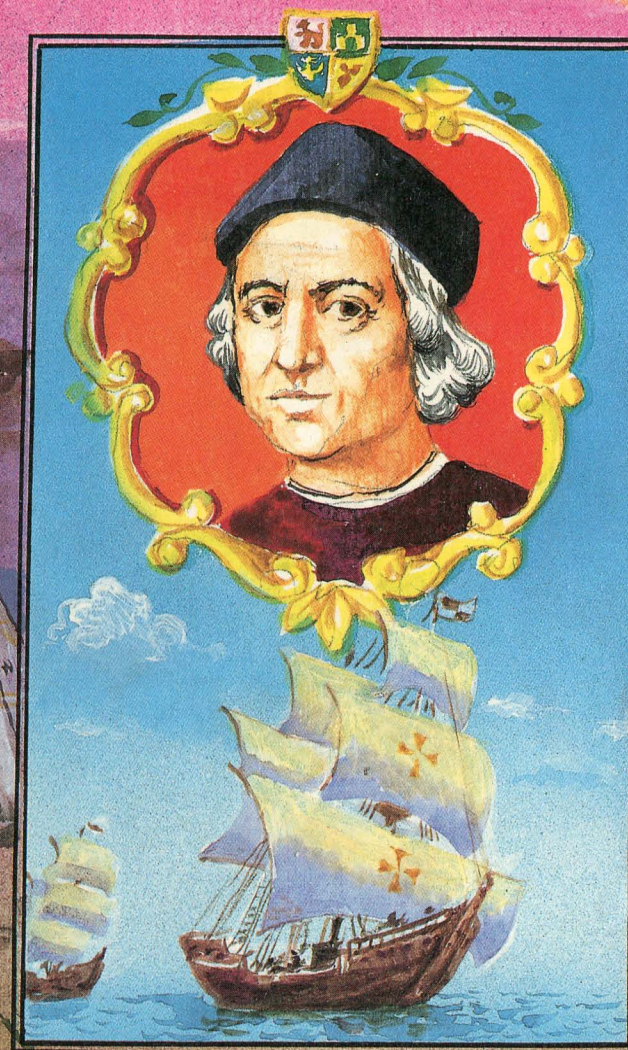
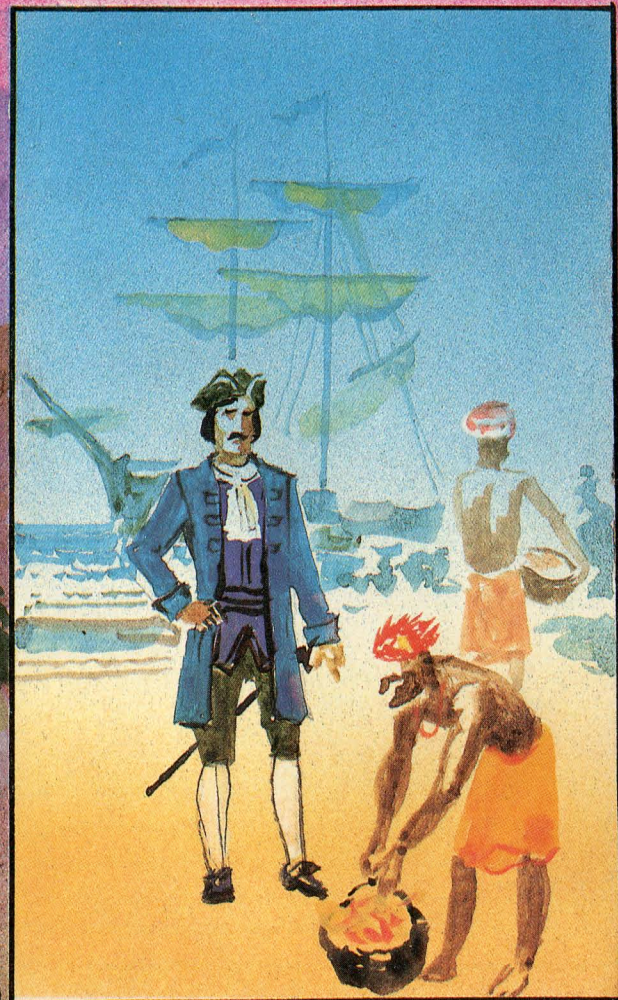
Луи Буссенар

Джон Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

